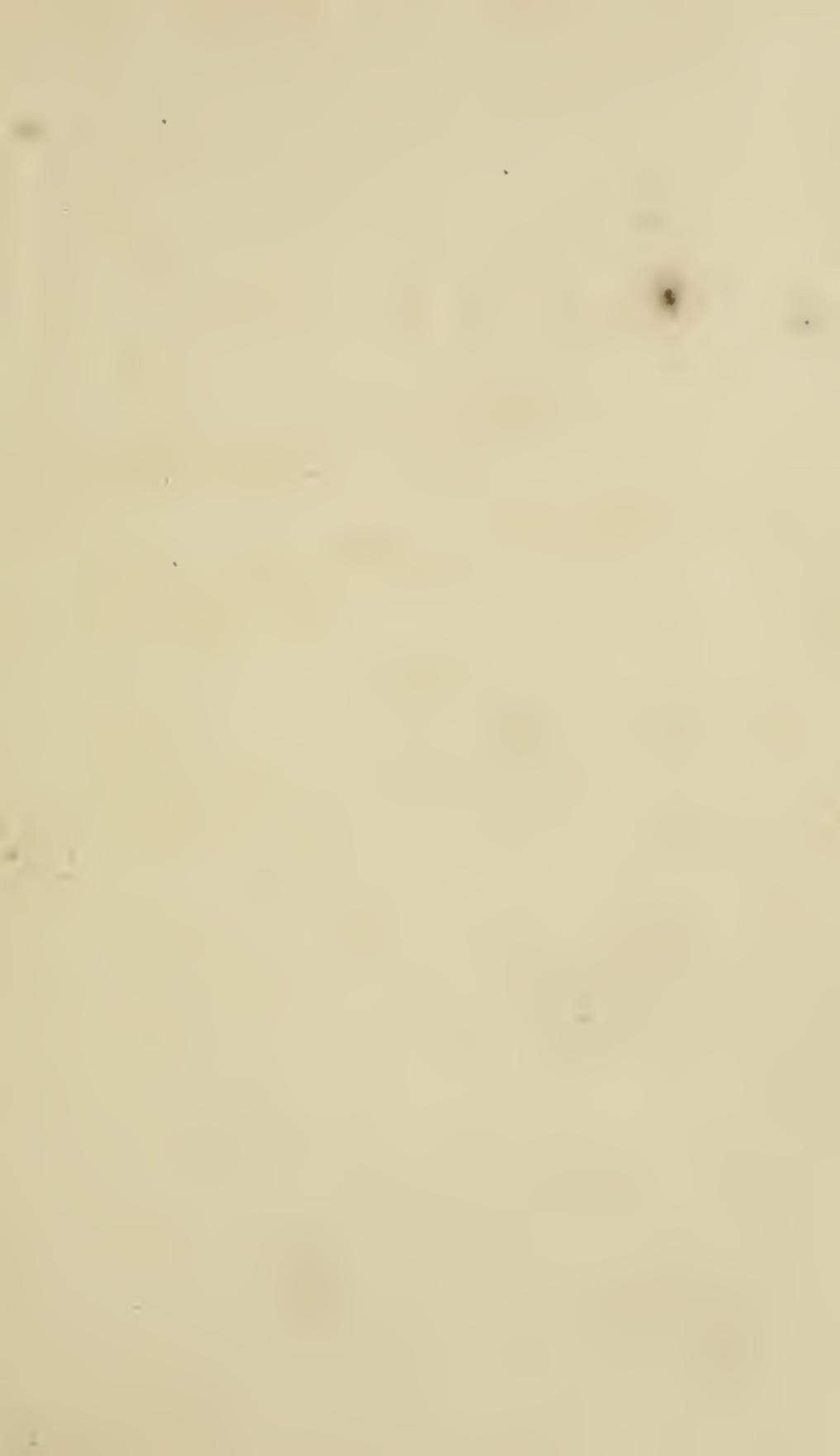

UNIVERSITY OF TORONTO

A standard linear barcode is located in the top left corner of the white sticker.

3 1761 01554321 8

ШАХНОВСКІЙ
—
ЧЕЛТАЯ
ТУЧА

Shakhnovsky, I.

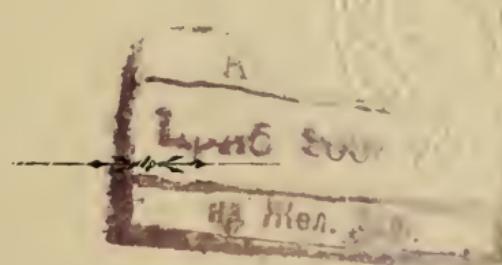
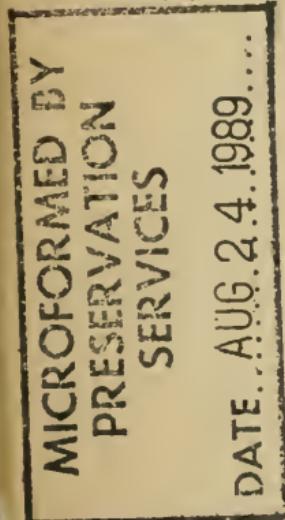
Н. К. Шахновский.

Ж е л т а я Zheltaia tuchka

С т у ч а

(12 мѣсяцѣвъ войны съ Японіей).

ДНЕВНИКЪ КОРРЕСПОНДЕНТА.

495551
11. 8. 49

Издание Д. П. Ефимова.

Москва, Моховая, домъ гр. Бенкендорфъ.
1905.

Типографія А. Н. Поплавського. Лялинъ пер., соб. дому.

Вмѣсто предисловія.

Легенда о „голой истины“.

«Голая истина»—это нагая красота, яркая и ослѣпляющая; такою, по крайней мѣрѣ, она представлялась пылкому воображенію молодого рыцаря.

— Ахъ,—какъ-то разсуждалъ рыцарь,—всѣ утверждаютъ, что истина, голая истина, отличается поразительной, ослѣпляющей красотой, но кто видѣлъ ея соблазнительныя формы, кто ласкалъ ее, чистую и не-порочную?!

И пылкое сердце рыцаря загорѣлось безумнымъ желаніемъ отыскать «голую истину».

— Я найду ее, хотя бы она скрывалась въ чащѣ дѣственныхъ лѣсовъ, или на вершинахъ неиступныхъ скалъ, или въ пучинѣ морской.

И рыцарь, одѣвъ свои доспѣхи, отправился въ далекій путь на поиски «голой истины».

— Я найду ее и расскажу о ней друзьямъ,—беззвучно шептали его губы

Пошелъ рыцарь къ воинамъ, стоявшимъ на границѣ его страны.

— Куда держиши путь, славный рыцарь?—обратились къ нему воины.

— Друзья, — съ глубокою грустью отвѣчалъ рыцарь, — я странствую съ цѣлью отыскать красавицу, отличающуюся ослѣпительною красотой... Ни одинъ взоръ не въ состояніи видѣть ея красоты...

— Кто же эта поразительная красавица, рыцарь?
Ея имя?

— Она зовется «голая истина».

— «Голая истина»... Ха-ха-ха... О, хо-хо-хо... — Долго смеялись воины и, наконец, успокоившись, обратились к странствующему рыцарю съ слѣдующими странными рѣчами:

— Другъ! Мы стоимъ на этой границѣ и всегда встрѣчали всѣхъ путешественниковъ. Ни одна красавица, тѣмъ болѣе отличающаяся ослѣпительною красотой, и притомъ нагая, ха-ха-ха, не миновала насть. Оставь мечту свою, примкни къ намъ и познаешь истину: мечъ булатный, вино искрометное, женищины, не одна, а всѣ, сколько ихъ есть,—вотъ гдѣ истина.

Рыцарь глубоко вздохнулъ и, не взглянувъ на воиновъ, побрелъ своею дорогой.

Встрѣчаетъ рыцарь на пути монастырь. Отшелыники живутъ за крѣпкими стѣнами и скрываются отъ взоровъ людскихъ, чтобы избѣжать соблазна.

Они съ радушiemъ приняли странствующаго рыцаря, но на вопросъ: не встрѣчалъ ли кто изъ старцевъ «голой истины» — ослѣпительно яркой, нагой красавицы, монахи сокрушенno покачали сѣдыми головами и отвѣтили:

— Истину въ видѣ обнаженной соблазнительной красавицы мы не видали: мы всю жизнь проводимъ въ уединеніи... Однако, полагаемъ, такая истина есть плодъ большой фантазіи развращеннаго человѣчества. Истину ты обрѣтешь у насть, въ нашей тихой обители, подъ сѣнью храма, въ окружающей его дубравѣ, гдѣ и листья немолчно славятъ Бога... Вотъ какова истина.

Рыцарь, глубоко вздохнувъ, произнесъ:

— Я увижу ее, мою мечту, «голую истину», и разскажу о ней своимъ друзьямъ, да что друзьямъ, я повѣдаю всему свѣту о ея дивной красотѣ.

И рыцарь побрелъ далѣе.

Много встрѣчалъ онъ лицъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, у всѣхъ онъ допытывался, гдѣ

находится убѣжище «голой истины». Иные, скрупленно вздыхая, покачивали головами, очевидно считая рыцаря человѣкомъ съ не совсѣмъ здравымъ умомъ, иные отсылали его на дно глубокаго колодца, гдѣ она будто-бы скрывается отъ взоровъ людскихъ, иные, хохоча, говорили:—«иѣтъ, мы не видали «голой истины» въ видѣ обнаженной красавицы... Да и иѣтъ ея на свѣтѣ. Это твоя фантазія, бѣдный, рехнувшійся рыцарь».

Но бѣднякъ никого не слушалъ и вновь отправлялся на поиски. Такъ добрель онъ до острова, погоросшаго лѣсомъ. Вода голубая, подобно выси небесной, и прозрачная, какъ воздухъ, отражала въ своей глубинѣ дивный хрустальный замокъ, построенный на берегу озера. Рыцарь въ иѣмомъ восторгѣ замеръ, и его пылкое воображеніе рѣшило, что этотъ замокъ и есть убѣжище «голой истины».

— О, если въ этомъ восхитительномъ замкѣ я не найду моей красавицы, стало быть, ея искать нечего... Стало быть, ея не существуетъ.

Въ то время, какъ рыцарь произнесъ послѣднєе слово, его горящіе лихорадочнымъ блескомъ глаза увидѣли старуху. Казалось, всѣ вѣка промчались надъ этой старой каргою. Ея лицо высохло и кожа была желтѣе старинной хартіи. Носъ длинный, загнутый крючкомъ, а глаза зіяли въ глубокихъ впадинахъ, черныхъ и мрачныхъ.

— Старуха! Ты прожила всѣ вѣка. Передъ твоими очами промчалась безконечность... Ты все видѣла и знаешь, гдѣ находится убѣжище «голой истины».

Старуха, опершись на свою суковатую клюку, вперила взоръ свой въ блѣдное лицо рыцаря. Ея глаза странно мерцали въ своихъ глубокихъ впадинахъ. Невозможно было опредѣлить, смѣются они или плачутъ.

— Ты ищешь истины, рыцарь,—беззвучно прошептали ея высохшія губы. Казалось, не она произнесла эти слова, а злобный вѣтеръ пустыни принесъ ихъ изъ пространства. — Голая истина—это я, — зловѣще

прошептала старуха, стукнувъ о сухую землю клюкою.—Гляди, если хочешь.

— О, старая! Что-же я повѣдаю своимъ друзьямъ, всему миру? Я имъ всегда представлялъ голую истину не иначе, какъ въ образѣ обнаженной красавицы, ослѣпительно яркой... О! что я имъ скажу?

Старуха впилась въ рыцаря своими зіявшими, какъ дѣ пропасти, впадинами и произнесла:

— А ты солги...

И старуха исчезла.

Итакъ, приступаю къ изложенію событий на такъ называемъ «театрѣ войны» не съ цѣлью розыскать несуществующую красавицу - «голую истину» и не съ цѣлью «сограть», по совѣту старой карги, но съ единственнымъ желаніемъ представить читателю протекшія за 12 мѣсяцевъ кровавыя события въ томъ видѣ, какъ я ихъ видѣлъ и понялъ.

На бѣднаго, святого и великаго «сѣраго молчальника-страстотерпца» русскаго солдата навели столько хулы и клеветы, что я желалъ-бы одного, чтобы прочитавшій мои очерки повѣрилъ моей искренности и правдивости живого свидѣтеля, пробывшаго на войнѣ ровно 12 мѣсяцевъ.

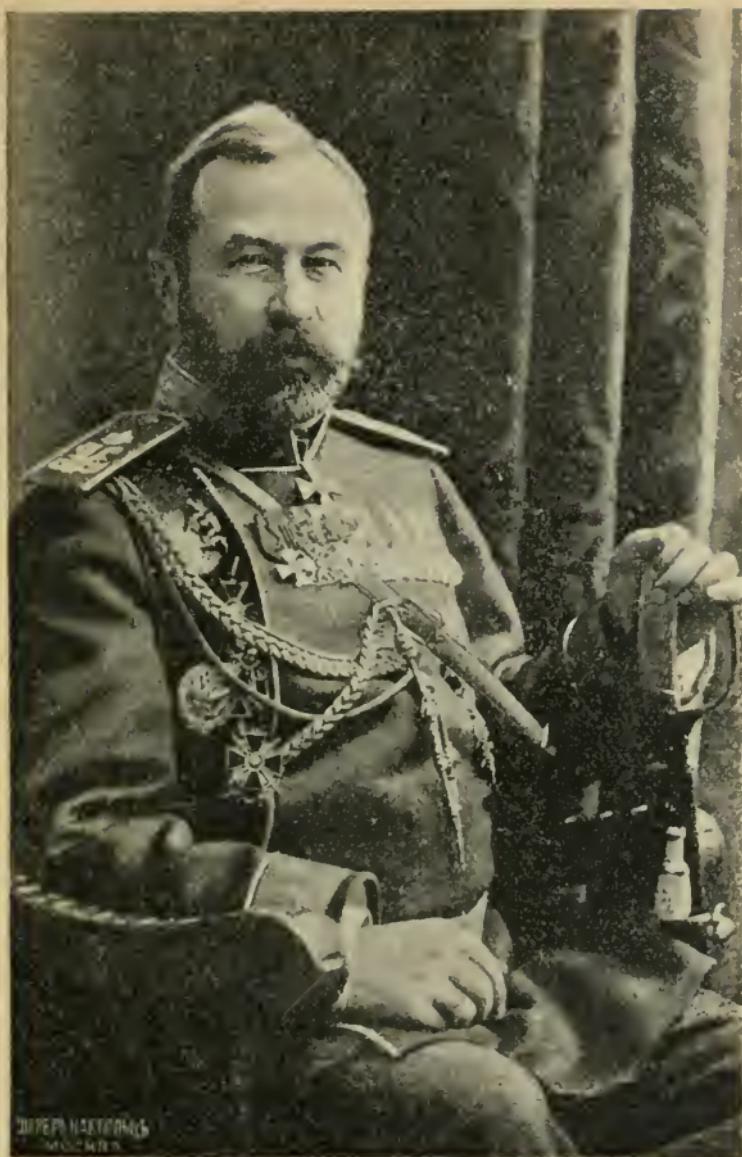
Авторъ.

Н. П. Линевич

Генералъ отъ инфanterіи Н. П. Линевичъ.

Главнокомандующій.

Генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ.

Командующий 1-й арміей.

Генералъ отъ кавалеріи баронъ А. А. Каульбарсъ.
Командующій 2-ї арміей.

Генералъ Батъяновъ.

Командуюцій 3-ї арміей.

Русско-китайская школа въ Харбинѣ.

7 марта 1904 г.

Минуя путевые наброски, не представляющіе интереса для читателей, я начинаю воспоминанія съ первыхъ шаговъ на театръ военныхъ дѣйствій, или вѣрнѣе въ глубокомъ тылу его, въ Харбинѣ. Первая моя встрѣча съ подполковникомъ пограничной стражи А. Д. Хитрово, личностью въ высокой степени оригиналной, по своимъ убѣжденіямъ.

Горячій сторонникъ русско-китайского сближенія, онъ обратилъ мое вниманіе на русско-китайскую школу, учрежденную китайскимъ «политическихъ дѣлъ мастеромъ», генераломъ ДжАО-Мянъ, и руководимую безусловно образцовой учительницей, г-жей Хитрово.

Въ началѣ военныхъ дѣйствій—это было 1-го марта 1904 года,—о желтой тучѣ навѣянной блестящимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ, никто серьезно не помышлялъ, да едва-ли и теперь кто-либо вполнѣ понимаетъ эту угрозу цивилизованному миру. Поэтому неудивительно, если и авторъ настоящей книги, подпавъ подъ вліяніе убѣжденаго китаефила, представилъ читателю статью о школѣ въ томъ видѣ, какъ она появилась на газетномъ столбцѣ, но, повторяю, истина, голая истина, иногда оказывается столь неуловимой, что лучше имѣть достаточно мужества сознаться въ невольной ошибкѣ.

Итакъ, представляю читателю всѣ происходившія передъ моими глазами события со дня пріѣзда въ Манжурію въ такомъ видѣ, въ какомъ я понималъ ихъ.

Русско-китайская школа находится при Харбинскомъ или Хейлудзянскомъ бюро для «дипломатическихъ сношеній». Исторія ея возникновенія слѣдующая: жена штабъ-офицера для порученій при начальнику заамурскаго округа, г-жа А. П. Хитрово, изъ расположения къ представителямъ мѣстнаго китайскаго общества, охотно давала уроки русскаго языка ихъ дѣтямъ. Результаты получались поразительные. Въ баснословно короткій срокъ молодой китайченокъ настолько овладѣвалъ рѣчью, что его можно было понимать; онъ читалъ бѣгло и осмысленно, а писалъ почти каллиграфически.

Генералъ Джao-Мянъ, случайно ознакомившись съ результатами успѣховъ учениковъ г-жи Хитрово, рѣшилъ, что недурно было бы устроить школу. Опять-таки чуть-ли не съ феерической быстротой (въ одинъ мѣсяцъ) выросъ прекрасный домъ, на европейскій ладъ, въ которомъ и открыли образцовую школу, состоящую изъ образцово устроенной классной, столовой, двухъ комнатахъ для учительницы (г-жи Хитрово), «рекреационаго» зала и кухни. Гимнастика устроена во дворѣ и «общежитіе» на 40 человѣкъ въ отдельномъ зданіи, также выросшемъ съ феерической быстротой.

Такимъ образомъ, кустарная дѣятельность насадительницы русской грамоты среди китайцевъ приняла болѣе опредѣленный характеръ.

Я пріѣхалъ въ школу къ началу уроковъ и видѣлъ съ какой любовью и радостью встрѣтили ученики свою учительницу.

— Здравствуйте, здравствуйте! — сыпалось изъ устъ болѣе двухъ десятковъ «китаезовъ», какъ

ихъ здѣсь называютъ, и каждый стремился по-
жать руку своей просвѣтительницы.

Затѣмъ начался урокъ, на которомъ я полу-
чилъ разрѣшеніе присутствовать. Долженъ со-
знатъся, я былъ пораженъ и восхищенъ. Школа
открылась всего въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 года,
при чёмъ въ праздникъ новаго года (китайскаго)
въ теченіе мѣсяца уроковъ не было; кромѣ того,
г-жа Хитрово не могла заниматься съ учениками
по болѣзни въ теченіе еще двухъ недѣль, такъ
что учебныхъ дней было всего 40, и вотъ въ та-
кой незначительный промежутокъ времени двад-
цать учениковъ школы « вполнѣ овладѣли чте-
ніемъ и письмомъ». Всѣ читали сознательно и
прекрасно писали. Нѣкоторые недурно овладѣли
склоненіями. Метода преподаванія г-жи Хитрово
поразительно проста. Ничего подобнаго я себѣ
представить не могъ-бы, если-бы даже обладалъ
самымъ пылкимъ воображеніемъ.

Четырнадцатилѣтній китаецъ, вызванный къ
доскѣ, пишетъ мѣломъ и на словѣ, гдѣ въ концѣ
требуется звукъ ъ, обращается къ учительницѣ
на чисто русскомъ языкѣ, лаконически:

— ъ или е?

Пишутъ всѣ қаллиграфически, точь въ точь
какъ въ прописи.

Поразительно, что учительница, г-жа Хитрово,
не знаетъ китайскаго языка, и помощникомъ слу-
жить ей ея-же ученикъ, Тандинъ, или Чарльзъ,
какъ его почему-то называютъ. Онъ въ $1\frac{1}{2}$ года
настолько овладѣлъ русскою рѣчью, что даже
употребляетъ литературные обороты. Когда
ученикъ читаетъ по русски отрывокъ изъ книги
и переводить на свой родной языкъ, Тандинъ
или Чарльзъ внимательно вслушивается и при
малѣйшей неточности останавливаетъ ученика.
Читаетъ онъ дальше, когда усвоитъ непонятое.

Правила школы очень строгія. Напримѣръ, за
Желтая туча.

шалость, послѣ третьяго замѣчанія, ученикъ возраста старше 16 лѣтъ исключается изъ училища, болѣе молодымъ — дѣлаютъ + выговора, послѣ которыхъ слѣдуетъ изгнаніе. На мой вопросъ, почему такая строгость, мнѣ отвѣтили:

— Пускай хорошо учится, желающихъ такое множество, что нѣтъ необходимости терпѣть нерадивыхъ.

Намъ покажется курьезнымъ, что ученики старше 17 лѣтъ — всѣ женаты (9 человѣкъ). Нѣкоторые, едва поженившись, бросили женъ дома и отправились учиться на два-три года.

Кромѣ русскаго языка, преподается и китайская премудрость, конечно, китайскимъ учителемъ, и классное время распределено слѣдующимъ образомъ: послѣ завтрака, съ $8\frac{1}{2}$, часовъ утра до 1 дня — уроки русской грамоты, отъ 1 до 2 часовъ — обѣдъ, съ 2 часовъ занятія китайскимъ языкомъ продолжаются до 8 вечера съ перерывомъ на $\frac{1}{2}$, часа въ 6 часовъ.

Желая убѣдиться въ успѣхахъ учащихся, я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми, задавая имъ общепотребительные вопросы, и получалъ вполнѣ толковые отвѣты.

Русско-китайской школѣ нельзя не придать огромнаго значенія. Два-три десятка учениковъ расползутся по своимъ норамъ и разнесутъ добрую молву о русскихъ, въ которыхъ они встрѣтили столько любви и вниманія.

Вообще задача насажденія добрыхъ русско-китайскихъ отношеній выполняется господиномъ и г-жею Хитрово съ такой заботливостью и такимъ тактомъ, которые, право, выше всякой похвалы.

Въ настоящій моментъ, готовясь выпустить въ свѣтъ настоящую книгу, я не могу сказать, чтобы я продолжалъ считать отношенія китайцевъ

къ русскимъ «въ достаточной мѣрѣ искренними»...

Кто виноватъ, судить не берусь. Предоставляю этотъ трудъ болѣе старательнымъ историкамъ.

Русско-китайскій судъ.

9 марта 1904 г.

На томъ-же дворѣ того-же бюро для «дипломатическихъ сношений» учрежденъ русско-китайскій судъ, состоящій изъ представителей китайскаго и русскаго правительствъ.

Предсѣдатель суда, генералъ ДжАО-Мянъ, пригласилъ меня присутствовать на одномъ изъ его засѣданій, представляющемъ несомнѣнныи интересъ, какъ съ точки зрѣнія казуистической, такъ и бытовой.

Въ мѣстности, носящей название пристани, за рѣкой Сунгари, на обширномъ пространствѣ раскинулись помѣщенія дипломатическаго бюро. Здѣсь имѣется вполнѣ комфортабельно обставленный домъ для пріема европейцевъ, окруженный множествомъ строеній китайскаго и русскаго типа.

По одну сторону генеральской резиденціи раскинута обширная веранда. Подъ ея черепичной крышей, окрашенной въ свѣтлозеленый цвѣтъ, стоитъ на высокомъ пьедесталѣ красивая будочка съ аккуратно выточенными колонками, затѣйливо раскрашенными. Это «ковчегъ». Въ немъ хранятся «таблички» предковъ, чтимыхъ китайцами какъ святыни.

По другую сторону дома—широкія ворота, открываемые лишь для прохождения почетныхъ посѣтителей; эти почетные врата украшены атрибутами власти: большой желѣзный трезубецъ, бамбукъ и китайскіе гіероглифы на красныхъ дощечкахъ.

Перпендикулярно къ этимъ воротамъ расположень длинный каменный сарай. Гдѣ-то, здѣсь-же, вблизи,—временное помѣщеніе для приводимыхъ арестантовъ и караула.

«Залъ судебныхъ засѣданій» находится въ каменномъ сараѣ, предоставляемомъ въ распоряженіе Єемиды въ минуту необходимости произвести «судъ и расправу». Въ глубинѣ саarya сооруженъ простой бѣлый столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ чернымъ бордюромъ. Подъ столомъ разостланъ коверь. На столѣ атрибуты власти: трезубецъ и вазочки, въ которыхъ находятся узенькія дощечки съ вырѣзанными въ видѣ пламени концами. На этихъ дощечкахъ китайскими гіероглифами надписывается имя арестанта и выдается солдату для привода послѣдняго изъ-подъ караула. У стола экзекуціонная скамья, изъ-подъ которой краснорѣчиво выглядываетъ орудіе наказанія, длинная бамбуковая палка. Засѣданіе суда происходитъ въ присутствіи самого генерала, его помощника, мандарина 2-й степ., имѣющаго голубой шарикъ на шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, подполковника Хитрово и представителя Восточно-Китайской желѣзной дороги. Судили двухъ китайцевъ, обвиняемыхъ въ принадлежности къ шайкѣ хунхузовъ. Ихъ ввели въ залъ засѣданія вмѣстѣ съ свидѣтелемъ, закованымъ въ желѣзныя кандалы. Видъ несчастныхъ прямо удручающій: измощденные, исхудалые, они скорѣе походили на живыхъ скелетовъ. Всѣ трое стали передъ судомъ на колѣни, нагнувъ головы.

Изъ разбора дѣла выяснилось, что свидѣтель

«донесъ» по злобѣ на двухъ китайцевъ объ ихъ принадлежности къ хунхузамъ. Въ дѣйствительности это были мирные китайскіе манзы (крестьяне), служившіе у одного изъ начальниковъ участка Кит.-Восточной желѣзной дороги.

Они явились въ судъ незакованными, потому что предварительное слѣдствіе выяснило ихъ полную невиновность, а по китайскимъ законамъ лже-свидѣтель безъ промедленія обращается въ обвиняемаго, заковывается въ кандалы и ввергается въ ужасную китайскую тюрьму до выясненія обстоятельствъ дѣла, т.-е. если доносъ произведенъ вслѣдствіе полученныхъ ложныхъ свѣдѣній отъ постороннихъ лицъ, то наказаніе ограничивается нѣсколькими ударами бамбука, тутъ-же, при судьяхъ, въ самомъ залѣ засѣданія. Буде-же выяснится, что свидѣтель имѣлъ противъ обвиняемыхъ злобу и свѣдѣнія представляютъ плодъ его собственной фантазіи, въ наказаніе опредѣляется *смертная казнь*, или вѣрнѣе — то наказаніе, которое полагалось бы виновному, если-бъ обвиненіе, на немъ тяготѣющее, подтвердилося. Необходимо имѣть въ виду, что въ китайскомъ судѣ окончательный приговоръ можетъ быть опредѣленъ лишь послѣ сознанія обвиняемаго, не взирая на ясность и очевидную правдивость свидѣтельскихъ показаній и даже вещественныхъ доказательствъ.

Разумѣется, обвиняемый, борясь за свою участъ, отвергаетъ свою вину и, чтобы вынудить у него сознаніе, его подвергаютъ мучительнымъ пыткамъ.

На мое замѣчаніе, что пытка можетъ кончиться смертью подсудимаго, мнѣ отвѣчали:

— Хорошій китайскій чиновникъ въ правѣ употреблять всѣ средства для приведенія обвиняемаго къ сознанію, однако, съ условіемъ, чтобы подсудимый остался живъ. У хорошаго

мандарина обвиняемый подъ самыми мучительными пытками умереть не «имѣеть права»...

И не умираютъ.

Засѣданіе продолжалось часа два. Хунхузы были оправданы, а свидѣтеля въ кандалахъ отправили въ тюрьму.

Незамѣтные герои.

11 марта 1904 г.

Манджурія представляется столичному жителю страной враждебной, готовой при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ причинить вредъ нашимъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ.

Такъ полагалъ и вашъ покорный слуга, отправляясь въ эту окраину, гдѣ, казалось, всѣ засыпаютъ убаюканные «грохотомъ» орудій, гдѣ всѣ задыхаются въ пороховомъ дыму.

Когда я глубокой ночью подъѣхалъ къ станціи «Манджурія», я не безъ нѣкоторой тревогигляделся въ темные силуэты крыши, зловѣще высматривавшихъ по ту сторону станціонныхъ строеній.

Это—китайскія фанзы, догадывался я и ждалъ, что вотъ-вотъ выбѣжитъ изъ-за угла толстый рослый китаецъ съ раскосыми глазами и произведетъ «насиліе»...

— Здѣсь дня не проходитъ безъ убийства,— сказалъ кто-то.—Здѣсь человѣческая жизнь грона ломанаго не стоитъ...

На ряду съ этимъ «китаѣзы» смѣло подходили къ пассажирамъ, хватали багажъ и таскали его въ другой «манджурскій» поѣздъ, получивъ

30—40 кон., умильно улыбались и ласково произносили:

— Шанго, капитана... Шанго...—А некоторые даже произносили что-то похожее на «пасьбо» (спасибо).

Когда ранним утромъ тронулся поѣздъ, я нерѣдко выглядывалъ въ окна, всматриваясь въ бесконечную степь, еще тогда покрытую снѣжнымъ покровомъ. Я ждалъ крушения, нападенія хунхузовъ, непріятельскихъ наемниковъ, авансомъ получившихъ свои серебренники за причиненіе русскимъ вреда.

Но поѣздъ равнодушно мчался впередъ, спокойно минуя степи, горы, рѣки, ручьи и мосты.

Пріѣхавъ въ Мукденъ и попавъ въ незнакомую оригинальную обстановку, я вновь съ тревогой всматривался въ лица снующихъ взадъ и впередъ китайцевъ. Проходя по бесконечной улицѣ, между двумя рядами лавокъ, мнѣ казалось, что китайцы враждебно настроены, и я даже читалъ на ихъ желтыхъ лицахъ готовность «вспыхнуть», «возмутиться». Между тѣмъ поѣзда съ шумомъ и грохотомъ подходили къ станціи и отходили, рабочие китайцы мирно работали у вокзала, и если-бы не цѣпь сторожевыхъ постовъ, казалось—ничто не нарушаетъ мирной обстановки.

Вѣзжаю въ Харбинъ. Замѣчаю въ выросшемъ съ чисто американской быстротой городѣ большое оживленіе, прохожденіе войскъ, пѣсни, на площадяхъ тактическія ученія, на базарахъ—торгъ, и вновь получается впечатлѣніе мирнаго преуспѣянія города, нарушающее лишь алчностью, увы! русскихъ торгаши...

Далѣе различные слухи то вновь возбуждаютъ мою тревогу, павѣвая зловѣщіе кошмары, то успокаиваютъ меня... То отдаленнымъ эхомъ приходитъ изъ Портъ-Артура вѣсть о новой и новой бомбардировкѣ, о какихъ-то таинственныхъ дви-

женіяхъ генерала Ма съ арміей, а жизнь течеть по своему руслу, по ъезда, переполненные войсками, безъ суеты приходятъ и отходятъ и все идетъ, какъ говорится, безъ приключений, возможныхъ и въ «самое мирное» время.

Порою задаю я себѣ вопросъ: хорошо-то хорошо, а продовольствіе, а деньги, про которыхъ Бисмаркъ еще, подобно древней пиѳіи, изрекалъ: для войны необходимы, «во-первыхъ», деньги, «во-вторыхъ», — деньги, «въ-третьихъ», — деньги?..

И продовольствіе закупается спокойно, безъ суеты, безъ «рыскотни», свозится китайцами безъ малайшаго понуждения. Имъ платятъ наличными, скапаютъ китайскіе тяжеловѣтные неуклюжіе ланы, но китайцы-продавцы, добродушно улыбаясь, отрицательно качаютъ головами и просятъ наши русскія бумажки. Бумажныя деньги китайцы принимаютъ охотнѣе сребра и злата!.. И это, дорогие читатели далекой отчизны, не «реклама», а фактъ, который мнѣ приходится видѣть каждый день собственными глазами.

И невольно приходитъ мнѣ въ голову, кто эти незамѣтные труженики, незамѣтные герои, ведущіе безъ приключений по ъезда, подготовляющіе успѣхъ нашему оружію, поднятому лишь для «защиты чести»?.. Такой вопросъ неизбѣженъ, когда на мѣстѣ видишь адскую работу, не покладая рукъ, почти безъ сна и отдыха, лицъ, обслуживающихъ «манжурку», какъ здѣсь называютъ Китайско-Восточную дорогу.

Проѣхавъ отъ Харбина до Куанченды и внимательно взглядѣвшись въ пространство по обѣ стороны полотна дороги, увидѣвъ подъ мостами на еще покрытой льдомъ поверхности рѣки часовыхъ съ ружьями, я понялъ, гдѣ искать отвѣтъ на мой вопросъ. Надо видѣть, съ какимъ тщаниемъ охраняется дорога чинами пограничной стражи, и тогда все станетъ яснымъ, какъ день.

Не только полотно не спускается съ «глазъ», все пространство на 30 верстъ по обѣ стороны дороги находится въ «полѣ зрѣнія» конныхъ разъѣздовъ подъ начальствомъ офицеровъ. «Ни сна, ни отдыха», зри и бди, забудь о себѣ и помни обо всѣхъ!.. И ни стона, ни звука жалобы на тягость службы; всѣ несутъ ее съ рвениемъ, трогательнымъ до глубины души, до слезъ... Всѣ, отъ послѣдняго желѣзнодорожного стрѣлочника, пограничнаго солдата, до генерала включительно!..

И тогда мнѣ становится яснымъ, почему все такъ спокойно, почему обстановка ничего не напоминаетъ о войнѣ, если не считать, конечно, отдаленнаго эха бомбардировокъ Портъ-Артура.

И я прихожу къ убѣжденію, что мы полѣ-войны выиграли, что мы можемъ терпѣливо ждать дальнѣйшихъ результатовъ, что честь Россіи находится подъ надежной охраной. *)

Кромѣ того, штабомъ округа заарестованы въ Харбинѣ японки, подозрѣваемыя въ шпіонствѣ.

Одна изъ нихъ оказалась сильно скомпрометированной перехваченными и найденными у нея документами.

Еще до войны она «вышла замужъ» въ Харбинѣ за китайца, который и помогалъ ей шпионить.

Развѣдка Заамурскаго округа могла многое предупредить и отвратить, если-бы... Къ несчастію, за эту войну насчитывается такое множество «если-бы», что о нихъ тяжело и просто непріятно говорить...

*) *Примѣчаніе автора.* Прошу читателя не сомнѣваться въ искренности и правдивости рассказа. Въ качествѣ „живого свидѣтеля“, пробывшаго на войнѣ 12 мѣсяцевъ, могу съ уверенностью сказать, что не пограничники виноваты въ постигшихъ насть неудачахъ на полѣ сраженія...

Поимка и арестъ японскихъ шпіоновъ.

4 апреля 1904 г.

Въ части города «Новый Харбинъ», на такъ называемомъ «Большомъ проспектѣ», стоитъ большое каменное зданіе, сурово и солидно взирающее на сиующихъ взадъ и впередъ китайцевъ.

Это помѣщеніе штаба заамурскаго округа пограничной стражи.

О функцияхъ пограничной стражи въ нашемъ далекомъ отечествѣ имѣютъ понятіе по тѣмъ обязанностямъ, которыя на нее возлагаются на западныхъ границахъ: борьба съ темными силами, стремящимися протащить черезъ границу запретное.

Совсѣмъ не то представляетъ собою пограничная стража Манжуріи. Счастливая доля досталась ей: охранять важнѣйшіе интересы государства Россійскаго на Дальнемъ Востокѣ и насаждать европейскую культуру среди дикихъ азіатовъ.

Третій мѣсяцъ войны, а стража Манжуріи смѣло можетъ сказать, что она и не переставала воевать съ самаго возстанія «большихъ кулаковъ», т. е. съ 1900 года.

Назначенный вскорѣ послѣ пресловутаго усмирения кулаковъ начальникъ заамурскаго округа, генералъ Чичаговъ, превосходно понялъ огромное значение охраны желѣзнодорожного пути въ Манжуріи отъ враждебныхъ элементовъ и организовалъ широкую развѣдку страны во всѣхъ отношеніяхъ. Его начальникъ штаба, полковникъ Богдановичъ, несомнѣнно явился вполнѣ достойнымъ сподвижникомъ. Это, кажется, былъ неизуриденный представитель нашего генерального

Генералъ Чичаговъ.

Начальникъ Заамурскаго округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

штаба. Энергичный, чуждый рутины, онъ велъ охрану и газвѣдку съ честью. Лично могу сожалѣть, что штабъ дѣйствующей арміи не всегда руководствовался свѣдѣніями штаба заамурскаго округа. Нѣть сомнѣнія, армія могла-бы миновать много подводныхъ камней, ловко разставленныхъ нашимъ противникомъ, если-бъ начальники ея почаще обращались къ содѣйствію пограничной стражи, отличавшейся знаніемъ мѣстности, какъ у себя на родинѣ.

Въ то время, когда все, повидимому, было спокойно, и жители столицъ не ждали грома съ яснаго неба, штабъ заамурскаго округа въ предчувствіи, конечно, на основаніи добытыхъ свѣдѣній, войны, принялъ свои мѣры, установивъ такой надзоръ на рѣкахъ Нонни и Сунгари, который вполнѣ обеспечилъ неприкосновенность этихъ сооруженій.

Наѣзжавши въ Манджурію еще въ мирное время сановники, видя удивительное спокойствіе, сопровождающее движение, даже требовали снятія охраны, полагая, что въ Манджуріи такъ же безопасно, какъ въ Тамбовской губерніи, но генераль Чичаговъ зналъ причины «безопасности» и непоколебимо шелъ по намѣченному плану.

Но незамѣтные герои, проводившиe по 18 часовъ въ сутки въ сѣдлѣ и оберегавшиe путь, какъ хорошая няня бережетъ довѣренное ей дитя, безъ шума дѣлали свое важное и «незамѣтное» дѣло.

Днемъ и ночью бродили они вдоль всего про-
тяженія полотна, и только отъ ихъ бдительного ока не ускользнуло, повидимому, незначительное въ пустынѣ явленіе: раскинутая палатка кочевниковъ въ 12 верстахъ отъ пути, 30 верстахъ отъ великолѣпнаго моста черезъ рѣку Нонни и 38 верстахъ отъ станціи Турчихэ.

Казачій разъездъ охранной стражи прибли-

зился къ палаткѣ и, увидѣвъ тамъ азіатовъ въ монгольскихъ желтыхъ халатахъ, заглянулъ къ нимъ съ самой невинной цѣлью: завести на всякий случай легкое знакомство съ кочевниками.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій на особомъ волапукѣ, которымъ отлично пользуются наши стражники, послѣдовали разспросы:

— Твая, ходя, видаль?.. Тамъ, въ степи...

Жесты поясняютъ монголу, о чёмъ его спрашиваютъ.

— Тунда? (понимаешь).

— Путунда (не понимаю).

— Маманди! (погоди), — не отстаетъ казачокъ. — Кушъ·кушъ ю?

— Мею.

— Врешь! А это что? — указываетъ казакъ рукой на черный мѣшокъ, давно привлекшій его зоркій глазъ.

Это былъ лихой казакъ 26-ї сотни Пашка Гежа. Взращенный азіатской степью, онъ питаетъ къ ней и ея кочевникамъ крайнее недовѣrie, прекрасно освоившись съ ихъ чисто звѣриной хитростью.

Этотъ казакъ мнѣ разсказывалъ:

— Ежели, господинъ, идетъ китаецъ и тащить яйца, это онъ навѣрное волочить кормъ хунхузамъ и я его обнаковенно выслѣжу.

И, дѣйствительно, выслѣдить.

Запустивъ руку въ черный мѣшокъ, онъ извлекъ изъ него предметы, возбуждившіе въ немъ сильныя подозрѣнія.

— Записныя книжки, али тамъ «молитвенники» ихніе — ничего, а то електричество, хвонарь и все такое, неподходящее дикому кочевнику... Ну, я его и сгребъ...

Въ черномъ мѣшкѣ оказались вещи, дѣйствительно непригодныя для простого кочевника: печатныя карты Монголіи, Манджуріи и Кореи,

электрическій фонарь, Бикфордовъ шнуръ, солнечные часы, нѣсколько компасовъ, бинокль, ленточныя пилы для перепиливанія телеграфныхъ столбовъ, приспособленія для разрѣзыванія проводовъ, тонкая мѣдная проволока для отвода электрическаго тока, пироксилии въ шашкахъ и запалы для производства взрывовъ. Нѣкоторые, изъ находившихся въ палаткѣ, вышли «съ ведрами», вскочили на коней и удрали, но двое были арестованы и приведены къ начальнику поста, поручику Шванебаху, который немедленно пустился въ погоню за уѣжавшими, но настигшая ночь и невозможность слишкомъ удалиться отъ полотна пути помогли уѣжавшимъ ускользнуть, хотя едва ли надолго, если они не удалятся въ глубь Монголіи.

Арестованные оказались чистѣйшими японцами, переодѣтыми въ монгольскіе балахоны и желтая шапочки съ шишками наверху. Они были вооружены магазинками системы Мурата, револьверами и палашами, оправленными въ чешневыея ножны.

На допросѣ въ штабѣ Заамурскаго округа, въ Харбинѣ, 31-го марта, пойманные японцы сознались, что они командированы въ Манджурію взорвать мосты на рѣкахъ Нонни и Сунгари и вообще для порчи пути...

Я видѣлъ арестованныхъ въ зданіи штаба. Одинъ изъ нихъ, молодой поручикъ, инструкторъ китайской арміи, производить впечатлѣніе симпатичнаго и добродушнаго парня. Кромѣ родной рѣчи владѣетъ еще китайскимъ языккомъ. Другой, постарше, обросъ бородой, служилъ капитаномъ въ пекинской миссіи, говорить по англійски.

Вышли они партіей въ 14 человѣкъ изъ Пекина въ началѣ февраля и направились въ Манджурію черезъ монгольскія пустыни.

По словамъ одного, вся партія состоитъ изъ офицеровъ, кромѣ 4 китайцевъ-проводниковъ, по словамъ другого, ихъ лишь два офицера, остальные будто бы студенты...

Японцы рассказывали о страшныхъ лишеніяхъ, перенесенныхъ ими въ тяжеломъ пути. Бездорожье, холода, снѣгъ едва ихъ не сгубили... Но монголы имъ оказывали всякое содѣйствіе.

Денегъ японцы взяли съ собою 300 серебряныхъ лапъ (около 1,500 руб.) и бязь — бумажная ткань кармазинового цвѣта. Послѣднюю монголы принимали охотниче, чѣмъ серебро.

Такимъ образомъ, лишь благодаря поистинѣ молодецкой службѣ охранниковъ пограничной стражи и превосходно организованной начальникомъ штаба Заамурскаго округа полковникомъ Богдановичемъ развѣдкѣ, неприкосновенность желѣзнодорожныхъ сооруженій была обеспечена.

Японскіе офицеры: полковникъ генерального штаба Чонзо Іокока и капитанъ Тейске Іоки, передъ военно-полевымъ судомъ.

9 апрѣля 1904 г.

7-го апрѣля(1904 года) офицеры Чонзо Іокока и Тейске Іоки предстали передъ военно-полевымъ судомъ въ Харбинѣ.

Въ залъ судебнаго засѣданія была превращена небольшая комната въ одномъ изъ домовъ на самомъ концѣ Манджурской улицы.

Ровно въ часъ пополудни отдано приказаніе

ввести подсудимыхъ. Засѣданіе суда объявлено открытымъ.

Публики для тѣснаго помѣщенія довольно много. Все больше офицеры, взиравшіе на подсудимыхъ, отправившихся по приказанію начальства на вѣриную смерть, съ нескрываемымъ уваженіемъ.

Не обошлось безъ уголовныхъ дамочекъ, которыхъ и въ Харбинѣ отдали дань своему полу.

Подсудимые назывались: старшій — полковникомъ генерального штаба, окончившимъ высшую военную школу въ Японіи, Шонзо (или Чонзо) Іокока, 44 лѣтъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія; младшій — капитаномъ Тейске Іоки, 31 года, буддійскаго исповѣданія.

Оба обнаруживаютъ огромное самообладаніе. Показанія даютъ черезъ переводчиковъ — англичанина, служащаго въ Русско-Китайскомъ банкѣ, и г. Габѣева, драгомана, владѣющаго въ совершенствѣ китайскимъ языккомъ.

Былъ приглашенъ еще бурятъ съ серебряной медалью на георгievской лентѣ, но его участія въ дѣлѣ не потребовалось.

Подсудимые признали себя виновными, подтвердивъ данныя, добытыя предварительнымъ слѣдствиемъ. На столѣ лежали въ запечатанномъ пакетѣ вещественные доказательства: пироксилинъ, Бикфордовъ шнуръ и прочее.

Не взирая на чистосердечное признаніе подсудимыхъ, были допрошены свидѣтели Павель Гежа (онъ же Гежинъ), изъ старыхъ охраниковъ казачьяго сословія, и Кронаковъ, рядовые пограничной стражи.

Немного времени потребовалось для провѣрки предварительного слѣдствія. Все было такъ ясно, наглядно, что при наличии чистосердечнаго сознанія подсудимыхъ оставалось только вынести строгій, но справедливый приговоръ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ пятиминутнаго перерыва, объявили судебнаго пренія. Разумѣется, прокуроръ требовалъ примѣненія статьи закона, полагающей за военное шпионство смертную казнь черезъ повѣшеніе и *лишеніе всѣхъ правъ* (это для японцевъ-то!). Защитникъ, молодой кандидатъ на военно-судебныя должности, просилъ смягчить наказаніе въ виду чистосердечнаго сознанія, замѣнивъ смертную казнь каторжными работами.

Рѣчи обвинителя и защитника были переведены полковнику англичаниномъ, капитану—драманомъ Габѣевымъ. Къ сожалѣнію, англичанинъ плохо владѣлъ родной рѣчью. Слова прокурора «смертная казнь черезъ повѣшеніе» онъ перевелъ словомъ *kalth*, чѣмъ привелъ подсудимаго въ недоумѣніе.

Предсѣдатель суда, полковникъ Афанасьевъ, попросилъ мягко переводчика поискать въ своемъ лексиконѣ болѣе подходящее слово для определенія угрожающаго подсудимому наказанія.

Послѣ получасового перерыва временнай военно-полевой судъ вынесъ резолюцію, опредѣлившую обоимъ подсудимымъ за военное шпионство смертную казнь черезъ повѣщеніе.

Японцы выслушали приговоръ спокойно. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ихъ бронзовыхъ лицахъ. Твердыми шагами въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя покинули они залъ засѣданія. Резолюцію суда по телеграфу передали командующему манжурской арміей, генералъ-адъютанту А. Н. Куропаткину, который замѣнилъ казнь черезъ повѣщеніе—разстрѣляніемъ.

8-го апрѣля подсудимымъ объявили приговоръ въ окончательной формѣ. Въ 4 часа пополудни я былъ въ штабѣ Заамурскаго округа, гдѣ находились осужденные. Никто не сказалъ-бы, что это люди, обреченные черезъ два съ половиною часа на смерть. Они спокойно разсуждали съ Желтая туча.

комендантомъ черезъ переводчика, дѣлая свои «послѣднія» распоряженія. Полковникъ Іокока выразилъ желаніе видѣть православнаго священника. Послѣдній немедленно явился къ осужденному, который поцѣловалъ крестъ и евангелие.

Кромѣ того, онъ передалъ коменданту китайскій «банкнотъ» на тысячу рублей, которые просилъ принять въ пользу Краснаго Креста. На замѣчаніе, что не лучше-ли было бы отослать эти деньги семье, онъ отвѣтилъ: «о моей семье позаботится микадо, а эти деньги прошу передать въ пользу Краснаго Креста».

Оба осужденные пожелали написать роднымъ письма и принять ванну. Желанія немедленно были удовлетворены.

5 часовъ. Послѣднія предсмертныя приготовленія. На столѣ въ камерѣ бутылка водки. Старшій выпилъ стаканъ. Младшій, едва отхлебнувъ, отказался.

Послѣ этого осужденныхъ усадили въ крытую пролетку, окруженную вооруженнымъ конвоемъ, и отправили па мѣсто казни, верстахъ въ 3-хъ отъ Нового Харбина, въ полѣ, за линіей восточной вѣтки Китайской желѣзной дороги. Небольшой валъ въ два человѣческихъ роста. Черная земля мрачно смотрѣла на косые лучи заходящаго солнца. Две доски съ привязанными веревками. Передъ валомъ взводъ солдатъ подъ командою офицера.

Прѣѣхали осужденные. Они спокойно сошли съ пролетки и въ послѣдній разъ закурили папироски. Полковникъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ, которыхъ было немного: коменданть, два доктора и два представителя прессы—ниницкій эти строки и художникъ «Нивы» г. Габуринъ. Въ послѣднія минуты осужденные обнаружили все то же самообладаніе, все ту же спокойную покорность судьбѣ.

Твердыми шагами подошли они къ валу. Полковникъ позволилъ завязать себѣ глаза, а капитанъ пожелалъ смотрѣть смерти въ лицо съ открытыми глазами.

Оба просили не привязывать ихъ къ доскамъ, что и было исполнено.

Еще нѣсколько тоскливо - мучительныхъ минутъ ожиданія и послѣдовала команда, за нею залпъ и два героя, какъ подкошенные, упали...

Занавѣсъ поднимается.

18 апреля 1904 г.

Послѣ нападенія на флотъ, названнаго «вѣроломнымъ», потому что японцы не предупредили насъ о своемъ намѣреніи или же, вѣрнѣе, потому, что «предержащія» власти наши на берегахъ Тихаго океана находились въ блаженному невѣдѣніи, — прошло около трехъ мѣсяцевъ. Видимая активная дѣятельность врага Россіи выразилась въ нѣсколькихъ бомбардировкахъ и попыткахъ заградить входъ въ Портъ-Артурскій рейдъ. Операциіи на суше существеннаго ничего не дали. Генералъ Мищенко находился съ своимъ отрядомъ въ Кореѣ, тамъ-же дѣйствовалъ партизанскій отрядъ полковника Мадритова, а въ тылу всѣ мнѣнія русскихъ генераловъ сводились къ «опасеніямъ, что японцы не выйдутъ изъ Кореи».

— Имъ выгоднѣе выждать, когда мы пойдемъ въ Корею «вышибать» ихъ.

Такое убѣжденіе держалось до 15 апрѣля (1904 г.), пока передовые отряды арміи Куроки не появились на берегахъ Ялу.

По донесениямъ генераль-лейтенанта Засулича, 16-го апрѣля началось наступление японской арміи.

Такимъ образомъ, таинственная завѣса «военного театра» нѣкоторымъ образомъ приподнялась; начался первый актъ кровавой трагедіи на манджурскомъ материкѣ: японцы начали наступление переправой черезъ рѣку Ялу, составляющей, какъ извѣстно, границу Манджуріи и Кореи.

Японцы сосредоточились у Йи-Чжу и сѣвернѣе Чайдехекоу.

Темными непроглядными южными почами японцы перевозили понтоны, доски и суда къ устью р. Ялу.

Наши свѣдѣнія ограничивались официальными донесеніями генерала Мищенко, что онъ еще 23-го марта покинулъ Корею, блестяще выполнивъ операцию переправы 18-ти сотень и 6 конныхъ орудій съ лѣваго берега па правый, при условіяхъ, исключающихъ всякую возможность переправы: полный ледоходъ при штурмѣ и отчаянномъ холодѣ.

Эту тактическую задачу генералъ выполнилъ съ математической точностью, имѣвъ столкновеніе на рѣкѣ Чхонъ-Чопъ-Ганъ, гдѣ двѣ сиѣшившіяся казачьи сотни разстрѣляли эскадронъ японской каваліи, оставивъ позицію лишь, когда подошли нѣсколько ротъ непріятельской пѣхоты.

И въ самомъ дѣлѣ, у наступающаго врага были всѣ преимущества. Слѣдя по пятамъ нашихъ казаковъ, онъ имѣлъ полную возможность настигнуть полки Мищенко, захватить ихъ въ наиболѣе трудную минуту,—въ моментъ переправы,—и нанести имъ чувствительный уронъ.

Къ счастью, непріятель, по непонятной причинѣ, упустилъ эти «моменты», какъ принято

называть ихъ въ высшей военной наукѣ, именуемой стратегіей.

Спустя три недѣли было замѣчено усиление со- средоточеніе японцевъ на рѣкѣ Ялу. Движеніе ихъ ограничивалось ничтожными перестрѣлками съ своего берега даже безъ всякихъ попытокъ захватить острова, разбросанные по рѣкѣ между Шахедзы и Ый-Чжу. Это-то обстоятельство и породило мнѣніе среди военныхъ авторитетовъ, склонявшееся въ пользу плана японцевъ оставаться въ Корѣѣ.

Ошибочность этого предположенія выяснилась изъ донесенія отъ 8-го апрѣля объ усиленіяхъ приготовлений японцевъ къ неравнѣвѣ.

Великолѣпная ночь съ 12-го на 13-е апрѣля. Молодой мѣсяцъ такъ ясно и ласково смотрѣлъ съ высоты голубого свода. Ни малѣйшаго вѣтерка. Тихо вокругъ, все спитъ давно, лишь темные силуэты маленькихъ людей обнаружили необыкновенную энергию, издавая то едва слышные гортанные звуки, то протяжные, то короткие свистки. Вотъ по водной поверхности пошли понтонны, осторожно управляемые этими маленькими японскими солдатами.

Это происходила переправа ловкаго и пронырливаго непріятеля черезъ Ялу.

Наши охотничіи команды пытались воспрепятствовать или, по меньшей мѣрѣ, выслѣдить намѣреніе противника, но шестьдесятъ человѣкъ, притаившихся немного сѣвернѣ Сыдягоу, на островкѣ, могли только констатировать переправу на понтонахъ значительнаго авангарда японцевъ.

Потерявъ въ безплодной перестрѣлкѣ почти всѣхъ лошадей и 18 человѣкъ ранеными, наши охотники отступили въ горы.

Японцы же безпрепятственно продолжали переправу на понтонахъ, пробиваясь по мѣрѣ высадки къ деревнѣ Лизавенъ, которую и заняли.

Незначительный отрядъ произвель попытку захватить Тюренченъ, но огонь нашей артиллерии отбросилъ его, заставивъ пѣхоту уйти въ горы, а артиллерия скрылась на островѣ. Одновременно съ этой переправой (у Сыдягоу) японцы приступили къ паводкѣ мостовъ съвернѣе Ый-Чжу, но наши охотники замѣтили маневръ непріятеля и, кажется, огнемъ съ высоты Тюренчена заставили его прекратить работы.

Въ теченіе послѣднихъ дней, 15-го и 16-го апрѣля, японцы продолжали усиливать передви- гавшіяся войска и къ вечеру 15-го заняли Лизавенъ и Хусанъ двумя батальонами гвардейской пѣхоты и 3 горными ордіями съ небольшимъ количествомъ кавалеріи. Въ то же время закоп- чилась паводка мостовъ у Ый-Чжу, и колонны подтянулись къ устью рѣки Амбихэ, перебро- сивъ небольшой отрядъ на правый берегъ между Чайдехекоу и Сяпусихе. Этотъ отрядъ занялъ позицію у деревни Чанденза.

Другой отрядъ японцевъ у деревни Лизавенъ очутился въ центрѣ нашихъ войскъ, наблюдав- шихъ переправу. Это обстоятельство побудило начальника восточнаго отряда отдать приказаніе выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи.

На зарѣ 16-го апрѣля, едва красный дискъ солнца показался на горизонтѣ, одинъ батальонъ пѣхоты и двѣ конно-охотничихъ команды подъ начальствомъ подполковника генерального штаба Липда осторожно спустились съ высотъ и без- шумно стали приближаться къ деревнѣ Лизавенъ. Тѣмъ временемъ артиллерия съ высоты у деревни Потетынза начала обстрѣливать вражескую пози- цію. Подъ прикрытиемъ этого огня отрядъ перешелъ въ бродъ рѣчку Эйхо и со всей стреми- тельностью бросился на противника.

Японцы не выдержали натиска и бѣжали въ паническомъ страхѣ на съверъ, въ горы, къ

Амбихе, оставивъ на позиції 26 раненыхъ и 10 убитыхъ. Наши потери были ничтожны. Такъ гласило официальное донесение.

На помощь удиравшему во всѣ лопатки непріятелю двинулась японская артиллерія и, занявъ позиції съвернѣе Йи-Чжу, убийственнымъ огнемъ начала обстрѣливать высоты Хусана. Тѣмъ не менѣе наши все-таки утвердились въ Лизавенѣ, выславъ для наблюденія за противникомъ разъезды въ долину къ рѣкѣ Амбихе.

Этотъ успѣхъ нашъ имѣеть весьма важное значеніе, полагали мы. Помимо нравственного вліянія на наши силы, онъ открылъ намъ настоящія свойства противника, до сего времени намъ неизвѣстнаго. Слишкомъ ужъ много проクリчали обѣ осторожности, упорствъ и отчаянной храбрости японцевъ, между тѣмъ первое-же столкновеніе ничего подобнаго не подтвердило. Лучшая, отборная гвардія мицадо въ страхѣ передъ истинной храбростью бѣжитъ, бросивъ не только позиціи, но и раненыхъ. А покинутая позиція, какъ передовой пунктъ, имѣла для противника огромное значеніе. И невольно вспомнилъ я все, что до войны и послѣ объявленія ея мнѣ приходилось слышать. Генералъ Церпицкій, въ разговорѣ со мною, утверждалъ, что японцы «легко подвержены паникѣ», и его слова оправдались при первомъ столкновеніи.

Вдвоє сильнѣйший отрядъ противника, состоявшій изъ отборной императорской гвардіи, бѣжалъ отъ храбраго натиска *одного* армейскаго батальона русскихъ солдатъ!..

Оговариваюсь: все изложенное подтвердилось рассказами плѣнныхъ.

Но 16-го апрѣля къ вечеру значительныя силы противника, 1,500 человѣкъ при 12 горныхъ орудіяхъ, начали переправу черезъ Ялу у деревни Амбихе. Переправа эта наблюдалась двумя ро-

тами при трехъ горныхъ орудіяхъ, подъ коман-
дой подполковника Гусева. На этотъ разъ офици-
альное донесеніе ставитъ нась въ извѣстность,
что значительное превосходство противника, глав-
нымъ образомъ, *преобладаніе артиллериі*, побу-
дило подполковника Гусева *отойти*, потерявъ 4
нижнихъ чина ранеными. Полковникъ самъ былъ
контуженъ.

Главные пункты переправы силъ противника
выяснились въ слѣдующихъ мѣстахъ: Ый-Чжу-
Хусанъ-Амбихе, откуда идутъ кратчайшіе пути
на Ляоянъ и Мукденъ. Въ этихъ мѣстахъ переп-
права обеспечивалась содѣйствіемъ флота.

О томъ, что еще задолго до начала войны
японскіе агенты скучали въ Шахедзы, Дагушанѣ
и Фынхуанченѣ, значительные запасы продоволь-
ствія, мы почему-то узнали только послѣ дѣла у
деревни Лизавенъ.

Первый актъ кровавой драмы.

Примѣчаніе. Эту корреспонденцію оставляю
безъ капитальныхъ исправленій. Контръ-атаки
9 и 11 восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ пол-
ковъ велись съ такой стремительностью, что они
дѣйствительно возымѣли огромное влияніе на
далѣнѣйшую судьбу «японскихъ наступательныхъ
дѣйствій». Этими контръ-атаками объясняется за-
держка японскихъ главныхъ силъ въ Фынхуан-
ченѣ и крайняя медлительность въ дальнѣйшихъ
дѣйствіяхъ. Окажись генералъ Куроки настоя-
щимъ военнымъ геніемъ, каковымъ его считалъ
самъ командующій нашей арміей, Харбинъ могъ

Генералъ-лейтенантъ М. И. Засуличъ.

бы быть въ рукахъ японцевъ къ концу мая 1904 года.

За эту оплошность мы можемъ только благодарить генерала Куроки.

Авторъ.

Неувядаемой славой покрыли себя русскія войска на безвѣстной, заброшенной въ дебряхъ Манжуріи, рѣкѣ, сдѣлавшейся теперь достояніемъ исторіи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля, едва молодой мѣсяцъ скрылся за пабѣжавшими тучами, со стороны рѣки Ялу стали раздаваться подозрительные всплески воды, шорохъ, звуки, лязгъ оружія. Наши развѣдчики донесли о переправѣ небольшого японскаго отряда въ двухъ пунктахъ: Сыдягоу и Чайдехегоу.

«Наконецъ-то» — мелькнуло въ головѣ каждаго.—«Начинается», — и у многихъ сердце екнуло.

У Сыдягоу непріятель занялъ позицію, расположивъ у деревни Лизавенъ 2 батальона 4-го гвардейскаго полка при 3-хъ орудіяхъ и незначительномъ кавалерійскомъ разъѣздѣ, очевидно, съ цѣлью прикрытия «головы» переправы.

Нѣсколько сѣвернѣе, у Ый-Чжу японцы возвели два моста.

Такъ шло до 16-го апрѣля. Послѣ пораженія головного прикрытия противника, послѣдній обнаружилъ свое присутствіе у устья рѣки Амбихе, гдѣ онъ въ теченіе ночи успѣлъ сосредоточить одну дивизію.

Въ 10 часовъ утра 16-го апрѣля, при великолѣпной погодѣ, переправился черезъ рѣку отрядъ въ 1,500 японцевъ и при помощи 12 горныхъ (скорострѣльныхъ) орудій «оттѣснилъ» отрядъ подполковника Гусева, состоявшій всего изъ двухъ ротъ 24-го полка, 3 сотенъ уссурійскихъ казаковъ и двухъ горныхъ орудій. Такимъ обра-

зомъ, непріятелю удалось занять позицію у деревни Амбихе, на которой онъ и укрѣпился.

Весь восточный отрядъ нашъ состоялъ изъ слѣдующихъ силъ: 6 пѣхот. полковъ, не считая двухъ, выдѣленныхъ у Дагушаня и Куандянсия въ видѣ глубокихъ резервовъ, 6 батарей и казачьей дивизіи съ 2 конными батареями.

Расположеніе силъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: казачья дивизія, раздѣленная на двѣ бригады, обязана наблюдать за лѣвымъ флангомъ рѣки Ялу, сѣверище Чайдехегу и пути на Ляоянъ и Мукденъ. Правый флангъ—устье Ялу, ниже Ый-Чжу, и побережье поручено 22-му полку, занявшему позицію у деревни Потетынза, и 12-му полку на высотахъ Тюренчена.

Стрѣлковые позиціи находились подъ прикрытиемъ 3-й батареи 6-й восточно-сибирской бригады; кромѣ того, 10-му полку поручено было наблюденіе за рѣкою у Шахедцы, 9-й и 11-й полки составляли общий резервъ у дер. Тензы*) и части 24-го полка съ батареей выдвинули къ Хунси и Амбихе.

Отсюда видно, что всѣ наши силы вмѣстѣ съ глубокими и общими резервами состояли всего изъ 18 батальоновъ при 24 орудіяхъ, при чемъ участіе въ бою кавалеріи, вслѣдствіе необходимости слѣдить за путями сообщенія, оказалось невыполнимымъ**).

16-го апрѣля начальникъ восточного отряда, осмотрѣвъ позиціи, убѣдился въ необходимости выбить японскій отрядъ изъ деревни Лизавенъ. Эту операцию блестяще выполнилъ полковникъ Линда.

*) Въ 15 верстахъ отъ передовой линіи.

**) Во время Тюренченского боя кавалерійскіе отряды генераловъ Ренненкампфа и Мищенко находились въ «безвѣстной отлучкѣ». Они не могли даже предупредить появленіе непріятельской кавалеріи въ тылу нашихъ позицій.

Такимъ образомъ, споа занявъ деревню Лизавенъ, командиръ, озабочившись возстановлениемъ связи съ 24-мъ полкомъ, выслалъ познательную часть охотниковъ на разведки къ Амбихе и Сыдягоу.

17-го апрѣля, подъ прикрытиемъ южной темной ночи, непріятель перевелъ на правый берегъ значительныя силы—около 3 дивизій, а въ 10 часовъ утра началъ обстрѣливать наши позиціи изъ орудий, воздвигнутыхъ на высотахъ, находящихся къ сѣверу отъ Йи-Чжу.

По показаніямъ артиллерійскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ жаркомъ бою, гдѣ каждый квадратный футъ забрасывался шулями и осколками снарядовъ, на непріятельскихъ позиціяхъ находилось 24 полевыхъ и 12 стодвадцатимиллиметровыхъ орудий, «превосходно укрытыхъ и отлично пристрѣлявшихся».

Огню противника отвѣчала наша батарея съ высотъ Тюренчена.

Канонада началась съ 10¹/₂ часовъ утра. 36 жерль непріятельской артиллериі изрыгали огонь и приносили смерть и разрушеніе нашимъ 8 орудіямъ. Въ иѣсколько минутъ выбыли изъ строя всѣ офицеры: командиръ дивизіона полковникъ Мейсперъ, батарейный командиръ, подполковникъ Малеръ, и 3 младшихъ офицера.

Генераль Кашталинскій, замѣтивъ критическое положеніе нашей батареи, боровшейся противъ 36 орудій, приказалъ прекратить огонь.

Гдѣмъ временемъ японская пѣхота, прикрываемая превосходной артиллерией, перешла рѣку у Сыдягоу и атаковала наши позиціи на высотахъ Хусана.

Почти одновременно съ этимъ сильныя части въ колоннахъ появились у деревни Лизавенъ со стороны Амбихе, а на позицію осторожно выѣхала непріятельская горная батарея.

У д. Лизавенъ, какъ сказано было выше, находился нашъ небольшой передовой отрядъ, который успѣли усилить з батальонами 22-го полка подъ командой полковника Громова.

Появленіе противника въ силахъ, значительпо превосходившихъ наши, не было для насъ сюрпризомъ. 22-й полкъ встрѣтилъ непріятеля свинцовыми дождемъ, а батарея съ высотъ Потетынза поддерживала огонь стрѣлковъ.

Но японцы, обладая силами въ 4 раза болѣе нашихъ, немедленно стали угрожать лѣвому флангу, что вынудило полковника Громова выдѣлить одну роту для противодѣйствія охвату. Горная батарея противника буквально засыпала эту роту смертоносными снарядами, послѣ чего она вынуждена была отойти, отступивъ съ полкомъ отъ высотъ Лизавена къ Потетынза *).

Канонада съ высотъ Тюренчена не прекращалась до 5 часовъ вечера (съ 10 утра); непріятелемъ было выпущено 2000 снарядовъ, уничтожившихъ почти весь конскій составъ нашей артиллеріи и испортившихъ большинство орудій, которыхъ были приведены въ негодность...

Наши потери, по офиціальнымъ донесеніямъ— 1 офицеръ, командиръ батальона 12-го полка подполковникъ Пахомовъ, ранено 8 офицеровъ, нижнихъ чиновъ убито 3, ранено 19.

Къ концу боя на позиціяхъ Потетынза прочио укрѣпились 22-й и 12-й стрѣлковые полки и 3 батареи 6-й восточно-сибирской бригады.

Въ ночь съ 17-го на 18-е апрѣля начали наступать дивизіи генерала Куроки. Съ 4 часовъ полуночи полевые и осадныя орудія противника

*) Отступленіе это, какъ впослѣдствіи стало извѣстно, оказалось полнымъ бѣгствомъ полка въ паническомъ страхѣ. Причины паники и результаты ея слѣдуетъ искать въ общемъ планѣ защиты Тюренченскихъ высотъ, въ слабости начальника восточного отряда и полной неподготовленности высшихъ командныхъ чиновъ.

изъ-за Ялу начали «осыпать» наши позиціі дождемъ пуль и снарядовъ, приносившихъ смерть и разрушение. Не взирая на то, что огонь увеличивался съ каждой минутою, подобно разражающемуся ливню, наши стрѣлки не дрогнули.

Всѣ понимали значение «обстрѣла» артиллериі и ждали наступленія врага. Въ 8 часовъ утра солнце стало допекать, а къ 10 часамъ стало знойно. Еще ночью начальникъ восточнаго отряда отдалъ приказаніе по позиціямъ принять бой *).

Вотъ расположение войскъ: двумъ батальонамъ 22-го полка съ 3 батареями предстояло оборонять броды у Потетынза, первому батальону 22-го полка предстояло охранять флангъ, 12-й полкъ занялъ высоты Тюренчена, 10-й полкъ у Шахедзы, 9-й и 11-й были поставлены въ общей резервъ вблизи деревни Тензы.

Самое наступление непріятеля замѣтили съ ранняго утра. Две дивизіи направились на позиціи Потетынза (защищаемая всего 3 батальонами). Одна гвардейская дивизія вытянулась къ Тюренчену, а резервная бригада пошла на позицію Шахедзы.

Такимъ образомъ, вся тяжесть боя неминуемо должна была обрушиться на 22-й и 12-й полки, т.-е. противъ 6 батальоновъ японцы направили 8 полковъ, или 24 батальона, силы, превосходящія наши въ *четыре* раза, при огромномъ превосходствѣ артиллериі.

Непріятель, видя свое превосходство, ураганомъ несся къ нашимъ позиціямъ; переходя въ бродъ рѣчку Эйхо, онъ понесъ огромныя потери, тѣмъ не менѣе разсыпаюціяся колонны,

*) Боя ни въ какомъ случаѣ принимать не слѣдовало. Все равно, слабый отрядъ нашъ не былъ въ состояніи оказать серьезнаго сопротивленія, стало быть, жертвы были совершенно неприводительны...

оставляя на пути груды тѣлъ, стремились въ атаку на позиціи Потетынза и Тюренчена съ неимовѣрной быстротою.

Стрѣлки подпустили противника на дистанцію 150—200 шаговъ и, давъ залпъ, сами бросились въ контрь-атаку. Но японцы контрь-атаки нашихъ не принимали, а поспѣшно ретировались, очищая мѣсто; стоящіе сзади резервы сыпали съ колѣна залпами въ стрѣлковъ. Дорого обошлисъ намъ эти контрь-атаки, но не мало полегло и враговъ: груды труповъ покрыли высоты и долину Эйхо.

12-й полкъ, потерявъ до 40 проц., занялъ тыловую позицію подъ прикрытиемъ двухъ батальоновъ, одной батареи и пулеметовъ, жесточайшій огонь которыхъ остановилъ непріятеля.

Началъ отступленіе 22-й полкъ, противъ коего противникъ предпринялъ обходное движеніе. Непріятелю удалось сбить его у Чингоу, предпринявъ движеніе на Лауфандгоу. Полкъ отступилъ въ полнѣйшемъ беспорядкѣ къ горамъ Люшангоу.

Батарея 6-й бригады, занявшая позицію у Потетынза, понеся страшныя потери въ личномъ составѣ, прислугѣ и лошадяхъ, вынуждена была оставить орудія.

Генералъ Засуличъ, имѣя въ виду облегченіе отступленія, выслалъ изъ общаго резерва 11-й стрѣлковый полкъ при 3-й батареѣ подполковника Муравскаго.

Въ то-же время 9 и 10-му полкамъ отдано приказаніе отступать къ Сагоуцзы, выигратъ время и, втянувшись въ горы, отодвинуться къ Пьямыну. 12-й полкъ съ 3 батареями 6-й восточносибирской бригады, опираясь на 11-й полкъ, отошелъ къ Санчену, а 2-я батарея той-же бригады двинулась туда-же другой дорогой.

Наступилъ часть дня. Солнце съ своего зѣнита жарило во-всю. Японцы придвигнулись къ пози-

циамъ 11-го полка, осыпая перекрестнымъ огнемъ дорогу на Санченъ. Отступление по этой дорогѣ затруднило движение 12-го полка, обстоятельство, вынудившее полков. Муравскаго остататься на позиціи до конца битвы. Весь составъ офицеровъ батареи погибъ вмѣстѣ съ своимъ славнымъ командиромъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ нижнихъ чиновъ успѣли заклинить орудія за невозможностью сняться съ позицій безъ коней (изъ 110 коней убито 108).

Японцы въ огромныхъ силахъ продолжали на-сѣдѣть. Вотъ они начали охватывать живымъ кольцомъ 11-й полкъ, вступившій въ бой подъ командой полковника Лайминга. Лихой, храбрый командиръ, видя себя окруженымъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ развернуть полковое знамя и съ священникомъ *), державшимъ крестъ въ рукахъ, съ музыкой, съ такой стремительностью ударилъ въ противника, что ошеломилъ его... Японцы потянулись назадъ, чѣмъ дали возможность пробиться молодцамъ стрѣлкамъ 11-го полка.

Пулеметная рота находилась на той-же позиціи и уже снялась съ мѣста для отступленія, но, замѣтивъ критическое положеніе батареи полковника Муравскаго, вернулась на мѣсто и снова открыла бѣшеный огонь по противнику. Выпущено было по офицеральнымъ донесеніямъ 30,000 пуль. Потери—половина личного состава и весь конскій. Люди сдѣлали попытку вынести пулеметы на своихъ плечахъ, но это оказалось выше человѣческихъ силъ. Вся рота до одного легла костями на полѣ бранн, покрывъ себя неувидаемой славой.

Батальоны-же 11-го полка *отступали, «производя непрерывные атаки»*; въ одной изъ такихъ

* Григоріемъ Щербаковскимъ

атакъ погибъ командиръ 11-го полка, полков.
Лаймингъ. Вмѣстѣ съ своимъ славнымъ началь-
никомъ легъ костьми въ неравномъ бою весь
батальонъ, недавно прибывшій на комплектованіе
11-го полка изъ Кіевскаго округа отъ 11 и 35 пѣ-
хотныхъ дивизій (1-го апрѣля этотъ бессмертный
батальонъ выступилъ изъ Ляояна и 10-го апрѣля
присоединился къ полку).

Знамя вынесли два другихъ батальона, отсту-
пивши въ полнѣйшемъ порядкѣ.

Батарея 6-й бригады, пытавшаяся выйти къ
Санчену другой дорогой, не могла подняться въ
горы съ половиной наличаго состава, поэтому
она вновь выѣхала на позицію и, поддерживая
11-й полкъ, съ честью погибла вся. Въ этотъ,
поистинѣ, ужасный для настъ день мы потеряли
 $2\frac{1}{2}$ тысячи убитыми и ранеными нижнихъ чи-
новъ и 44 офицера *).

Кромѣ того, эта битва стоила намъ двадцати
орудій и всѣхъ пулеметовъ третьей дивизіи.

Японцы утверждаютъ, что ими взято въ плѣнъ
30 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ.

Если это и вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, въ
плѣну очутились тѣ тяжело раненые, которыхъ
не успѣли вынести съ поля сраженія.

Отступившія войска заняли позиціи у дер.
Пьямынь.

Лазареты у Фынхуанчена, прекрасно снабжен-
ные всѣмъ необходимымъ, приняли раненыхъ.
Продовольственные магазины съ этого же пункта
снабдили отдыхавшія на бивакѣ части продо-
вольствiemъ и боевыми снарядами.

Къ вечеру, 20-го апрѣля, передовые разъѣзды
противника появились у дер. Кіадяпуза.

*) Эти свѣдѣнія едва-ли вполнѣ точны. Въ дѣйствительности,
наши потери на Тюренческихъ высотахъ нѣсколько выше, прибли-
зительно около 3 или $3\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ.

Потери не повліяли на духъ нашего войска. Люди попрежнему бодры, храбры и могущественны. Отстаивая каждую пядь земли грудью, они дали непріятелю такой отпоръ, котораго онъ никогда не забудеть.

Въ теченіе 10 часовъ они упорно держались на позиції, обстрѣливаемой перекрестнымъ огнемъ изъ 66 орудій. (36 на позиціяхъ Йи-Чжу и 30 противъ Потетынза).

Нельзя не воздать должного и японцамъ, оказавшимся достойными противниками: искусное сосредоточеніе силь, отличное распределеніе ихъ для удара, умѣлый выборъ артиллерийскихъ позицій, группировка огня — доказываютъ, что тактическое обученіе у непріятеля стоитъ на высотѣ.

Тѣмъ больше чести храбрецамъ державшимся съ такой небывалой стойкостью на позиції, растянувшейся на протяженіи 15 верстъ.

Славное дѣло подъ Тюренченомъ раскрыло карты непріятеля.

Первая армія въ Манжуріи.

Получилось извѣстіе о высадкѣ второй у Бицзыво.

Сопоставляя дѣйствія нашего противника въ настоящую войну съ его дѣйствіями въ кампанию противъ китайцевъ въ 1894 году, замѣчается очень много сходства въ тактическихъ приемахъ и стратегическихъ принципахъ. Подождемъ — увидимъ.

Все-таки «посмѣется тотъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ», говорилъ я себѣ послѣ первой неудачи на сушѣ.

Изъ бесѣдъ съ ранеными.

29 апреля 1904 г.

Вчера, 28-го апрѣля, отправился на сѣверъ послѣдний транспортъ раненыхъ. Бесѣдуя съ нижними чинами, я замѣтилъ среди нихъ желтолицаго субъекта; у его койки стояла табуретка, на которой лежала форменная солдатская фуражка съ желтымъ околышемъ; рядомъ съ фуражкой — двѣ пачки папиросъ.

Наши солдаты рѣдко «балуютъ» себя папиросами; курящіе предпочитаютъ махорку, стало быть, желтолицый несомнѣнно принадлежитъ къ семье нашихъ враговъ.

И дѣйствительно, у кровати стоялъ другой съ узкими, продолговатыми глазами. Онъ оказался переводчикомъ. Это былъ «русскій японецъ», т. е. мать японка, отецъ русскій. Прожилъ онъ долго въ Японіи, а потому, сносно владѣя русской рѣчью, служилъ переводчикомъ въ штабѣ уссурійскаго округа.

Въ Ляоянѣ выписанъ въ качествѣ переводчика.

— Какъ зовутъ раненаго японца? — попросилъ я переводчика перевести плѣниому.

— Като, 4 гвардейскаго полка, рядовой 3-й роты.

— Гдѣ и когда былъ раненъ?

— На Ялу, 12-го апрѣля; я переправлялся въ составѣ своей роты. На манджурскомъ берегу роту раздѣлили по-взводно и направили въ разныя стороны. Взводъ, съ которымъ я пошелъ,

натолкнулся на небольшую группу русскихъ охотниковъ. О, храбрые люди, хорошо стрѣляютъ, по больше предпочитаютъ штыкъ... А мы, японцы, штыка не признаемъ. Всѣ бросились бѣжать кто куда. Товарищъ былъ раненъ, и я хотѣлъ взять его съ собой, но тутъ пуля попала мнѣ въ бокъ, и я свалился. Меня подобрали русскіе санитары и снесли въ вашъ госпиталь.

— Спросите Като, доволенъ-ли онъ русскими? хорошо-ли обращались съ нимъ?

— О, очень доволенъ. Русскіе великодушны, сильны и храбры...

Раненый японецъ остановился, подумалъ немного и добавилъ:

— Русскіе сильны, однако не настолько, чтобы ихъ нельзя было побѣдить.

И въ глазахъ раненаго вспыхнули злые огоньки...

Зашелъ въ офицерскій вагонъ. Тамъ другое настроеніе. Всѣ веселы и бодры.

Среди нихъ лежать два унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся, оба 11-го полка, награждены знаками отличія военнаго ордена. Одинъ раненъ тяжело, другой съ легкой раной стремится обратно въ строй; умывается безъ посторонней помощи, но я замѣчаю, что онъ прихрамываетъ.

— Э, это пустяки,—весело отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Черезъ три дня буду здоровъ.

Хотя вольноопредѣляющійся величина незначительная, тѣмъ не менѣе я поинтересовался, каково его мнѣніе о японцахъ.

— Врагъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться, но — разобъемъ, взлупимъ! — рѣшительно и безапелляціонно отвѣчаетъ онъ.

Въ груди юнаго воина клокочетъ задоръ, жажда показать, что мы можемъ драться съ японцами. Онъ чувствуетъ это всей силой молодой души, что невольно вырывается, такъ сказать, наружу,

и невольно улыбаешься этому милому и симпатичному задору. Улыбается, глядя на вольноопредѣляющагося, и старый ротный командиръ капитанъ Зубаревъ, 20-го стрѣлковаго полка, раненый четырьмя пулями. Заговориваю съ нимъ. Меня поражаетъ здравый и трезвый взглядъ капитана.

— Японецъ врагъ серьезный,—также серьезно говорить Зубаревъ.—Это противникъ, отличающійся необыкновенной храбростью; но драться онъ не имѣетъ. Вы удивляетесь, потому что вы не знаете японцевъ, а я ихъ отлично изучилъ и понимаю. Я не говорю о столкновеніи японцевъ съ нами равными силами, но когда нашихъ будетъ половина, т.-е. скажемъ 20 тысячъ противъ сорока, они разобьютъ свои храбрыя головы, какъ о каменные скалы. Не мало наблюдалъ я ихъ. Въ 1900 году храбрая японская рота съ остервѣнiemъ лѣзла на фортъ Таку. Она превосходно выполнила задачу, но ротный командиръ отсутствовалъ по болѣзни. На слѣдующій день, послѣ взятія форта, еще большой ротный явился въ свою роту и сказалъ: «Благодарю васъ! Вы сдѣлали мнѣ честь, доказавъ, что я васъ хорошо училъ. Вы достойны похвалы и наградъ, а я больше никому не нуженъ», и тутъ же сдѣлалъ себѣ «харакири», т.-е. распиролъ животъ. Извините, это не храбрость, а безуміе. Это храбрость, которая будущаго не имѣетъ. Ихъ тактика—дѣтская тактика. Все-таки я не думаю, чтобы они дѣло подъ Тюренченомъ считали особыеннымъ успѣхомъ... Да, подождите. Я убѣжденъ, немного времени потребуется, чтобы убѣдиться въ несостоятельности японской арміи.

— Говорятъ, они превосходно стрѣляютъ,—замѣтилъ я.

Капитанъ улыбнулся.

— Стрѣляютъ, говорите, хорошо. Знаете, при

современномъ оружіи, японцы должны были перестрѣлять нашихъ, а, сравнительно, потери при 5,000 противъ 50,000 слѣдуетъ считать ничтожными. Двѣ равныя арміи, по современной теоріи, должны взаимно уничтожиться, а въ результатѣ процентъ пораженія — изъ восьми тысячъ пуль попадаетъ *одна*. Цѣлятся первыя пять минутъ, а послѣ все переходитъ въ хаосъ, среди которого ничего не разберешь... Каждый стремится выпустить большее количество спарядовъ, но никто не цѣлится. Нервное напряженіе доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и увидите — въ концѣ концовъ, бой окончательный рѣшить нашъ русскій штыкъ.

О переправѣ черезъ Ялу капитанъ сказалъ, что японцы ползли, «какъ черви». Ихъ была убита такая масса, что вмѣсто брода образовался «мостъ» изъ труповъ, и колонна шагала по этому удивительному «мосту». Много полегло въ Ялу японцевъ.

Первые волонтеры изъ осажденного Портъ-Артура.

10 мая 1904 г.

Ожидая поѣздъ въ Хайченъ, я неожиданно встрѣтилъ капитана генерального штаба Гурко, сына некоинаго фельдмаршала. Молодой капитанъ своимъ неожиданнымъ появлениемъ на вокзалѣ Ляояна произвелъ пѣкоторымъ образомъ сенсацію, такъ какъ всѣмъ было известно, что онъ находится въ изолированіи отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ Портъ-Артурѣ.

— Что-жъ онъ на воздушномъ шарѣ переле-

тѣль, что ли? — слышалъ я съ разныхъ сторонъ, и глаза станціоннаго населенія съ жаднымъ любопытствомъ устремлялись на капитана.

Я обратился къ капитану съ просьбой разъяснить окутывающую его въ Ляоянѣ таинственность.

— Какая таинственность! — недовольнымъ голосомъ прервалъ меня Гурко: — я пріѣхалъ окружнымъ путемъ черезъ Чифу, — отвѣтилъ онъ просто, какъ будто рѣчь шла объ обыкновенномъ *partie de plaisir*.

— Однако, русскому и въ Чифу попасть изъ Портъ-Артура не такъ-то просто, — возразилъ я капитану и возобновилъ просьбу разсказать о путешествії изъ Портъ-Артура «окружнымъ путемъ».

Я, въ качествѣ бывшаго военнаго, не могъ не понимать всей важности и опасности переѣзда изъ Портъ-Артура въ районъ дѣйствій нашей арміи виѣ Ляодунскаго полуострова.

Юркіе японцы, наводнившіе Китай, имѣющіе и въ Чифу, и въ Тіенъ-Тцзинѣ свои отряды, легко могли подкараулить капитана и поступить съ нимъ, какъ со шпіономъ...

Послѣ настоятельной просьбы, капитанъ удовлетворилъ мое любопытство. Капитанъ генеральнаго штаба Гурко нанялъ нѣсколько джонокъ съ цѣлью пробраться изъ Портъ-Артура въ дѣйствующую въ Манджурии армію. Въ двѣ изъ законтрактованныхъ случайно не удалось попасть, и онѣ были захвачены японцами.

Двѣ, заполучивъ задатки, удрали; осталось воспользоваться услугами пятой джонки. На всякий случай ее «нагрузили» достаточнымъ количествомъ пироксилина... 9-го мая, ночью, при попутномъ вѣтрѣ, джонка пустилась «по волнамъ Тихаго океана».

Умышленно избрали свѣтлую лунную ночь, а

когда послѣдняя пряталась за тучки, поверхность залива освѣщалась прожекторами. Въ 12 верстахъ утлая ладья храбраго капитана попала въ «штиль», и пришлось остановиться, по къ утру поднялся попутный вѣтеръ, который погналъ джонку съ неимовѣрной быстротой.

Японцы слѣдили и за этой джонкой, но, къ счастью, ее загнало въ средину цѣлой флотиліи другихъ китайскихъ торговыхъ судовъ различнаго типа, что и дало возможность уйти отъ бдительности преслѣдовавшихъ ее крейсера и минопоски. Отважному капитану помогло еще и то обстоятельство, что ночью послышалась канонада съ стороны Портъ-Артура, показался свѣтъ отъ японскихъ прожекторовъ, и суда, вѣроятно, вслѣдствіе полученнаго вызова, ушли назадъ...

Послѣ 50 часовъ опаснаго путешествія удалось добраться до Чифу, но тамъ капитана Гурко съ его слугой отказались принять на пароходы, идущіе въ Инкоу, откуда они могли бы по желѣзной дорогѣ отправиться въ Ляоянъ и Мукденъ. Поневолѣ пришлось сѣсть на пароходъ, крейсirуюЩій между Чифу и Тьенъ-Тцзиномъ.

Въ Тьенъ-Тцзинѣ капитанъ Гурко перебрался съ парохода на берегъ на японскомъ катерѣ. Японцы усердно всматривались въ лица пассажировъ, очевидно, подкарауливая кого-то.

И дѣйствительно, на берегу, едва кули взялся за багажъ капитана, японецъ по-китайски что-то приказалъ ему, и кули молча ушелъ, оставивъ Гурко въ безнomoщномъ положеніи. Становилось жутко. Ясно, японцы подозрѣвали пассажира и намѣревались арестовать его. Но смѣльчака выручила находчивость и великодушное знаніе англійскаго языка.

На вопросъ японского офицера (по-англійски), откуда мистеръ ѳдетъ, получился смѣлый отвѣтъ: «изъ Нагасаки».

Японець распорядился перенести вещи капитана на вокзалъ, откуда ему удалось добраться до Пинкоу и Ляояна, где мы встрѣтились.

На мой вопросъ: «какъ въ Портъ-Артуръ?» я получилъ отвѣтъ:

— Въ Портъ-Артуръ все спокойно. Японцевъ не боимся.

— Ну, и слава Богу,—подумалъ я.

Звонокъ возвѣстилъ объ отходѣ поѣзда въ Мукденъ, и мы разстались *).

Дѣло сибирскихъ казаковъ.

(Прелюдія сраженія при Вафангоу).

17 мая 1904 г.

Попасть въ передовой отрядъ, посмотретьъ «собственными очами» величественную картину сраженія, такъ сказать, нюхнуть запахъ пороха, взять ужасамъ жужжащихъ подобно гигантскому рою шмелей пуль—мечта каждого военного корреспондента. Но въ настоящей войнѣ, въ войнѣ, какую въ данное время приходится наблюдать пишущему эти строки, сраженія бываютъ не каждый день, и попасть въ такую обстановку,

*) Отвѣтъ капитана Гурко о спокойствіи въ Портъ-Артурѣ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ истинѣ. Отъ генерала Стесселя приходили донесенія крайне тревожнаго характера, и, говорятъ, командающій манджурской арміей посовѣтовалъ генералу Стесселю позаимствовать мужества у генераловъ Кондратенко и Фока. О доблестномъ защитнику крѣпости, генералѣ Смирновѣ, отказалъся дать слово «не восьвать», тогда никому ничего не было известно.

гдѣ-бы передъ вашими очами развернулась картина смертнаго боя со всѣми ея ужасами—дѣло не легкое. Необходимъ случай и, если хотите, особое счастье.

14-го мая я рѣшилъ во что-бы то ни стало поѣзвать въ Инкоу, въ этомъ огромномъ центрѣ европейско - китайской торговли. Бросивъ вещи въ Ляоянѣ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія на всякий случай, я взялъ билетъ, сѣлъ въ «телячий» вагонъ, радуясь, что хотя такимъ образомъ имѣю возможность передвигаться, и отправился, какъ здѣсь принято выражаться, на «югъ», вѣрнѣе на «юго-западъ». Отъ станции Дашицао построена вѣтка на Инкоу.

— Чего вы, батенька, не видѣли въ Инкоу,— укоризненно обратился ко мнѣ одинъ изъ моихъ военныхъ друзей.— Поѣзжайте на югъ, вотъ гдѣ предвидятся событія. А городъ вы еще сто разъ успѣете разсмотрѣть. Поѣдемте вмѣстѣ. Я отправляюсь въ отрядъ генерала Самсонова.

Не долго думая, повернулъ «курсъ» и отправился на югъ.

Въ дорогѣ я уже зналъ, что около Вафангоу мнѣ удастся хотя однимъ глазкомъ посмотреть на какое-нибудь «дѣло». Трудно передать испытанное мною волненіе. Я вспоминалъ о всѣхъ корреспондентахъ, русскихъ и иностранныхъ, поплатившихся жизнью за свое «любопытство», но приближаясь къ роковому полю, гдѣ «предполагались» стычки съ японцами, я принималъ твердое рѣшеніе «не» трусить...

— Вотъ, въ этихъ мѣстахъ, между Вафандяномъ и Вафангоу находятся передовые отряды противника,— сообщилъ мнѣ мой спутникъ.— Мы находимся въ центрѣ нашего авангарда, который завтра или сегодня почью неизбѣжно столкнется съ врагомъ.

И дѣйствительно, въ Вафандянѣ намъ сооб-

щили о скоромъ отправлениі головного отряда на Вафандынъ съ цѣлью развѣдки.

Благодаря любезности моего военнаго знакомаго, я получилъ разрѣшеніе двигаться «за отрядомъ», въ «летучемъ» обозѣ, т. е. въ обозѣ, заключающемъ въ себѣ лишь необходимые боевые припасы, незначительный запасъ провианта и медицинскую часть. Весь отрядъ состоялъ изъ эскадрона драгунъ, одной сотни пограничной стражи заамурскаго округа, сотни сибирскихъ казаковъ и конно-охотничьей команды.

Впереди, въ разстояніи 100—150 шаговъ, двигалась голова отряда, сзади въ взвиномъ строю шли остальные, имѣя на флангахъ патрули.

5 часовъ утра.

Яркое солнце обѣщаетъ жаркій день, хотя одинокія тучки, бѣлыя и пушистые, бродятъ по небу, то растягиваясь въ причудливыя, словно саваномъ одѣтые фигуры, то суживаясь, соединяясь съ другими, принимаютъ буросвищевый оттенокъ и на минуту закроютъ солнечный дискъ, окутавъ складки мѣстности бѣгущими тѣнями, какъ дневными призраками.

На юго-западъ мѣстность понижается къ морю, принимая характеръ равнины, кое-гдѣ вспаханной и засѣянной не нашими, не русскими злаками. Къ востоку и юго - востоку складки мѣстности постепенно переходятъ въ черпѣющія вдали горы.

Безмолвіе пустыни вдругъ нарушено звуками сигнала.

Въ мигъ отрядъ подтягивается, выстраивается въ боевой порядокъ.

Отдаются распоряженія. Указывается перевязочный пунктъ. Получились свѣдѣнія о движении значительного отряда японцевъ отъ ст. Вафандынъ на Вафандынъ.

Въ 9 часовъ утра изъ-за складокъ мѣстности

вынырнула цѣпь японской пѣхоты. Это было на разстояніи не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ отъ расположения нашего отряда.

Раздался залпъ... Затарахтѣли отдѣльные выстрѣлы противника, очевидно, выжидавшаго приближеніе «главныхъ» силъ. На правомъ флангѣ показалась непріятельская кавалерія. Сзади замѣтили пулеметы, выѣзжавшиѳ на возвышенную позицію.

Драгуны и охотники сиѣшились и открыли быстрый, хорошо дисциплинированный огонь по противнику. Остальная часть отряда оставалась въ выжидательномъ положеніи. Непріятельская цѣпь вмѣстѣ съ кавалеріей быстро надвигалась...

Цѣпь—перебѣжками, одна часть поддерживала другую залпами «пачками».

Непріятельская кавалерія мчалась къ нашей позиціи, вѣроятно полагая, что имѣеть дѣло съ одной охотничьею командой, съ дѣйствіями которыхъ противникъ уже успѣлъ познакомиться въ другихъ стычкахъ.

Сибирскіе казаки близко подпустили непріятельскую кавалерію.

Когда четыре эскадрона японцевъ приблизились на разстояніе 150 шаговъ, казаки, взявъ пики на перевѣсъ, съ гикомъ, съ чисто стихійной стремительностью бросились «лавой» на противника. Съ фронта на нихъ пошла пограничная сотня, а драгуны и охотники кинулись на лѣвый флангъ.

Казаки буквально врѣзались въ непріятельскую кавалерійскую колонну...

Пишущій эти строки находился на разстояніи не болѣе 800 шаговъ, на такъ-называемомъ перевязочномъ пункѣ, при лазаретной фурѣ, но картину видѣлъ ясно, отчетливо. Не могу сказать, чтобы перевязочный пунктъ находился въ полной безопасности. И тамъ пули, жужжа, проле-

таютъ, исчезая гдѣ-то далеко или глухо шлепа-
ясь о землю...

Жутко. Страшило. Какое-то особое ощущеніе
овладѣваетъ всѣмъ организмомъ. Трепетъ-ли пе-
редъ лицомъ смерти, смотрящей вамъ прямо въ
глаза и какъ-бы смѣющеся надъ вами, быть мо-
жетъ, жажда помѣриться силою съ самой смертью,
которую мы привыкли считать неумолимою, без-
пощадною... А пули свистятъ и жужжатъ, шле-
паясь о землю, разбивая встрѣчающіеся песча-
никовые камни...

А тамъ, вдали, лихіе казаки, молодцы - погра-
ничники, драгуны и охотники сокрушаютъ врага,
рубятъ и колютъ его...

Большая часть непріятельской кавалеріи въ
этой маленькой стычкѣ была изрублена. Осталь-
ные бросились наутекъ къ главнымъ силамъ,
состоявшимъ изъ 8 ротъ пѣхоты при артиллериі.

Раздался сигналъ, одинъ, другой, и наши мо-
лодцы, группируясь по частямъ, въ порядкѣ ста-
ли отходить.

Дѣло было сдѣлано. Задача выполнена. Выяс-
нено мѣсто нахожденія противника и его цѣль.
Забрали раненыхъ и двинулись назадъ.

Оказался тяжело раненымъ одинъ казачій офи-
церъ, выбыли изъ строя легко ранеными 21 ниж-
ний чинъ.

Участники стычки, утверждаютъ, что потери
противника весьма значительны. Совершенно
упичтоженъ весь лѣвый флангъ непріятельской
кавалеріи, на который обрушились молодцы си-
бириаки съ своими длинными пиками.

Одинъ охотникъ мѣ передавалъ о грозившей
его жизни почти неминуемой опасности. Лошадь
опрокинула его въ тотъ моментъ, когда онъ из-
готовился схватиться съ налетѣвшимъ на него
японцемъ. Японецъ также слетѣлъ съ лошади,
но ловкій охотникъ въ одинъ мигъ вынырнулъ

изъ-подъ лошади и нанесъ смертельный ударъ врагу... Лихость сибирскихъ казаковъ, ихъ удаль, быстрота и сила выше всякихъ похвалъ.

Подробности стычки 17 мая.

Бой 17-го мая явился слѣдствіемъ рекогносцировки, произведенной 16-го мая отрядомъ ротмистра пограничной стражи (Заамурскаго округа) графа Армфельда.

Сама рекогносцировка производилась подъ руководствомъ командира 4-го желѣзнодорожнаго батальона, полковника Кашуба, личности въ высокой степени интересной. Кашуба представляетъ собою типъ весьма скромнаго и въ то же время чрезвычайно разумнаго командира-славянина. Всѣ его подчиненные иначе не отзываются о немъ, какъ объ ангелѣ,—способномъ на самопожертвование. Это герой, который и самъ того не сознаетъ, а между тѣмъ это герой въ полномъ смыслѣ слова.

Да, вотъ, судите сами.

Участокъ желѣзной дороги отъ Ляояна до Цзинь-Чжоу обслуживается желѣзнодорожнымъ батальономъ, вѣреннымъ его командѣ.

Послѣ закрытія движенія отъ Вафангоу, симпатичный командиръ не могъ успокоиться, понимая важность линіи на случай наступленія нашей арміи на югъ.

Слѣдствіемъ этого было то, что полковникъ Кашуба отправился на свой участокъ и все время обѣзжалъ его на дрезинѣ, забывая о возможности попасть въ лапы японцевъ или свирѣпствующихъ тамъ хунхузовъ.

13-го мая полковникъ приступилъ къ обстоятельной рекогносцировкѣ желѣзодорожнаго пу-

ти подъ прикрытиемъ отряда пограничной стражи, находившагося у станции Вафангоу подъ командой ротмистра графа Армфельда.

14 мая қитайскій полковникъ сообщилъ намъ о разъѣздахъ японского кавалерійскаго отряда силою въ 300 верховыхъ по направлению къ Ванзелину. Полковникъ Кашуба предложилъ графу Армфельду попытаться отрѣзать путь отступления японскому отряду. Для этой цѣли въ 8 часовъ вечера, едва южное солнце скрылось за горизонтомъ и дневной жаръ нѣсколько спалъ, весь отрядъ выступилъ въ походъ, выславъ впередъ незначительный разъѣздъ подъ начальствомъ корнета пограничной стражи Рыбасова.

Послѣдній, осторожно двигаясь, прибылъ на мѣсто и подъ покровомъ ночи выбралъ укромный уголокъ для засады, пославъ полковнику Кашубѣ донесеніе о японскомъ разъѣздѣ, покинувшемъ занятую корнетомъ мѣстность часа два-три до прибытія нашихъ. Явилась необходимость въ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ. Кашуба поднялъ отрядъ и, пользуясь темнотой южной ночи, двинулся всѣми силами въ 160 верховыхъ къ Вафангоу. Полковникъ оцѣнилъ тактику японцевъ преслѣдовать противника съ значительно превосходными силами, а потому рѣшилъ выждать приближенія отряда генерала Самсонова который, по расчетамъ, долженъ былъ приблизиться къ Вафангоу 17-го мая. Къ тому-же и люди рекогносцировочного отряда и лошади были утомлены, неся съ 21-го апрѣля строгую сторожевую службу, обязанные прикрывать наши главные силы на протяженіи почти 200 верстъ. Только побывавъ въ арміи на аванпостахъ, поймешь значение нести въ теченіе мѣсяца сторожевую службу.

Принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, полковникъ Кашуба далъ отряду отдыхъ на 15-е

мая. Однако, ночью съ 15-го на 16-е мая, Кашуба все-таки предпринялъ обходъ фланга непріятеля, горами, къ востоку отъ станціи, влѣво отъ линіи дороги.

Послѣ тропически жаркаго дня къ ночи погода рѣзко измѣнилась. Небо заволокло тучами. Сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Темнота ночи требовала особой осторожности. Двигались шагъ за шагомъ. Достигли деревни, расположенной верстахъ въ 14-ти отъ Бафангou, въ которой рѣшили расположиться на почлегъ, выславъ однако впередь поручика Скрынникова для занятія съ маленьkimъ передовымъ отрядомъ скрытаго мѣста, удобнаго для наблюденія за противникомъ.

Часовъ около 9—10 утра 16 мая полковникъ Кашуба достигъ деревни, расположенной верстахъ въ 7—8 южнѣе Бафангou, между первой и второй казармами жѣлѣзной дороги къ сторонѣ Пуландяна.

Курьезно, что здѣсь отрядъ расположился на отдыхъ и завтракъ всего въ *двухъ верстахъ* отъ мѣстонахожденія противника.

Китайцы, увидѣвши въѣхавшій въ деревню русскій отрядъ, вытаращили глаза. Имъ казался непонятнымъ столь близкій отдыхъ въ виду самого противника. Тѣмъ не менѣе отрядъ былъ принятъ довольно радушно, его предупредили о близости противника, скрывъ однако численность.

Начальникъ передового разъѣзда, вахмистръ Кулаковъ донесъ, что при появлениі нашихъ разъѣздовъ непріятель поспѣшилъ снять свои два конныхъ поста.

Это побудило полковника распорядиться усиленiemъ разъѣздовъ до 20 верховыхъ подъ командой поручика Скрынникова.

Съ правой стороны дороги лежала лошинка.

Ее и занялъ Скрыниковъ со своими людьми, выславъ переводчика-китайца съ тремя нижними чинами въ деревню съ цѣлью паведенія справокъ о численности противника.

Японцы замѣтили это движение и выслали 14 кавалеристовъ въ погоню за ними. Наши молодцы быстро разсыпались и затѣяли перестрѣлку съ японцами, а китаецъ поспѣшилъ къ поручику Скрыникову съ донесеніемъ о близости японского отряда, состоящаго изъ кавалеріи и пѣхоты въ неопределѣленномъ количествѣ.

Тѣмъ временемъ наши разъезды заняли широкій фронтъ, а полковникъ Кашуба ввелъ въ цѣпь спѣшенную часть подъ командой поручика Веревкина, который съ удивительной лихостью, словно на ученыи, прошелъ съ спѣшеными стрѣлками по открытой мѣстности, занялъ правый флангъ боевого расположенія, имѣя коноводовъ скрытыми въ оврагѣ, въ 300—400 шагахъ. Этотъ ловкій маневръ далъ возможность обмануть непріятеля, вселивъ въ немъ убѣждѣніе, что нашъ рекогносцировочный отрядъ располагаетъ пѣхотной частью. Такое обстоятельство заставило и японцевъ разсыпать стрѣлковыя цѣпи, что дало возможность, руководствуясь протяженiemъ ихъ фронта и кучками резервовъ сзади, опредѣлить и количество.

Размѣръ непріятельской боевой линіи опредѣлился въ 1 батальонъ пѣхоты.

Поручикъ Скрыниковъ распорядился отправить 10 нижнихъ чиновъ подъ командой все того же вахмистра Кулакова правѣе нашей цѣпи, въ горы, амфитеатромъ окружающей мѣстности. Не прошло и полчаса, какъ получилось извѣстіе о нахожденіи между горами, въ лощинахъ, двухъ эскадроновъ непріятельской кавалеріи. Желая убѣдиться въ силѣ и стремясь побудить врага обратить на себя внимание, было приказано от-
Желая туча.

крыть огонь, выславъ въ деревню для наблюдения половину сотни подъ командой ротмистра Максимова.

Приказаніе занять деревню съ цѣлью охраненія фланга отъ обхода противникомъ было исполнено военнымъ корреспондентомъ Тагѣевымъ, проскаакавшимъ къ графу Армфельду подъ градомъ пуль японскихъ стрѣлковъ.

Перестрѣлка усиливалась.

Замѣчалось напряженіе боя. Обѣ стороны зорко наблюдали другъ за другомъ. Это настоящій турниръ, достойный кисти великаго мастера. Время въ бою тянется медленно. Минута иногда кажется цѣлымъ часомъ.

Полковникъ Кашуба съ полной ясностью опредѣлилъ силы противника и приказалъ своему отряду медленно и осторожно отходить. Достигли поля, занятаго ротмистромъ Максимовымъ. Отрядъ сомкнулся. Были вызваны пѣсенники. Въ арьергардѣ расположили небольшую цѣпь, которая стрѣляла по непріятелю «пачками», прикрывая такимъ образомъ отступающій отрядъ, маршировавшій по полю сраженія подъ звуки лихихъ пѣсенниковъ пограничной стражи.

Разумѣется, и врагъ не дремалъ, и онъ обдавалъ отступающихъ огнемъ «пачекъ» и даже залпами, что уже совсѣмъ не въ характерѣ японской тактики и, очевидно, перенято ими у насть.

Четыре часа дня. Не доходя 6 верстъ до станціи Вафандяна, пала раненая лошадь. Достигли станціи около 5 часовъ и расположились на отдыхъ. Пообѣдали чѣмъ Богъ послалъ на походѣ. Явился посыльный и сообщилъ, что японцы слѣдятъ за нами «по пятамъ».

Около 6½ часовъ вечера снова двинулись обратно къ Вафандоу. Пришли усталые, изнуренные напряженіемъ цѣлаго боевого дня къ 9 часамъ. Стениѣло, какъ всегда темнѣеть на югѣ:

сразу, безъ сумерокъ. Въ темной дали небосвода замигаютъ звѣзды, словно миллиарды глазъ привѣтствуютъ васъ съ безконечной выси. Ночью прохладно. Отыхаешь послѣ дневного жара. Разогрѣваютъ воду, заваривають чай, который пьешь съ наслажденiemъ. Особая, лишь въ походѣ знакомая, нѣга овладѣваетъ всѣмъ тѣломъ. Вспоминаешь о далекой родинѣ, о родныхъ, о друзьяхъ, быть можетъ, объ обманутой любви...

Ночью непріятельские разъезды подошли къ Вафангоу и натолкнулись на выставленный нами секретъ у первого большого моста, воздвигающагося къ сѣверу отъ станціи.

Разъездъ ускакалъ.

8 часовъ утра 17-го мая, знаменательного для исторіи казачьихъ войскъ и ихъ традиціонныхъ пикъ. Пятьдесятъ квартирьеровъ ген. Самсонова вошли въ деревню Вафангоу съ цѣлью занять ее, а въ ней оказался сильный разъездъ японской кавалеріи. Затрещали выстрѣлы. Квартирьеры, отстрѣливаясь, начали отступать.

Полковникъ Кашуба, услышавъ выстрѣлы, понялъ, что «моментъ» приближается. Однако, желая ускорить ходъ событий, онъ сѣлъ на дрезину съ корреспондентомъ Тагѣевымъ и «во весь духъ» помчался навстрѣчу генералу Самсонову съ цѣлью предупредить его о близости врага и о начинаяющемся «дѣлѣ».

Головные части генерала Самсонова встрѣчены были въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ Вафангоу. Полковникъ Кашуба съ дрезины закричалъ имъ о необходимости спешить, вслѣдствіе чего генераль Семеновъ отрядилъ сотню казаковъ, приказавъ ей рысью бѣжать на мѣсто сраженія.

Немного далѣе казаковъ полковникъ Кашуба замѣтилъ бивакирующую на отдыхѣ сотню пограничной стражи и батарею забайкальского казачьяго войска. Имъ также крикнули о необхо-

димости поспѣшить, и батарея вмигъ снялась и поскакала по направлению выстрѣловъ.

Результатомъ этого и былъ знаменитый бой нашихъ сибирскихъ казаковъ съ японской кавалеріей. Онъ надолго останется въ памяти врага. О длинныхъ казачьихъ пикахъ, приносящихъ смерть, будутъ рассказывать гейшамъ въ чайныхъ домикахъ, дѣтямъ въ вечернія сумерки, женамъ и матерямъ въ часы досуга.

С ю я н ь.

29 мая 1904 г.

Сюянъ лежить къ югу отъ Хайчена на большой дорогѣ, идущей къ Даушаню.

Дорога змѣйкой вѣтается, пробиваясь то между горными ущельями, пересѣкая живописныя долины, быстро текущіе горные ручьи и рѣчки, лѣтомъ почти высыхающіе.

Ѣдешь по этому пути, смотришь на голыя островершинечные вершины такъ называемыхъ союкъ, безъ признака растительности; лишь обнаженные камни мрачно взираютъ на мимопроходящіе обозы, на далеко растянувшіеся ряды войска. Зловѣщее безмолвіе нарушается громыханіемъ артиллеріи, тарахтѣніемъ обозныхъ телѣгъ и двухколокъ.

Населеніе въ этой полосѣ Китая не густое. Изрѣдка попадаются деревни, импани съ характерными глиняными стѣнами, кумирни, отличающіяся своей дикостью, запустѣніемъ и зловѣщіей мрачностью.

Вся эта полоса представляла въ іюнѣ прошлаго 1904 года театръ военныхъ дѣйствій.

Съ одной и съ другой стороны воюющихъ то сближаются, то удаляются разъѣзды, пѣшие и

конные патрули. Пногда сближаются «отдѣльныя боевые единицы», пострѣляютъ другъ въ друга, каждый старается нанести своему противнику смерть и разрушеніе, и въ концѣ концовъ безрезультатно разойдутся.

Въ качествѣ посторонняго зрителя смотрю на эти «ходы», и вся Манжурія представляется мнѣ колоссальной шахматной доской. Одинъ ведеть свою игру смѣло, не жалѣя пѣшекъ, но вдругъ остановится, призадумается надъ ходомъ, словно оцѣнивая качества противника и нащупывая его слабое мѣсто.

Другой ведеть игру спокойно, хладнокровно, не удивляется и не порицаетъ смѣлыхъ ходовъ противника, но заранѣе увѣренъ, что побѣда за нимъ, что поле сраженія, въ концѣ концовъ, достанется ему, и игра его носитъ характеръ полнѣйшаго спокойствія, спокойствія несокрушимой силы и моці.

Вотъ небольшой авангардъ нашихъ молодцовъ ранимъ утромъ снялся съ бивака и, растянувшись по дорогѣ къ Сюяню, пошелъ занять позицію. Разъѣзды донесли, что врагъ перешелъ въ наступленіе. Вблизи показались разъѣзды противника, а намъ извѣстно, что его кавалерія «сидить» на пѣхотѣ; стало быть сзади имѣются вражескіе полки *).

Нашихъ немногого. Къ вечеру ожидаются 4 сотни, которыя должны притти изъ Самайцзы, а непріятель, уже освѣдомленный черезъ китайскихъ лазутчиковъ о нашей малочисленности, насѣдаетъ.

Кавалерію свою онъ и самъ въ расчетъ не принимаетъ, лелѣстъ ее и носится съ ней какъ съ

**) Примѣчаніе.* Эта статья относится къ маю 1904 года, когда въ насъ еще крѣпко держалось убѣжденіе, что мы не только одержимъ рядъ блестящихъ побѣдъ, но и, какъ принято выражаться, «шапками закидаемъ».

писаной торбой. Смѣшно сказать, рядомъ съ лошадью бѣжать въ прискочку бывшій рикша, т. е. двуногій извозчикъ, дома зарабатывающій хлѣбъ свой перевозкой пассажировъ въ маленькой легкой двухколесной телѣжкѣ. У насъ говорять, пѣшій конному не товарищъ, а у японцевъ—шиворотъ навыворотъ: у нихъ пѣшій служить помощникомъ и «поддужнымъ» кавалеристу. Можно вообразить лихость японской конницы?

Итакъ, японцы, руководясь малочисленностью нашего авангарда, начали наступление дивизіей пѣхоты, двуми горными батареями и 5-ю эскадронами.

Въ боевой линіи было не болѣе одной бригады.

Наши заняли высоты на югъ отъ Сюяня.

Японцы повели атаку съ юга, но ихъ встрѣтилъ мѣткій огонь нашей батареи, энергія и мѣткость которой не понравились японцамъ и они начали отступать, понеся, повидимому, нѣкоторыя потери.

Одновременно съ этимъ завязался бой между нашей казачьей сотней и нѣсколькими ротами непріятеля. Казаки расположились на перевалѣ восточнѣ Сюяня, спѣшились и вели перестрѣлку съ пѣхотой, поддерживаемые 3 горными орудіями; но кавалерія безъ поддержки пѣхоты не можетъ выдержать сраженія, а потому сотнѣ пришлось отступить, и перевалъ немедленно заняла японская пѣхота, но мѣткій и энергичный огонь нашей батареи заставилъ врага снова покинуть перевалъ.

Странный поединокъ: горсточка ожесточенно дрались съ дивизіей (бригада въ боевой линіи и бригада въ резервѣ). Противникъ, видя тщету своихъ усилий съ «превосходными силами», вывелъ на позицію горную батарею, направилъ ее противъ нашего праваго фланга, но и ей не по-

вездо. Едва она сдѣлала иѣсколько выстрѣловъ по нашимъ цѣлямъ, какъ паша батарея, направивъ на непріятельскія орудія свой огонь, буквально заклевала ее, и она замолкла.

Въ этомъ бою противникъ выказалъ много упорства и настойчивости. Не испытавъ всѣхъ ухищреній, онъ не рѣшался отступить и затѣяль обходъ, черезъ гряду горъ, иѣсколькими батальонными колоннами.

Горсточка нашихъ молодцовъ, выдержанная упорный бой съ 11 часовъ утра до 5 часовъ полуудни (27-го мая), вынуждена была отступить, чтобы не быть отрѣзанной отъ главныхъ силъ до прибытія подкрѣпленія. Отодвинулись и заняли позиціи съверо-западнѣе Сюяня, а затѣмъ еще отошли и расположились въ долинѣ Ундя-тень. Здѣсь наша батарея вновь устроилась на возвышенности и направила сильный огонь по наступавшимъ густымъ колоннамъ противника.

Подъ прикрытиемъ этой батареи и огня спѣшившихся казаковъ стрѣлки отошли къ Мадянхѣ и расположились западнѣе большой дороги, ведущей на Хайченъ. Къ вечеру подошли 4 сотни и присоединились къ биваку.

Такъ закончилось дѣло 27 мая. Японцы отѣснили насть отъ Сюяня и Саймацзы не безъ цѣли. Этимъ путемъ они разсчитывали установить связь съ арміей Оку, надвигавшейся съ юга отъ Бицзыво. И дѣйствительно, тотчасъ, послѣ отхода авангарда отъ Саймацзы и Сюяня, японцы двинули большія силы изъ Дагушаня и Чинтайцзы.

Вообще, нельзя не признать, что задачи противодѣйствія наступающему противнику выполнились крайне неумѣло, а потому и вяло. Кто знаетъ, если бы руководство этимъ отрядомъ находилось въ болѣе опытныхъ рукахъ, возможна была бы совсѣмъ иная картина.

Второй ударъ, нанесенный русскому оружію.

Дѣло подъ Вафангоу 31 мая, 1 и 2 іюня 1904 г.

Начало наступленія слѣдуетъ отнести къ 31-му мая. Наступала армія Оку, высадившаяся въ Бицзыво. Всѣ мелкія стычки отъ 16-го мая проходили съ передовыми отрядами этой арміи. Собственно, ждали этого сраженія еще 23—25 мая, но, когда я возврашался изъ Никоу, намѣреваясь вновь спуститься на югъ къ Пуландяну, мнѣ сообщили, что передовые отряды противника отодвинулись на югъ, за Пуландянъ. У всѣхъ явилось предположеніе, что коварные японцы заманиваютъ насъ къ нашимъ бывшимъ цзинь-чжоускимъ позиціямъ.

Такимъ образомъ, съ 25-го мая по 5-е разъѣзды непріятеля и его заставы то сближались съ нашими, то удалялись.

30-го мая у всей линіи отъ Вафандяна къ Пуландяну, по вновь открытому энергичнымъ подполковникомъ Спиридоновымъ пути Вост.-Кит. ж. д., чувствовалось иѣкоторое напряженіе, воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ, словно передъ сильной грозой.

Наши аванпосты провели ночь на позиціяхъ. Съ 6 часовъ утра 31-го мая замѣтили наступленіе передовыхъ частей непріятеля.

Наступленіе японцевъ грандіозной картиною обрисовалось около половины восьмого. Открытая, волнообразная мѣстность, окаймленная со всѣхъ сторонъ горами. Вдали виднѣются фанзы деревни Пудзятунь и Гаудятунь, между линіей желѣзной дороги и узенькой лентой рѣчки Тасахо. Это въ разстояніи 12 верстъ отъ станціи

Вафандянъ. Около 11 часовъ отчетливо обрисовалась колонна изъ трехъ ротъ съ пулеметами, быстро, почти бѣгомъ, двигавшаяся къ деревиѣ Вафандяна, сзади чернеющіе резервы, а еще подальше горизонтъ застипался густыми облаками пыли, указывавшими на движение густыхъ непріятельскихъ массъ.

Головной отрядъ японской пѣхоты расположился на рельефѣ, вблизи кумирин, верстахъ въ 8-ми отъ Вафандяна. Позади, въ долинѣ рѣки Тасахо, вытянулась длинная колонна, медленно двигавшаяся вдоль полотна желѣзной дороги.

Полдень. Въ тихомъ знойномъ воздухѣ раздались первые звуки выстрѣловъ. Сухие, отрывистые. Можно было подумать, что обѣ стороны, прежде чѣмъ приступить къ кровавому поединку, привѣтствуютъ другъ друга, какъ борцы-атлеты на цирковой аренѣ.

Два часа дня. Фронтъ наступления начинаетъ вырисовываться по обѣимъ сторонамъ полотна дороги, нѣсколько южнѣе деревни Ванденгоу, до долины рѣчки Тасахо.

Ширина фронта, на глазомѣръ, опредѣляется въ 12 верстъ. Стало ясно, что передовыя силы японцевъ составляютъ не менѣе 2-хъ дивизій пѣхоты; замѣтно значительное количество полевой и горной артиллеріи съ дюжиной эскадроповъ конницы.

Невыносимо жарко. Солдаты и офицеры на своихъ мѣстахъ зорко слѣдятъ за непріятелемъ, обливаясь потомъ:

— Ф-ф-фу! Ну, и жарко въ этой Манджуріи,—произносить какой-то стрѣлокъ.

— Погоди, жарче будетъ,—прерываетъ его другой.—Эфто што? Эфто—рай. Тяплю, стало быть, и не дуетъ...

— А макаки-то словно черви, подлые, ползутъ. Тыфу! Мразь! Сволочь одна!—иплюется унтеръ.

— Ишь, подлые, остановились, — замѣтилъ зоркій бородачъ изъ запасныхъ.

И дѣйствительно. Около 5 часовъ наступленіе пріостановилось до 7-ми часовъ вечера.

Наши передовыя заставы, не спѣша, отходили на сѣверъ, къ главнымъ силамъ, перестрѣливаясь съ головными частями японцевъ.

Часовъ около $8\frac{1}{2}$, стянулись у ст. Вафандянъ съ незначительными потерями: ранены сотникъ Черепахинъ и три нижнихъ чина.

Люди поужинали. Горнисты и барабанщики сыграли зорю. Въ воздухѣ разнеслись звуки молитвы. А потомъ все стихло. Только слышны были шаги удаляющихся секретовъ...

Ночь съ 31-го мая на 1-е іюня прошла спокойно.

Едва первые солнечные лучи брызнули съ далекаго горизонта, вернувшись секреты донесли о движениіи противника тремя колоннами. Правая — по долинѣ р. Тасахо, средняя — вдоль желѣзной дороги и лѣвая направилась къ западу отъ линіи ущельемъ, хорошо знакомымъ нашимъ казакамъ. Оно выходитъ изъ Ванденгоу къ Вафандяну *).

Увидѣвъ приближающагося противника, заставы отъ казаковъ и приморскихъ драгунъ стали медленно отходить къ главнымъ силамъ.

Часамъ къ 10 утра нашъ отрядъ передвинулся къ позиціямъ въ трехъ верстахъ отъ Уцзятуя.

Массы японцевъ, дѣйствительно, словно черви ползли, тѣсня нашу конницу. Наши передовыя части не завязывали «дѣла» съ огромнымъ по количеству противникомъ, а шагъ за шагомъ отодвигались къ станціи Вафандянъ, куда къ

*) *Примѣчаніе.* Почему-то этотъ маневръ не былъ принятъ въ расчетъ нашими доморощенными стратегами, а между тѣмъ, въ этомъ ущельи можно было нанести японцамъ серьезный ударъ...

этому времени успѣли стянуться на позиціи главные силы южного отряда. Наступленіе противника продолжалось, и къ полуночи японцы обрисовались на высотахъ верстахъ въ 6 отъ Вафандяна.

Около двухъ часовъ завязался бой, упорный, кровопролитный... Желтая туча направила всѣ усилия на нашъ лѣвый флангъ, но этотъ день для нея не былъ счастливымъ. Прекрасная дивизія съ своимъ достойнымъ начальникомъ генераломъ Гернгрессомъ во главѣ нанесла японцамъ чувствительный уронъ.

Въ этотъ день наши потери, сравнительно съ непріятельскими, были не велики.

Погибъ доблестный командиръ 1-го в.-с. стрѣлковаго Его Величества полка полковникъ Хвастуновъ. Однимъ осколкомъ гранаты убило храбраго командира и его адъютанта подпоручика Драгослава-Надточинскаго. Начальникъ первой дивизіи генералъ Гернгрессъ получилъ шрапнельную рану въ нижнюю челюсть съ поврежденiemъ надкостницы и, не взирая на это, все время боя оставался въ строю.

Мужественный генералъ!

1-го июня раненъ капитанъ генерального штаба Криницкій; кромѣ того, мы потеряли убитыми и ранеными—офицеровъ 20 и нижнихъ чиновъ 311. Таковы были официальная донесенія.

Итакъ, 1-го июня кончилось для насъ благополучно. Противникъ понесъ тяжелый уронъ, но это не охладило его рвения. За ночь онъ предпринялъ обходъ нашего праваго фланга, а 2-го июня снаряды уже разрывались на станціи Вафандгоу. Отрядъ генерала Штацельберга еще держался до вечера, но, понеся огромныя потери, началъ отступленіе ночью со второго на третье июня.

И въ данномъ случаѣ приходится сказать не-

лицепріятно, что этотъ ударъ постигъ насть только благодаря слабости обороны, отсутствію иниціативы и твердаго руководства отрядомъ.

Странно, что мы тогда еще не знали японской тактики, и наши батареи располагались, по указаніямъ офицеровъ генерального штаба, такъ, что артиллерия противника приводила наши орудія къ полному бездѣйствію. Привожу мнѣніе одного изъ ротныхъ командировъ, которое считаю не безинтереснымъ.

Штабсъ-капитанъ Марковъ 4-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка разсказываетъ: 31-го мая японцы не вели правильнаго наступленія; видно было, что они лишь берутъ направление, выстраиваются въ боевой порядокъ. Привычка у нихъ наступать большими густыми массами, имѣя въ поддержкѣ значительное количество артиллериі. Артиллерия у нихъ играетъ главную роль. Всѣ надежды у нихъ на орудійный огонь, который они развиваютъ съ необыкновенной силой. Совершенно не считаются и не жалѣютъ снарядовъ. Напримѣръ, движется маленькой разъездъ въ 3—5 человѣка, батарея начинаетъ наливъ по немъ залпами; скачеть одиночный всадникъ — жерла орудій направляются и на него смертоносные снаряды. Вслѣдствіе огромнаго количества орудій у противника и особаго свойства ихъ снарядовъ, разрывающихся съ страшной силой, получается тягостное впечатлѣніе, морально дѣйствующее на нашихъ солдатъ. Весь день 1-го юня они ударили въ нашъ лѣвый флангъ. Но видя тщетность своихъ усилий, они выслали къ ночи на 2-е юня свѣжую дивизію, которая съ утра направила всѣ усилия на правый флангъ.

Такъ несчастливо кончилось дѣло подъ Ва-фандоу. Нанеся большой уронъ противнику, мы вынуждены были покинуть сильную пози-

цию, на которой могли бы разгромить японскую армию, разсѣять желтую тучу.

Побѣду подъ Вафангоу мы подарили японцамъ.

На развѣдкѣ.*)

8 июня 1904 г.

Поручику фонъ-Лангѣ дано порученіе съ ма-
леньkimъ отрядомъ пройти въ тылъ армii Куро-
ки, осмотрѣть дороги, расположение непрія-
тельскихъ силъ,—словомъ, произвести то, что на
войнѣ называется развѣдкой.

Подобное порученіе сопряжено съ немалымъ рискомъ. Выборъ того или другого лица для выполнения такой важной задачи всегда возбуждаетъ много толковъ и, пожалуй, иѣкоторую зависть среди «обойденныхъ» товарищъ, также готовыхъ положить свои доблестныя головы на алтарь отечества.

Итакъ, изъ Ланьшаньгуаня выступаетъ вскоро сформированный отрядъ изъ 27 молодцовъ подъ командой молодого офицера, полного эпергii и стремленія какой-бы то ни было цѣной добыть тѣ цѣнныя свѣдѣнія, которыя имѣютъ вѣсь лишь тогда, когда получаются не отъ продажныхъ шпионаў и лазутчиkovъ, а отъ вѣрнаго сына армii, составляющаго частичку ея плоти и крови.

*). *Примѣчаніе.* Привожу этотъ очеркъ въ виду нареканій на нашихъ офицеровъ, не умѣющихъ вести разведки. На эти несправедливыя нареканія у меня одинъ отвѣтъ: «ищите и обрящете». Офицеры и даже очень хорошіе у насъ имѣются, только ихъ слѣдуетъ знать и умѣть использовать ихъ индивидуальныя способности.

Выступлениe назначено въ 4 часа 23-го мая. Составъ отряда — два добровольца: желѣзнодорожный техникъ Венгеровъ, и вольноопредѣляющійся, юноша лѣтъ 19, Родневъ; кромѣ того 25 бородатыхъ и безбородыхъ осетинъ.

Можно смѣло сказать, всѣ были наподборь, молодецъ къ молодцу, а главное, вмѣстѣ съ молодымъ начальникомъ составляли «едино тѣло, единъ духъ».

Жарко. Въ нашей сѣверной Пальмирѣ не имѣютъ представления о той температурѣ, которая царить здѣсь съ утра до вечера, и только съ закатомъ солнца становится легче измученному непривычному пришельцу.

Тѣмъ не менѣе отрядъ въ 4 часа сидѣлъ на своихъ крѣпкогонихъ монголахъ и ждалъ команды, чтобы двинуться въ опасный путь.

— Впередъ! — скомандовалъ офицеръ, выѣхавший на дорогу.

Вольноопредѣляющійся украдкой перекрестился, доброволецъ-техникъ ринулся за своимъ командиромъ. Всѣ поскакали «перемѣннымъ аллюромъ», наблюдая минуты, стремясь пройти 10—12 верстъ въ часъ.

Путь не легкій. Рѣчонка узенькой лентой вьется по каменистому дну. Дорога тянется къ переваламъ по долинѣ, параллельно рѣкѣ. Переходы въ бродъ. О мостахъ, конечно, и думать нечего. Мѣстность голая, мрачная, скалистая, ни признака растительности.

Но далѣе, за такъ называемымъ Фыньшулинскимъ переваломъ, природа рѣзко мѣняется, оживленная лѣсной зеленью, яркой и радостно-шумливой; шелестъ кажется напѣвомъ, однобразнымъ, но пріятно ласкающимъ слухъ послѣ равнодушно молчаливыхъ, мрачныхъ скалистыхъ горъ.

Въ глубинѣ долины виднѣются палатки расположившихся на бивакѣ войскъ, обозовъ, конюшней. Доносятся голоса, слышатся солдатскія пѣсни. Является желаніе остановиться около своихъ, но задача не терпить потери во времени и отрядъ проходитъ мимо, углубляясь въ горы ущелья.

Темною почью приблизились къ деревнѣ Сыдзяпудза. Необходимъ почлегъ, отдыхъ людямъ и лошадямъ. А деревня спитъ. Фанзы утонули въ высокихъ каменихъ заборахъ и не подаютъ признака жизни. Тихо. Нигдѣ не мелькаетъ характерный огонекъ нашихъ родныхъ деревень, бодрящей усталаго путника.

Два осетина соскочили съ коней и, передавъ ихъ товарищамъ, выбрали ворота «понарядище», предполагая, не безъ нѣкотораго основанія, найти въ жилищѣ, скрывшемся за этимъ высокимъ заборомъ, болѣе удобствъ, чѣмъ въ другихъ, и начали неистово стучать.

Ни звука. Словно всѣ вымерли.

Къ стучавшимъ пришли на помощь еще нѣсколько спѣшившихся конныхъ и принялись колотить по деревяннымъ воротамъ во всю мочь. Мертвые—и тѣ должны были бы проснуться.

Кто-то догадался перелѣзть черезъ заборъ. Ворота оказались припертыми огромной деревянной колодой. Сдвинуть ее одному было не подъ силу. Нѣсколько спѣшившихъ товарищѣ пришли на подмогу, и ворота открыли. Отрядъ хлынулъ во дворъ, нарушивъ ночное безмолвіе своимъ веселымъ ропотомъ; голоса охотниковъ смѣшились съ ржаніемъ коней, точно они переговаривались другъ съ другомъ.

Изъ фанзы выползъ старый маиза, повидимому, слуга. Вглядываясь въ лица незванныхъ гостей, онъ какъ-то беспомощно болталъ руками,

словно плетьми. Онъ дрожалъ; очевидно, страхъ сковалъ ему языкъ.

— Чефань ю? (Чефань — обѣдъ, ужинъ, словомъ,—ѣда, ю—имѣешь).

— Мью (нѣтъ), мью, капитана, — жалобно запищалъ стариkъ.

— Чумиза (родъ проса), гаолянъ (злакъ) ю? Кушъ-кушъ ю? *) накинулись на китайца съ вопросами другіе.

— Ка-а-п-пи-таанъ,—жалобно тянулъ маиза, — кушъ-кушъ мью, чефань мью, чумиза мью, тунъ-тунъ мью... (ровно ничего нѣтъ).

— Вреть каналья! — заревѣли охотники. Но командиръ знакомъ остановилъ порывъ. Нѣсколько ободрившійся китаецъ заговорилъ, указывая на сосѣднія фанзы:

— Тады (тамъ) тунъ-тунъ (все-все) ю.

Но двѣ рублевыя бумажки, сунутыя въ руку маизы, окончательно успокоили его. Тотчасъ нашлись и чумиза, и гаолянъ, и чефань, — словомъ, все необходимое.

Поручикъ въ сопровожденіи своей команды вошелъ въ фанзу. Она оказалась пустой, однако на канѣ остались ясные признаки исчезнувшихъ обитателей. Валялось китайское покрывало изъ дрели, на плетеныхъ изъ гаоляновой соломы матрахъ разбросаны убогія постельныя принадлежности, а висящая оконная рама, выходящая на задній дворикъ и имѣющаяся въ каждой фанзѣ, чуть чуть колыхалась. Очевидно, обитатели ушли, пользуясь этимъ отверстиемъ въ стѣнѣ. Къ этой хитрости жители китайскихъ селеній прибѣгаютъ всегда въ минуты угрожающей опасности. Дома остается обыкновенно одинъ слуга, а хозяева ухо-

*) Русско-китайскій жаргонъ, означающій:—нѣтъ-ли чего покушать.

дятъ, уводя женищинъ и дѣтей въ горы, гдѣ легко укрыться, пока не минуетъ опасность.

Вскипятивъ воду въ котлѣ, вдѣланномъ въ канѣ, команда напилась чаю; накормили лошадей и расположились на ночлегъ, кто на канѣ, кто на землѣ, а кто на дворѣ, вблизи коновязей.

Старый маиза, награжденный деньгами, сахаромъ, папиросами и ласковымъ обращенiemъ, усѣлся на канѣ, поджавъ подъ себя ноги, и умильно шепталъ:

— Шанго, капитанъ, шанго! Тунъ-тунъ ю... суй (вода) ю, чумиза ю, чефань ю... тунъ-тунъ...

Съ разсвѣтомъ отрядъ зашевелился. Начальникъ заботливымъ окомъ осмотрѣлъ команду и лошадей. Всѣ были бодры и веселы. Изъ невидимыхъ щелей, откуда ни возьмись, выползли дѣти и женщины, показался самъ хозяинъ.

Запаслись въ дорогу необходимымъ и, разспросивъ китайцевъ, тронулись въ дальнѣйший путь, по направлению къ городу Саймадзы, гдѣ предполагалось присутствіе дивизіи генерала Ренненкампфа.

Саймадзы—захолустный китайскій городъ, лежащий на перепутьи между Сюяномъ и Фынхуанченомъ. Въ мирное время, говорятъ, онъ служить сосредоточиемъ манджурскихъ бандитовъ — хунхузовъ, прячущихъ здѣсь награбленное золото для отправки въ Корею, а награбленное въ Кореѣ—для транспортированія въ Китай.

Дивизіи генерала Ренненкампфа не оказалось въ Саймадзы. Еще въ 7 часовъ утра она сиялась съ бивака и ушла на Цзянъ-Чанъ. Встрѣтились разѣзды изъ отряда генерала Грекова, сообщившіе, что дорога къ востоку занята японскими кавалерійскими заставами, а путь на Эр-дао-хецы занятъ пѣхотой.

Послѣ ночевки въ Саймадзы, собравъ свѣдѣнія о горныхъ перевалахъ, и характерѣ мѣстности Желтая туча.

сти, разведчики, съ Лангомъ во главѣ, двинулись на сѣверъ. Пройдя 8 верстъ, снова свернули на востокъ, по дорогѣ на Эр-дао-хецы, рѣшивъ обслѣдовать мѣста, занятые противникомъ, его силы и, если возможно, проникнуть въ его намѣренія.

Но вездѣ встрѣчалась густая цѣпь непріятельскихъ разъѣздовъ и дозоровъ. Прорваться сквозь эту завѣсу — не входило въ расчеты начальника отряда. Необходимо пройти скрытию, чтобы врагъ не замѣтилъ. Другое дѣло, когда пути изъ долины рѣки Айхэ будутъ изучены, о, тогда, въ случаяхъ крайней необходимости, можно прорываться силою, но теперь, въ цѣляхъ успѣшнаго выполненія задачи, требуется осторожное, скрытое движение.

Очевидно, японцы усилили сторожевую цѣпь, имѣя въ виду маскировать какой-нибудь маневръ. Предположенія оправдались. Японцы наступили на Саймадзы, гдѣ въ этотъ день, 25 мая, и произошло столкновеніе съ отрядомъ генерала Гревкова. Усиленная сторожевая цѣпь и прикрывала правый флангъ во время атаки противникомъ нашего отряда.

Охотники слышали залпы и отдѣльные выстрѣлы, но были заняты своимъ дѣломъ и, карабкаясь по горнымъ скаламъ, преодолѣвали мрачные массивы, стремясь впередъ...

Замерли вдали орудійные залпы и сухая трескотня японскихъ малокалиберныхъ винтовокъ. Отрядъ перевалилъ на южный склонъ хребта.

Природа рѣзко измѣнилась. Внизу разстилалась широкая долина, покрытая яркой зеленью. Склоны горъ обросли роскошной, густой, дѣвственной растительностью. Рука культуры германца еще не коснулась этого дикаго лѣса.

Картина необыкновенной красоты, поразительной, ошеломляющей, пожалуй, опьяняющей... И

Генералъ-маіоръ П. К. Ренненкампфъ.

вся она освещена яркими лучами южного солнца, а воздухъ пропитанъ ароматомъ растущей сирени, жасмина и множества цветовъ, названий которыхъ не знаешь. Нѣтъ утомительной духоты, горная свѣжесть бодритъ и веселитъ.

Среди густого кустарника гордо вздымаются къ небу высокія деревья, обвитыя густолиственными ползучими паразитами.

Осторожно пробирается отрядъ сквозь густую дѣственную чащу, подъ сѣнью чудной зелени. Ниже по скатамъ, пробиваются горные ручейки. Прозрачная вода журча весело сбѣгаетъ внизъ, въ долину, образуя на днѣ ея рѣчку Айхэ.

Попадается дикій виноградъ. Зеленые гроздья густо нависли, пригибая вѣтви. Поразительный контрастъ: въ то время, когда южный скатъ представляетъ чудную картину яркой, разнообразной растительности, сѣверный склонъ представляетъ мрачную картину густыхъ тайно-брачныхъ мховъ и папортниковъ при полномъ отсутствіи хвойного лѣса.

Еще поражаетъ европейца бѣдность фауны при такомъ богатствѣ флоры.

Только изрѣдка прокукуетъ кукушка, иногда прокричитъ фазанъ или прошелестить между листьями змѣя, удирая къ своей норѣ.

Надъ массивами скаль рѣютъ хищные коршуны, а снизу изъ фанзъ долетаетъ отвратительный ревъ ишака.

Попадаются изрѣдка слѣды заброшенныхъ капкановъ. Быть можетъ, звѣриный промыселъ не прельщаетъ земледѣльца китайца; быть можетъ, онъ оставилъ его до болѣе безопаснаго времени.

Минуя рѣдкіе поселки, приходилось убѣждаться, что японцамъ не безызвѣстны наши движения. Шпіоны слѣдили за охотниками. При разспросахъ маизъ, послѣдніе перѣдко стремились направить развѣдчиковъ на врага. Но моло-

дой начальникъ, угадывая намѣренія ихъ, всегда принималъ направление, совершенно противоположное даннымъ указаніямъ. Предосторожность оправдывалась. Наблюдая деревню съ горы, куда китайцы направляли нашихъ, замѣчалось усиленное движение, непріятельскіе разъѣзды, засады... И какою радостью бились сердца храбрецовъ отъ сознанія, что удалось перехитрить врага, обладающаго чисто звѣриннымъ инстинктомъ, у кото-раго шпіонство возведено въ культь, доведено до высоты, вполнѣ достойной азіатовъ, точащихъ свои хищные клыки на европейскую культуру.

Начальникъ развѣдоочнаго отряда щедро расплачивался съ китайцами за пріобрѣтенный у нихъ фуражъ, за малѣйшую услугу, и результаты не замедлили оправдаться.

Однако, ночевокъ по деревнямъ въ тылу непріятельскаго расположенія избѣгали.

Углубляясь на востокъ и съверо-востокъ, приходилось устраиваться на ночевки въ рощахъ и на сопкахъ, скрываясь или въ густой заросли, или въ хорошо укрытыхъ расщелинахъ.

Нерѣдко сквозь темную ночь часовой наблюдалъ конныхъ японцевъ, черныя фигуры которыхъ зловѣщими силуэтами мелькали у дороги. Охватило страстное желаніе поймать лихого, злобнаго врага, но цѣль сдерживала охотничій порывъ.

Наконецъ, цѣль достигнута.

Долина Айхэ составляла глубокій тылъ арміи Куроки къ съверо-востоку. Здѣсь развѣтвляются дороги и тропы въ разныя стороны по различнымъ направлениямъ: на Мукденъ къ съверо-западу, на Догушанъ къ юго-востоку и на востокъ въ Корею...

Обслѣдованіе дорогъ и крошки мѣстности произведены были со всей тщательностью. Харак-

терныхъ слѣдовъ прохода войскъ большими или малыми силами не оказалось. А замести эти слѣды возможнымъ не представляется. Запасы у жителей не истощены, нигдѣ не видно телеграфныхъ проводовъ, остатковъ бивакирующихъ отрядовъ, дорога не избита.

Такимъ образомъ, выполнивъ задачу и составивъ донесеніе, оставалось выбрать двухъ наиболѣе расторопныхъ изъ охотниковъ и отправить въ штабъ генерала Келлера, въ Лянь-шань-гуань. Затѣмъ, важно было избрать удобное мѣсто для бивака: возвратный путь требовалъ возстановленія силь у людей и животныхъ, разбившихъ ноги по большимъ горнымъ переходамъ.

Бивакъ устроили въ лѣсѣ, притаившемся за лощиной съ хорошимъ путемъ отступленія на югъ, въ горы, покрытыя на скатахъ густыми зарослями; съ сѣвера имѣлась естественная защита въ видѣ крутого обрыва, заросшаго лѣсомъ; на востокъ рѣчка Айхэ, тихо журчащая теперь и превращающаяся въ бурный потокъ во время дождей, дугой обвила мѣсто бивака. Разставивъ дозоры, отправились къ деревнѣ разспросить о непріятельѣ. Китайцы указали на присутствіе японскихъ разъездовъ въ различныхъ направленихъ, на ближайшихъ дорогахъ. Требовалась сугубая осторожность: ни малѣйшаго шума, ни огня, чтобы не привлечь къ себѣ вниманія враговъ.

Китаецъ принесъ извѣстіе о близости большой конной заставы. Отвлечь ея вниманіе въ сторону, противоположную отъ мѣста нашего отдыха, явилось вопросомъ не малой важности. Для этой цѣли желѣзнодорожному технику Венгерову отдано приказаніе отправиться съ нѣсколькими охотниками верстъ за 20 къ югу, къ другой непріятельской заставѣ, поднять тамъ тревогу, не много продержаться и скрытно вернуться на бивакъ.

Одновременно съ этимъ нарядили двухъ смѣльчаковъ съ допесеніями въ штабъ.

День склонялся къ вечеру. Укрытымъ въ гунцѣ конямъ надѣли на морды мѣшки съ ячменемъ, чтобы они ржанiemъ не выдали своихъ. Наступила тихая звѣздная ночь. Какъ-то вдругъ тяжело стало всѣмъ, словно отъ предчувствія приближающейся грозы. Столкновеніе съ японцами казалось близкимъ и неизбѣжнымъ. А время быстро текло. Проходили часы за часами. Необходимо было сняться съ бивака, но Венгерова съ людьми нѣтъ, какъ нѣтъ... Это еще увеличивало нашу тревогу. Неужели бѣдяги попались въ плѣнъ,— мелькало въ головѣ оставшихся. Если-бы они попали въ засаду, были-бы слышны выстрѣлы.

Минула полночь. Пробѣжалъ еще часть тяжелаго ожиданія. Послышался осторожный шорохъ. На-вострили уши, но бояться нечего: впереди секреты, пробраться на бивакъ могутъ лишь свои. И дѣйствительно, Венгеровъ съ командой вернулся и сообщилъ, что ни заставъ, ни разъѣздовъ онъ нигдѣ къ югу на разстояніе 8 верстъ не встрѣтилъ. Изъ донесенія явствовало, что японцы сняли конные заставы, чтобы ити на нашихъ разведчиковъ. Оставалось принять всѣ мѣры предосторожности и... ждать нападенія.

Не успѣлъ начальникъ отряда отдать необходимыя распоряженія, какъ раздался первый выстрѣлъ со стороны сѣвернаго секрета... Ему отвѣтилъ дружный залпъ непріятеля, потомъ еще, и еще, и затрещали сухie, отрывочные выстрѣлы японскихъ винтовокъ. Пули свистѣли надъ лощиной, неслись надъ головами бивакирующего отряда, сбивая листья и обрывая вѣтви.

Охотники въ мигъ очутились у своихъ коней. Начальникъ отдавалъ приказанія шопотомъ.

— Братцы! не стрѣлять въ пустую... Мелькнетъ

огонекъ, по тому направлению и цѣль,—командовалъ поручикъ.

Послѣдовали выстрѣлы со стороны сѣверо-восточного сектета. По ряду мелькнувшихъ огоньковъ видно было о наступленіи на бивакъ цѣлой непріятельской шеренги.

— Г. поручикъ!—шепнулъ Венгеровъ, стоявшій рядомъ со своимъ командиромъ: — еслибъ намъ только взобраться на гору? Оттуда много удобнѣе было бы отвѣтить на выстрѣлы...

Взобраться на гору съ лошадьми въ темнотѣ было не такъ просто, а японцы налегали. Они были совсѣмъ близко... Почти вплотную. Явственно слышались слова команды, свистки, мелькалъ свѣтъ электрическихъ фонариковъ съ отличными рефлекторами. Японцы, что-бы ни увидѣли у европейцевъ, тотчасъ переймутъ. Всякій кавалеристъ и даже большинство пѣхотныхъ снабжены электрическими фонарями, что въ ночную пору представляется не малое удобство. Вотъ замѣтно стало приближеніе японцевъ къ рѣчкѣ. Охотники усилили огонь, стрѣляя то пачками, то залпами. Раздались неожиданные звуки сигнального рожка, и противникъ прекратилъ огонь. Это привело отрядъ въ недоумѣніе. Необходимо торопиться, принять энергичныя мѣры, чтобы не попасть въ руки японцевъ. Отдано было приказаніе выводить коней къ южному подъему лощины, откуда являлась возможность вскарабкаться на гору, цѣпляясь за кустарникъ.

— Та-та-та-та-та,—раздался сигналъ и послѣдовалъ дикий визгливый крикъ:—і-я-а-а-а...

Этотъ визгливый крикъ соотвѣтствуетъ нашему «ура!». Развѣдчики успѣли выбраться изъ лощины, куда стремительно бросились враги. Поднимаясь въ гору, приходилось отстрѣливаться изъ-за круповъ лошадей. Отступали осторожно, шагъ за шагомъ, но сказалось неудобство бѣлой

масти монгольскихъ коней: всѣ были убиты или ранены, а изъ темныхъ ранили только одну.

Первоначально японцы кинулись преслѣдовать развѣдчиковъ на гору, но скоро спустились; замѣтило было, какъ они раздѣлились на двое и пошли въ разныя стороны, очевидно намѣреваясь обойти нашихъ. Охотники воспользовались моментомъ и живо добрались до гребня горы, гдѣ немногого простоялившись, чтобы осмотрѣться, подсчитать убыль въ людяхъ и лошадяхъ. Подсчетъ показалъ отсутствіе 11 человѣкъ, двое были посланы съ донесеніями, стало быть осталось 14 охотниковъ, но было извѣстно, что 6 осетинъ спустились въ оврагъ, лежавшій вправо отъ подъема. Эти несомнѣнно вскорѣ присоединятся, а 5 товарищѣй, повидимому, остались на полѣ бранїи.

Развѣдчики спѣшили укрыться отъ насѣдающаго противника. Оріентируясь по звѣздамъ, они шли по гребню горы, держа направление на югъ. Стало ясно, что враги потеряли добычу...

На далекомъ горизонтѣ мелькнула заря. Выкатилъ лучезарный Фебъ на своей огненной колесницѣ и разсыпалъ свои золотые лучи по цвѣтущей долинѣ, которую только что покинули. Еще разъ мелькнула змѣйка рѣки и притаившаяся въ излучинѣ деревня У-дя-хѣ-цы...

Охотники бросили послѣдній взглядъ на красивую долину, стоявшую жизни пятерымъ товарищамъ, и пошли дальше.

Осталось 7 лошадей; приходилось чередоваться, пользуясь ихъ спинами по очереди. Весь день шли горами. Свернуть на дорогу мѣшали непріятельскіе развѣзды, рыскавшіе внизу словно шакалы, ищущіе добычу...

Не рѣдко выручали китайцы, предупреждая о грозящей опасности, указывая гдѣ противникъ.

Пересѣкая горы, тропинки, мы замѣчали

слѣды коней, что указывало на благополучное путешествие ранѣе посланныхъ развѣдчиковъ съ донесеніями.

Въ попутныхъ деревняхъ узнавали о бывшихъ столкновеніяхъ съ японцами. Предстояло добраться до Цзянь-Чана, но между отрядомъ развѣдчиковъ и лагеремъ генер. Рениенкампфа стояла густая цѣпь непріятельскихъ сторожевыхъ постовъ и кавалерійскихъ разъѣздовъ. Вечеромъ явился кривой на одинъ глазъ китаецъ и сообщилъ, что повсюду на пути находятся «ипенъ, шибика минога ипенъ»...

Поневолѣ пришлось углубиться въ горы на западу.

День ото дня приходилось тяжелѣе.

Окончательно выбились изъ силъ. Люди добрали до крайней степени усталости и кромѣ того изголодались.

Лошади разбили поги на скалистыхъ горныхъ кручахъ. Днемъ прибавлялась мучительная жажда, которую на южныхъ скатахъ удавалось утолять, жуя виноградные листья. Даже привычные и наилучше выносливые охотники, Венгеровъ и Родневъ, еле двигались...

На привалѣ начальникъ отряда занялся разматываніемъ картъ и плана маршрута, раздумывая, куда ближе ити. Воинъ тянутся къ небесамъ хребты Фыншулинскаго перевала, позади которыхъ цѣль всѣхъ стремленій.

Тамъ лагерь генер. Рениенкампфа, а оттуда недалеко до Ляньшаньгуаня, мѣстонахожденіе штаба восточного отряда графа Келлера.

За то и преодолѣть эти горные скалистые массивы представлялось для голодныхъ развѣдчиковъ дѣломъ почти недостижимымъ... Однако, отрядъ снова двинулся въ путь, дѣля неимовѣрныя усиія, преодолѣвалъ препятствія, казавшіяся непреодолимыми. Скрываясь то въ густыхъ

Генералъ-лейтенантъ графъ О. Э. Келлеръ.

заросляхъ, то въ дикихъ ущельяхъ, они бродили дни и ночи, отдыхая въ часы, когда жара достигала наибольшаго напряженія.

Въ попадавшихся деревняхъ спрашивали китайцевъ.

— Ииень мью?

И китайцы указывали руками кругомъ, повторяя, какъ попугай:—ю-ю-ю-ю... Тунь-тунь-ю...—т.-е. вездѣ есть японцы.

Но охотники шли впередъ, хранимые Богомъ. Мучимые голодомъ и жаждой, они переходили одинъ хребетъ за другимъ. Иногда, наблюдая съ гребня горы, они замѣчали дымокъ костровъ въ долинахъ и ущельяхъ. Тогда приходилось давать «крюкъ», чтобы избѣжать непріятнаго столкновенія.

Спустились, скользя по мхамъ, цѣпляясь за паноротники, съ одного склона. Внизу кто-то замѣтилъ струящуюся изъ расщелины воду. Радость охватила всѣхъ. Вѣроятно, спутники Колумба испытали не меньшую радость, увидѣвъ послѣ продолжительного плаванія землю. Измученные жаждой, развѣдчики припнули губами къ чистому горному источнику. По очереди всѣ утолили жажду.

— Отдохнуть бы! — несмѣло произнесъ Венгеровъ.

Но раздавшійся залпъ заставилъ всѣхъ встрепенуться... На лицахъ охотниковъ изобразилось отчаяніе, то тоскливоѣ отчаяніе, которое не рѣдко заставляетъ человѣка итти на вѣрную смерть. Будь, что будеть. Умирать, такъ умирать! — рѣшилъ про себя каждый, и отрядъ снова двинулся впередъ безъ отдыха, не видя врага, предполагая засаду въ открытомъ мѣстѣ. Надъ головами пронеслось нѣсколько птицъ. Охотники подняли головы, и дружный раскатистый смѣхъ огласилъ ущелье. Заливъ оказался трескомъ не-

вѣдомой птицы. Когда она щелкаетъ клювомъ, получается впечатлѣніе сухихъ пачечныхъ выстрѣловъ японской винтовки.

Наконецъ достигли цѣни разъѣздовъ и заставъ генерала Ренненкампфа, и долгіе мучительные переходы, голодовка, жажда — были вознаграждены радостью встрѣчи съ своими, а оказанное гостепріимство, незатѣйливое угоженіе кашей и хлѣбомъ заставили забыть всѣ перенесенные невзгоды.

Дѣло было сдѣлано. Всѣ, отъ начальника до послѣдняго охотника, были на высотѣ, честно послуживъ родинѣ.

Это описание похожденій одного развѣдыва-
тельного отряда. Но такихъ смѣльчаковъ въ па-
шней арміи было не мало. Стоить объявить вы-
зовъ охотниковъ, и многіе, почти каждый, спѣ-
шатъ заявить о своей готовности положить свою
голову за честь родины.

Восточный отрядъ.

29 июня 1904 г.

Ляньданьсянь.

Жаркій манджурскій день; солице жжетъ не-
милосердно.

Лошади лѣшиво передвигаютъ ноги; всадники,
изнемогая отъ зноя, покачиваются въ дряниыхъ
китайскихъ сѣдлахъ, изрѣдка перекидываясь за-
мѣчаніями по поводу текущихъ событий. Всѣхъ
занимаетъ свѣжее въ памяти дѣло подъ Хаяномъ
(съ 20-го на 21-е июня).

Мы єдемъ къ первоисточнику, стало быть
тамъ и узнаемъ настоящую обстановку этого
дѣла, результаты котораго неизбѣжно отразятся

на нашей дальнѣйшей тактикѣ противъ японцевъ. Такъ по крайней мѣрѣ полагали мы еще тогда, когда о пораженіяхъ никто и не помышлялъ, и предыдущія события считались только случайными неудачами, входившими, кстати сказать, въ планы командующаго.

Отъ Ляояна дорога идетъ по небольшой долинѣ рѣки Тайдзихэ. Пыльно. Мѣстами еще не высохла грязь отъ выпавшихъ дождей. Тянутся обозы, то и дѣло застрѣвающіе въ низинахъ. Несчастные мулы, попукаемые китайцами, выбиваются изъ силъ, стараясь вытащить увязшую въ глубокой, линкой грязи нагруженную арбу.

— И-и-и! ё-е-е! ва-ва-ва! — пишатъ китайцы, а несчастныя животныя ии съ мѣста.

Миновавъ линію позицій, защищающихъ Ляоянъ, и проѣхавъ около 6—7 верстъ по долинѣ, мы попали въ ущелье, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся горы. Небо стало заволакиваться тучами. Вдали съ юго-востока послышались глухіе раскаты грома, которые мы приняли за орудійные залпы. Съ высоты облаковъ упало на землю иѣсколько капель дождя. Раздался громъ, на высотѣ горъ блеснула молнія. Мы пустили лошадей рысью и, проѣхавъ пятнадцать верстъ, прибыли въ такъ называемый полуэтапъ Ванбатай.

Это — небольшая китайская деревня, расположившаяся на широкой площади, окруженнай съ трехъ сторонъ горами. Не болѣе двухъ десятковъ фанзъ, оригинальныхъ по своимъ высокимъ каменнымъ заборамъ, съ рядами однотипныхъ продолговатыхъ строеній внутри.

У одной изъ этихъ каменныхъ оградъ, въ густыхъ вѣтвяхъ высокаго тополя устроена вышка, на которой стоитъ часовой и зорко смотрить вдалъ. Национальный флагъ указываетъ, что здѣсь находится комендантъ пункта.

Дальше бѣхать становилось опаснымъ: густыя сумерки окутали долину, и мы рѣшили заночевать, чтобы раннимъ утромъ пуститься въ дальнѣйший путь.

На нашихъ этапныхъ пунктахъ по линіи къ восточному отряду можно провести вечеръ съ истиннымъ наслажденiemъ. Первобытного устройства фанзы убраны плетеными изъ гаоляговой соломы циновками; хорошо содержимый земляной полъ устланъ тѣмъ же соломеннымъ ковромъ и осыпанъ обломками растущаго въ горахъ ельника, отчего воздухъ фанзы пропитанъ пріятнымъ смолистымъ запахомъ.

Предъявивъ свои корреспондентскіе паспорты, записавъ ихъ куда слѣдуетъ и позаботившись о кормѣ лошадямъ, мы отправились въ бесѣдку во дворъ, по приглашенію любезнаго коменданта, пить чай.

Темнота южной ночи, фонарикъ съ тусклого горящей въ немъ свѣчкой, отдаленность родины—все вмѣстѣ располагаетъ къ обмѣну мыслей.

Иногда тишину ночи прорѣзываетъ свистокъ.. Это—сигналъ часового, извѣщающій о прибытии транспорта, а быть можетъ, о возможности близкой опасности...

Прибыла партія нижнихъ чиновъ, возвращающихся къ своимъ частямъ изъ госпиталей. Ихъ размѣстили. Пріѣхали офицеры, кто съ транспортомъ, кто съ разными покупками.

Офицеры присоединяются къ намъ и завязывается общая бесѣда. Каждый излагаетъ свои боевые впечатлѣнія; послѣднія сводятся къ отдельнымъ эпизодамъ, рисующимъ простоту и героизмъ русского воина.

Офицеры, молодые и старые, съ трогательной нѣжностью вспоминаютъ различные эпизоды съ нижними чинами.

— Вотъ,—рассказываетъ штабсъ-офицеръ,—вѣ-

стевой входитъ въ палатку; я замѣчаю, что онъ взволнованъ.

— Чего тебѣ, Сидоренко? — спрашиваю.

— Такъ что, ваше вы—діе, убитый Андрюхинъ вернулся.

— Что ты городишь?

— Такъ точно! Гляжу, мертвецъ идетъ, я испужался.

— Чего же ты испугался? Солдатъ ничего не долженъ бояться.

— Такъ точно, а только что мертвецъ, оно и страшновато...

— Что же дальше было?

— Я его, стало - быть, окликаю: Андрюхинъ, ты? Откликается, какъ живой. Ажно страхъ беретъ... Оборванный, думаю—мертвый.

Въ результатѣ оказывается, что Андрюхинъ, послѣ отступленія цѣпи, очутился сзади противника. Онъ скрылся въ кустахъ, гдѣ пробылъ нѣсколько сутокъ безъ пищи. Его спасъ находившійся вблизи горный источникъ, изъ котораго онъ пилъ. Постепенно переходя отъ кустика къ кустику, онъ выбрался за линію непріятельскаго расположенія, но своихъ нашелъ лишь черезъ нѣсколько дней скитанія по горнымъ рощицамъ. Явился ослабленный отъ голода, изорванный, но аммуниція и ружье оказались при немъ въ полномъ порядке...

Потолковали и разошлись по фанзамъ спать.

Утромъ вмѣстѣ съ зарею отправляемся далѣе. Въ верстѣ отъ Банбатая начинается переваль. Долина сузилась, перешла въ тѣсное ущелье; дорога стала подниматься выше и выше. Дивная картина! Крымъ,—да и только.

Узенькой лентой, зигзагами, вьется горная дорога, скверная, изрытая и тѣсная. Безконечный обозъ тянетъ въ гору. Тяжело нагруженныя арбы волокутъ малосильныя монгольскія лошаденки или крѣнкогіе мулы. Попадаются мало-

рослые волы, но обязательно въ компаний измученныхъ коней или моловъ.

Дорога настолько узка, что разъѣхаться съ встрѣчнымъ транспортомъ не представляется возможнымъ; даже конному трудно пробраться, а подъемъ становится все круче и опаснѣе. Пробираясь между повозками транспорта, мы должны были слѣзать съ лошадей и вести ихъ въ обходъ.

Наконецъ, мы на вершинѣ. Глазамъ представляется чудная панорама. Кругомъ горныя цѣпи тянутся въ разныя стороны. Слоны покрыты кустарной порослью, а остроконечныя вершины желтѣютъ своими голыми макушками. Свѣжій горный воздухъ. Вдыхаешь его полной грудью.

Спускаемся. Транспорты остались уже позади, а впереди шевелится новая безконечная лента. По пути встрѣчаются саперы съ офицерами. Раздаются взрывы. Это очищаются путь отъ каменныхъ преградъ.

Внизу, на огромной площади, вокругъ горной рѣчки, расположились дивизионные обозы. Зеленѣютъ ряды двухколокъ; вонъ тамъ — коновязи, а впереди маленькия палатки обозныхъ командъ. Справа небольшая деревня Сяолинцы, раскинувшая свои фанзы у подножія окружающихъ площаць горъ.

Это — первый этапъ. Здѣсь находились отряды Красного Креста, полевой госпиталь. Здѣсь-же, въ убогой рощѣ манджура, устроился маркитантъ-грекъ. Онъ открылъ столовую и лавочку, въ которой много «питья», но очень мало съѣстныхъ припасовъ. А цѣны!.. Достаточно сказать, что завтракъ изъ одной яичницы, полбутилки фальсифицированной водки и 4 стакановъ кофе — 19 руб. Бутылка отвратительного пива, изготовленного заводами воюющей съ нами Японіи — 1 р. 50 коп. И все въ такой-же пропорціи... Но въ походѣ привередничать не приходится. Сколько Желтая туча.

требуютъ — плати. На то и война. Маркитантъ прямо говоритъ: «война не каждый день бываетъ». Кроме того, нельзя не сознаться, что нерѣдко и ему приходится рисковать не только своимъ достояніемъ, но и собственной жизнью...

Въ бою подъ Вафангоу маркитантъ разложилъ свои товары у станціи и потерялъ все, что у него было.

Отдохнувъ и позавтра кавъ у усмѣхливаго маркитанта, относящагося съ «большимъ почтеніемъ къ представителямъ печати», мы пустились въ дальнѣйшій путь.

Дорога ко второму этапу «Ляньданьсянь» проходитъ по широкимъ ущельямъ, переходящимъ въ долины. Множество зигзагообразныхъ рѣчекъ и ручьевъ, которые приходится перебѣжать въ бродъ. Солдаты переходятъ эти броды босякомъ.

Наконецъ, мы достигли этапа Ляньданьсянь. Опять большая деревня, множество фанзъ, даже нѣсколько улицъ; нашъ национальный флагъ, развивающійся надъ низкими строеніями, указываетъ мѣстонахожденіе этапа.

Устройство такое-же: фанзы, обитая соломенными циновками, каны, приспособленыя для спанья, чистые полы. Имѣется самоваръ, который при нашемъ появлениі немедленно разогревается, и вы, усталый утомительнымъ переходомъ, съ наслажденіемъ потягиваете горячій чай...

На этапѣ много офицеровъ. Иные съ позиціїѣдутъ за провіантомъ, иные возвращаются въ «передовую линію». У всякаго уже имѣется нѣкоторый боевой опытъ, и каждый охотно дѣлится пережитыми впечатлѣніями. Мое вниманіе нѣсколько привлекаетъ молодой хорунжій Ладыженскій. Я встрѣчалъ его въ Петербургѣ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ. Но, Боже, въ какомъ онъ теперь видѣ? Лицо отъ густого загара стало мѣдно-краснымъ, руки, нѣкогда хо-

ленья, почернѣли, сморчились, покрылись мозолями. Блестящій мундиръ замѣнила простая сѣрая блуза (гимнастерка), и офицерское званіе опредѣляется лишь почернѣвшими отъ грязи и пыли погонами, на которыхъ значится 2-й читинскій полкъ (казачій).

— Я могу вамъ сообщить,—говорить корнетъ,— о маленькой, по характерной стычкѣ у деревни Мадяпузы. Капитанъ Миссинъ занялъ съ своей ротой горку. Для освѣщенія мѣстности онъ спустился съ полуротой въ долину и тотчасъ былъ окружено со всѣхъ сторонъ японцами. Бѣдняга былъ боленъ. Онъ страдалъ отъ жестокаго ревматизма. Видя свое безвыходное положеніе, капитанъ приказываетъ людямъ разсыпаться и пробиться сквозь непріятельскіе ряды. Нижніе чины наотрѣзъ отказываются исполнить приказаніе капитана. Они во что-бы то ни стало желаютъ вынести своего командира изъ огня. Но, къ несчастью, это физически невозможно. Капитанъ настойчиво приказываетъ оставить его и пробиться... Тѣмъ временемъ японцы насыдаются. Время не терпѣло, упорствовать становилось безцѣльнымъ. Солдаты разсыпались и начали пробиваться, отстрѣливаясь, но 6 человѣкъ такъ и остались у своего командира, не желая оставить его одного...

Началась настоящая травля, форменная охота на людей. Ряды рѣдѣли. Всѣ легли въ этой долинѣ и только четыремъ удалось по кустамъ добраться до сопокъ, гдѣ и залегли.

Эти четверо молодцовъ залегли въ кустахъ; они наблюдали ужасы, поднимавшіе «дыбомъ» волосы на головѣ: невдалекѣ лежали раненые и убитые въ разстояніи не болѣе 30 — 35 шаговъ. Японцы добивали раненыхъ штыками, прикладами и даже каменьями; мертвыхъ раздѣвали, обыскивали, брали винтовки и патроны и стрѣляли въ нашихъ изъ нашихъ-же винтовокъ.

Японцы и скрывшихся четырехъ усиленно разыскивали по кустамъ. Нѣсколько разъ проходили мимо нихъ въ 50 шагахъ. Къ счастью, не замѣтили, но увидѣли раненаго унтеръ-офицера Шевченко. *) Бѣдняга сидѣлъ на камнѣ, снявъ сапоги, и перевязывалъ рану. Подошелъ къ нему японской унтеръ-офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Они увидѣли лежащую у ногъ раненаго винтовку. Одинъ японецъ взялъ винтовку, а унтеръ-офицеръ схватилъ Шевченко за пантронташъ и стащилъ съ камня... Протащивъ его нѣсколько шаговъ, стали бить, а потомъ съ двухъ сторонъ прокололи беззащитнаго раненаго штыкомъ...

Рядовой этотъ находился въ самомъ центрѣ расположения непріятельской арміи, двигавшейся на Далинскій перевалъ, и наблюдалъ такіе пріемы японцевъ: войско желтой расы имѣло при отрядахъ толпу китайцевъ, которымъ приказывали разыскивать скрывающихся въ кустахъ раненыхъ; китайцы исполняли это съ усердиемъ и избивали несчастныхъ мучениковъ камнями...

Солдатъ прятался по кустамъ четыре дня и добрель до маленькой деревеньки. Это было въ ночь на 16-е іюня. Въ деревнѣ ему удалось упросить одного манзу вывести его изъ центра японской арміи. Пришлось путаться по горнымъ тропинкамъ еще двое сутокъ безъ пищи. Выручали дожди, лившіе въ теченіе этого времени.

Въ деревнѣ Тхаолинцы солдатъ нашелъ нашу заставу, которая обогрѣла и обсушила бѣднягу, накормила его и направила къ своей части.

О судьбѣ капитана Миссина ему ничего неизвѣстно.

Изъ полуроты капитана Миссина спаслись еще 4 нижнихъ чина: ун.-оф. Иванъ Никитинъ и рядовые: Михаилъ Солопоновъ, Андрей Кондра-

*) Передаю разсказъ со словъ хорунжаго, и вѣрность приведенного случая оставляю на его ответственности.

тенко, Адріанъ Костылевичъ. Они нашли бивакъ 2-го казачьяго верхнєудинскаго полка и рассказали, какъ очевидцы.

Характеренъ разсказъ о дѣйствiяхъ двухъ разъѣздовъ — хорунжаго Васильковскаго и сотника Колесникова, 2-го верхнєудинскаго полка. Первый петербуржецъ, служившій въ лейбъ-казачьемъ полку.

12-го юня, въ 5 час. дия, названные офицеры отправились въ разъѣзды изъ деревни Сандгаза *). Къ вечеру они приѣхали въ деревню Линьдяпфуза, гдѣ находился постъ уссурiйскаго полка. На посту офицерамъ сообщили, что утромъ слѣдующаго дnia ожидается въ одной верстѣ отъ деревни наступленіе японцевъ по направленiю къ Тайшилинскому перевалу, на большой дорогѣ между Сюянемъ и Хайченомъ.

Васильковскій и Колесниковъ не разъ бывали въ этихъ мѣстахъ, и изучили каждую складку. У нихъ созрѣлъ планъ воспользоваться удобствами складокъ мѣстности и устроить японцамъ засаду. Ровно въ часъ ночи они отправились пѣшкомъ на одну изъ сопокъ, оставивъ коней у уссурiйцевъ. Около 10 час. утра они замѣтили въ ста саженяхъ крадущихся по кустамъ 8 человѣкъ. Ожидался противникъ, поэтому офицеры отдали приказанiе стрѣлять.

— Ваше высокоблагородiе — обратился къ начальству урядникъ Хлѣбниковъ, — дозвольте отправиться къ деревнѣ, что внизу, на развѣдку.

— А что?

— Такъ что, ваше высокоблагородiе, могутъ быть и наши, кто ихъ знаетъ... Я проберусь съ двумя казаками и произведу развѣдку.

— Хорошо, ступай.

Хлѣбниковъ спустился къ деревнѣ, въ кото-

*) За правильную транскрипцiю названий ручаться трудно.

рой нашелъ эсаула Гулевича съ семью казаками, 2-го нерчинского полка. Посланные генераломъ Репненкапфомъ въ разведку, они въ продолжение шести недѣль бродили въ тылу и въ центрѣ японской арміи, доставляя цѣнныя свѣдѣнія чрезъ китайцевъ.

Разведчикамъ предложили присоединиться, чтобы принять участіе въ засадѣ.

Въ 1 часъ 20 мин. дня показалась рота непріятельской пѣхоты и взводъ конницы. Подпустивъ ихъ на дистанцію въ 500 шаговъ, казаки дали одинъ за другимъ два залпа. Видно было, какъ свалился офицеръ, пало нѣсколько лошадей и пѣхотинцевъ.

Японцы быстро подобрали раненыхъ и, расположившись за ровикомъ, открыли огонь. Завязалась перестрѣлка, затянувшаяся до 6 час. 15 м. пополудни. Опять вызвался урядникъ Хлѣбниковъ произвести нападеніе «во флангъ».

— Какъ же ты это сдѣлаешь? — спросилъ его сотникъ Колесниковъ.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, оченно просто. По сопкамъ подберусь къ нимъ. Дозвольте взять съ собою 7 казаковъ.

И урядникъ Хлѣбниковъ блестяще выполнилъ свою задачу. Онъ съ семью казаками ударили «во флангъ» японцамъ. Послѣдніе очутились подъ перекрестьемъ огнемъ и не выдержали. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ засадѣ принимало участіе всего 25 человѣкъ противъ цѣлой роты (200 чел.) и взвода конницы (40 чел.). Но наши обманули японцевъ, раскинувъ цѣпь стрѣлковъ на дистанціи въ 8 шагахъ другъ отъ друга; кромѣ того, на правомъ флангѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ цѣпи повѣсили казачьи фуражки, которыя оказались прострѣленными подобно рѣшету.

240 японцевъ бѣжали отъ 25 казаковъ, оставивъ въ качествѣ трофеевъ великолѣпную карту

окрестностей города Сюяня, записную книжку съ подробнымъ маршрутомъ изъ Токіо до Сюяния, иѣсколько писемъ, диспозицію, книжку донесеній, печать, ружья и патронный ящикъ...

Два разъѣзда были посланы 21-го іюля изъ Тхазелина черезъ Сандіацы до «соприкосновенія съ противникомъ». Утро туманное. Словно густой бѣлый паръ нависъ надъ сопками и лежащими у подножія долинами и ущельями. Туманъ былъ настолько густой, что въ иѣсколькихъ шагахъ нельзя было разсмотрѣть. Выслали въ дозоры 6 человѣкъ. Они отошли къ долинѣ шаговъ на 100 и разсыпались вѣромъ.

Внезапно раздалось иѣсколько залповъ. Дозоры кинулись галопомъ къ ядру разъѣзда.

Одинъ изъ дозорныхъ, раненый въ бедро, упалъ. Остальные спѣшились въ намѣреніи поднять товарища. Но японцы открыли убийственный огонь, вслѣдствіе чего приказано было уйти, что казаки исполнили крайне неохотно. Пока дозорные отходили къ сопкамъ, туманъ разсѣялся и казаки съ сопокъ видѣли, какъ 20 японцевъ выѣхали изъ деревни, поднялись въ горы, за которыми скрылись. Немедленно была наряжена команда изъ 7 казаковъ подъ начальствомъ офицера для розыска раненаго казака. Спустились въ долину, но розыски ни къ чему не привели. Раненый исчезъ безслѣдно. Принялись допрашивать китайцевъ. Послѣдніе, быть можетъ, опасаясь мести, отговаривались невѣдѣniемъ. Но одинъ изъ казаковъ розыскаль пропавшаго во дворѣ китайскаго жилища зарытымъ по поясъ въ землю.

Бѣднаго мученика отрыли и принесли на бивакъ. Произведеннымъ осмотромъ врачей обнаружили, что смерть произошла не отъ пулевыхъ

ранъ: на груди зіяли три қолотыхъ раны отъ японскихъ штыковъ, разсѣчена кожа на черепѣ, надъ правымъ глазомъ колотое отверстіе, сдѣланное острымъ орудіемъ,—быть можетъ, толстой иглой...

Китайцы, припертые къ стѣнѣ, рассказали о звѣрствахъ, учиненныхъ японцами надъ раненымъ казакомъ. Добивали его штыками, камнями, вооруженіе и одежду сняли... Обо всемъ этомъ былъ составленъ актъ.

Вечеръ. Солнце кидаетъ послѣдніе прощальные лучи на долину, ущелья, сопки, горы и деревню Сандіяза. Позади фанзъ стоитъ группа нижнихъ чиновъ и офицеровъ. На землѣ лежить замученный японцами казакъ. Въ двухъ шагахъ зіяеть черною пастью глубокая яма. Это приготовили послѣднее жилище погившему воину. Его одѣли въ чистое бѣлье и, закутавъ въ полотнище палатки, опустили на дно могилы. Молитву пропѣли солдаты и офицеры, послѣ чего каждый бросилъ на покойника горсть земли... Заработали «шанцевые» инструменты, и вскорѣ свѣжій холмикъ выросъ надъ прахомъ убитаго. У края могилы стояль братъ покойника и плакалъ горючими слезами... *)

Кумирня въ Лянъданьсанѣ.

30 июня 1904 г.

Интересуясь религіознымъ культомъ китайцевъ, я обратился къ живущему на станціи полковни-

*) *Примѣчаніе.* Примѣровъ успешныхъ дѣйствій маленькихъ отрядовъ можно насчитать за годъ войны многое множество. Что эти примѣры доказываютъ, предоставляю судить читателямъ.

ку Н съ просьбой устроить осмотръ деревенской кумирни.

— Пойдемте,—сказалъ полковникъ.

Позади этапа возвышался каменный заборъ, нѣсколько повыше и опрятнѣе другихъ. Такими заборами обыкновенно окружаютъ фанзы, первѣдко служащія для сборищъ хунхузовъ и дѣлежа добычи, и эти фанзы посятъ название «импаней», т. е. крѣпостей.

Толстые дубовые ворота были прочно заперты. Полковникъ постучалъ нѣсколько разъ. На стукъ отклинулся изнутри старческій, немного пискливый голосъ. Вскорѣ ворота раскрылись, и мы очутились на небольшомъ дворѣ двухъ кумирень, лицомъ къ лицу съ бонзой. Въ кумирняхъ находились огромныя уродливыя фигуры, изображавшія боговъ. Нѣкоторые сидѣли въ окаменѣломъ спокойствіи, и, казалось, дѣйствительно олицетворяли что-то, что могли понять одни китайцы; нѣкоторые стояли, опираясь на какія-то орудія, не то посохъ съ трезубцемъ, не то мечъ, не то молотъ.

Иные были безъ бородъ съ старательно разрисованными лицами и открытыми глазами. Эти боги олицетворяли добро и милость.

Иные обладали столь уродливыми фигурами, съ рыжими бородами, бровями, выпущенными глазами, что въ темнотѣ съ нервнымъ человѣкомъ могъ-бы приключиться припадокъ...

Бонза, монахъ, давшій обѣтъ безбрачія, старый съ желтымъ, словно восковымъ, лицомъ, беззубый, все время что-то шамкалъ, быстро двигая челюстями, но кромѣ «хао» ничего нельзя было понять. Переводчика мы не имѣли.

Одна изъ фанзъ изображала «конюшню» боговъ. Тамъ стояли грубо выдѣланые изъ дерева и папье-маше кони, бѣлой и рыжей масти; около нихъ—люди въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ.

Послѣдніе, вѣроятно, служили конюхами при богахъ, управляя ихъ «выѣздомъ» во время экспѣкцій въ заоблачныя страны...

Осмотрѣвъ кумирню, мы дали бонзѣ «на чай» и сопровождаемые его шамканьемъ «хао», «хао» ушли.

Рано утромъ 26-го юна, мы отправились дальше въ отрядъ графа Келлера. Небольшое разстояніе въ 10 верстъ, отъ Лянъданьсана до деревни Нютхай, ъдешь съ истиннымъ удовольствиемъ.

Дорога идетъ великолѣпной долиной, прорѣзывающей ручьями и рѣченками, заключенными въ волшебную раму горъ, покрытыхъ яркой зеленью. Въ долинѣ ласкаетъ взоръ китайская земледѣльческая культура. Глядя на эту почти «филигранную» работу, мнѣ невольно приходило въ голову: сколько необходимо любви къ труду и землѣ, чтобы обрабатывать ее съ такой заботливостью.

По дорогѣ вновь потянулись обозы, но это уже не тѣ, которые встрѣчались ранѣе. Это обозы, имѣющіе непосредственную связь съ войсками. Попадаются выюки и транспорты Краснаго Креста. Свѣжій утренній воздухъ наполняется криками:

— И-и-и, о-о-о!.. у ва-ва-ва!..

Проѣхалъ нѣсколько деревень; вдали показались фанзы Нютхай, замигало нѣсколько флагковъ. Это главная квартира, или, нравильнѣе, штабъ восточнаго отряда.

Эта деревня прислонилась почти у самаго подножья горъ. Палатка генерала графа Келлера съ флагомъ какъ-то нарядно выглядѣть изъ-подъ рамки зеленої горы.

Начальникъ восточнаго отряда живеть (правильнѣе — жилъ) просто, въ обыкновенной палаткѣ. Встаеть рано. Это необыкновенно симиа-

тичный и обходительный генералъ, любимый всѣми безъ исключенія, джентльменъ въ полномъ смыслѣ.

Всѣ въ штабѣ находились подъ впечатлѣніемъ волненій, пережитыхъ въ почномъ пабѣгѣ въ ночь на 12-е юня. Дѣло было дѣйствительно лихое.

Въ полутора верстахъ отъ мѣсторасположенія штаба начинается подъемъ на Янзелинскій перевалъ; за послѣднимъ лежитъ долина Ланхэ, и вотъ въ разстояніи всего двухъ верстъ другъ отъ друга расположились передовые окопы противниковъ.

Дѣло въ ночь на 21-е юня происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1 часъ 15 минутъ ночи отъ корейской башни, носящей название Тхавуань, вытянулись двѣ колонны; одна, силою въ батальонъ пѣхоты, подъ командой подполковника Гарницкаго, направилась къ югу на мѣсто скрещенія дорогъ Ляолина и Модулинскаго перевала; другая, лѣвая, силою въ два батальона, подъ командой полковника Лѣчинскаго, направилась черезъ деревню Хоянъ, по этапной дорогѣ, на востокъ, къ перевалу у кумирни.

Правѣе этой кумирни находилась японская застава. Около 3 съ половиною часовъ утра раздался со стороны противника первый выстрѣлъ. Наши, не отвѣтивъ, набросились на заставу, которую перекололи штыками, и двинулись къ окопамъ. Молодой поручикъ Кухинъ, подбѣгая съ своей ротой къ ложементамъ, былъ раненъ. Свалившись съ ногъ, офицеръ продолжалъ кричать солдатамъ:—Впередъ, братцы! не робѣй!

И солдаты, поощряемые своимъ офицеромъ, дрались какъ львы. Другая колонна также безъ выстрѣла подошла къ окопамъ и бросилась въ штыки... Представьте себѣ картину ночного боя: темные силуэты двигаются, окутанные почной

мглой. Слышится лязгъ оружія. Тяжелое, прерывистое дыханіе солдатъ, хрипы...

Работа закипѣла отчаянная. Слышались отрывистыя слова команды, крики,—и все слилось съ громкимъ крикомъ «ура».

Стало свѣтать. Японцы успѣли занять сопки. Наши сдѣлали свое дѣло, т.-е. исполнивъ задачу ночной развѣдки, увлеклись и начали отступление при утреннемъ свѣтѣ.

Стройно, цѣль за цѣпью, стали отходить наши герои. Отступленіемъ руководилъ полковникъ Лѣчицкій. Это высокій, стройный, съ красивымъ и энергичнымъ лицомъ, еще довольно молодой полковникъ.

Съ поразительнымъ хладнокровiemъ вель онъ свои батальоны. Очевидцы рассказываютъ, что онъ поминутно останавливался и въ бинокль разглядывалъ непріятельскія позиціи въ то время, когда кругомъ летали непріятельские снаряды.

Героизмъ нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ сказался со всею яркостью.

Скалонъ, посланный начальникомъ дивизіи съ приказаниемъ, на своихъ плечахъ вынесъ изъ огня раненаго полковника Постижлова. Послѣднимъ вель свою цѣль капитанъ генерального штаба Серебренниковъ.

Въ бою, гдѣ летали смертоносные спаряды, свистали пули, перевязывали раненыхъ докторъ Соцоловъ 10-го полка, докторъ Тугановъ 24-го полка и священникъ 10-го полка Ремизовъ.

Мнѣ разсказывали, что батюшка уходилъ за цѣль, гдѣ оставались раненые, перевязывалъ ихъ, рискуя быть убитымъ или попасть въ плѣнъ.

Такова общая картина этого ночного сраженія, къ сожалѣнію, не давшаго положительныхъ результатовъ.

Зеленые горы, теснящиеся вокруг долины, служат ей великолепной рамой, а журчащие ручьи и речки, прихотливыми змейками извивающиеся среди ея полей и нивъ, кажутся нежными объятьями сиренъ, поющихъ пѣснь вѣчной любви.

Жаркий, томительно знойный день.

Люди невѣдомой страны, раскинувшіе свои шатры на чужой странѣ, русская рать, сильная и могущественная, беззаботно скрывшись подъ бѣлыми полотнами палатокъ, выжидаетъ вечерней прохлады.

Изъ-за откинутыхъ полотнищъ доносится говоръ. Солдаты бесѣдуютъ между собою, вспоминая далекую родину.

— И что говорить, братцы вы мои разлюбезные, думалъ сына въ солдаты обряжать, ань вышло сынъ-то меня обрядилъ,—говоритъ пожилой солдатъ съ плоскимъ добродушнымъ лицомъ, обросшимъ густой бородою, въ которой уже видны серебряные нити.

Въ отвѣтъ слышится сдержаный смѣхъ.

— Какъ-же эфто, дяденька, сынъ-то вѣдь въ походъ обряжалъ?—тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ вопрошаешь юркій малый, лежацій въ растяжку на спопѣ гаоляна.

Это солдатъ изъ сибирскихъ степей. Дома онъ портняжничаетъ, а здѣсь, въ нѣдрахъ старой Манжуріи, онъ воюетъ ружьемъ, а на досугѣ ковыряетъ иглой со свойственной его юркой фигурѣ ловкостью.

— Очинно просто,—отвѣтствуетъ солдатъ, обряженный въ походъ сыномъ.—Самъ я, стало-быть, въ запасныхъ состою, а сыну на призывъ только осеню, вотъ оно и вышло, что сынъ-то отца обряжалъ... Такъ-то...

На нѣсколько минутъ воцаряется молчаніе. Кажется, каждый поглощенъ своими думами,

своими воспоминаніями, но голосъ стараго солдата изъ запасныхъ снова дребежитъ въ палаткѣ.

— Дочка у меня, братцы, на родинѣ есть... Невѣстой была. Эхъ, важная дѣвка, здоровая да толстая, да краснощекая! А работать—мастачка, во какъ работаетъ... Вотъ просваталъ я ее, и же нихъ тоже паренекъ важнецкій... Домъ-то у меня все какъ слѣдуетъ, честь-честью, и коровы, и лошади, и овечка, и баранъ, и все такое домашнее... Ну, енто я назначилъ свадьбу сыграть послѣ Покрова, а какъ заслышилъ про войну да походъ, нѣтъ, думаю, шалишь, надо дѣвку съ парнемъ подъ вѣнецъ, ну, и сыгралъ свадьбу. Важно сыграль, по крайности и попьянствовалъ за свои кровныя...

Всѣ не безъ удовольствія хохочутъ... Разсказъ о выдачѣ замужъ до похода всѣмъ пришелся по сердцу. Его со вниманіемъ прослушали и всѣхъ удовлетворило замѣчаніе, что «по крайности попьянствовалъ за свои кровныя».

«Тра-та та, та-та! Тррра-та-та-та»... Барабанщикъ бѣсть тревогу. Вмигъ все, скрывшееся отъ знойнаго солнца подъ шатрами, повыскочило уже одѣтое, снаряженное и готовое къ походу на новые подвиги.

Солдаты помогали другъ другу натягивать цинели, мѣшки, оправляли аммуницію, т. е. патронныя сумки и патронташи. Никто не слышалъ крика: «эй, живо». Всѣ и безъ того скоро были готовы, палатки сняты и ряды, выстроившись, ждали команды, чтобы двинуться въ путь.

— Смирно! — раздалась команда. — Глаза направо!

— Здорово, молодцы! — гаркнулъ голосъ командира.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе! — грянулъ дружный отвѣтъ молодцовъ.

— Отдѣленими правыя плечи впередъ, шагомъ-маршъ!

Колонна, къ сожалѣнію, навьюченная тяжелыми мѣшками и скатанными шинелями, вытянулась, равняя штыки, и поползла туда, за перевалъ зеленыхъ горъ.

Солнце еще не успѣло скрыться за высокими громадами. Небо нахмурилось, горизонтъ заволокло густыми, зловѣщими облаками. Воздухъ прорѣзали молніи, раздались глухіе раскаты грома. Стемнѣло. Полилъ дождь крупными каплями, вскорѣ перешедшій въ настоящій ливень.

Солдаты мокли, но шли впередъ, шлепая памокшими сапожищами по грязи и лужамъ. Офицеры несли одинаковыя тяжести войны, ихъ мужество и стойкая выносливость служили прекраснымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ. Дождь лилъ, а полки двигались безъ устали. Тамъ, за высокой башней, прожившей нѣсколько тысячелѣтій, около кумирень, наполненныхъ уродливыми идолами, притаился врагъ, лютый врагъ дорогого отечества, да, пожалуй, и не только нашего, но и всей Европы. Откровенно говоря, опасаюсь, что эта старая Европа спохватится слишкомъ поздно... Необходимо дать ему отпоръ, и солдаты шлепаютъ по грязи, мокнуть подъ проливнымъ дождемъ, но идуть быстро и весело.

Изъ рядовъ слышатся смѣхъ и шутки, словно идутъ не по тяжелымъ дорогамъ на чужбинѣ, а по роднымъ полямъ.

Чу! Раздался первый выстрѣлъ, другой, третій. Колонна быстро подтянулась, выравнялась, почти безъ команды перестроилась «по-ротно», и, не отвѣчая на выстрѣлы противника, продолжала молча двигаться впередъ...

Вотъ непріятельская застава. Мигъ, и она сметена, подобно маленькому камешку, подхваченному быстрымъ потокомъ. А вотъ и вражеская

позиція. За рвами, за высокими брустверами уже притаился непріятель, приготовившись встрѣтить ударъ. Пріученный обороняться стрѣльбой, онъ не жалѣть зарядовъ, посылая куски свинца, обтянутые тонкой никелированной оболочкой. Но русская рать движется густой стѣпой. Она ворвалась, подобно вихрю, въ укрѣпленіе и мечтъ...

Работаетъ штыкъ, молодецкій русскій штыкъ, презирающій вѣроломную пулю-дурю!..

Дѣло сдѣлано. Врагъ получилъ хороший ударъ, который надолго останется у него въ памяти. Онъ познакомился, наконецъ, съ лихимъ русскимъ штыкомъ, да и русскій кулакъ и прикладъ не остались безучастны и произвели должное впечатлѣніе.

Конечно, были жертвы. Гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летятъ. Но сознаніе честно исполненного долга безконечно радостнымъ чувствомъ наполнило до края всѣ сердца русскихъ солдатъ.

Дѣло подъ Симученомъ.

1-го июля 1904 г.

Дѣло подъ Симученомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Мѣстность по дорогѣ въ Сюянъ представляетъ рядъ возвышеностей, имѣющихъ весьма важное значеніе. Слѣва отъ дороги длинная гора съ двумя вершинами. Это Кангалинъ. Правѣе этихъ вершинъ — высокая гора, названная «сигнальной». Далѣе рядъ довольно высокихъ сопокъ. Овладѣніе японцами этой позиціей, въ особенности «Сигнальной» горой, угрожало-бы всему корпусу генерала Засулича и правому флангу южнаго фронта. Южные пригорки

уже были заняты противникомъ, и требовалось не только удержать японцевъ, но и сбить ихъ съ этихъ сопокъ. Выполнение этой задачи генералъ Засуличъ поручилъ полковнику Поповичу-Липовацъ, который, въ свою очередь, просилъ себѣ въ помощь капитана генерального штаба Пиѣвскаго.

Наступление пятью батальонами началось на зарѣ ранняго утра 18-го іюля.

Наступление нашихъ стрѣлковъ японцы встрѣтили адскимъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ на возвышенностяхъ между деревнями (къ югу) Дапудзы и Джань-шань-чжань.

Японской артиллериі отвѣчала наша батарея, расположившаяся впереди деревни Пхайлунтунь, позади которой находился общій резервъ наступающихъ цѣпей.

На сигнальной горѣ расположилась цѣпь нашей стрѣлковой роты. Одна изъ непріятельскихъ батарей направила на нее всю силу огня. Когда около 4 часовъ пополудни капитанъ Пиѣвскій взобрался на эту возвышенность для осмотра впереди лежащей мѣстности, то увидѣлъ, что рота осталась безъ офицеровъ, которые всѣ до одного оказались или убитыми, или ранеными. Стрѣльба, вслѣдствіе этого, производилась крайне слабо.

Это обстоятельство побудило храбраго капитана, ранѣе служившаго въ артиллериі, поднять роту и скомандовать нѣсколько залповъ по непріятельской батареѣ. Огонь сдѣлалъ свое дѣло — перебилъ прислуго непріятельской батареи, которая замолкла.

Въ это время обнаружено было наступленіе трехъ колоннъ противника, направлявшихся «густымъ» строемъ на фланги и въ «лобъ».

Подоспѣвшая поддержка въ количествѣ еще трехъ батальоновъ дала возможность пойти въ Желтая туча.

атақу, и эта атака составляетъ самый интересный моментъ боя.

Атаку повелъ подполковникъ Освѣцимскій, показывавшій примѣръ своей колоннѣ личной храбростью и державшійся все время впереди. Огонь со стороны противника былъ убийственный.

Когда атакующія цѣпи наши спустились за рядъ возвышеностей и стали карабкаться на гору, гдѣ въ окопахъ (бывшихъ ранѣе нашими) лежали японцы, послѣдніе встали и въ два яруса изготовились встрѣтить нашихъ храбрецовъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ—обычная тактика противника, но съ «Сигнальной» горы и возвышенностей, лежащихъ лѣвѣ, подполковники 124-го пѣхотнаго Воронежскаго полка Лордкипанидзе и Кореметовъ—направили залповой огонь на изготавливавшагося дать намъ отпоръ непріятеля, чѣмъ заставили его снова скрыться въ окопахъ.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовался подполковникъ Освѣцимскій и бросился въ штыки съ крикомъ: «За мной, братцы! Ура!»

— Ура! Ура! Ура!—раскатами пронеслось надъ горами. Произошла настоящая штыковая схватка. Натискъ былъ настолько быстрый, что японцы, имѣющіе обыкновеніе стрѣлять изъ винтовокъ съ отомкнутыми штыками, не успѣли примкнуть штыковъ и отмахивались ружьями, какъ палками...

Въ этой схваткѣ офицеры рубились паравнѣ съ солдатами. Японцы пытались выбраться изъ окоповъ, но ихъ всюду догонялъ русскій штыкъ—молодецъ.

Японская артиллерія, повидимому, пыталась выручить своихъ и направила огонь на мѣсто схватки, причемъ била, не разбирая, своихъ и нашихъ...

Но энергичнымъ натискомъ японцы были опрокинуты, а горы взяты.

Этотъ характерный бой начался 18-го юля въ $3\frac{1}{2}$ часа утра. Горными массивами командовали подполковники Козловъ и Соломко, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи всего $1\frac{1}{2}$ батальона. До 11 часовъ утра японцы въ значительно превосходныхъ количественно силахъ не были въ состояніи выбить наши цѣпи. Полтора батальона успѣшно отражали натискъ не менѣе бригады, а коммандантъ, массива подполковникъ Соломко, доносилъ корпусному командиру: «Держусь на позиціи крѣпко, японцевъ накрошилъ груды» *).

Ночное дѣло съ 4-го на 5-е юля.

(Восточный отрядъ).

8 юля 1904 г.

Рекогносцировка въ ночь на 21-е юня имѣла подготовительный характеръ къ ночному дѣлу, разыгравшемуся 4-го юля съ болѣе значительными силами.

Еще солнце не упѣло выглянуть изъ-за горныхъ массивовъ, когда на нашихъ позиціяхъ, расположившихся противъ непріятеля за высотами по направленію къ Ланьшаньгуаю, зашевелились войска.

*) Этотъ бой еще разъ наглядно доказалъ умѣніе русскихъ беззывѣтно умирать и отсутствіе планомѣрности у нашихъ высшихъ командныхъ чиновъ. На это дѣло подъ Симученомъ потребовалось напряженіе силъ, потери, мучительная борьба для того, чтобы, блестяще выполнивъ задачу, блестяще отступить...

За нѣсколько минутъ спавшій бивакъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, пришелъ въ движение. Молча каждый дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были готовы на геройскіе подвиги и съ нетерпѣніемъ ждали приказа.

Лѣвая колонна еще съ вечера потянулась къ непріятелю, на Сыбейлинскій перевалъ; средня колонна назначалась для атаки перевала Сюкалинъ (фронтъ непріятельского расположенія), около трехъ кумиренъ.

Правой колоннѣ отдано приказаніе занять перекрестокъ дорогъ, что на долинѣ за Тхавуанскимъ переваломъ (Ланхе).

Чудная лѣтняя ночь. На фонѣ голубого неба привѣтливо мигаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ Венера, а съ другой стороны ласково смотрѣтъ наша «Полярия звѣзда»; кажется, она ободряетъ наши полки, посылая ихъ на геройскіе подвиги, на борьбу съ лихимъ врагомъ.

Луна освѣщаетъ путь. Ряды штыковъ, освѣщенные фантастическимъ свѣтомъ, двигаются впередъ.

Ночную тишину прорѣзalъ сухой трескъ. Прозвистѣло нѣсколько одиночныхъ непріятельскихъ пуль; они шлепались о чуть-чуть влажную землю, или глухо ударялись о каменные массивы.

Эхо выстрѣловъ раскатами пропеслось по долинамъ и ущельямъ, и звуки замерли въ певѣдомой дали.

Три батальона 2-го восточно-сибирскаго полка не отвѣчали на выстрѣлы, а стремительно шли прямо на непріятельскую заставу. Они встрѣтили ее у перекрестка дорогъ на перевалы Лахолинъ и Сюкалинъ.

Фронтальные перевалы у кумиренъ и Сюкалина оказались освобожденными непріятелемъ, оставившимъ одинъ небольшія заставы.

Генералъ-маіоръ Н. А. Кашталинскій.

Съ разсвѣтомъ наша средняя колонна заняла эти перевалы, отбросивъ заставы противника.

Пять часовъ утра, 4-го юля. Японцы сконцентрировались въ значительныхъ силахъ съ многочисленной артиллерией на сопкахъ Уфандуалинского перевала, на соседнихъ горныхъ массивахъ, къ флангу колонны генерала Кашталинского.

Раннее утро огласилось грохотомъ орудій, залпами пѣхоты и трескотней «шачекъ».

Наши колонны двигались, но полевая артиллериya, по условіямъ мѣстности, не могла оказать стремящимся въ атаку батальонамъ должной поддержки.

А жерла непріятельскихъ батарей со стономъ изрыгали снаряды.

Огонь развивался. Противникъ выпускалъ огромное количество снарядовъ, но батальоны безстрашно двигались впередъ.

Восемь часовъ утра. Солнце уже пекло во-всю. Зной становился нетерпимымъ.

Начальникъ отряда, графъ Келлеръ, внимательно слѣдилъ за ходомъ боя у Тхавуанской башни. Озабоченный, угрюмый спустился онъ внизъ и появился въ передовой линіи. Войска, воодушевленные храбростью своего начальника, еще стремительно неслись впередъ, ураганомъ летѣли къ кумирнямъ, где засѣли враги, спрятавшись за брустверами.

Колонна изъ 9-го и 24-го полковъ выказала поразительную стойкость.

Выяснивъ точное количество и расположение силъ противника, графъ Келлеръ приказалъ отойти къ своимъ позиціямъ.

Неохотно, отстрѣливаясь, наши батальоны отходили назадъ, подъ прикрытиемъ вызванной на позицію полевой батареи.

Около 12 часовъ дня японцы перешли въ на-

ступлениe, направивъ сильную колонну во флангъ яизелинской позиціи.

У деревни Чудяпузза, верстахъ въ 4-хъ отъ Хасуана, снялась непріятельская горная батарея и открыла огонь, дала нѣсколько выстрѣловъ и замолкла... Тридцать четыре снаряда 2-й батареи 3-й бригады «замазали» глотки непріятельскимъ скорострѣлкамъ, такъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ участниковъ этого дѣла.

Непріятель въ первѣтельности остановился на долинѣ рѣки Лапхе. Онъ дальше не пошелъ. Поразили-ли его стойкость и безстрашіе нашего войска, или онъ имѣлъ особыя причины—сказать трудно.

Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ фактомъ. Ночное дѣло 4-го июля нельзя считать удачнымъ, хотя наши «сѣрые» герои выказали и достаточно мужества и стойкости, тѣмъ не менѣе неудача слишкомъ била въ лицо и потерями и беспорядочностью наступленія, отсутствиемъ связи и согласованія между наступавшими колоннами. Не могу не отмѣтить мужества и спокойствія командировъ полковъ 24-го—Лечицкаго и Елецкаго—Порай-Кошица. Послѣдній, будучи раненъ въ ногу, до конца оставался въ бою.

На южномъ фронтѣ *).

Перехожу къ славному дѣлу въ южномъ отрядѣ съ 10-го по 12-е июля.

Собственно о южномъ отрядѣ слѣдуетъ замѣтить, что съ того момента, какъ японцы стали сосредоточиваться у Дашициао, произошелъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ, доказавшихъ противнику силу русского оружія. Врагъ понялъ, что

*) Результатомъ этого поистинѣ блестящаго дѣла было отступлениe, возмущавшее многихъ.

всѣ его успѣхи сводятся къ нулю. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда казалось автору этой книги.

Къ 10-му юлю непріятель сконцентрировалъ у Дашицао на занятыхъ имъ позиціяхъ значительныя силы, при 112 орудіяхъ.

Наши войска расположились южнѣе станціи Дашицао верстъ на 8, на позиціяхъ Нангдалина въ количествѣ шести батальоновъ съ одной пѣшой и двумя конными батареями подъ командой генерала Шилейко. Далѣе, высоты у Цяньчжайцзы заняли восемь батальоновъ и одна пѣшая батарея подъ начальствомъ генерала Огановскаго.

Въ деревнѣ у Цяньчжайцзы находился резервъ изъ трехъ батальоновъ и двухъ ротъ при одной батареѣ.

Это въ передовой линіи.

Въ общемъ резервѣ, на второй линіи отъ Тяньцзятунь - Юнаньтунь - Санцзяцзы, расположились всѣ остальные войска.

10-го и 11-го юля шла непрерывная канонада, начинавшаяся съ 5 часовъ утра и смолкавшая съ наступлениемъ темноты. Одновременно съ этимъ генераль Мищенко произвелъ усиленную рекогносцировку около Танчи, но тамъ непріятеля не обнаружилъ.

11-го юля около полудня группировка противника съ ясностью обозначилась противъ расположения позиций генерала Огановскаго, куда и была направлена вся сила непріятельского огня.

Одновременно съ этимъ два батальона японской пѣхоты заняли сопки Дафаньшена, но, осыпанные снарядами нашей артиллеріи, въ беспорядкѣ бѣжали. Дѣйствовала 4-я батарея 1-й сибирской бригады. Мѣткость огня была поразительная: снаряды разрывались въ самой гуще непріятельскихъ колоннъ.

Къ полудню вмѣстѣ съ зноемъ усилился огонь четырехъ батарей противника, т. е. 24 орудія

извергали тучи снарядовъ по направлению позиціи, занимаемой генераломъ Огановскимъ, по одна пѣшая и одна конная батареи изъ отряда генерала Шилейко направили перекидной огонь по японскимъ пушкамъ и быстро заставили ихъ умолкнуть.

Два часа дня.

Непріятель силился засыпать свинцомъ и осколками всю площадь, занятую нашими орлами.

Съ удивительной ловкостью и проворствомъ, не поддающимся описанію, скрываясь по поросшей гаоляномъ долинѣ, вся артиллерія генерала Шилейко перемѣнила фронтъ и открыла мѣткий, убийственный огонь по дафаньшеньскимъ высотамъ.

Начальникъ отряда, видя успѣшность огня, пытался перейти въ наступленіе, но наткнулся на сильные резервы у Менъдзятуць-Ваньчакоу и отошелъ назадъ къ нашей позиціи, не желая нести потери...

Японцы въ это время выдвинули на высоты у Ваньчакоу еще три батареи.

Наступило 4 часа, а канонада все усиливалась.

Это обыкновеніе нашего врага, когда онъ собирается въ атаку.

Противъ лѣваго фланга войскъ, дѣйствовавшихъ подъ командой ген. Огановскаго, а именно противъ самаго центра позиціи, гдѣ расположился Барнаульский полкъ, сгруппировалось не менѣе шести батальоновъ непріятельской пѣхоты въ боевой линіи. Съ конусообразныхъ сопокъ спустились маленькие люди и смѣло шли впередъ. Пальба приняла характеръ громовыхъ раскатовъ, злобно гудящихъ, несущихъ смерть.

Солнце изъ свѣтлого, лучезарного вдругъ стало багрово-краснымъ. Послѣдніе лучи догорали, когда японскія войска набросились на Барнаульский полкъ, покрывшій себя неувядаемой славой.

— Ia-a-Ia-aa! — протяжно пищали съ одной стороны.

— Ура! — громовыми раскатами раздавалось съ другой.

Барнаульский полкъ, подкрѣпленный тремя батальонами Томскаго полка, буквально «смелъ» японцевъ.

Барнаульцы отняли у враговъ ружья и снаряжение. Японцы пять разъ бросались въ атаку свѣжими силами, и каждый разъ ихъ сметали.

Кстати, барнаульцами командовалъ полковникъ Добротинъ, ни на одну минуту не покидавшій линіи огня.

Орель командиръ, лихіе орлы его солдаты!

Около 9 часовъ вечера пальба стала стихать, но ружейный огонь длился до «глубокой ночи»; то была уже, такъ сказать, бесѣда враждующихъ сторонъ, затянувшаяся за полночь...

По окончаніи боя выяснилось, что противъ нашихъ 18 батальоновъ лѣваго фланга дѣйствовало не менѣе двухъ дивизій (24 батальона), у насъ дѣйствовало 42 орудія, у японцевъ 112 орудій, и наши совершенно уничтожили двѣ японскія батареи.

Наши войска удивительно стойко выдержали 36-часовой бой. Потери въ одну тысячу выбывшихъ изъ строя мы считаемъ ничтожными, если принять во вниманіе, что непріятельской огонь изъ 112 орудій не смолкаемо грохоталъ съ 5 час. утра до 9 и даже 10 час. вечера.

Потери японцевъ, по опредѣленію генерала Зарубаева, весьма значительны.

— У, шибиго многа ишень, шибиго много ломайла, — говорили китайцы, качая головами...

Нами было выпущено не менѣе 30 тыс. снарядовъ, а японцами было выпущено около 70 тыс. снарядовъ, которыми были сбиты цѣлья вершины сопокъ.

Въ отрядѣ генерала Засулича.

18 іюля 1904 г.

17-го и 18-го іюля были тяжелыми днями испытаний для отряда генерала Засулича, расположенного на лѣвомъ флангѣ южнаго фронта, по дорогѣ изъ Хайчена въ Симученъ, у такъ называемыхъ нангуалинскихъ высотъ.

Раннимъ утромъ противникъ, по обыкновенію налегкѣ, спустился съ занятыхъ имъ высотъ къ югу отъ Цусинтуня въ долину.

Сторожевые посты, стальнымъ кольцомъ окружившие главныя силы, замѣтили движение непріятеля. Предупрежденныя заставы придвинулись къ цѣпи сторожевого охраненія, и едва врагъ показался на ружейный выстрѣлъ, онъ былъ встрѣченъ дружными залпами нашихъ войскъ.

Но врагъ упоренъ. Онъ идетъ впередъ, не обращая вниманія на залпы.

Наши подпустили японцевъ почти на 150 шаговъ и послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ съ громкимъ крикомъ «ура», раскаты которого разнеслись по долинѣ и сопкамъ, кинулись въ штыки.

Не любить японецъ русскаго штыка. Передніе ряды дрогнули и побѣжали.

Любимая тактика японцевъ, «обходъ и ударъ во флангъ», также не имѣла успѣха. Бригада стрѣлковъ отбросила обходную колонну съ значительнымъ урономъ. Наши потери за этотъ тяжелый, знайный день ничтожны сравнительно съ потерями непріятеля. Ранены поручикъ 5-го Ир-

кутскаго полка Соколовъ, контуженъ капитанъ Поповъ, нижнихъ чиновъ ранено тридцать, контужено четыре.

Бой кончился около семи часовъ.

Постепенно смолкли выстрѣлы. Войска вернулись на свои позиціи. Зной спалъ, но нагрѣтый жгучимъ солнцемъ воздухъ какъ-то особенно парилъ. Было нестерпимо душно. Но вотъ горизонтъ окрасился въ багрово-красный цвѣтъ, послѣдніе лучи скользнули по окровавленной землѣ, и густая тьма окутала горные массивы съ ихъ конусообразными сопками и сползла въ долину.

18-го іюля на разсвѣтѣ упорный врагъ кидаетъ свои густыя колонны подъ прикрытиемъ массового безпрерывнаго огня на позиціи между Татунгоу и Лаоханцзы.

На высотахъ расположились части 123-го Козловскаго полка подъ командой батальоннаго командира подполковника Соломко, крайній лѣвый флангъ занялъ 124-й Воронежскій полкъ.

Вся сила огня противника была сосредоточена на позиціи, занятой подполковникомъ Соломко. Непріятельскіе снаряды ложились впереди окоповъ, сзади и въ самыхъ окопахъ, но полкъ стойко держался, не взирая на значительный уронъ, наносимый мѣткимъ огнемъ хорошо пристрѣлившагося противника.

Около 10 часовъ прибыло подкрѣплѣніе изъ общаго резерва. Наша артиллерія дѣйствовала съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Русскія батареи не только заставили молчать непріятельскія, но разѣ, т.-е. до начала боя, сгруппированныя орудія поставлены были въ необходимость молчать,— имъ не давали возможности сняться, чтобы перемѣнить сильно обстрѣливаемую позицію.

Потерь въ нашей артиллеріи не было, и батареи могли продолжать борьбу спокойно. Немного спустя, послѣ 10 ч. утра, генералъ Засуличъ по-

лучилъ записку отъ подполковника Соломко, извѣщавшую его объ успѣхомъ противодѣйствіи обходу непріятельскихъ колоннъ. «Груды японцевъ легли на полѣ битвы, хотя и мы понесли чувствительныя потери».

Около полудня генераль Засуличъ обратилъ вниманіе на три вершины горныхъ массивовъ, очищенныхъ нашими стрѣлками. Между тѣмъ, противъ отряда подполковника Соломко сгруппировались весьма значительныя силы противника. Являлось предположеніе о необходимости уступить передъ напоромъ превосходнаго противника, но отрядъ Соломко оказался словно скованымъ изъ стали. Онъ не уступалъ пяди занятой имъ земли.

Для поддержки генераль Засуличъ выслалъ на эту позицію шесть батальоновъ подъ общимъ командованіемъ всей обороной полковника Иоповича-Липовацаъ.

Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ у дер. Дапудза перестрѣлка не прекращалась. Оба противника старались поражать другъ друга, осыпая свинцовыми дождемъ, но артиллерія наша выручала. Она поражала непріятеля безъ отдыха, не давая ему сняться съ позиціи.

Такъ бой тянулся до 4 часовъ, когда зной доходитъ до невѣроятной силы.

Въ 4 часа Воронежскій полкъ замѣтилъ, что японцы обошли его. Одна и та же пѣсня во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ мы имѣли видимый успѣхъ. Пришлось отодвинуться, чтобы избѣжать удара во флангъ, но изъ резерва подоспѣло подкрѣпленіе съ приказаніемъ вновь занять покинутыя позиціи на высотахъ у Дапудзы.

Положеніе же лѣваго фланга пѣсколько ухудшилось. Генераль Мищенко, тѣснимый непріятелемъ въ громадномъ количественномъ превосходствѣ, оказался вынужденнымъ отступить отъ

Сіоньченцзы. Этимъ не преминули воспользоваться японцы и заняли высокіе горные массивы, командующіе надъ нашимъ боевымъ расположениемъ.

Генералъ Засуличъ отдалъ приказаніе полковнику Липовацъ, выждавъ уменьшеніе жары, часовъ около шести, перейти въ наступленіе, распорядившись, чтобы батальоны сняли ранцы и мѣшки.

Бой снова разгорѣлся. Японцы успѣли выдвинуть еще батарею, которая заняла на высотахъ удобную позицію, давшую ей возможность обстрѣливать нашу батарею и линіи боевого расположения Воронежскаго полка продольно.

Вследствіе этого пострадалъ Воронежскій полкъ, отчасти и Козловскій, а 4 орудія нашей батареи исковеркало огнемъ непріятеля до полной негодности.

Не взирая на это, полковникъ Липовацъ рѣшилъ перейти въ наступленіе.

Цѣпи разсыпались и перебѣжками начали надвигаться по направленію къ противнику. Всѣ другія батареи открыли убийственный огонь по вершинамъ, занятымъ японцами. Пальба была такой силы, что у нѣкоторыхъ не выдерживали барабанныя перепонки, а батальоны подъ командой полковника Липовацъ стремительно двигались впередъ, ложась, вставая, перебѣгая отъ одного прикрытия къ другому, опять ложась и вновь вставая...

Вотъ уже близокъ массивъ, известный подъ названиемъ Ляоханцзы. Могучей волной кинулись на него наши цѣпи, гулкимъ эхомъ разнеслось по горамъ русское «ура»... Японцы не выдержали натиска русского штыка и бросились бѣжать, оставивъ на позиціи ружья и патроны. Оставшіеся были переколоты.

Японцы понесли въ этотъ день тяжкія потери.

Генералъ-маіоръ П. И. Мищенко.

Полковникъ Поповичъ-Липовацъ получилъ приказание остановиться. Было 7 часовъ вечера. Люди истомились отъ нестерпимаго зноя и крайняго напряженія. Занявъ непріятельскія позиціи, расположились на отдыхъ.

Наши потери: раненыхъ и убитыхъ офицеровъ—35, нижнихъ чиновъ—1,500.

Въ отрядѣ генерала Мищенко два батальона японцевъ атаковали наше сторожевое расположение. Противникъ въ значительномъ превосходствѣ повелъ наступленіе на фронтъ нашей позиціи у Цаомяцзы.

Завязался весьма упорный бой. Наши конные батареи разстрѣляли всѣ снаряды, и въ исходѣ второго часа, подъ угрозой обхода съ праваго фланга, а главное, опасаясь потерять единственный путь отступленія въ узкомъ горномъ дефиле (проходѣ), генералъ отвелъ свой отрядъ на другую позицію, ближе къ Хайчену.

17-го и 18-го юля были днями общаго наступленія японцевъ на всѣ фронты. Это была титаническая борьба почти двухъ армій. Значительное превосходство противника давало ему возможность прибѣгать къ всевозможнымъ уловкамъ и обходамъ.

На фронтѣ Лао-Янъ-Сихеянъ наши войска, занимая позицію между Гудзяцзы и Лангоулиномъ, были атакованы 18-го юля густыми колоннами японской пѣхоты.

Не взирая на внезапное нападеніе, бой длился въ теченіе 16 часовъ.

Лѣвому флангу удалось отбросить противника, сохранивъ всѣ позиціи, но правый флангъ, занимавшій Пъямынь, вынужденъ былъ отойти подъ натискомъ огромныхъ массъ противника, чѣмъ, конечно, испортилъ все дѣло.

Вся тяжесть боя легла на первую и 27-ю бата-

реи 31-й артиллерийской бригады и Тамбовской полкъ, проявившій легендарную доблесть.

Нападеніе было произведено противникомъ на разсвѣтъ: на позиціи едва вставали. Японцы открыли убийственный оружейный огонь по нашему биваку, въ то время, когда люди еще находились въ палаткахъ. Очевидно, сторожевое расположение было неудовлетворительно, за что мы и понесли тяжелыя потери... *).

Дѣло подполковника Мадритова и генерала Любавина.

(Прелюдіи къ Ляоянскимъ боямъ).

1-го августа 1904 г.

На восточномъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ разведчиковъ, выяснилось, что въ Дзянь-Чанѣ, узлѣ путей изъ Саймацзы и Куандяньсяня въ Ляоянѣ, по долинѣ рѣки Тайдзыхе, находится отрядъ японцевъ силою до 2,000 штыковъ.

Это извѣстіе требовало прорѣки, для чего начальники конныхъ отрядовъ, генералъ-маиръ Любавинъ и подполковникъ Мадритовъ, занимавшие Сяосыръ и Тайпинлинъ, рѣшили произвести совмѣстное нападеніе на Дзянь-Чанъ и, при удачѣ, сдѣлать поискъ на дорогѣ къ городу Саймацзы, занятому японцами.

Въ 3 часа утра 24-го юля генералъ Любавинъ поднялъ съ бивуака свой отрядъ и двинулся по долинѣ рѣки Тайдзыхе.

*) Къ сожалѣнію, нерѣдко приходилось отмѣтить неудовлетворительность полевой службы нашихъ войскъ въ близости противника...

Долина Тайдзи представляетъ собою великолѣпную ровную площадь, покрытую зелеными пивами.

Гаолянъ, поднявшійся выше человѣческаго роста, чередуется съ чумизой, чумиза съ пшеницей, послѣдняя съ картофелемъ, а картофель съ бобами или макомъ, пестрѣющимъ своимъ красивымъ цвѣтенiemъ.

И вотъ, между этими симметрически правильными квадратиками китайской земледѣльческой культуры, по изрытой транспортами дорогѣ, шелъ отрядъ генерала Любавина, вытянувшись вдоль извилистой рѣчки.

Густой туманъ окутывалъ горы и стлался по долинѣ. Требовалась особая осторожность, въ виду тумана и возможности засады въ густомъ и высокомъ гаолянѣ.

Шли шагъ за шагомъ, зорко взглѣдываясь въ гущу высокаго китайскаго злака, скорѣе напоминающаго молодой камышъ, чѣмъ хлѣбное растеніе.

Впередъ выдвинули авангардъ изъ трехъ сотенъ. Послѣдній окружилъ себя густой цѣпью патрулей и разъездовъ, и такимъ образомъ двигались къ намѣченной цѣли.

— Должно сѧводни дождь будетъ!— слышались предположенія изъ среды конныхъ рядовъ.

— Можетъ буде, а можетъ и не буде,— отвѣтилъ корявый солдатъ, съ кургузымъ носомъ и маленькими глазенками, бѣгавшими, какъ у мышенка.

Это хохоль Хоменко, широколицій, съ узкимъ лбомъ, съ густой бородой и огромными ручищами. Къ японцамъ онъ относится полупрезрительно, полуласкателально.

— Оны, мабуть, хлопци,— говорилъ онъ про враговъ.— Я на ныхъ; «геть, бисовы!», а оны въ разсыпную...

Не молодой, но азартный солдатъ, драчунъ,

какихъ мало. Случалось, онъ до того увлекался, что пѣсколько разъ находился на волоскѣ отъ плѣна. Зато въ качествѣ патрульного онъ оказывалъ необыкновенно солидное вниманіе: малѣйшій шорохъ въ травѣ возбуждалъ въ немъ подозрѣніе, и онъ зорко всматривался въ гущу гаоляна.

Верстахъ въ 8-ми отъ Дзянь-Чана онъ первый замѣтилъ японскіе заставы и разъѣзды и носпѣшилъ сообщить своему «старшему». Ему-же было поручено съ двумя другими придвинуться ближе къ непріятельской сторожевой цѣпи и высмотрѣть расположеніе сильь противника.

Оказалось, что японцы заняли весьма сильную позицію.

Едва наши разъѣзды стали приближаться, японцы открыли сильный ружейный огонь «пачками».

Трудные подступы къ позиціи и густой туманъ, мѣшавшій ориентироваться, заставилъ казаковъ пріостановиться. Имъ отдали приказаніе занять вершину и склоны возвышенностей шагахъ въ 600 отъ боевой линіи противника, что и было блестяще исполнено.

Послѣ семи часовъ туманъ сталъ исчезать. Изъ главныхъ силъ выдвинули сотню и направили для обхода лѣваго фланга непріятельской позиціи.

Между тѣмъ, въ разстояніи не болѣе версты отъ нашего лѣваго фланга, замѣтили колонны противника силою до 6 ротъ. Они, видимо, стремились подкрасться къ нашимъ, пользуясь туманомъ и высокимъ гаоляномъ.

Немедленно вызвали изъ резерва три конныхъ орудія; они быстро снялись съ передковъ — и грязнуль залпъ, другой, третій. Въ бинокль видно было смятеніе въ непріятельской колоннѣ. Она пріостановила свое стремленіе въ обходъ, но слѣ-

дующіе залпы окончательно разсѣяли японцевъ, заставивъ отступить.

Однако, дальнѣйшее наступленіе генераль Любавинъ остановилъ въ ожиданіи прибытія отряда подполковника Мадритова съ сѣвера.

Въ 9 часовъ утра туманъ исчезъ. Земля, освободившаяся изъ-подъ своего бѣлесоватаго покрыvalа, начала нагреваться. Въ воздухѣ сразу стало знойно, душно.

Генераль Любавинъ прождалъ еще нѣкоторое время Мадритова съ его отрядомъ, но далѣе держаться счелъ неудобнымъ, считая себя не въ силахъ произвести самостоятельное нападеніе на Дзянъ-Чанъ, занятый, какъ выяснилось, отрядомъ японцевъ, силою въ 2,000 штыковъ. Генераль Любавинъ отодвинулся назадъ верстъ на десять, по направленію къ Сяосыру.

Потери наши оказались ничтожными, — двое убитыхъ и двѣнадцать раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Отрядъ лихого подполковника Мадритова, съ доблестью котораго уже знакомы наши читатели, въ тотъ-же день, 24-го іюля, въ 2 $\frac{1}{2}$, часа утра, двинулся съ перевала, расположеннаго въ восемнадцати верстахъ отъ Дзянъ-Чана, къ переваламъ, известнымъ подъ названіемъ «Тайпилинскихъ». По полученнымъ отъ разведчиковъ свѣдѣніямъ, три перевала, которые предстояло преодолѣть нашему отряду, оказались въ рукахъ японцевъ.

Ихъ было не менѣе 1,000 человѣкъ при шести горныхъ орудіяхъ.

Густой туманъ требовалъ большой осторожности, и такой бывалый вояка, какъ подполковникъ Мадритовъ, конечно, не могъ этого не понимать. Пѣхота двигалась горами, а для установленія связи съ генераломъ Любавинымъ начальникъ отряда выслалъ сотню казаковъ.

Наступилъ девятый часъ утра, когда авангардъ подъ командой подполковника Хрулева, достигшій позицій противника на первомъ перевалѣ, верстахъ въ 10 отъ Дзянь-Чана, былъ встрѣченъ убийственнымъ ружейнымъ огнемъ.

Но авангардъ энергично напиралъ на непріятеля и вскорѣ выбилъ его изъ первой, а потомъ и изъ второй позиціи. Третій перевалъ, самый значительный, оказался хорошо приготовленнымъ къ оборонѣ окопами и засѣками.

Но подполковникъ Мадритовъ послалъ части отряда въ обходъ японскихъ позицій съ обоихъ фланговъ, а авангардъ Хрулева упорно двигался подъ прикрытиемъ нашей артиллеріи.

Результатъ обхода получился блестящій: японцы бѣжали въ полномъ беспорядкѣ, понеся значительныя потери, побросавъ на позиціи оружіе, патроны, шанцевый инструментъ, нѣкоторые документы, верхнее платье и множество мясныхъ консервовъ.

Энергичное наступленіе велось на протяженіи 8 верстъ съ 7 час. утра до 2 час. дня.

Оренбургская казачья сотня, высланная для преслѣдованія удирающаго противника, въ трехъ верстахъ отъ Дзянь-Чана, наткнулась на окопы японскихъ стрѣлковъ и цѣпи, расположившіяся на окружающихъ небольшую долину сопкахъ.

Сильнымъ ружейнымъ огнемъ японцы заставили сотню вернуться назадъ. Подполковникъ Мадритовъ не удовольствовался занятіемъ переваловъ. Онъ произвелъ блестящую разведку, которая обнаружила, что японцы заняли укрѣпленную позицію у Дзянь-Чана силою до 2,000 человѣкъ. Атаковать эту позицію подполковникъ Мадритовъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ не былъ въ состояніи. Свѣдѣній о мѣстѣ находженія отряда генерала Любавина не получалось, установить съ его отрядомъ связь не представ-

лялось возможнымъ, вслѣдствіе густого тумана. Давъ отряду отдыkhъ, Мадритовъ заночевалъ съ нимъ на полѣ сраженія, а на слѣдующее утро снялся съ бивака и двинулся къ Даниндушаню, находящемуся въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Дзянъ-Чапа. Потери въ этомъ отрядѣ были ничтожны: убить одинъ нижній чинъ, ранено 6, легко раненъ подпоручикъ Крузе.

Начальникъ отряда въ своемъ донесеніи отмѣчаетъ блестящія дѣйствія начальника авангарда подполковника Хрулева, штабс-капитана Глинскаго, командовавшаго орудіями, которыя съ поразительной мѣткостью били японцевъ, капитана 1-го срѣтенскаго полка Голикова и хорунжаго 10-го оренбургскаго казачьяго полка Кудрина, доставившаго лихой развѣдкой цѣнныя свѣдѣнія о непріятелѣ.

Драконъ просыпается.

7 июля 1904 г.

Въ то время, когда на восточномъ и южномъ фронтахъ театра военныхъ дѣйствій происходили события, на западномъ фронтѣ, на рѣкѣ Ляохе все, повидимому, обстояло благополучно.

Вдали отъ грохота орудій, на берегу вѣчно мутной рѣки, несущей свои желтыя воды въ бурный океанъ, раскинулись ровные ряды бѣлыхъ шатровъ.

Утромъ и вечеромъ воздухъ оглашался стройными звуками молитвы, иногда игралъ оркестръ воинственный маршъ, по временамъ раздавались выстрѣлы.

Повидимому, жизнь отряда русскихъ богатырей протекала среди мирныхъ занятій, но въ дѣйствительности это было спокойствіе огнедышащаго вулкана передъ изверженіемъ.

Ляохейскій отрядъ, или вѣрнѣе штабъ его, производилъ дѣятельную развѣдку. Многомиллионный драконъ просыпался и обнаруживалъ непонятную, небывалую жизнеспособность. Туловище этого долго дремавшаго звѣря вытягивалось, и голова его уже шевелилась въ таинственной Монголіи.

Генералъ Ма, еще такъ недавно руководившій восстаніемъ боксеровъ, зоркимъ и жаднымъ окомъ высматривалъ изъ Монголіи, ревниво слѣдя за движеніями русскихъ.

Въ его распоряженіи находился 20-тысячный корпусъ, какъ говорятъ, обученный по европейскому образцу. Этотъ китайскій мандаринъ хвасталъ, что при первой неудачѣ «бѣлыхъ чертей» онъ бросится на помощь своимъ желтолицымъ собратьямъ...

А ляохейскій отрядъ предавался мирнымъ занятіямъ, не рискуя выслать впередъ маленькую заставу или кавалерійскій развѣздъ: надменный вице-король Юаншикай угрожалъ 80-тысячной арміей, также по европейски обученной.

Оставалось одно: тайная развѣдка при помощи китайцевъ.

Желтолицій китаецъ продастъ родного отца за мзду. Зато и владѣютъ они «искусствомъ шпіонства» въ совершенствѣ, и беспокойная, лихорадочная жизнь Монголіи и застѣннаго Китая стала отражаться, какъ на поверхности блестяще отполированнаго зеркала.

Еще въ срединѣ іюня мы знали о сосредоточіи корпуса генерала Ма въ 20 тысячъ пѣхоты съ тремя тысячами конницы у монгольской границы, между Чаномъ и Наньчишеномъ.

Почти въ это же время закончилось формирование арміи вице-короля Юаншикай (изъ четырехъ дивизій три закончили свою реорганизацію по японскому образцу, а четвертая формировалась).

Общая численность войскъ Юаншикай достигаетъ 80 тысячъ, изъ коихъ конницы насчитывается до 6 тысячъ всадниковъ.

Вся армія расквартирована въ застѣнномъ Китаѣ, вблизи границъ Манджуріи, на желѣзно-дорожномъ пути.

Главари этихъ азіатскихъ рыцарей индустріи, Тулисанъ и Фуленгоо, также не дремали, подогреваемые энергичными японскими эмиссарами, обнаружившими лихорадочную дѣятельность съ момента объявленія войны въ мѣстностяхъ отъ Шанхай-Гуаня до Цзинь-Чжоу-Фу.

Ежедневно юркіе японцы, переряженные китайцами съ привязными косами, прикаливали на катерахъ къ различнымъ прибрежнымъ пунктамъ и, сойдя на берегъ, тотчасъ направлялись къ представителямъ мѣстной китайской администраціи: тифуньгуанямъ и фудутунамъ, о чемъ-то совѣщались съ ними въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, послѣ чего направлялись на сѣверъ, въ Монголію, гдѣ и исчезали безслѣдно.

Порою ихъ высаживалось по нѣскольку тысячъ человѣкъ сразу; эти люди были вооружены рабочими инструментами, кирками, ломами и лопатами. Неизмѣнно направляясь въ Монголію, они исчезали въ таинственныхъ пустыняхъ.

Часть вскорѣ обозначилась рядомъ нападеній на нашу желѣзную дорогу, и эти набѣги не имѣли успѣха, исключительно благодаря тщательной охранѣ желѣзодорожныхъ путей чинами пограничной стражи Заамурского округа.

Лихорадочная дѣятельность другихъ эмиссаровъ обозначилась только въ послѣднєе время: японцы вошли въ тѣсное соприкосновеніе съ манджурскими хунхузами, очевидно, разсчитывая этимъ путемъ пополнить недостатокъ въ конницѣ.

Сборный пунктъ для шаекъ былъ великколѣп-

по обдуманъ: предгорія великихъ горныхъ хребтовъ Монголіи, на границѣ, гдѣ и безъ того не особенно острый глазъ китайского чиновника становится окончательно близорукимъ благодаря задариваніямъ.

Здѣсь собралась вся китайская голытьба, всю жизнь занимавшаяся хунхузскимъ ремесломъ. Имъ предложили вполиѣ выгодныя условия. хунхузу, явившемуся на собственномъ конѣ, опредѣлялся окладъ жалованья въ 50—60 рублей въ мѣсяцъ. Пѣщему хунхузу назначалось отъ 20 до 25 рублей, при единовременномъ пособіи семьѣ, какъ коннаго, такъ и пѣша, въ размѣрѣ 100 рублей.

Мнѣ китайцы въ Давани рассказывали, что японцы щедро платили имъ за услуги; кроме того, японцы оказались хорошими организаторами и еще лучшими агитаторами, не брезгавшими никакими средствами. Напримеръ, чтобы обеспечить быструю вербовку и до нѣкоторой степени боевуюгодность завербованныхъ, они примѣнили способъ, не лишенный оригинальности и, если хотите, остроумія. Каждому хунхузу предоставлялось явиться съ своими людьми; такимъ образомъ, пришедший съ 20—30 разбойникам, назначалсяunter-офицеромъ, съ 50—получалъ званіе вахмистра, а навербовавшій въ свою шайку 100 человѣкъ жаловался офицерскимъ чиномъ. Мало того, послѣ специального обучения навербованныхъ собственными инструкторами-офицерами, японцы, въ видѣ особой милости, опредѣляли на каждый эскадронъ (конный иппъ) по 10 нижнихъ чиновъ японцевъ. Такъ дѣлалось въ городѣ Байтучаймынь.

Главнымъ помощникомъ японцевъ въ этомъ дѣлѣ явился известный въ Манджурии хунхузской атаманъ Зинь-шу-шанъ, ранѣе оперировавшій со своей шайкой въ мѣстности, прилегаю-

шѣй къ средней части Синмитинской желѣзной дороги. Этотъ рыцарь безъ страха и упрека, наживъ грабежомъ достаточныя суммы, уже находился въ покоѣ въ собственной импани, въ Гуанинсянѣ.

Фактическое командование всѣми хунхузскими шайками, впрочемъ, предположено вручить Тулисану, молодому, энергичному разбойнику.

Къ серединѣ юля уже было закончено формирование 13 инновъ. (эскадроновъ), считая по 250 конныхъ въ каждомъ, стало быть всего до трехъ тысячъ всадниковъ.

Къ этому времени присоединился къ нимъ Тулисанъ съ своимъ излюбленнымъ помощникомъ Фуленгоо.

Первый явился съ 300 всадниковъ, второй — съ 500.

Въ первыхъ числахъ юля (1904 года) вся эта масса двинулась изъ окрестностей Гуанинсяня къ сѣверу вдоль монгольской границы. Впереди шествовалъ авангардъ изъ 300 конныхъ, за ними слѣдовалъ обозъ: арбы съ серебромъ и нѣсколько арбъ съ взрывчатыми предметами.

Объ опасности, представляемой шайками Тулисана и Фуленгоо, именующихъ себя «владѣтельными князьями», капитанъ генерального штаба Троцкій, дѣйствительный знатокъ по хунхузскимъ вопросамъ, говоритъ въ своемъ докладѣ, отпечатанномъ еще въ декабрѣ 1903 года, слѣдующія знаменательныя слова, нынѣ оправдывающіяся на дѣлѣ:

«Если Тулисанъ въ мирное время не угрожалъ желѣзнодорожной линіи съ ея сооруженіями изъ боязни передъ заамурцами, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его въ раionѣ, прилегающемъ къ портъ-артурской вѣткѣ, приносила огромный экономической вредъ систематическимъ разгромомъ мирныхъ китайцевъ. Въ военное же

время, при возможныхъ осложненіяхъ въ не-продолжительномъ будущемъ на Дальнемъ Востокѣ, естественно можно предположить, что китайцы станутъ на сторону враговъ, завидующихъ быстрому росту могущества Россіи въ Манжурии. Тулисанъ, обладая энергичнымъ характеромъ, вліяя на воображеніе населенія громкимъ именемъ отважнаго предводителя, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько сотъ головорѣзовъ, легко можетъ собрать вокругъ своего кадра значительный отрядъ и обрушиться на желѣзную дорогу, являющуюся пока единственнымъ удобнымъ коммуникаціоннымъ путемъ, связывающимъ Квантунъ съ Имперіей!»..

Китайскіе разведчики прямо говорили, что Тулисанъ относится къ Россіи чрезвычайно враждебно и ждетъ удобнаго момента, чтобы посчитаться съ ней *).

О Ляоянскихъ бояхъ.

5 сентября 1904 г.

Дни Ляоянскихъ сраженій слѣдуетъ считать истинно геройскими днями, которые составлять страницу въ исторіи русскаго войска.

Огромное пространство, болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ, въ теченіе десяти дней было охвачено лихорадочнымъ «боевымъ» огнемъ.

Грохотъ орудій, трескъ ружейныхъ пуль, адское завываніе летящихъ въ воздухѣ снарядовъ смѣшивались съ дикими воплями «банзай», «ia-ia-iaaa!» и могучими раскатами русскаго «ура».

Сраженія подъ Ляояномъ во многомъ напоми-

*) О привлечениіи Тулисана на „нашу сторону“ говорилось много, кажется, даже затрачивались не малыя суммы, но результатъ былъ не въ нашу пользу.

наютъ битву подъ Лейпцигомъ, когда Наполеонъ защищался отъ союзныхъ европейскихъ армій.

Наполеонъ отступилъ, но и союзная армія, окружившія его со всѣхъ сторонъ, онъ такъ растрепалъ, что о преслѣдованіи имъ и помышлять нельзя было.

Анпинь, Ляндяньсянь, Сяолиндзе, Ванбатай, Айхе, Тайдзихе—вѣе это кровавыя странички въ исторіи русскаго войска. Нельзя представить себѣ рельефа мѣстности, не побывавъ въ этой далекой Манджурии. Съ одной стороны цвѣтущія долины, поразительная земледѣльческая культура—цѣлые поля, обработанныя съ особой нѣжной заботливостью, съ какой въ нашемъ отечествѣ хороши хозяинъ раздѣлываетъ огороды подъ любимые овощи; съ другой стороны голыя сопки, высокіе перевалы, опасные и крутые скаты, ряды скалистыхъ возвышенностей.

По этимъ гребнямъ ползутъ, карабкаются наши упорные и отважные противники, а русскія роты и батальоны, полки и бригады, сдерживая напоръ огромной, по количеству, силы, отходя тѣ къ центральнымъ позиціямъ, нанося храброму врагу уронъ, котораго онъ не забудетъ сотни лѣтъ.

Нѣсколько разъ мнѣ приходилось, стоя на тормазной площадкѣ вагона, подслушивать бесѣды эвакуируемыхъ раненыхъ. Въ нихъ не замѣтите и тѣни хвастливости, — это «сосредоточенный» обмѣнъ впечатлѣній, пережитыхъ на полѣ битвы.

Наши «сѣрые герои» вполнѣ постигли врага со всѣми его ухищреніями.

— Енъ завсегда норовить спрятаться либо въ кавельянѣ, либо за камнемъ, за косогоромъ, а то и въ болотѣ зароется, — говорилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ раненый солдатъ, у котораго и руки и голова забинтованы, словно младенецъ въ пеленкахъ.

— Антиллерія! Антиллерія у японцевъ не въ

примѣръ хуже нашей, — съ несокрушимой увѣренностью продолжаетъ сѣрый герой.— Оно точно, стрѣляетъ онъ много, оченю даже много, а все безъ толку. Одинъ ли, цѣлая ли ротиа колонна, либо ординарецъ скачетъ, — енъ все залпами валяеть, а наши пушечки ухъ какъ забиваются его. Одно разочти, наши пушечки на 350 сажень дальше бьютъ...

Солдатъ нѣсколько минутъ сосредоточено смотритъ на перебитую и забинтованную руку, потомъ снова начинаетъ:

— Онамеднись очень даже смѣшно было. Наша батарея расположилась на низинкѣ, словно бы въ пади, а лѣвѣ горы да сопки. Тамъ нашихъ никого не было, а непріятель знай жарить во-всю по пустому нагорью. Опять же, увидѣлъ это онъ дымокъ, ну, и давай пристрѣливаться, а тутъ новая батарея или двѣ, изъ Рассеи, стало быть, пріѣхавшія, выѣзжаютъ на позицію... Ну, завидѣли они горки, и лупятъ, словно бы па маневрахъ. Значить горку занять хотятъ. Ну, погоди, думаемъ, задастъ онъ тебѣ трепку, любить японецъ по горѣ стрѣлять. А наши взбираются на гору, стало быть, позицію занять. Взбрались, а непріятель какъ хляснетъ — трах-трахъ-тарахъ!.. Ну, мы не дали ему покуражиться: тоже ахнули въ него изъ низинки-то, енъ нась не видить, а мы, пристрѣлившись, въ пять минутъ заставили молчать его двѣ батареи.

— Отчего вы не предупредили новичковъ?

— Зачѣмъ? Мы терпѣли, пущай и они познакомятся съ япошой, каково онъ дѣйствуетъ, знать. А еще разъ было, наши два орудія въ болотѣ завязли. Ниакъ ихъ не вытащить. Этто, японецъ увидѣлъ и бѣжать, стало, въ плѣнь пушки забрать. Наши ихъ близко подпустили, а потомъ какъ трахнули!.. Немного японцевъ назадъ ушло. Такъ-то, понимаемъ его, вражьяго

сына, и не очень ужъ енъ мудреный. Все перехитрить норовитъ, анъ глядишь—и влопался.

Другой солдатъ пограничной стражи разсказывалъ, какъ они мостъ черезъ рѣку Тайцзихъ сожгли.

Характерный разсказъ о выполненіи пятью нижними чинами порученія чрезвычайной важности: уничтоженіе огромнаго моста послѣ отступленія всей арміи къ станціи «Янтай».

Небольшой арьергардъ изъ пограничниковъ заамурскаго округа еще находился передъ мостомъ, къ сторонѣ Ляояна, когда пришло приказаніе отступить, уничтоживъ мостъ.

По другую сторону рѣки находились саперы и инженеръ-полковникъ Языковъ. По его распоряженію, были устроены горны; изъ склада пограничниковъ-заамурцевъ извлечено 14 пудовъ пороха, но этого оказалось недостаточнымъ; необходимъ былъ керосинъ, чтобы полить настилку моста, а складъ керосина находился при станціи Ляоянъ, горѣвшей яркимъ пламенемъ. Къ станціи со всѣхъ сторонъ приближались японцы. Вызвали охотниковъ добыть изъ склада нѣсколько бочекъ керосина.

Вызвались пять рядовыхъ 55-й роты Заамурскаго округа погранич. исполнить опасное порученіе: Степанъ Бобылевъ, Иванъ Ракитинъ, Иванъ Шишко, Михаилъ Старцевъ и Иванъ Дашковъ.

Ночью они подкрались къ станціи Ля-Янъ, разыскали складъ, вытащили оттуда пять бочекъ съ керосиномъ и осторожно стали пробираться къ рѣкѣ, а это составляеть разстояніе въ 5 верстъ. Уже свѣтало, когда они достигли моста. Прошло не болѣе 30 минутъ послѣ возвращенія съ керосиномъ, какъ вдали показались непріятельскіе стрѣлки и кавалерійскіе разъезды.

Храбрецы, отстрѣливаясь, задержали наступав-

Генералъ-лейтенантъ Н. И. Ивановъ.

шаго противника, пока вся работа по уничтожению моста не была выполнена. Эти пятеро отважныхъ молодцовъ отступили послѣдними и, отходя, еще успѣли полить мостъ керосиномъ и развить пожаръ.

Десятидневные битвы происходили во время проливныхъ дождей. Дороги превратились въ непроходимыя болота и отходящимъ къ ляоянскимъ позиціямъ войскамъ приходилось испытывать неимовѣрныя трудности.

Съ одной стороны напиралъ противникъ, съ другой стороны приходилось по невыразимо тяжелой размокшей дорогѣ отходить къ главнымъ позиціямъ и перетаскивать чуть-ли не на людяхъ тяжелыя полевые орудія.

А противникъ напиралъ съ отчаяніемъ упорствомъ. 18-го августа на правомъ флангѣ Ляоянскихъ позицій были непрерывныя попытки атаковать наши укрѣпленія, но японцы легли костьюми, не достигши успѣха. Поле съ правой стороны желѣзнодорожного пути было буквально усыпано тѣлами противника, но почью онъ вновь, съ еще большимъ упорствомъ, шелъ на штурмъ и вновь былъ отбиваемъ съ еще большимъ урономъ.

Въ результатѣ, и фланговый маршъ огромной арміи Куроки въ 120^{*)} батальоновъ, и хитро задуманные планы армій Нодзу и Оку не привели ни къ чему. Отвага японскихъ армій разбилась о мощь русского оружія.

Послѣ неудавшагося обхода лѣваго фланга нашей арміи арміей Куроки войска микадо были растреплены до послѣдней крайности, о преслѣ-

^{*)} Дѣйствительная численность арміи всегда была покрыта таинственной завѣсой. Возможно, что армія Куроки состояла всего изъ 60 батальоновъ.

дованиі нашихъ войскъ, отходящихъ къ Мукдену, и мечтать нельзя было.

Въ теченіе 21, 22 и 23-го армія Куроки двигалась параллельно съ отходившей на сѣверъ нашей арміей. Это и называется фланговымъ маршемъ, но, по отзывамъ специалистовъ военного искусства, этотъ великолѣпный маневръ лучшаго изъ японскихъ полководцевъ произвѣдилъ странное впечатлѣніе: маневръ Куроки выполнялся вяло, безъ должнаго натиска на отступающаго противника *).

Бѣглый.

(Эпизодъ изъ ляоянскихъ боевъ).

10 сентября 1904 г.

Въ фанзахъ, ветхихъ, съ облупившейся на клѣточкахъ оконной рамы бумагой прозябаетъ китайская нищета; до войны она, полуголодная и голая, шлялась по цѣлымъ днямъ, съ ранняго утра до солнечнаго заката, и сплошь и рядомъ ложилась на голый, жесткій канъ даже безъ скучнаго ужина стоимостью 4—5 чоховъ, т. е. на сумму менѣе нашей «полушки».

Теперь эта полуголодная толпа увидѣла свѣтъ. Вотъ уже несколько мѣсяцевъ какъ она не голодаетъ и дневной бюджетъ большинства этихъ безшабашныхъ бродягъ возросъ чуть-ли не до гриненника, а у нѣкоторыхъ счастливцевъ и до пятіалтыннаго.

Это уже не простое отродье обнищавшихъ,

*) Съ отступленіемъ нашей арміи изъ Ляояна читатель подробнѣе ознакомится изъ «дѣйствія кавалеріи подъ Ляояномъ и Шахэ».

безземельныхъ манзъ, въ лохмотьяхъ, нерѣдко и безъ нихъ, съ обнаженными темнобронзовыми спинами, лоснящимися на солнцѣ; нѣть, это все «ходя», они рыщутъ по улицамъ города и русскаго поселка и у всѣхъ спрашиваются:

— Конходя ю, мы-ю? (Работа есть, нѣть,—букальный перевордъ).

Вотъ бѣжитъ рикша; онъ тащитъ свою оригинальную легкую двухколесную телѣжку.

— Эй, ходя!—крикнули вы ему.—Подавай.

— Еся!—отвѣчаетъ онъ, довольный тѣмъ, что васъ понялъ, и тѣмъ, что предстоитъ «хорошая конходя», т.-е. хороший заработокъ.

До появленія русскихъ въ этомъ грязномъ и вонючемъ китайскомъ городѣ за конходю на рикшѣ платили гравенникъ, почти никогда больше, хотя бы двуногій возница пробѣжалъ съ телѣжкой, въ которую вы водрузили свое грѣшное тѣло, рискуя порвать платье,—нѣсколько верстъ.

Теперь за этотъ пробѣгъ ему платятъ рубль, нерѣдко два, а въ грязь и 2 р. 50 к., иногда три.

Едва вы сѣли въ телѣжку, сзади очутился полу-голый «ходя»; онъ облегчаетъ поистинѣ тяжелый трудъ своему соотечественнику. Послѣдній, не спрашивая васъ, кудаѣхать, мчится впередъ, сломя голову.

Ходя, поддерживающій и подталкивающій телѣжку сзади, сопитъ, тяжело дыша, и отъ него исходитъ отвратительный запахъ дикой черемши *) и бобового масла.

— Эй, къ западнымъ воротамъ! — командуете вы ему.

— Еся!—односложно отвѣчаетъ двуногій извозчикъ и мчится къ пролому въ городской стѣнѣ.

Проѣхали рядъ узкихъ улицъ, огороды, мино-

*) Черемша—чеснокъ въ дикомъ состояніи. Его запахъ сильнѣе и отвратительнѣе культивированного чеснока.

вали западные ворота, еще узкую улицу съ ветхими фанзами, поворотъ за маленькую кумирню— и предъ вами обширная долина.

Это долина рѣки Тайдзыхе.

По широкой дорогѣ, вправо и влѣво ряды окоповъ на роты и батальоны. За валами рвы, за рвами проволочная стѣни, волчьи ямы и всякия иные страсти, о которыхъ предстояло разбиться нашему противнику.

Выѣхавъ на дорогу, рикша остановился. Далѣе онъ везти васъ не смѣетъ. Получивъ рубль, онъ непремѣнно заявить претензію:

— Шибко мала, капитана! Шибко мала...

Сколько ни давай этому вознице, считавшему прежде за счастье заработокъ въ 5—10 копеекъ въ сутки, пропитаніе которого при нѣкоторой роскоши можно вогнать въ *три копейки за день*, ему все «шибко мало» *).

Батареи разбросаны по разнымъ мѣстамъ, въ укромныхъ уголкахъ. Теперь орудія рѣдко располагаются на высотахъ. Мы также научились прятать эти черные жерла и маскировать ихъ, а стрѣляемъ «перекиднымъ огнемъ».

На бивакахъ и ложементахъ вы не замѣтите особаго оживленія, хотя всѣмъ извѣстно, что завтра, а быть можетъ и сегодня ночью, грянетъ бой, смертный бой.

Непріятельскія позиціи не слишкомъ далеки отъ нашихъ: въ разстояніи какихъ-нибудь 7—8 верстъ. Японцы уже покинули тотъ самый Ван-

*) Китайцы отличаются наблюдательностью и быстро подмѣчаютъ ваши слабые струнки. Разумѣется, они быстро освоились съ русскою безшабашностью и наклонностью къ расточительности, чѣмъ объясняется ихъ ненасытная жадность и повышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Японцы, занимая оставленные нами города, немедленно устанавливали на все таксы, и они уже приобрѣтали у населенія необходимые продукты значительно ниже цѣнъ, которыхъ платили мы.

батай, гдѣ еще недавно былъ нашъ полуэтапъ, гдѣ я не одинъ разъ отдыхалъ на канѣ, покрытомъ чистыми гаоляновыми циновками.

На одной позиціи, на горѣ, за линіей окоповъ, батальонный командиръ отдаетъ распоряженія, осматриваетъ и считаетъ «боевые припасы», шо-потомъ что-то диктуетъ своему адъютанту, юному прaporщику, прибывшему изъ запаса.

— Такъ помните, одиннадцатая и двѣнадцатая роты въ резервъ, девятая и десятая въ цѣль.

— А сторожевое охраненіе?

— Къ намъ не относится. На это имѣется де- журная часть. Сегодня отъ первого батальона— отрывисто, скоро отвѣчаетъ подполковникъ.

— Слушаю,—отвѣчаетъ прaporщикъ и конфуз- ливо переминается съ ноги на ногу.

— Вы чего?—удивленно, съ беспокойной нот- кой въ голосѣ спрашиваетъ батальонный коман- диръ своего адъютанта.—Я больше ничего не имѣю вамъ сказать.—Прaporщикъ показываетъ намѣреніе повернуться, но вдругъ, густо покрас- нѣвъ, говоритъ:

— Господинъ подполковникъ, пограничникъ явился къ вамъ.

— А что? съ приказаниемъ? Какимъ?.. Подавайте его поскорѣе.

Прaporщикъ быстро поворачивается, чтобы скрыть смущеніе. Онъ хорошо знаетъ, что погра-ничникъ-заамурецъ не привезъ приказаний. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ цѣлый часъ и рѣшился до- ставить удовольствие поговорить съ этимъ «бѣг- лымъ» солдатомъ батальонному.

Да, широкоплечій, рослый солдатъ заамурецъ стоящій лицомъ къ лицу съ командиромъ 3-го ба- тальона 3—го полка, виновато опустивъ голову, не смѣя глядѣть въ глаза подполковнику,—бѣг- лый солдатъ одной изъ сотенъ пограничной стра-жи заамурскаго округа.

— Такъ что, ваше высоқоблагородie, я бѣглый—виновато докладываетъ солдатъ, устремивъ очи на рыжий истоптанный сапогъ.

— Что ты городишь, братецъ?.. Какъ-же ты смѣль? Забылъ дисциплину? А подъ судъ? Знаешь, что въ военное время за побѣгъ полагается «разстрѣлъ»?

— Такъ точно, ваше высоқоблагородie!.. Явите божескую милость... Три раза просился въ передовую линию, не пущаютъ... Подъ арестомъ за это сидѣль... Потомъ, значитъ, сбѣжалъ.. Солдатикъ умолкъ, не считая, повидимому, удобнымъ предаваться словоизверженію, хотя ему многое еще хотѣлось бы сообщить внимательно всматривающемуся въ него батальонному командиру.

— Всѣ-же, братецъ, не порядокъ! Бѣглый солдатъ хуже каторжника,—задумчиво говорить батальонный, словно разсуждая самъ съ собою.

— Ну, а казенное имущество?—дрогнувшимъ голосомъ снова допытывается подполковникъ.— Тебѣ известно, какое наказаніе полагается за промотаніе казеннаго имущества?

— Такъ точно, ваше в—дие, а только что на мнѣ казеннаго имущества... мундеръ собственный, третьяго срока, сапоги—тоже, а только винтовка и патроны казенные.

У подполковника лицо прояснилось. Предъ нимъ стоялъ не пьяница, сбѣжившій, промотавъ казенные вещи, не солдатъ, «подлежащий суду за неисправимо дурное поведеніе», а воинъ, честный и смѣлый, съ душой, рвущейся въ бой, на передовыя позиціи.

— Пррапорщикъ В.! устройте молодца въ 11-й ротѣ, — распоряжается батальонный командинъ.

— Слушаю!—на ходу отвѣчаетъ пррапорщикъ.

— Ступай, братецъ! Пока что, устройся при 11-й ротѣ.

— Ваше высоқоблагородіе! — взмолился заамурець.

— Еще чего тебѣ?

— Дозвольте при васъ остаться!

— Почему?

— Однинадцатая и двѣнадцатая роты въ лезервъ, а намъ желательно въ боевую линію.

Солдатъ остался при подполковникѣ.

На слѣдующій день съ утра началась канонада. Бѣглый заамурець не отходилъ отъ командинра, преслѣдуя его шагъ за шагомъ.

— Ваше высоқоблагородіе, — поминутно обращался онъ къ батальонному, — это не маневры, нагнитесь, присядьте вотъ здѣсь, тута меньше опасно... — и такъ далѣе. Цѣлый день заамурець буквально какъ нянѣка ходилъ за батальоннымъ командинромъ, оберегая его отъ всѣхъ возможныхъ случайностей.

Передъ вечеромъ былъ штурмъ позиціи. Японцы были отброшены съ громаднымъ урономъ.

Вечернія сумерки сгостились, быстро наступившая тьма, южная тьма, когда въ двухъ шагахъ человѣка не видно, окутала гору. Солдаты по немногу успокоились. Поужинали сухарями, размоченными въ холодной водѣ, пропѣли молитву и расположились на отдыхъ.

Но что значить «расположиться» на отдыхъ въ боевой линіи?

Безпокойный, прерывистый сонъ въ полной боевой аммуниціи, ежеминутная готовность вскочить при звукѣ малѣйшаго шороха.

— Ваше высоқоблагородіе, — обратился бѣглый заамурець къ батальонному командинру.

— Чего тебѣ?

— Такъ что сегодня ночью штурма позиціи будетъ.

— Ты почему знаешь? — удивился подполковникъ.

— Такъ что, ваше ско—родіе, они, эти японцы, завсегды штурмуютъ ночью, послѣ дневной «нездачи»...

Подполковникъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ словамъ бѣглого и не ошибся. Были приняты соотвѣтствующія мѣры предосторожности, т.-е. разставлены часовые и «подчаски» на склонахъ горы.

Ночью батальонный командиръ отправился лично провѣрять сторожевое охраненіе. Тихо и темно вокругъ. Ни звука. Едва-едва намѣчаются темные силуэты сторожевыхъ постовъ.

— Стой! кто идетъ?—шопотомъ раздается вопросъ часового и замираетъ въ ночной мглѣ.

— Свой! —также шопотомъ отвѣчаетъ подполковникъ и присаживается около «подчаски», зорко всматривающагося въ лежащее передъ нимъ темное пространство.

Бѣглый заамурецъ безотлучно находится при батальонномъ. Онъ останавливается сзади начальника и весь превращается въ слухъ и зрѣніе.

Звѣзды равнодушно и холодно мерцаютъ въ далекой небесной выси. Ихъ не трогаетъ ожидающаяся бойня, до нихъ не долетаютъ стоны раненыхъ.

Чу! слышится осторожный шорохъ, но, тотчасъ все затихаетъ.

— Ваше в—діе!—шепчетъ подполковнику на ухо бѣглый заамурецъ, — это енъ, непріятель... Вы-бы хвонарикомъ... Ползетъ, проклятый... Я слышу его близко.

Мелькнулъ свѣтъ электрическаго фонарика. Почти передъ самымъ носомъ подполковника неожиданно выросла фигура японскаго солдата. Послѣдній замахнулся и ударомъ приклада по головѣ оглушилъ батальоннаго, который безъ стона свалился и полетѣлъ подъ гору; за нимъ

посыпался мелкий камень, которымъ была усѣяна гора...

Въ мигъ все засуетилось, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, послышались крики ура, смѣшившіеся съ дикимъ воплемъ «ia-a-a-ia-a-a-al!». Произошла суматоха ночного нападенія, но смѣлая атака японцами горной позиціи была лихо отбита.

Снова все стихло, даже не слышно было стоны раненыхъ.

Подполковникъ N... лежалъ внизу подъ горой. Онъ быстро опомнился, пришелъ въ себя, но подняться не могъ.

Онъ сильно расшибся; лѣвая нога ныла; малѣйшее движеніе причиняло страшную боль. Боль чувствовалась во всѣхъ суставахъ.

Услышалъ страдалецъ шорохъ и думаетъ: «А вдругъ японецъ»... Камешки глухо застучали, скатываясь съ горы.

— Ваше высокоблагородіе! — услышалъ раненый и расшибленный подполковникъ знакомый голосъ, но, ослабленный потерей крови и неимовѣрной болью, онъ только могъ простонать въ отвѣтъ.

Бѣглый пограничникъ - заамурецъ также не избѣжалъ удара ножеобразнаго штыка японца, но послѣдній поплатился за это жизнью, получивъ ударъ штыкомъ въ грудь и отброшенный съ такой силой, что свалился и стремительно полетѣлъ внизъ.

Первой мыслью славнаго солдата заамурца было разыскать батальоннаго. Осторожно спустился онъ съ горы и оклинуль командира. Угадавъ по стону, гдѣ находится подполковникъ, бѣглый осторожно подползъ къ нему.

— Ваше в—діе! Гдѣ вашъ хвонарикъ электрическій?

Фонарика не оказалось. Заамурецъ досталь

сърничекъ и, чиркиувъ, зажегъ его. Слабый свѣтъ горящей спички освѣтилъ распостертаго на землѣ батальоннаго командира. Солдатъ за-
ботливо осмотрѣлъ его, но, найдя положеніе тя-
желымъ, взвалилъ его себѣ на плечи и понесъ
на перевязочный пунктъ. Ему извѣстно было,
что перевязки дѣлаются за мостомъ, верстахъ въ
пяти отъ позиціи.

Не обращая вниманія на собственную рану,
онъ донесъ подполковника до перевязочного
пункта какой-то обшины Краснаго Креста.

Рано утромъ слѣдующаго дня, едва подпол-
ковникъ открылъ глаза и въ его разбитой, ною-
щей отъ боли головѣ мелькнули воспоминанія
прошлой ночи, онъ увидѣлъ бѣглаго заамурца
лежащимъ у его ногъ.

— Ты, братецъ?—обрадовался раненый коман-
диръ.—Спасибо тебѣ за службу! Хорошій, чест-
ный ты воинъ... Только теперь совсѣмъ вернуться
въ свою часть. Я напишу отрядному командиру
о твоемъ молодецкомъ поведеніи... Оставаться
около меня нельзя болѣе... ты не нашего полка...

— Ваше высокоблагородіе! Явите божескую
милость!—взмолился бѣглый заамурецъ, вскочивъ
на ноги,—никакъ не могу вернуться... я въ боеву-
ю линію желаю... ежели прогоните, я въ дру-
гую часть на позиціи сбѣгу...

Около десяти часовъ къ летучему госпиталю
подѣхалъ командиръ полка навѣстить раненаго
подполковника. Послѣдній рассказалъ первому
о происшествіи съ бѣглымъ заамурцемъ.

Командиръ полка обнялъ «бѣглаго» солдата-
пограничника и оставилъ впредь до распоряженія
начальства при своей особѣ, донеся о случаѣ ра-
портомъ по командѣ, но молва о бѣгломъ за-

амурцѣ распространилась быстрѣе оффициальной переписки.

Не могу умолчать, что описываемый мною случай далеко не единственный. Какъ-то въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ привелось познакомиться въ Ляоянѣ съ офицеромъ той же пограничной стражи, поручикомъ Бенескуломъ.

Этотъ поручикъ три раза подавалъ рапорты по начальству, прося о «командировании на передовыя позиціи».

Поручикъ за свою настойчивость и подъ арестомъ сидѣлъ, и выговоры получалъ, пока не добился удовлетворенія завѣтной мечты: служить на передовыхъ позиціяхъ.

Въ одномъ изъ его рапортовъ встрѣчается такое выражение: «Умоляю, какъ милости прошу разрѣшенія показать, какъ умираютъ передъ своей полуротой»...

Поручика Бенескула послали въ боевую линію и онъ оказалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ настоящей войны подвигъ.

Двѣ пѣхотныя роты*), почти сплошь состоявшія изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, давно отвыкшихъ отъ ружья, не выдержали убийственнаго огня противника и бросились бѣжать съ позиціі.

Бенескулъ съ револьверомъ въ одной рукѣ и шашкой въ другой остановилъ бѣгущихъ, пристыдилъ и самъ повелъ ихъ въ атаку.

Въ этой странной атакѣ собранной горсточки бѣжавшихъ ротъ погибъ геройскою смертью поручикъ Бенескулъ. Вѣроятно, съ нимъ вмѣстѣ полегли и его «бѣглецы».

*) Дивизії генерала Орлова.

Ляоянскіе бои.

11 сентября 1904 г.

Ляоянскіе бои представляются въ слѣдующемъ видѣ: съ первого дня общаго наступленія японской арміи на Ляоянъ, наши войска занимали слѣдующія позиціи: отъ Пегоу и Анпиня полуокругомъ на Ляндяньсянь и Аншаньчжуанъ (Айсянъзянъ).

Мы имѣли дѣло съ слѣдующими арміями противника: арміи Оку и Нодзу наступаютъ на центръ, стало быть на Аншаньчжуанъ, и стремятся охватить правый флангъ, армія Куроки частью идетъ на лѣвый флангъ; огромная ея часть производитъ «диверсію», т.-е. обходъ, на сѣверъ, силясь ударить намъ въ тылъ или охватить лѣвый флангъ съ такимъ расчетомъ, чтобы вся манджурская армія очутилась «въ мышеловкѣ».

Итакъ, части армій Оку и Нодзу кидаются на центръ у Ляндяньсяня, кидаются съ свирѣпымъ упорствомъ, повторяя атаки, не взирая на подавляющія потери, то днемъ, то раннимъ утромъ, то подъ покровомъ темной ночи. И всѣ эти атаки массами, при поддержкѣ артиллеріи, изрыгающей свои страшные бризантные снаряды, забрасывающей цѣлья площади шрапнельнымъ огнемъ и пулями, поливаемыми, какъ изъ брандсъ-

поя, пулеметами, были отбиты съ чувствительнымъ для японцевъ урономъ *).

На лѣвомъ флангѣ съ такимъ-же геройствомъ отбрасываютъ противника, но послѣднему удается овладѣть самой крайней позиціей у Пегоу, что представляло несомнѣнную опасность, угрожая отступленію нѣкоторыхъ нашихъ частей по долинѣ рѣки Танхе. Одновременно выясняется и обходъ праваго фланга у Аншаньчжана.

Наши войска использовали Пегоу, Анпинь, высоты Аншаньчжана и тѣснину Ляньдяньсяня съ переваломъ Ванбатай до послѣдней возможности и, увертываясь отъ разставленной японцами ловушки, отошли къ позиціямъ вокругъ Ляояна. Тутъ-то начинается Одиссея героической борьбы могучей русской арміи съ тремя арміями непріятеля, количественно превосходящими наши, по крайней мѣрѣ, въ два раза.

Условія мѣстности, при коихъ намъ пришлось вести отступленіе къ Ляояну, слѣдующія: въ восточномъ фронтѣ гористая мѣстность; дороги устраивались саперами въ теченіе всего лѣта, но дожди безжалостно разрушали человѣческія усилія.

При отступленіи къ ляоянскимъ позиціямъ лиль непрерывный дождь. Долины превратились въ озера, а горныя дороги размякли, образовавъ непролазную грязь. Такимъ образомъ, пушки приходилось перетаскивать чуть-ли не на людяхъ, увязая глубоко въ отвратительной, липкой, глинистой почвѣ.

Это была титаническая борьба съ одной стороны съ легкими, способными къ движеніямъ

*) Прошло болѣе 15 мѣсяцевъ войны, а армія наша все еще не снабжена спарядами вродѣ близантыхъ, т.-е начиненныхъ специальными взрывчатыми составами, дающими особой силы разрывы, бьющими далѣе 5 верстъ, а главное способствующими хорошей пристрѣлкѣ.

по горамъ японцами, съ другой—съ стихійными силами природы. И все это преодолѣли, чтобы потомъ отступить отъ Ляояна къ Мукдену...

Тяжело приходилось нашимъ войскамъ въ горахъ, но еще трудиѣ было одолѣвать долины, превратившіяся въ озера и болота...

Въ то время, когда правая колонна двигалась по топкой равнинѣ, арьергарду пришлось выдерживать упорный бой. Одна изъ батарей 9-й восточно-сибирской бригады при отступлениі попала въ топкое мѣсто и ее начало засасывать. Неимовѣрныя усилия были употреблены, чтобы спасти орудія. 24 лошади впряженіи въ одну пушку, и въ то-же время роты пѣхоты старались на лямкахъ сдвинуть орудіе, но лошади и люди увязали такъ глубоко, что солдатъ съ трудомъ удавалось вытащить изъ засасывающей ихъ топи. Да, о манжурской грязи трудно имѣть представление, не увидавъ ее. Это нѣчто стихійное. Напримеръ, въ Харбинѣ послѣ дождей нельзя попасть изъ одной части города въ другую. Экипажъ тонетъ буквально въ болотѣ, и его приходится бросать, чтобы спасти лошадей. Въ Ляоянѣ вся площадь передъ вокзаломъ превращается въ непроходимое озеро, гдѣ легко утонуть, и лишь «рикши» пробираются по знакомымъ имъ тропинкамъ. Гибель генерала Рутковскаго, задержавшагося на позиціи, чтобы дать время вытащить завязшую батарею, произошла именно потому, что ему пришлось слишкомъ долго держаться подъ напоромъ противника и его убийственнымъ огнемъ.

Такъ-же погибъ подполковникъ фонъ-Раабенъ, командовавшій 4-мъ восточно-сибирскимъ стрѣльковымъ полкомъ.

Къ несчастію, борьба со стихіей не шутка, и

батарею пришлось оставить на липкой топи, не взирая на понесенные жертвы *).

16-го августа наши войска сосредоточились вокругъ Ляояна. Японскія арміи почти окружили нашу армію тѣснымъ кольцомъ. Семнадцатаго и восемнадцатаго августа были именно тѣ бои, которые и составлять славную страницу въ истории русскаго войска. Представьте себѣ слѣдующую картину: вокругъ Ляояна на востокѣ, на югѣ и юго-западѣ — цѣлые лабиринты траншей, впереди окоповъ заложены фугасныя мины и загражденія изъ проволоки и волчьихъ ямъ, расположенные въ шахматномъ порядкѣ; далеко впереди желѣзнымъ кольцомъ окружили наши позиціи японцы. Вонъ ползутъ двѣ цѣпи, а между ними двигается колонна; сзади черезъ головы наступающихъ извергаются тысячи, десятки тысячъ японскихъ снарядовъ. На югѣ при линіи дороги, съ обѣихъ сторонъ яростно бросаются въ атаку десятки японскихъ батальоновъ; наши съ мощнымъ крикомъ «ура» кидаются въ контрѣ-атаки.

Эти атаки и контрѣ-атаки повторяются много разъ; много легло на этой равнинѣ японцевъ и нашихъ героевъ. Солдаты (изъ раненыхъ) разсказывали мнѣ, что они видѣли передъ собою дѣтей моложе 13 лѣтъ.

*) Возможно, что въ приведенномъ случаѣ, батарея погибла вслѣдствіе невозможности одолѣть «стихійную» маньчжурскуя грязь послѣ дождей. Извѣстны случаи, когда наши орудія погибали по другимъ причинамъ, которыя возможно было устранить... Настоящая война окончательно выяснила существующую между *нашими родами оружія* рознь. Дѣленіе арміи на «три рода оружія», причемъ одни почему-то считались болѣе привилегированными чѣмъ другіе, и слѣдуетъ несомнѣнно считать одной изъ причинъ потери орудій...

— Ажно жалко было ихъ бить, — говорили они. Бѣдные малютки не выдерживали и, бросая оружіе, ложились на землю, а офицеры сзади хлестали ихъ шашками, разстрѣливали изъ револьверовъ, побуждая итти на приступъ...

Вечеръ 18-го августа. Солнце склонилось къ западу, духота спала. Когда стемнѣло, съ запада поползли цѣлья тучи японцевъ въ обходъ нашего праваго фланга. Это Оку дѣлалъ послѣднія усиленія смять насъ.

Въ теченіе того-же 18-го августа вполнѣ обозначилась диверсія Куроки на правый берегъ рѣки Тайцзыхе. У Куроки была полная возможность бросить значительныя силы въ обходъ лѣваго фланга вслѣдствіе того, что наша армія, отойдя на главную ляоянскую позицію, сузила линію обороны. Куроки разсчитывалъ отойти на сѣверъ и оттуда обрушиться на нашъ тылъ и на линіи сообщенія. Опасность была чрезвычайно серьезная: для предотвращенія ея, съ наступлениемъ темноты, наши войска начали очищать передовыя позиціи, которыхъ уже сослужили намъ огромную службу, обезсиливъ противника нанесенiemъ ему тяжкихъ потерь.

Между тѣмъ, въ ночь на 20-е августа арміи Куроки удалось завладѣть нашей позиціей у Сыкватуна — на высотахъ за рѣкой Тайцзыхе къ сѣверу. На этихъ позиціяхъ тяжело пришлось нашимъ войскамъ. Необходимо было выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ высотъ. Бой былъ жаркій, упорный, продолжавшійся до поздней ночи.

Наши нѣсколько разъ овладѣвали высотами, но вынуждены были отступать, и лишь благодаря инициативѣ отдѣльныхъ начальниковъ мы все-таки овладѣли позиціей, выбивъ изъ нея японцевъ штыками.

Нашъ лѣвый флангъ представлялся въ слѣ-

дующемъ видѣ: сильная позиція на высотахъ фронтомъ къ юго-востоку была занята отрядомъ генералъ - маюра Орлова. Часть своего отряда генералъ спустилъ съ горъ и повелъ на непріятеля, спрятавшагося на поляхъ, густо заросшихъ гаоляномъ.

Части отряда, натолкнувшись на гаолянъ, откуда были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ и артиллерийскимъ огнемъ, вынуждены были отступить, и это отступленіе граничило съ бѣгствомъ. Тѣмъ временемъ японцы быстро распространились къ сѣверу и къ пяти часамъ пополудни заняли всю гряду горъ и янтайскія каменноугольныя копи. Дальнѣйшее описание отступленія отъ Ляояна и роль отряда Самсонова — въ очеркахъ «отрядъ генерала Самсонова подъ Ляояномъ».

Изъ впечатлѣній участника.

Съ разсвѣтомъ 17-го августа, послышался на передовыхъ позиціяхъ Ляояна трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, артиллериа не заставила себя долго ждать.

Раздался первый орудійный залпъ, затѣмъ послѣдовало минутное молчаніе, а потомъ слабые звуки отъ разрыва снарядовъ гдѣ-то вдали. Непріятель отвѣчаетъ немедленно. Вотъ являются дымки разрывовъ отъ шрапнелей, но японцы еще не пристрѣлялись. Постепенно замираетъ ружейная трескотня, за то оживляется артиллериjsкая канонада.

Скоро услѣдить за разрывомъ снарядовъ становится труднымъ, однако, замѣтно, что японцамъ на дается пристрѣлка: большинство не долетѣло. На холмикѣ позиціи небольшая кучка любопытныхъ артиллериистовъ. Остальные офи-

церы и солдаты расположились, какъ на бивакѣ: нѣкоторые варятъ чай, другіе снять въ растяжку на голой землѣ, богатырски похрапывая, третыи возятся съ своими вещами. Слышины шутки и смѣхъ. Офицеры, вставшіе съ постели, сидятъ кучками, закусываютъ, болтаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Нѣкоторые разбрелись по знакомымъ на позиціи 2-го и 26-го полковъ. На лицахъ не замѣтно ни малѣйшаго напряженія, даже тревоги или, какъ многіе полагаютъ, торжественности, вызываемой боевыми ощущеніями. Все тѣ же будничныя, сѣрыя лица, тѣ же разговоры. Трудно и представить себѣ, что эти самыя офицеры и солдаты черезъ нѣсколько часовъ, а быть можетъ, и минутъ, окунутся въ самую кипень боя. Небо хмурилось. Нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ, но прекращался.

— А пожалуй, скоро и насть потребуютъ — слышатся замѣчанія изъ группы офицеровъ.

— А что, развѣ слышно? — вставая, спрашиваетъ молодой офицеръ, недавно вступившій, какъ значится въ формулярѣ, въ «первый законный бракъ», или ставшій «бракованымъ», какъ надѣялись подшучивають товарищи.

— Да, нѣтъ, — возражаетъ другой. — Еще рано.

— А пальба разгорается, — замѣчаетъ третій, — вѣроятно, потребуются резервы, и мы окунемся въ жаркій бой.

Пальба дѣйствительно разгорается. Впереди слышится не то ревъ, не то гулъ, переходящій въ особый рокотъ.

— Слава Создателю, — раздается мелодичный голосъ безусаго офицерика, вчера только прибывшаго въ полкъ. — Сразу попаду въ большой бой... Сразу все испытаю.

— Ну, батенька, живы будете, все испытаете, а такъ рваться-то некуда, — возражаетъ пожилой Желтая туча.

капитанъ съ добродушнымъ, симпатичнымъ лицомъ.

Вдругъ раздается торжествующее «ура», эхомъ разносится далеко по долинѣ и еще дальше къ непріятельскимъ позиціямъ.

Но это не «ура» атаки — напряженное, экзальтированное, а радостное, праздничное «ура».

— Въ чёмъ дѣло? Что случилось? — спрашиваютъ другъ друга сбѣжавшиеся офицеры.

— Изъ Портъ-Артура получена телеграмма: штурмъ отбитъ съ громадными потерями для японцевъ.

Радостные чувства волною охватываютъ всѣхъ, а торжествующій радостный крикъ соединяется въ общей массѣ лицующихъ голосовъ.

Это «ура», могучее, радостное, подобно морской волнѣ, передается въ сосѣдніе полки, откуда вскорѣ слышатся торжественные звуки полковой музыки, играющей народный гимнъ «Боже, Царя храни».

Радость переполняетъ душу каждого. «Теперь бы намъ не осрамиться», — думаютъ многіе, а сердца ихъ учащенно бьются, готовыя ринуться въ бой.

Дорогое извѣстіе пришло во-время.

Куда дѣвалось сумрачное, будничное настроение, царившее на всѣхъ лицахъ нѣсколько минутъ тому назадъ? Лица сіяютъ, глаза блестятъ... Въ бой, на смертный бой съ лихимъ врагомъ!..

— Второму батальону выступать! — вдругъ доносится приказаніе.

Спустя полчаса двигаютъ третій, а за нимъ очередь за четвертымъ.

Около 6 часовъ вечера получается распоряженіе первому батальону итти къ блиндажу на южный хребтъ. Едва тронулся батальонъ, съ полковымъ командиромъ во главѣ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ сзади раздался трескъ отъ

разрыва снаряда; поднимается суматоха, увеличивающаяся вторымъ и третьимъ разрывами, — шальныя шрапнели рвутся надъ самыми головами, надъ стоящими позади кухнями и лазаретными линейками, но воинамъ, сиѣщающимъ въ бой, никогда останавливаться. Батальонъ спѣшио движется по дорогѣ среди гаоляна. Впереди все ближе и ближе полоса обстрѣла и тотъ скать южного хребта, гдѣ сотни жертвъ легли уже въ этотъ день.

Вдругъ рядомъ съ батальономъ раздается сильный взрывъ, вслѣдъ за которымъ взвивается столбъ бураго дыма съ землей и летящими въ разные стороны камнями. Всѣхъ невольно отшатывается въ сторону. Это бризантный снарядъ, начиненный лиддитомъ. Спустя нѣсколько минутъ такой же снарядъ разрывается сзади, и изъ колонны раздаются стоны раненыхъ. На встрѣчу идущему батальону выбѣгаеть подполковникъ, прибывшій со своей частью ранѣе.

— Здѣсь нельзя останавливаться, г. подполковникъ,—докладываетъ онъ.—Весь этотъ скать засыпается снарядами; мой батальонъ еще въ резервѣ, а уже потерялъ до полусотни людей...

Какъ бы въ подтвержденіе словъ подполковника, слѣдуютъ одинъ за другимъ взрывы бризантныхъ снарядовъ, столбы дыма и летящіе въ воздухѣ камни съ осколками снаряда.

Батальоны отводятъ съ обстрѣливаемаго ската и останавливаютъ немного въ сторонѣ въ гаолянѣ. Вотъ рота направляется въ окопы, а группа офицеровъ располагается на бугоркѣ, подъ которымъ тянется дорожка къ блиндажу. Седьмой часъ въ исходѣ. Стрѣльба постепенно смолкаетъ, лишь слышны отдѣльные звуки одиночныхъ выстрѣловъ и разрывовъ.

На землю спускается ночь, темная и сырья вслѣдствіе выпавшихъ дождей. Подъ покровомъ

окутавшій позиції тьми, зашитники облегченно вздыхаютъ. Передышка до разсвѣта, но не для всѣхъ. Одного изъ батальонныхъ командировъ требуютъ къ начальнику дивизіи. Генералъ поручаетъ ему отвести батальонъ и занять интервалъ между хребтами.

Въ томъ интервалѣ японцы еще утромъ пытались прорваться, чтобы обойти одинъ хребетъ съ тыла, но огонь съ сѣверной сопки, занятой 33-мъ полкомъ и вторымъ батальономъ, отбросилъ ихъ съ большими потерями.

— Задача не легкая,—предупреждаетъ батальонный.—Помоги Господь съ нею справиться.

Батальонъ, тихо насколько возможно, движается въ темнотѣ и, кажется, это не люди движутся, а таинственные тѣни. На позиції воцаряется тишина темной ночи. Изрѣдка слухъ встревожитъ стонъ, отдѣльный выстрѣлъ, дикий крикъ, но все снова замираетъ въ тревожномъ предчувствіи предстоящей съ разсвѣтомъ новой битвы.

Ротмистръ Голландскій и его сотня.

(Дѣйствія арьергарда пограничниковъ Заамурскаго округа).

Голландскій все время находился въ арьергардѣ нашихъ силъ и со своей 8-й сотней, собирая ее съ поста на постъ, прошелъ всѣ сраженія—Вангангоу, Ванзелинъ, Гай-Чжоу, Дашицао, Хайченъ, Аньшаньчжанъ, Ляоянъ и, наконецъ, Янтай. Онъ-же произвелъ развѣдку, вызванную свѣдѣніями о маршѣ арміи Куроки на сѣверъ по мандаринской дорогѣ, въ тылъ Мукдену, пройдя въ четыре дня 400 верстъ.

14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го, 19-го, 20-го и 21-го августа день за днемъ, ночь за ночью Голландскій слѣдуетъ съ своей сотней и пѣхотными частичками заамурцевъ въ арьергардѣ, выдерживая бои, какихъ еще не было въ исторіи войнъ.

Голландскій — высокаго роста, тонкій, цвѣтъ лица у него иѣсколько землистый, большиe сѣрые глаза смотрятъ серьезно и сосредоточенно.

Прослѣдимъ его дѣйствія съ 14-го авгуаста, когда главныя силы отошли къ сѣверу, къ первымъ ляоянскимъ позиціямъ, а въ Анишаньчжанѣ осталась 8-я сотня, или вѣрнѣе одинъ ея взводъ. Остальные люди были разбросаны по постамъ на охранѣ вплоть до моста на р. Шахе, гдѣ стояла другая полусотня 8-й сотни; кромѣ коннаго взвода на станції была еще 19-я рота и пѣшая учебная команда 4-го резервнаго отряда заамурскаго округа.

Было 4 часа пополудни, когда этотъ отрядъ собрался покинуть станцію вмѣстѣ съ младшими офицерами: корнетомъ Мелентьевымъ и начальникомъ пѣшой команды штабсъ-ротмистромъ Бѣляевымъ, впослѣдствіи убитымъ въ бою.

У сѣвернаго семафора, въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ станции, ротмистръ Голландскій съ офицерами Мелентьевымъ и Бѣляевымъ остановились наблюдать за японцами. Послѣдніе подходили къ району станціи.

Непріятельская батарея, замѣтивъ у семафора трехъ русскихъ, открыла по нимъ огонь шрапнелью.

Междуд тѣмъ 19-я рота, видя приближеніе противника, спѣшило додгружала на вагонетки ротный скарбъ: канцелярію, денежный ящикъ и всякий хламъ. Одну вагонетку покатили къ семафору, а люди спѣшили накладывать свое убогое имущество, съ которымъ не хотѣлось разстаться, и понемногу, шагъ за шагомъ, отходили на сѣверъ.

— Ваше высокоблагородіе! — обратился сол-

дать къ ротмистру Голландскому, — дозвольте хвонарь снять съ семахвора, потому хвонарь со-всѣмъ новый.

— Снимай, — улыбаясь, отвѣчаетъ сотенный.

Солдатикъ, не обращая вниманія на летящіе снаряды, карабкается на семафоръ и снимаетъ фонарь.

Время шло быстро. Вотъ уже солнце стало склоняться къ западу.

Былъ восьмой часъ вечера.

Изъ гаоляна, густо и высоко растущаго позади станціи, раздались залпы. Подскакаль дозорный и на ходу уже докладывалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Къ вокзалу подошли два эскадрона и рота японцевъ.

Это они и открыли выдержанній огонь залпами.

Командиръ 19-й роты, разсыпавъ небольшую цѣль, началъ отстрѣливаться, приказавъ остальнымъ людямъ спрятаться за насыпью дороги.

Ротмистръ Голландскій скомандовалъ своимъ коннымъ разсыпаться въ лаву, и его громкій го-лосъ спасъ пѣшую часть и его взводъ отъ неми-нуемой гибели. Японцевъ было несравненно боль-ше нашихъ, и они могли-бы раздавить неболь-шой арьергардикъ.

Громкая команда ротмистра поставила втупикъ непріятеля, подошедшаго къ станціи въ полной увѣренности, что найдеть тамъ однихъ пѣхо-тинцевъ. Японцы освоились съ нашими постро-еніями и лавъ съ казачьими пикиами боятся, какъ чортъ ладона. Поэтому они остановились на станціи, прекративъ залпы.

Когда конная и пѣшья части стали удаляться отъ семафора, японская горная батарея начала ихъ обстрѣливать шрапнелью; открытая мѣстность, по которой пришлось двигаться арьергарду, ста-вила отступающихъ въ критическое положеніе, но на выручку имъ откликнулась стоявшая сзади,

верстахъ въ 5-ти, арьергардная батарея. Она отвлекла огонь непріятельскихъ орудій на себя, что облегчило отряду отступление.

Начало темнѣть, и мракъ, окутавшій землю, далъ возможность передохнуть отъ пережитыхъ боевыхъ волненій.

Тогда вспомнили, что въ дневной перестрѣлкѣ былъ смертельно раненъ нижній чинъ 19-й роты; его оставили спрятаннымъ въ гаолянѣ. Вызвали охотниковъ спасти раненаго. Восемь человѣкъ 19-й роты съ фельдфебелемъ Шабалинымъ во главѣ, изъявили желаніе отправиться за товарищемъ. Къ нимъ назначили въ поддержку 15 человѣкъ 8-й сотни. Вся группа тихо, почти ползкомъ, двинулась обратно къ станціи, занятой уже непріятелемъ. Прорвавшись черезъ сторожевую цѣпь непріятеля, они углубились въ гаолянѣ, гдѣ и нашли своего товарища. На линіи была оставлена вагонетка съ солдатскимъ скарбомъ: ее не успѣли утромъ увезти. Солдаты уложили на нее раненаго и тихо поползли назадъ, но шумъ катящейся вагонетки привлекъ вниманіе непріятеля. Раздался выстрѣлъ, другой, третій; за ними послѣдовали залпы и все-таки наши смѣльчаки ушли благополучно и спасли товарища.

Около часу ночи арьергардъ занялъ мостъ на р. Шахе, позади котораго были расположены на первыхъ позиціяхъ наши главныя силы.

На зарѣ слѣдующаго дня, т. е. 15-го числа, начался артиллерійскій поединокъ двухъ противниковъ; японцы выбрасываютъ безъ счета снаряды, шрапнельные и бризантные; первыми они закидываютъ цѣлья площасти, а вторыми вырываютъ изъ земли огромные столбы дыма и камней, чтобы застилать и свои цѣли. Имъ спокойно и могуче отвѣчаютъ русскія пушки; раздается два-три пробные выстрѣла; прицѣлъ взять

върно, и послѣ нѣсколькихъ залповъ японская батарея сразу умолкаетъ, пока сбитыя орудія не замѣняются новыми.

Тѣмъ временемъ отступавшій арьергардъ, остановившійся ночью на мосту Шахе, съ вновь присоединившимися къ нему двумя пѣшими командами, прикрывалъ отступленіе съ этого моста поѣзда подполковника Спиридонова. Главныя силы наши отодвигались къ главнымъ ляонскимъ позиціямъ, въ 6—7 верстахъ отъ города, къ высокимъ сопкамъ у дер. Мастунь.

16-го августа были только стычки нашихъ передовыхъ разъѣздовъ и сторожевой цѣпи. Непріятель наступать медленно и осторожно, подготавляя каждое передвиженіе громомъ орудій.

Настоящая кровавая драма подъ Ляояномъ начинается съ 3 ч. 30 м. утра 17-го августа. Еще солнце было за горизонтомъ, когда грянули непріятельскія орудія. Имъ тотчасъ отвѣтили наши батареи. Канонада была такъ велика, что небо покрылось густыми облаками дыма. Въ нихъ то и дѣло мелькали огоньки разрывающихся снарядовъ, словно молніи. Одна непріятельская горная батарея, успѣвшая пробраться на позиціи и ударить намъ во флангъ, особенно надоѣдала своей назойливостью. Это замѣтила наша батарея и двумя залпами смела ее.

Весь день длился артиллерійскій поединокъ; 8-я сотня въ полномъ составѣ, подъ командой ротмистра Голландского, была занята наблюденіями за непріятельскими эволюціями.

Около полудня одинъ изъ разъѣзовъ замѣтилъ вышедшую изъ ближайшей деревни большую непріятельскую колонну. Укрываясь въ гаолянѣ, она двигалась на деревню Мастунь и въ 1000 шагахъ отъ насъ открыла ружейный огонь, продолжая движеніе впередъ. Часамъ къ 3 непріятельская колонна подошла на 600 шаговъ и

выказала стремлениe взять нашихъ «во флангъ».

У насъ резервы были израсходованы. Противникъ былъ близокъ въ подавляющемъ количествѣ. Положеніе становилось труднымъ. Были спѣшены послѣдніе конные люди и введены въ цѣпь. Но тутъ пришло приказаніе держаться до получения подкрѣплений; вскорѣ подошли двѣ роты 4-го полка и немедленно влились въ цѣпь; вслѣдъ за нимъ подошли еще двѣ роты той-же части и составили резервъ. А непріятель все приближался. Шаговъ съ 300 его встрѣтили дружные залпы. Ряды легли, за ними появились другие и также погибли,—атака была отбита съ громаднымъ урономъ у противника.

Пришло донесеніе, что значительныя силы японцевъ двигаются въ обходъ праваго фланга. Дали знать командиру 1-го полка. Онъ быстро выдвинулъ стоявшій впереди 2-й батальонъ съ 2 пулеметами. Занявъ позиціи, они открыли убийственный огонь по непріятельскимъ колоннамъ, которыя и были отброшены съ страшными потерями.

День уже склонялся къ вечеру. Канонада не прекращалась. Тутъ пришло извѣстіе, что портъ-артурскіе герои отбили штурмъ японцевъ, и по всѣмъ линіямъ обороны грянуло «ура».

Вражескія колонны, какъ-бы смущенные неизвестнымъ крикомъ, остановились верстахъ въ трехъ отъ деревни Маетунь. Надвинулась ночь, канонада стихла. Кое-гдѣ замелькали огоньки костровъ. Около 10 часовъ вечера японцы позволили энергичное наступленіе по всѣмъ фронтамъ и съ 11 ч. 30 м. ночи начались атаки. Японцы лѣзли съ настойчивостью, но ихъ были жестоко и отбрасывали съ тяжелыми потерями.

Былъ моментъ, когда деревня Маетунь была окружена японцами со всѣхъ сторонъ. Въ ней

находилась 8-я сотня съ ротмистромъ Голландскимъ.

Послѣдній спѣшилъ людей и вывелъ ихъ съ примкнутыми штыками.

Пробивались къ цѣпи холоднымъ оружіемъ. Это была жестокая боевая схватка. Одинъ другому не давалъ пощады... Въ деревнѣ остались коноводы съ лошадьми. Къ счастью, бѣгомъ подошла рота 4-го полка и штыками отбросила противника, освободивъ Маетунь. Эту ночь ружейная пальба не прекращалась до утра.

Съ разсвѣтомъ возобновилась канонада артиллеріи. Японцы, предполагая, что въ деревнѣ Маетунь находятся больше резервы нашихъ силъ, буквально закидывали ее шрапнельными и бризантными снарядами. Въ деревнѣ былъ сущій адъ. Фанзы разбивались вдребезги. Въ воздухѣ туши дыма смѣшивались съ пылью. И все-таки атаки были отбиты. Деревню удержали.

Около 12 часовъ 18 августа сильная колонна японцевъ успѣла придвигнуться къ редуту, занятому 19-й ротой и пѣшими учебными командами заамурцевъ; въ немъ было 300 человѣкъ. Осыпаемые огнемъ орудій и пулями пѣхоты, герои вышли изъ редута и бросились въ штыки, пробивая себѣ дорогу сквозь густые ряды непріятеля.

Пробились, но въ живыхъ осталось 65 человѣкъ изъ 300; изъ 4 офицеровъ только одинъ, раненый въ руку съ раздробленіемъ кости, пробился съ 65 молодцами героями. Остальные дорого продали свою жизнь... Заамурцы покрыли себя вѣнцомъ неувядаемой славы. 300 человѣкъ, подобно древнимъ защитникамъ Фермопилъ, бились съ 4 батальонами. Погибли командиръ роты штабсъ-ротмистръ Бѣляевъ, штабсъ-ротмистръ Севастянскій и поручикъ Ивановъ.

Къ вечеру прѣхалъ подполковникъ Скарь-

тинь, чтобы принять подъ свою команду арьергардный отрядъ, но собралъ жалкіе остатки.

Эти славные герои присоединились къ ротѣ 1-го полка, помѣстившись съ нею въ ея окопахъ у деревни Маетунь. Здѣсь они держались до получения приказанія отойти къ главнымъ позиціямъ Ляояна. Сотню, за неимѣніемъ въ ней необходимости, отвели на флангъ, для наблюденія противъ обхода. Подъ сильныѣ огнемъ пришлось взбираться на высокія сопки и спускаться по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ.

Между тѣмъ артиллерійская подготовка атаки не прекращалась. Канонада стала настолько сильной, что дымъ застилалъ заходящее солнце. Грохотъ орудій и вой снарядовъ разносился далеко, на десятки верстъ въ окружности.

Около 9 часовъ японцы пошли въ атаку. Стрѣлки передового окопа у деревни Маетунь подпустили японцевъ на 100 съ небольшимъ шаговъ безъ выстрѣловъ. Это навело на нихъ такую панику, что они залегли и, не взирая на покуканія суетившихся офицеровъ, стрѣлявшихъ въ своихъ людей, крики и брань, не поднимались и не пошли дальше. Ихъ удалось поднять, но не для стремительного движенія впередъ, а для отступленія, и тогда они отходили, сопровождаемые нашими залпами, неся колоссальныя потери.

Да, молчаливая встрѣча врага, почти грудь грудью, произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Здѣсь кстати замѣтить слѣдующее: рядовой 19-й роты заамурцевъ, попавшій въ плѣнъ, вырвался и бѣжалъ изъ непріятельского лагеря. Онъ рассказалъ, что его караулилъ часовой — мальчишка не старше 13 лѣтъ. Мальчикъ заснулъ, и заамурецъ, захвативъ его ружье, бѣжалъ. Въ лагерь онъ видѣлъ много солдатъ — дѣтей 13—15-

лѣтняго возраста, а на востокѣ среди японцевъ видѣли стариakovъ, обросшихъ сѣдыми бородами.

Бѣжавшій солдатъ 19-й роты владѣетъ китайскимъ языкомъ. Онъ служитъ въ заамурскомъ округѣ нѣсколько лѣтъ и пріобрѣлъ «друзей» среди населенія. Они одѣли его въ китайское платье и провели къ нашимъ аванпостамъ.

18-го августа, ночью, получено было приказаніе отойти въ Ляоянъ и занять форты.

Отступленіе началось въ часъ ночи. Или спокойно, рота за ротою, батальонъ за батальономъ. Пришлось пересѣчь гряду сопокъ. Но движеніе продолжалось въ образцовомъ порядкѣ, незамѣтно было ни малѣйшей суеты. Непріятель даже не пытался преслѣдовать. Откуда-то выскочилъ конный разъездъ и отъ первого выстрѣла скрылся.

Подошли къ фортамъ на зарѣ. Размѣстились по укрѣпленіямъ и приготовились къ новому отпору врагу.

Отголоски ляоянскихъ сраженій.

21-го сентября 1904 г.

Раненые въ ляоянскихъ бояхъ понемногу поправляются и стремятся обратно на передовыя позиціи, къ своимъ частямъ, выказавшимъ безпримѣрную въ лѣтописяхъ военной истории стойкость передъ современнымъ артиллерийскимъ и ружейнымъ огнемъ, когда «мушка» уже не имѣеть значенія, когда лишь опредѣляется принципъ или «угломѣръ» (въ артиллеріи), и цѣлья площади

поливаются, словно изъ «брантсноя», пулями и снарядами.

Послѣ приказа командующаго манджурской арміей, генерала-адъютанта Куропаткина, о переходѣ въ наступленіе, особенно трудно сдерживать стремленія поправляющихъ отъ ранъ и болѣзней офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ ряды дѣйствующихъ войскъ. Достаточно пройтись по госпиталямъ, чтобы убѣдиться въ правдивости моихъ словъ.

Вотъ на койкѣ сидитъ бородатый солдатъ; въ его добродушныхъ глазахъ, широкомъ плоскомъ лицѣ и всей фигурѣ читаешь восторженную радость,—комиссія, освидѣтельствовавъ его, выписала и возвращаешь въ дѣйствующую армію.

А вотъ, на другой койкѣ сидитъ хмурый солдатикъ, очевидно изъ молодыхъ. Лицо его грустное, почти мрачное: комиссія «эвакуируетъ» его въ Россію для лѣченія отъ ранъ, и бѣднягу не радуетъ возможность возвращенія на родину, его гнететъ печаль, что ему лично не удастся отомстить врагу за причиненные ему пораненія.

Я встрѣтилъ браваго вахмистра заамурскаго округа пограничной стражи. Это Антонъ Журинь, георгіевскій кавалеръ, одинъ изъ шестидесяти пробившихся сквозь непріятельские ряды, послѣ того, какъ они вышли изъ окруженнаго со всѣхъ сторонъ люнета. Когда выбыль изъ строя раненый офицеръ, онъ принялъ команду и держался на позиціи до прибытія новаго офицера.

— Разскажи, какъ ты чувствовалъ себя въ бою?—спрашиваю я браваго кавалера.

— Жутко, ваше благородіе,—откровенно отвѣтилъ онъ.—Пули отовсюду «бжикъ» да «бжикъ», а бонбіи эфти, шрапнеля, и еще птица подлая, черная и вонючая... Этта какъ упадетъ, спаси Господи, почитай полчаса ничего не разберешь,

не видно... Земля столбомъ поднимается, камнями земля брызжетъ... Ну, а осколковъ отъ ей рѣдко бываетъ — не лопается подлюга!.. а ужъ ежели хляснетъ, страсть!.. свѣта не взвидиши... на иглы распадается.

И пограничникъ вынимаетъ осколокъ, раздробившій ему руку.

— На какой позиціи тебя ранило? — спрашиваю я Журина.

— Такъ что на 574 верстѣ, — отвѣчаетъ онъ бойко.

574-я верста — это между горой Маेतунь и станцией Ляоянъ. Эту возвышенность солдаты прозвали «Маэта — гора», желая выразить, что на ней «маетно» было.

Журинъ — вахмистръ 2-го взвода 55-й роты, разбросанной по постамъ желѣзнодорожной линіи. Его впечатлѣнія о битвахъ съ 16-го по 22-е августа сводятся къ слѣдующему: посланный въ три часа утра 17-го августа съ поста на 574 версту къ «горѣ-Маэть», онъ у сѣверной подошвы былъ остановленъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ за полотна дороги: противникъ даже пошелъ въ штыки, но Журинъ не считалъ удобнымъ принять бой. Въ его распоряженіи было 19 нижнихъ чиновъ, а противника было не менѣе роты. Поэтому онъ, пользуясь гаоляномъ, отошелъ на востокъ и присоединился къ одному изъ стрѣлковыхъ полковъ, засѣль въ занятыхъ стрѣлками окопахъ и отражалъ до 12 часовъ 18-го августа атаки японцевъ.

Со слезами на глазахъ Журинъ разсказывалъ объ убитомъ штабсъ-ротмистрѣ Кузьминѣ. Этотъ офицеръ былъ контуженъ въ ногу еще 17-го августа, когда онъ находился въ окопахъ у деревни Маэтунь. Однако остался въ бою и велъ полуроту до моста на рѣкѣ Гайцзыхе. Въ 10 часовъ вечера 19-го августа Кузьминъ лично полу-

чить приказаниe отъ начальника штаба 4-й бригады пограничной стражи отправиться съ 87 охотниками на усиление поста 570 версты, верстахъ въ двухъ съ половиной отъ станции Ляоянь. Достигши окоповъ около 12 часовъ ночи, онъ размѣстился въ нихъ по обѣ стороны жѣлѣзно-дорожнаго полотна, имѣя вправо отъ себя части томскаго полка, а влѣво красноярцевъ. Впереди нашихъ войскъ уже не было.

Едва разсвѣло, 20-го августа, непріятель открылъ по окопамъ огонь съ своихъ батарей. Шрапнели рвались надъ головами, и осколки брызгами разсыпались въ разныя стороны.

— Жуть брала, — говорилъ откровенно Журинь, — а ничего не подѣлаешь. Умирать не охота, а стоять велѣно, ну мы и стояли, не обращая вниманія на летавшую надъ нашими головами смерть. А штабсъ-ротмистръ нашъ Кузьминъ, царство ему небесное, храбрый, смѣлый, такъ и бѣгалъ съ распоряженіями изъ праваго окопа въ лѣвый. Я ему говорю: «Ваше благородіе! Не извольте беспокоиться, я самъ сбѣгаю». А онъ только махнетъ рукой и бѣжитъ. А тутъ шрапнеля разорвалась, осколкомъ ему въ голову ударило. И не дыхнулъ, сердечный, замертво свалился.

Бывалый, бравый вахмистръ, выдавшій не мало смертей, шагавшій по трупамъ своихъ товарищей и противника, не могъ сдержаться и вытеръ рукавомъ нависшія на глазахъ слезы. Я какъ по книгѣ читалъ на его лицѣ истинную скорбь, тоску по погибшемъ героѣ.

— Ну, а что дальше было? — продолжалъ я вытягивать у него.

— Дальше, баринъ? Дальше я принялъ команду. Вотъ Господь меня помиловалъ, а его, сердешнаго, убралъ.

— А что, японцы сильно напираютъ?

— Такъ точно! Прутъ, какъ черви, словно огол-

тѣлые... Только всегда они пьяны, повѣрите-ли, иной доберется до позиціи и сваливается...

— Долго тебѣ пришлось командовать безъ офицера?

— До 6 часовъ вечера 20 августа. Послѣ прибылъ поручикъ Болваневичъ, а на слѣдующее утро у насъ обнажился лѣвый флангъ, вотъ поручикъ Болваневичъ приказали перебѣжать изъ лѣваго окопа въ правый. Перебѣгали мы во время убийственного огня. Пули «бжикали», шрапнели лопались, страсть. Во время перебѣжки ранило его благородіе и еще хорошаго солдата, хохла Шевченку. Опять я принялъ команду, а поручика мы вынесли изъ огня и вмѣстѣ съ рядовымъ Шевченкой отнесли въ штабъ роты, гдѣ и сдѣлали перевязку.

Потомъ Журинъ обстоятельно разсказываетъ о взрывѣ моста черезъ рѣку Тайцыхе. По его словамъ, предварительно послали нѣсколько охотниковъ на дрезинѣ на ст. Ляоянъ; огонь противника заставилъ ихъ вернуться, не исполнивъ порученія. Командиръ 55-й роты пограничной стражи, штабсъ-ротмистръ Артаблевскій, вторично вызвалъ охотниковъ добыть керосинъ и привезти его во что бы то ни стало на дрезинѣ со станціи Ляоянъ.

Я въ одномъ изъ писемъ о ляоянскихъ сраженіяхъ писалъ подробно, какъ пять охотниковъ сумѣли добраться на дрезинѣ къ станціи, подкрались къ пакгаузу и извлекли изъ него 22 жестянки (пудовые) съ керосиномъ и увезли его, преслѣдуемые залпами непріятеля.

Удалось выжечь всѣ деревянныя части и взорвать нѣсколько фермъ съ обоихъ береговъ.

Въ одномъ изъ офиціальныхъ донесеній въ штабъ Заамурского округа говорится, что во время взрыва моста непріятельская конница приблизилась къ отступавшему маленькому арьер-

гарду изъ одной роты пограничниковъ на 800 шаговъ и, занявъ дамбу, спѣшилась и открыла частый огонь (пачками). Рота заамурцевъ, подъ командой штабсъ-ротмистра Артаблевскаго, произвела 8 залповъ съ такъ-называемаго постояннаго прицѣла, чѣмъ заставила противника умолкнуть. Это помогло выполнить задачу сжиганія и взрыва моста.

Картина была поразительная: съ обѣихъ сто ронъ полотна дороги засѣла пополуротно 55-я рота и давала одинъ за другимъ залпы по непріятельской конницѣ; въ ночной темнотѣ вспыхивали искры, по воздуху раскатами разносились звуки ударовъ, а въ это время пять смѣльчаковъ, какъ тѣни, ползли по деревянному настилу моста, поливая его керосиномъ. Вотъ, работа выполнена; люди, продолжая стрѣлять, шагъ за шагомъ отодвигаются на правый берегъ, гдѣ все приготовляется для взрыва: выкопаны воронки, заложены взрывы, фитиля, запалы; сверкнуль огонекъ, раздался трескъ, и густой столбъ дыма и осколковъ полетѣлъ вверхъ.

Дѣло было сдѣлано. Оставалось догнать отступавшія главныя силы.

Ротмистръ Артаблевскій, съ которымъ миѣ удалось побесѣдоватъ въ Телинѣ, съ восторгомъ отзыается о своихъ людяхъ.

— Это настоящіе герои, достойные сыны родины. Необходимо видѣть ихъ въ дѣлѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ доблѣсть. Ничего не забудутъ, не только раненаго товарища не оставятъ, но убитаго вынесутъ, чтобы предать праматери сырой землѣ... Таковъ весь нашъ заамурскій округъ, — съ гордостью заключаетъ славный штабсъ-ротмистръ.

— Позвольте, развѣ другія войска наши хуже? — какъ-бы обидѣвшись, прерываю я его.

— Боже сохрани! Кто говорить? На ляоянскихъ Желтая туча.

позицияхъ люди держались съ поразительной стойкостью и упорствомъ; поражаешься, какъ они могли выносить такой адъ... Вѣдь было что то ужасное, легендарное...

— Назовите наиболѣе отличившихся,—прошу я Артаблевскаго.

— Всѣ герои, всѣ до одного! Взять хотя рядового Михаила Старцева, или Ивана Ракитина, или Шишко, наконецъ, Дымова, Бобылева. Это все герои! Всѣхъ не перечислишь.

Наша бесѣда долго не могла прерваться. Ротный командиръ видимо съ удовольствиемъ говорилъ о своихъ «сѣрыхъ герояхъ».

Отрядъ генерала Самсонова подъ Ляояномъ.

Прослѣдимъ за отрядомъ, оперировавшимъ подъ командой генерала Самсонова, отъ Ляояна до четырнадцатидневныхъ боевъ подъ Мукденомъ, на Шахе. Характеристика самого начальника кавалеріи: спокойнъ, ровенъ, молчаливъ, производитъ впечатлѣніе угрюмаго человѣка. Во всѣхъ бояхъ — впереди, даже незначительное сраженіе подъ его личнымъ наблюдениемъ, для чего всегда устраивается на возвышенности, внимательно слѣдить за ходомъ боя. Сдерживая натискъ японцевъ отъ Бафандгу, пріобрѣлъ огромный боевой опытъ, который читатель оцѣнить, прочитавъ настоящіе очерки.

Передъ ляоянскими битвами генералъ Самсоновъ назначается начальникомъ кавалеріи, оперировать которой предстояло на правомъ флангѣ нашего боевого расположенія. Его отрядъ состоитъ изъ 8-ми казачьихъ полковъ. 17го авгу-

Генераль-лейтенантъ А. В. Самсоновъ.

ста начальникъ конницы праваго фланга поставленъ въ необходимость выручить генерала Мищенко; изъ 8-ми полковъ на выручку посылается три полка.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ боя въ рукахъ генерала остается только кавалерійскій резервъ въ составѣ казачьей дивизіи и третьей забайкальской батареи. Командующиій арміей держить эту часть въ резервѣ, въ ожиданіи удобнаго момента.

Еще не умолкъ грохотъ орудій 18-го августа, еще солнце не успѣло скрыться за горизонтомъ, какъ получилось извѣстіе о движении Куроки въ обходъ лѣваго фланга нашей арміи. Донесли объ этомъ разъѣзды крайняго лѣваго фланга. Но бой 18-го августа былъ настолько интенсивенъ, онъ велся съ такимъ ожесточеніемъ, что почти всѣ пѣхотныя части были израсходованы и выдѣлить изъ сражающейся арміи кого-либо для противодѣйствія обходу не представлялось возможнымъ.

Такимъ образомъ, ожидали нападенія съ тыла обходныхъ колоннъ Куроки съ разсвѣтомъ 19-го августа. Для противодѣйствія этой опасности генераль Куропаткинъ отдалъ приказаніе начальнику казачьей дивизіи, ген. Самсонову, переброситься съ оставшимися у него сотнями и батареей съ крайняго праваго фланга на крайній лѣвый.

Къ вечеру небо заволокло тучами. Разразилась гроза съ ливнемъ.

Не взирая на адскую погоду, генераль Самсоновъ въ одну ночь совершаетъ переходъ въ 40 верстъ и является къ мѣсту обхода Куроки вовремя. Одинъ этотъ переходъ является безпримѣрнымъ успѣхомъ нашей конницы, неоцѣнимою заслугою. Благодаря такой быстротѣ, съ разсвѣтомъ 19-го августа казачья дивизія была на мѣстѣ, осмотрѣла всѣ возвышенности у ст. Яитай-кони

и приготовилась дать отпоръ Куроки. До прибытия генерала Самсонова съ отрядомъ такой важный пунктъ, на который долженъ быть обрушиться первый ударъ Куроки, охранялся всего двумя конногорными орудіями и полусотней замурского округа пограничной стражи, исполнявшей долгъ свой такъ же самоотвержению, какъ и всегда и всюду, гдѣ ей приходилось действовать.

Генералъ Самсоновъ, прибывъ къ Янтаю-копи, немедленно разослалъ разъѣзды съ цѣлью, какъ выражаются специалисты, освѣщенія мѣстности и выясненія силъ наступающаго противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ были намѣчены и заняты высоты, имѣющія стратегическое значение. Маневръ, произведенный генераломъ Самсоновымъ, и данные противнику бои обнаруживаются въ немъ недюжинное дарование полководца.

Удлиненiemъ фронта еще на протяженіе десяти верстъ образовалась та завѣса, которая и дала возможность вывести наши силы изъ разставленной ей Куроки ловушки.

До прибытия дивизіи ген. Орлова казачья дивизія Самсонова сдерживала стремительный настискъ арміи японцевъ. Не взирая на неудачу дивизіи ген. Орлова, японцы, сдерживаемые казаками, хотя и прорвались къ Янтай-копи, однако не смѣли атаковать наши войска.

Такимъ образомъ, получилось нѣчто поразительное: четыре казачьихъ полка устрашили нѣсколько японскихъ пѣхотныхъ дивизій и за двухдневный ожесточенный бой, въ которомъ противникъ понесъ огромныя потери, дивизія генерала Самсонова уступила всего полторы версты.

Таково теченіе событий до 22-го августа, когда дивизія Самсонова получила приказаніе отойти къ Мукдену и расположиться на отдыхъ, такъ

какъ вся главная армія наша уже очистила Ляоянь и прошла къ позиціямъ на Шахе.

Но не суждено было еще казачьей дивизіи воспользоваться разрѣшеннымъ ей командающимъ арміей отдыхомъ. Куроки не хотѣлъ мириться съ постигшей его неудачей и вновь устраивалъ намъ каверзу.

Въ 4 часа дня 22 августа получилось извѣстіе, что Куроки предпринялъ дальний обходъ съ цѣлью зайти намъ въ тылъ. Пять японскихъ батальоновъ и 18 горныхъ орудій двинулись на Таймадзы. Энергичный генералъ немедленно посадилъ дивизію на коней и въ сопровожденіи 3-й забайкальской батареи ринулся навстрѣчу японцамъ.

Дивизія совершила двѣнадцативерстный пробѣгъ менѣе чѣмъ въ часъ времени, идя всю дорогу перемѣннымъ аллюромъ. Еще до прибытія непріятеля генералъ Самсоновъ успѣлъ занять позицію, построивъ двѣ бригады глаголемъ, т. е. два полка поставлены были фронтомъ къ югу, въ промежуткѣ шесть орудій, другіе два полка расположились фронтомъ на востокъ.

Батальоны Куроки не ожидали встрѣчи съ казаками въ этомъ пунктѣ. Они были опрокинуты и отброшены съ чувствительнымъ урономъ.

На Восточной вѣткѣ Китайской дороги.

Ст. Именъпо, 30 августа.

Станція Именъпо или Именъпо расположена въ 150 верстахъ отъ Харбина, по такъ называемой Восточной вѣткѣ Восточно-Китайской желѣзной дороги.

Въ узкой долинѣ, распостершѣйся между двумя горными хребтами, вершины которыхъ покрыты густой зеленою порослью, на берегу довольно глубокой горной рѣчки, раскинулось нѣсколько десятковъ станціонныхъ строений.

Они кокетливо высматриваютъ изъ-за яркой зелени окружающихъ строенія садиковъ.

Отовсюду привѣтливо киваетъ качающійся на своемъ высокомъ стеблѣ подсолнечникъ въ красивомъ желтомъ вѣнцѣ; красный георгинъ, полный и пышный красавецъ, таинственно перешептывается съ ласково обвившемъ его зеленою травкой, и никому и въ голову не придетъ, что эта площадка, гдѣ разбито нѣсколько улицъ съ постройками и садиками, и все пространство отъ самаго китайскаго города Ажихэ вплоть до Пограничной, представляло еще не такъ давно, всего лишь 5—6 лѣтъ тому назадъ, дикую картину глухой непроходимой тайги.

Въ густыхъ заросляхъ, на остроконечныхъ сопкахъ водились дикие звѣри: — кабаны, медвѣди, изрѣдка попадался свирѣпый и хищный тигръ.

Въ этой тайгѣ, полной таинственной, дикой прелести, находили пріютъ шайки хунхузовъ, устраивавшихъ здѣсь свои становища для дѣлежа и храненія награбленнаго добра.

Вы видите змѣей извивающуюся стальную ленту полотна, телеграфные столбы, домики для охраняющихъ линію пограничниковъ, наконецъ, и станцію съ широкой площадкой. Позади станціи выросъ цѣлый поселокъ, а какъ онъ выросъ, какихъ трудовъ требовалось, чтобы побороть стихійныя силы природы, никому, вѣрно, и въ голову не приходитъ; мѣстами вдоль пути, недалеко отъ полотна, попадаются ровныя площадки, носящія слѣды заброшенныхъ и разрушенныхъ китайскихъ деревень. Прогулявшись по высокой травѣ, легко находишь слѣды землемѣльческой

культуры. Здѣсь, когда-то, дѣйствительно селились и обрабатывали землю трудолюбивые манзы, но хунхузы вырѣзали бѣдныхъ мирныхъ тружениковъ, а ихъ жилища сожгли.

Когда приступили къ постройкѣ дороги,— рассказывалъ мнѣ инженеръ, начальникъ отдѣленія пути отъ Именыпо до Пограничной, Т. М. Тихомировъ,— почти невозможно было найти рабочихъ; манзы, страшась хунхузовъ, наотрѣзъ отказывались итти работать на линію.

Наконецъ, нашли предпринимателя, смѣлаго манзу, по имени Сяоганълинъ. Онъ потребовалъ авансомъ 5,000 дяо (монета, равная нашимъ 55 к.) и обѣщалъ за эту сумму собрать партію рабочихъ съ пилами, топорами и другими необходимыми инструментами.

Строитель вѣтки, инженеръ Тихомировъ, рѣшился на свой рискъ и страхъ выдать оборванному, грязному манзѣ требуемую сумму. Сяоганълинъ, получивъ деньги, скрылся на нѣкоторое время; однако, въ назначенный срокъ привезли запасъ провіанта, вслѣдъ за которымъ явился и Сяоганълинъ съ партіей рабочихъ.

Работы производились при абсолютномъ бездорожью, въ глухой, заросшей лѣсомъ, тайгѣ. Пришлось преодолѣвать неимовѣрныя трудности въ борьбѣ съ природой, испытывать не малыя затрудненія съ подвозомъ провіанта; а когда работы наладились, явились новая бѣда: на рабочихъ стали нападать шайки хунхузовъ, свившихъ гнѣздо всего въ 4 верстахъ отъ мѣста, гдѣ производились работы.

Хунхузы обложили рабочихъ данью по 10 коп. съ человѣка и за этой данью являлись при получении китайцами заработныхъ денегъ. Это обстоятельство вынудило гл авнаго строителя дороги г. Юговича обратиться съ жалобой къ гиринскому дзянь-дзюню. Результатомъ этой жалобы былъ

пріѣздъ на станцію Именно роты китайскихъ солдатъ подъ командой капитана, въ сопровождениі пышной процессіи съ флагами и музыкой, разумѣется—китайской.

Ротный командиръ, въ грязной кофтѣ, въ шапочкѣ съ стекляннымъ шарикомъ и длиннымъ чернымъ султаномъ на затылкѣ, заявилъ инженеру Тихомирову, что его пріѣздъ на станцію вызванъ поручениемъ дзянь-дзюня «уничтожить» хунхузовъ.

Поселился капитанъ съ своей ротой вблизи станціи, цѣлыми днями покуривалъ опіумъ, а хунхузы жили въ четырехъ верстахъ и совсѣмъ не помышляли оставить теплое гнѣздышко.

Вновь послѣдовала жалоба; явился полковникъ съ голубымъ шарикомъ, съ еще болѣе длиннымъ перомъ, въ сопровождениі еще болѣе пышной процессіи, многочисленныхъ музыкантовъ съ длинными трубами и цѣлымъ батальономъ солдатъ.

Полковникъ предпринялъ энергичные походы противъ хунхузовъ; ему удалось окружить ихъ и обезоружить. Нѣкоторые были обезглавлены, нѣкоторыхъ, обѣщавшихъ обратиться къ мирнымъ занятіямъ, помиловали.

Наконецъ, путь былъ возведенъ, станціи построены, рельсы уложены. Паровозы огласили тайгу рѣзкими свистками, загромыхали балластные и рабочіе поѣзда... Тутъ, какъ на грѣхъ, началось движение «боксеровъ». На южной линіи разносили шпалы, снимали рельсы, сжигали мосты; восточная вѣтка пока не страдала отъ народнаго Возстанія. Но не надолго. Китайскія власти въ Ажихѣ разослали приказъ манзамъ разрушить дьявольское сооруженіе «бѣлыхъ чертей». Покорные манзы, готовые по первому приказу вытянуть свои длинныя шеи подъ ударъ палача, неохотно повиновались приказу разрушить путь. Сожгутъ деревянный мостикъ и успокоятся. Но приказы

повторялись, подтверждались, а когда и это не помогло, власти объехали поселки вблизи железнной дороги и объявили, что неисполнение приказа повлечет казни, за послушание же обещали награды отъ богдыхана...

Теперь все кончено. Разрушенный во время беспорядковъ путь снова возстановленъ, и въ прежней тайгѣ мирныя занятия нарушаются только свистками паровозовъ и шумомъ проходящихъ поездовъ.

Теперь по этой линіи везутъ раненыхъ. Вездѣ на большихъ станціяхъ устроены огромные госпитали Краснаго Креста.

Вотъ предо мною два длинныхъ зданія.

Высокія стѣны, огромныя палаты!.. Чистота повсюду образцовая... На хорошихъ кроватяхъ лежать раненые, но лежать немногіе,—большинство или стоитъ, или сидитъ на табуреткахъ. Всѣ въ чистомъ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ; на нѣкоторыхъ накинуты байковыя одѣяла.

Нѣсколько сестеръ милосердія ходить между ранеными. Иному сестра поставитъ градусникъ, другому дастъ питье, тому скажетъ пару словечекъ... Гляжу я на этихъ святыхъ труженицъ и представляю себѣ, какъ онѣ въ битвахъ перевязываютъ раны пострадавшимъ, не обращая вниманія на свистъ пуль и трескъ лопающихся снарядовъ... Въ 4 часа назначенъ «маленькой домашній» концертъ для больныхъ. Нѣсколько балаочниковъ, граммофонъ и два чтеца будутъ развлекать героевъ...

До концерта я дѣлаю попытку побесѣдоватъ съ легкими ранеными.

— Ты, братецъ, гдѣ раненъ?—спрашиваю одного курносаго солдата съ открытымъ, смѣлыемъ лицомъ. У него рука на перевязи.

— Подъ ЛяVALЬЯНОМЪ, ваше благородіе,—отвѣчаетъ раненый.

Лявалъянъ означаетъ Ляоянъ.

— Ты помнишь ходъ сраженія? Расскажи.

— Такъ что, ваше благородіе, мы лежали въ окопахъ, а ёнъ стрѣляетъ, шу, известно, и мы тоже спуску не даемъ. Ну, а потомъ, стало быть, меня ранило осколкомъ въ руку... Больше ничего не видалъ, ушелъ на перевязочную пункту...

Другой, раненый въ грудь навылетъ и въ щеку, охотно рассказываетъ, какъ японцы «стражались» подъ Ляояномъ.

— Такъ что я до вечера 19-го августа былъ на позиціи. 18-го вечеромъ они полѣзли на наши окопы; штыки примкнули и ползутъ... Ну, мы все патроны разстрѣляли, и у нихъ, видимо, нечѣмъ стрѣлять. Подошли близко, остановились, дальше не идутъ; стояли немного и давай въ насъ каменьемъ швырять... У насъ изъ роты всего-то двадцать человѣкъ уцѣлѣло, и офицеры все выбыли изъ строя, и унтера, только одинъ фельдфебель и остался нами командовать... Ну, мы тоже не идемъ въ атаку и также начали швырять въ непріятеля каменьемъ. Скоро подошло подкрѣпленіе, и мы бросились на «ура»... Всѣхъ перекололи. Не умѣютъ они штыками драться.

Это рассказывалъ солдатъ съ восточнаго фронта; съ южнаго фронта рассказывалъ другой раненый, что онъ видѣлъ, какъ въ атаку шли совсѣмъ мальчуганы.

— Мы пачками ихъ обдавали. Дѣти - солдаты совсѣмъ обалдѣли, побросали ружья, а сами легли—дѣлайте, моль, съ нами, что хотите.

Раненый утверждаетъ, что этихъ малышей-воиновъ подхлестывали шашками и револьверными выстрѣлами, заставляя итти въ атаку.

Отъ многихъ мнѣ приходилось слышать, что среди японцевъ много стариковъ и цѣлые батальоны дѣтей 12—15-лѣтняго возраста.

Въ 4 часа начался концертъ. Играли и пѣль граммофонъ; раненые слушали и на ихъ лицахъ выражалось истинное наслажденіе; потомъ прочитали имъ нѣсколько стихотвореній Некрасова. Балалаечники сыграли весьма недурно нѣсколько бравурныхъ вещичекъ.

Нужно было видѣть выраженіе радости и удовольствія на лицахъ больныхъ, чтобы вполнѣ оцѣнить идею инженера Тихомирова развлекать находящихся въ госпиталѣ больныхъ. Не одинъ солдатъ скажетъ симпатичному русскому инженеру, заброшенному волей судебъ на Дальний Востокъ, искреннее русское «спасибо».

Бои на Шахэ.

6-го октября.

Боевая жизнь кипитъ. Сраженія, т.-е. битвы, закидаютъ съ разсвѣтомъ и рѣдко умолкаютъ на ночь. Грохотъ орудій безъ перерыва, безъ передышки весь день, подчасъ въ теченіе всей ночи. «Господи», думаешь, «и когда этому конецъ?» А тамъ, за 15—17 верстъ двѣ арміи стремятся уничтожить другъ друга, ясно чувствуется, что японцами руководитъ жадное стремленіе завладѣть всей Кореей, Квантуномъ, Ляодуномъ, быть можетъ даже Китаемъ и всей Азіей, хотя они стараются увѣрить, что имъ нужна только маленькая, ничтожная Корея, загнанная и забитая, но все-таки пригодная къ тому, чтобы снимать богатую жатву съ ея тучныхъ нивъ, переодѣвать поселянъ въ форму японскихъ солдатъ и вести ихъ на бойню...

Такова этика войны у нашего противника; онъ, напримѣръ, не только не брезгаетъ загнан-

ными и забитыми корейцами, хунхузами, грабящими подъ знаменемъ Японіи мирныхъ китайцевъ, опъ въ Ляоянѣ, подъ видомъ найма рабочихъ, вооружаетъ 700 китайцевъ и ведеть ихъ въ передовую линію...

— Вы немного пострѣляете, — говорятъ японскіе командини, — а потомъ будете копать землю, строить укрѣпленія, и мы вамъ щедро заплатимъ. — И платить ничего нестоящими бумажками въ «пять», «десять», «двадцать пять» и «пятьдесятъ» копеекъ, которыми наводнена вся занятая ими территорія Квантуна и Ляодуна *). На этихъ бумажкахъ напечатано: «Предъявителю сего выдается изъ казначейства по окончаніи военныхъ дѣйствій и полученія контрибуції»..

Осторожно, чрезвычайно осторожно: не упоминается, изъ какого казначейства имѣютъ быть выданы деньги по предъявленіи бумажки, видомъ своимъ весьма похожей на этикетки поддѣльныхъ винъ шанхайскихъ фирмъ; также не упоминается, съ кого ожидается контрибуція «по окончаніи военныхъ дѣйствій».

Хотя «мукденскіе бои» начинаются съ 23—24-го сентября, но я перейду прямо къ 26-му. Будемъ слѣдовать часть за часомъ за охотничьей командой 36-го полка, дѣйствующей въ головѣ авангарда вмѣстѣ съ командой другого полка, кажется, 35-го, впрочемъ, вѣрно не упомню, а въ записную книжку забылъ занести.

Итакъ, начальникъ охотничьей команды 36-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, подпоручикъ Рутковскій, выступилъ вмѣстѣ съ авангардомъ.

Впереди, за тремя параллельными долинами, какъ два гиганта, распостерлись два горныхъ

*) Таково было наше мнѣніе о японцахъ и ихъ финансахъ въ періодъ боевъ на р. Шахъ.

кряжа. Перевалы черезъ эти массивы, «Тумынлинскій» и «Чапанлинскій», заняты сильными непріятельскими отрядами.

Утро холодное. На поляхъ еще не растаялъ снѣгъ.

Авангардъ, имѣя во главѣ двѣ охотничихъ команды, двигался по долинамъ.

Признаки присутствія непріятеля встрѣчаются почти на всемъ пути.

Черезъ каждые двѣсти шаговъ попадаются небольшіе окопы, разбросанные тамъ и сямъ по склонамъ сопокъ. Очевидно, противникъ въ этихъ мѣстахъ готовился встрѣтить русскую рать, но почему-то раздумалъ и отодвинулъ къ переваламъ.

Порою встрѣчаются слѣды кавалерійскихъ отрядовъ, еще остались легкіе гаоляновые навѣсы и коновязи. Но до деревни Дашичауза дошли безъ выстрѣла. Солнце уже плыло въ свое мѣсто лазоревомъ ложѣ и грѣло обмерзшую за ночь природу.

Начальникъ авангарда остановилъ отрядъ въ деревнѣ, а подпоручику Рутковскому приказалъ выдвинуться съ своими двумя охотничими командами впередъ «до соприкосновенія» съ непріятелемъ, осмотрѣть перевалы, если они заняты незначительными силами, выбить ихъ оттуда, занявъ своими командами, и остановиться въ южныхъ скатахъ за переваломъ, у деревни Тавагоу.

Охотничіи команды двинулись впередъ по долинѣ, выславъ разъѣзды. Одинъ изъ нихъ вскорѣ возвратился и сообщилъ, что деревня Сядагай занята незначительнымъ отрядомъ японцевъ.

Сядагай, заурядная китайская деревушка, съ десяткомъ убогихъ фанзъ, окруженныхъ глиняными стѣнами, расположена въ центрѣ долины. Справа и слѣва—крутыя сопки. Вблизи деревни встрѣтили небольшой казачій разъѣздъ, наблю-

давшій противника, однако не доставившій какихъ либо цѣнныхъ свѣдѣній о силахъ и расположе-
ніи непріятеля.

Начальникъ охотничихъ командъ выстроилъ свой отрядъ «казачьей лавой» и двинулся на деревню. Находившіеся въ послѣдней зовсадниковъ дали по нашимъ нѣсколько выстрѣловъ и быстро удалились, отойдя къ слѣдующей деревнѣ Тавагоу, лежащей у входа въ лощину, ведущую къ перевалъ. Движеніе удаляющихся японскихъ кавалеристовъ видно было невооруженнымъ глазомъ; они вразсыпную, одинъ за другимъ, улепеты-
вали къ лощинѣ.

Рутковскій остановилъ своихъ людей, спѣшилъ ихъ и двинулся дальше, держась по склонамъ сопокъ въ пѣщемъ строю. Съ разстоянія 800 ша-
говъ открыли огонь по селенію Тавагоу. Опять невооруженнымъ глазомъ замѣтно было смятеніе, происшедшее среди японцевъ, находившихся въ селѣ: они беспорядочно метались взадъ и впе-
редъ по улицамъ, размахивали руками, а потомъ пустились «на утекъ», лишь пятки сверкали *).

Тѣмъ не менѣе они несли потери отъ мѣткаго ружейнаго огня нашихъ охотниковъ, которые спустились съ сопокъ и бѣгомъ бросились къ деревнѣ. Болѣе смѣлые изъ японцевъ, еще державшіеся около заборовъ фанзъ, также бросились бѣжать, повидимому, въ паническомъ стра-
хѣ, потому что бѣжавшіе побросали раненыхъ и, удирая, какъ-то странно, смѣшино прикрывали руками затылки. Сзади деревни находились еще двѣ роты японцевъ. Бѣжавшіе образовали такой беспорядокъ, что и тѣ двѣ роты бросились бѣ-

*.) Оставляю это очеркъ въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ газетѣ. Онъ ярко рисуетъ взглядъ нашъ на японцевъ еще въ періодъ Шахэнскихъ боевъ. Бѣгство выдвинутыхъ впередъ японскихъ отрядовъ въ дѣйствительности являлось простымъ маневромъ, заранѣе обдуманнымъ.

жать въ паническомъ ужасѣ. Одни направились къ проходу на Тумышилинскій перевалъ, другіе на Чунгуанлинскій.

Въ это время прискакалъ дозорный и сообщилъ, что на Чунгуанлинскій перевалъ поднимается выючный обозъ. Охотники кинулись къ перевалу въ намѣреніи отбить у непріятеля обозъ.

Съ этой цѣлью Рутковскій бросился съ частью команды къ подъему, гдѣ виднѣлись японцы, и убѣдился, что въ гору поднимаются 4 орудія съ прикрытиемъ, по крайней мѣрѣ, до 200 человѣкъ.

Силы охотничьей команды не превышали 130 человѣкъ вмѣстѣ съ пластунами поручика Каргера.

Едва японцы замѣтили нашихъ охотниковъ, они открыли по нимъ убийственный огонь. Японская стрѣльба вообще отличается необыкновенной силой и быстротой. Поражаешься, какъ они успѣваютъ выпускать такое количество пуль. Къ счастью, ружейный огонь у нихъ не отличается «дисциплиной», выдержкой и стрѣляютъ они весьма слабо.

Тѣмъ не менѣе, охотники въ мигъ потеряли 13 лошадей убитыми и 6 нижнихъ чиновъ ранеными, поэтому, не считая себя въ силѣ вступать въ борьбу съ сильнѣйшимъ противникомъ, отошли по направленію къ деревнѣ Тавагоу.

— Ваше благородіе! — крикнулъ вернувшійся карьеромъ дозорный, сдерживая коня передъ начальникомъ охотниковъ. — Въ деревнѣ японцы стоятъ съ гуртомъ скота.

Это извѣстіе подѣйствовало на людей какъ электрическій токъ. Немедленно команда ринулась къ опушкѣ деревни, откуда въ самомъ дѣлѣ выходилъ гуртъ скота подъ прикрытиемъ полуэскадрона кавалеристовъ и около полуроты пѣхотинцевъ. Прикрытие было сбито и разсѣяно.

Всадники удрали къ ущелью, ведущему на перевалъ, а пѣхотинцы, вступившіе въ борьбу, были переколоты, за исключеніемъ двухъ, сдавшихся въ пленъ.

Гуртъ скота былъ отбитъ. Около 150 головъ, погоняемыя китайцами и нашими людьми, направились къ деревнѣ, оставляя позади огромный столбъ пыли.

Въ деревню вошли въ колоннѣ «справа по три». Улицы китайскихъ селеній не позволяютъ итти широкимъ фронтомъ.

Непріятель, или извѣщенный китайцами, или замѣтивъ нашу команду по поднятой ею пыли, открылъ огонь по колоннѣ съ Тумынлинскаго перевала сначала двумя шрапнелями,—изъ нихъ одна «дала перелетъ», другая—«недолетъ»,—а по томъ пустилъ «брізантный» снарядъ, удачно попавшій въ арьергардъ изъ пластуновъ поручика Каргера. Произошло неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ замѣшательство.

Рутковскій разсказывалъ, что когда онъ оглянулся, глазамъ его предстазилась слѣдующая картина: громадный столбъ земли и мелкаго камня покрылъ большую часть всадниковъ арьергарда... Люди, нагнувшись, словно прилипли къ шеямъ коней... Въ такомъ-же положеніи былъ поручикъ Каргеръ, подъ конемъ котораго упалъ снарядъ... Но лошадь, вѣроятно, уже достаточно ознакомилась съ особенностями боевой жизни и стояла спокойно, только ноздри ея раздувались и она фыркала, очевидно недовольная забившееся въ носовыя отверстія землею.

Прошло нѣсколько секундъ, земля разсѣялась. Все обошлось благополучно. Снарядъ не разорвался, а лишь зарылся глубоко въ землю, образовавъ яму аршина въ полтора глубиною.

Каргеръ былъ слегка контуженъ и оглушенъ, но остался въ строю. Остальные отдѣлались легкой туча.

кимъ испугомъ. У всѣхъ, попавшихъ подъ земляной вихрь, поднявшійся отъ снаряда, лица почернѣли, какъ у «трубочистовъ». Скоро команда оправилась и поспѣшила скрыться за деревней.

Время уже приближалось къ тремъ часамъ дня. Дальнѣйшее движеніе затруднялось ранеными, которымъ необходимо было сдѣлать перевязки, но и перевалъ невозможно было оставить безъ наблюденія.

Выполнивъ послѣднее, отрядъ съ отбитымъ гуртомъ расположился въ деревнѣ Тавагоу, недавно, повидимому, покинутой непріятелемъ. Перевязавъ раненыхъ, въ томъ числѣ и двухъ плѣнныхъ японцевъ, двинулись къ деревнѣ гдѣ нашли остатки телефонныхъ и телеграфныхъ сооруженій, проволоки, звонки и другія принадлежности.

Плѣнныѣ были оба драгуны. У одного изъ нихъ, старшаго унтеръ-офицера, что видно было по нашивкамъ на рукавахъ его мундира, нашли полевую книжку, очень хорошую карту мѣстности, нѣсколько фотографій, немнога японскихъ ассигнацій и кипу квитанцій 10, 25 и 50 копеечнаго достоинства. Этими квитанціями японцы расплачиваются съ китайцами за пріобрѣтенный фуражъ, и нельзя сказать, чтобы они платили щедро. Въ то время, какъ наши поставщики выплачиваютъ за скотъ по 7 р. съ пуда, японцы уплачиваютъ китайцамъ квитанціями «за счетъ контрибуціи» по одному рублю за скотину... о чемъ свидѣтельствовали сами китайцы.

Раненыхъ оставили въ фанзахъ, въ деревнѣ, подъ присмотромъ фельдшера и небольшого конвоя, а команды пошли на Тумынлийскій перевалъ. На пути онѣ встрѣтили штабсъ-капитана Горностаева съ тридцатью молодцами, которые въ теченіе цѣлаго дня тѣсили японцевъ, гоняя ихъ съ сопки на сопку и, наконецъ, оттѣсили

ихъ къ самому Ченгуанлинскому перевалу, вблизи коего сами заняли наблюдательный постъ.

День склонялся къ вечеру. Солнце пряталось за горизонтомъ, оставивъ огромную кроваво-красную полосу. Вскорѣ темныя тѣни окружили сопки и массивы, и поползли по долинамъ, распространяя вокругъ таинственный мракъ... Зловѣщая тишина, заставляющая зорко взглядываться въ мглу при малѣйшемъ шорохѣ.

— Что намъ предпринять дальше? — обращается молодой подпоручикъ Рутковскій къ штабсъ-капитану Горностаеву.

— Мда... — задумчиво тянется штабсъ-капитанъ. — Надобно оставаться здѣсь... Рискованно, чортъ возьми! Могутъ окружить ночью... эти обезьяны ползутъ тихо, ихъ и не замѣтишь.

— Насъ мало, — возражаетъ Рутковскій.

— Трусите? — спрашиваетъ Горностаевъ, но въ его голосѣ не звучитъ иронія или насмѣшка. Ему хорошо известна храбрость Рутковскаго, и спросилъ онъ только для того, чтобы нарушить ночную тишину звукомъ человѣческаго голоса.

— Шш... Слышите шорохъ... Идутъ... японцы... надо провѣрить посты, отдать приказаніе, чтобы не стрѣляли.

Рутковскій поползъ къ постамъ, а шорохъ все приближался.

— Неужто японцы? — мелькнуло въ его головѣ. — Черти, подождали-бы до утра... тоже лѣзутъ...

— Стой, кто идетъ?! — вдругъ раздается протяжный голосъ часового, а эхо подхватываетъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ различныхъ сторонъ, и разносить по долинѣ *).

*) Наши солдаты въ аванпостахъ не пріучены къ выдержкѣ и выдавали присутствіе притаившагося отряда совершению излишнимъ громкимъ окрикомъ.

Ни звука въ отвѣтъ. Шорохъ превращается въ мѣрный топотъ шаговъ. Ясно слышится лязгъ оружія.

— Смотри у меня! — шепчетъ Рутковскій, переползая отъ часоваго къ часовому. — Не стрѣлять до послѣдняго момента. Будь готовъ... Если врагъ, отойди къ намъ... Встрѣтимъ штыкомъ... А, можетъ быть, и наши... подкрѣпленіе идетъ...

— Стой, кто идетъ? — снова раздается на другомъ посту, и опять эхо раскатами разносить окликъ по сопкамъ, ущельямъ и долинамъ.

— Ну, ну! Не ори, — отвѣчаютъ откуда то. — Свои, свои! Небось, думалъ, японцы.

И дѣйствительно, прибыло подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ, съ приказаніемъ держаться до прихода всего авангарда. На завтра назначена атака по всѣмъ фронтамъ.

Пришедши расположились на ночь бивуакомъ, предварительно принявъ всѣ мѣры предосторожности, не лишившися съ такимъ противникомъ какъ японцы. Не разъ бывало, въ ночную пору врагъ осторожно подбирался къ нашимъ позиціямъ и, па окрики, отвѣчалъ «своя, своя» (вместо «свои»). Иногда смѣльчакъ японецъ являлся въ нашемъ боевомъ расположениіи, переодѣтый русскимъ офицеромъ. Онъ или молча выслушивалъ наши силы, или передавалъ приказаніе яко-бы отъ штаба «отступать»...

Рутковскій вдругъ прервалъ нить своего разсказа и глубоко вздохнулъ.

— Что это вы вздыхаете? — спросилъ я его.

— Да досадно, право. Прислали всего двѣ роты, а будь батальонъ, ей-Богу, ночью атакова-либы переваль и заняли его...

— Ну, какъ знать?.. Быть можетъ, именно

этого и следовало избѣгать, — понытался я возразить Рутковскому *).

Дальнѣйшія дѣйствія охотничихъ командъ, дѣйствующихъ подъ начальствомъ подпоручика Рутковского въ составѣ наступавшаго авангарда, выразились въ слѣдующемъ: авангардъ остановился съвериѣ деревни Тавангоу и открылъ огонь изъ своихъ 4-хъ орудій по Тумынлинскому перевалу. Непріятель безмолвствовалъ.

Послѣ получасового рокота орудій авангардная полубатарея замолкла, рѣшивъ, что «не стоитъ разговаривать съ нѣмымъ врагомъ».

Стрѣлки и команды расположились бивакомъ. Охотники, истомленные дневной работой, зажгли костры, и принялись грѣть воду, собираясь «чайвать».

Непріятель, замѣтивъ, что наши орудія замолкли, пустилъ нѣсколько снарядовъ по направленію нашего бивуака, но безрезультатно.

День быстро догоралъ и солнечный свѣтъ смѣнилъ осенній вечеръ, послѣ котораго также быстро наступила мглистая туманная ночь.

Пришло извѣстіе о предстоящемъ наступленіи по всей линії. Войска подтягивались, стремясь незамѣтно охватить непріятельскія позиціи съ трехъ сторонъ.

А непріятель расположился на массивахъ Чингуанлинскаго перевала, переходилъ на Тумынлинъ и рас простерся вдоль горнаго кряжа вплоть до деревни Банцзипу. Протяженіе его фронта составляло приблизительно шесть верстъ на сплошномъ массивѣ съ чрезвычайно крутыми подъ-

*) Къ нашимъ недостаткамъ въ текущую войну несомнѣнно слѣдуетъ отнести не только дробленіе большихъ боевыхъ единицъ на малыя, но и посылки слишкомъ ничтожныхъ силъ для выполненія серьезныхъ задачъ.

емами, командовавшими надъ впереди лежавшей мѣстностью.

Въ теченіе ночи на 27-е сентября восточный отрядъ занялъ всѣ подступы къ непріятельскимъ позиціямъ, и подпоручику Рутковскому было приказано занять Хоэйлинскій перевалъ составляющій единственный путь сообщенія между первымъ и третьимъ корпусами.

Темная и холодная ночь казалась безконечной. Всѣ мерзли отъ этой пронизывающей мглистой стужи и съ нетерпѣніемъ ждали утра. Едва бѣлая полоса обрисовалась на далекомъ горизонте, раздалось нѣсколько одиночныхъ орудийныхъ выстрѣловъ съ нашихъ батарей. Казалось, это не начало смертного боя, а привѣтъ желанному красному солнышку. Но вотъ грянуль залівъ, за нимъ другой, третій, и пошла канонада, та канонада, отъ которой у непривычнаго человѣка можетъ лопнуть барабанная перепонка, а у привычныхъ артиллеристовъ голова, по ихъ собственному выражению, дѣлается «тяжелою», словно свинцомъ налитой.

Артиллерійскій бой длился безъ перерыва весь день. Непріятель отвѣчалъ слабо, словно нехотя. Специалисты объясняли это обстоятельство нежеланіемъ противника обнаружить расположение своей артиллериі.

Стрѣлки въ теченіе дня лежали въ своихъ окопахъ, не проявляя особенной дѣятельности. Атаковать непріятеля днемъ считалось невозможнымъ и бесполезнымъ вслѣдствіе крайне высокихъ подступовъ къ его позиціямъ.

Съ солнечнымъ закатомъ все стихло. Позади бивачнаго расположенія появились обычные огоньки. Подѣхали на высокихъ колесахъ дымящіяся ротные кухни. Подвезли ужинъ, служившій въ то-же время и обѣдомъ и завтракомъ не только за прошкій день, но, быть можетъ,

и на слѣдуюцій и еще на иѣсколько такихъ-же, полныхъ боевой лихорадки, днѣй...

По сопкамъ и долинамъ понеслись звуки «Отче Нашъ»...

Затѣмъ отужинали и вновь заняли свои мѣста въ ложементахъ. Огни приказано было потушить, чтобы не привлекать вниманія непріятеля.

Ночью пришло приказаніе выступить съ цѣлью атаковать высоты, занятые противникомъ.

Безъ шума поднялся авантурдъ съ своего бивака и двинулся къ чернѣвшимъ въ темной и мрачной дали массивамъ. Прошли три деревушки. Видимо, и китайцы не спали, молчаливо наблюдая за происходящей передъ ихъ глазами борьбой. Они стояли у своихъ воротъ и встрѣчали и провожали наши ряды долгимъ загадочнымъ взглядомъ...

Мѣстность впереди японскихъ позицій представляла неровную поверхность, перерѣзанную глубокими оврагами, съ невозможнно крутыми спусками. Но роты шли спокойно, преодолѣвая препятствія. Двигались осторожно.

Вотъ, черные массивы стали яснѣе вырисовываться въ ночной тѣмѣ. Стали подыматься въ горы. Подползли къ первымъ непріятельскимъ окопамъ.

Русскій воинъ не выдержалъ и съ крикомъ «ура» стремительно ринулся въ атаку.

Непріятель встрѣтилъ иѣсколькими безпорядочными выстрѣлами и, оставивъ окопы, какъ обезьяна карабкался на массивы, оттуда встрѣчая нашихъ смѣльчаковъ залпами почти въ упоръ, сверху внизъ...

Къ сожалѣнію, добраться до непріятельскихъ окоповъ на неприступныхъ скалахъ оказалось дѣломъ невыполнимымъ. Люди стояли у самой крутизны, но вскарабкаться на нее могли отдѣльные смѣльчаки, подсаживая одинъ другого... И

этихъ молодцовъ встрѣчалъ, выстрѣлъ въ упоръ и ножъ, примкнутый къ ружью. Атака въ эту ночь не была удачной... Пришлось отступить къ своимъ позиціямъ въ ожиданіи грядущаго дня, 28-го сентября *).

Дни 28-го и 29-го сентября ограничились артиллерийскими поединками. Ночью бывали попытки овладѣть той или другой непріятельской позиціей, но неприступныя скалы, разумѣется, не могли содѣйствовать успѣху. Атаки отражались противникомъ, повидимому недурно чувствовавшимъ себя за скалистыми, отвѣсными стѣнами.

Въ ночь на 30-е сентября пришло приказание отойти къ высотамъ Ванъяпзу и «окопаться».

Въ 11 час. ночи, подъ покровомъ густой тьмы, авангардъ оставилъ позиции у дер. Тавагоу и двинулся къ старымъ позиціямъ. Подпоручику Рутковскому было приказано оставаться въ арьергардѣ и «держать» соприосновеніе съ противникомъ.

Въ 2 часа пополуночи полковникъ Лешъ появился на линіи арьергарда и лично отдалъ слѣдующее приказание начальнику охотничихъ командъ:

— «Я получилъ донесеніе, что японцы очистили свои позиціи и отошли назадъ. Это извѣстіе

*) Вообще атаки въ бояхъ на Шахэ, все время „въ любъ“ неприступныхъ непріятельскихъ позицій слѣдуетъ считать „безумными атаками“. Нельзя не замѣтить по адресу нашихъ геніальныхъ стратеговъ,—что въ сраженіяхъ на Шахэ полки чаще водились не „въ бой“, а на „убой“. Мы всегда почему-то игнорировали движенія „въ обходъ“, предпочтая „любовыя“ атаки, чѣмъ объясняются тяжкія потери на Шахэ. Замѣтимъ, что хорошо задуманный командующимъ планъ почему-то не удался, и обходъ японскихъ позицій не былъ выполненъ, хотя талантливому генералу Самсонову удалось пробраться въ тылъ непріятельского расположенія и даже безнаказанно переправиться черезъ рѣку Тайдзихэ, позади Бенсиху.

необходимо провѣрить. Продвигайтесь впередъ и изслѣдуйте хорошенько дѣйствія противника; если онъ отступаетъ, энергично преслѣдуйте его... Поняли?»

— Понялъ, г. полковникъ,— отвѣтилъ Рутковскій.

Лешъ представляетъ собою весьма интересную въ военномъ смыслѣ личность. Я познакомился съ полковникомъ въ маѣ мѣсяцѣ, въ квартирѣ извѣстнаго читателямъ полковника Кашубы. Тогда еще, взглядаваясь въ мужественные черты лица полковника Леша, я рѣшилъ, что этотъ «не струситъ», но сумѣеть свести счеты съ непріятелемъ.

Гениальный скульпторъ—природа рѣзкими линіями нарисовала на лицѣ Леша черты отваги и рѣшимости:

Вся боевая жизнь Леша, отъ Вафангоу до Ляояна и теперь мукденскихъ боевъ, представляетъ силошной рядъ чрезвычайно разумныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій.

Вездѣ, гдѣ участвовалъ полковникъ Лешъ съ своимъ полкомъ, потомъ и бригадой, все происходило не только въ великолѣпномъ порядке, но доблѣсть, мужество и распорядительность полковника поражали бывалыхъ людей. Поэтому на Леша возлагались самыя серьезныя задачи, всегда блестяще имъ исполнявшіяся.

Подпоручикъ Рутковскій, получивъ приказаніе отъ стяжавшаго себѣ широкую популярность въ арміи полковника, немедленно выступилъ по направленію къ непріятельскимъ позиціямъ въ пѣшемъ строю.

Было 2 часа ночи. Расположеніе непріятельскихъ окоповъ—въ четырехъ верстахъ. Требовалась крайняя осмотрительность, чтобы не очутиться въ тяжеломъ положеніи, не попасть въ ловушку, на которую такъ изобрѣтательны японцы.

Двигаясь шагъ за шагомъ, проползая мѣстами чуть не на брюхѣ, достигли оставленныхъ нами въ началѣ ночи позицій и оставались въ нерѣшительности. Кругомъ царила таинственная тишина. Даже собаки въ деревняхъ притаились; ни откуда не слышно ни звука, ни шороха.

Жутко становилось отъ этой тишины и непроясненной тьмы... Что дѣлается тамъ, въ двухъ верстахъ, на этихъ отвесныхъ, неприступныхъ скалахъ?.. Каковы планы нашего хитраго и ловкаго, какъ обезьяна, противника?..

Нѣсколько одиночныхъ смѣльчаковъ-охотниковъ проползли впередъ. Вскорѣ затихъ шорохъ, производимый ихъ движеніями, и опять воцарилась тишина... мрачная, зловѣщая... Всѣ напрягали и слухъ и зрѣніе. Казалось, вотъ, вотъ кто-нибудь обратно проползетъ и сообщить вѣсти о непріятелѣ. Но кругомъ царilo прежнее безмолвие. Вновь ни звука, ни шороха.

Въ такомъ напряженіи прошелъ еще часъ, казавшійся цѣлой вѣчностью... Но вотъ стало свѣтать. Всѣ облегченно вздохнули, хотя призракъ ночи дѣлалъ ихъ болѣе неуязвимыми. Какъ ни опасно при свѣтѣ, но каждому легче считаться съ знакомой опасностью, чѣмъ скрываться подъ таинственнымъ покровомъ темной ночи.

Едва разсвѣло, пошли впередъ. Слѣдующія позиціи также оказались не заняты японцами, и охотники немедленно расположились въ неглубокихъ ложементахъ, взглядываясь въ пространство, занятое непріятелемъ, изъ-за земляныхъ валиковъ.

Японцы увидѣли горсточку охотниковъ и не замедлили открыть по нимъ свой безпорядочный ружейный огонь. Въ то-же время и наши замѣтили, какъ съ высокихъ сопокъ стали спускаться рѣдкія непріятельскія цѣпи, выказывая намѣреніе

взять насъ въ «подкову». Охотники, великолѣнио освоившіеся съ тактическими приемами противника, отстрѣливаясь, отступали шагъ за шагомъ.

Оригинальная картина перестрѣлки отходящей по долинѣ охотничьей команды съ быстро надвигающимися съ горъ непріятельскими цѣпями, при скромномъ свѣтѣ ранняго осенняго утра, въ рамкахъ скалистыхъ сопокъ, съ мрачнымъ равнодушiemъ взирающихъ на смертный бой, на стремленіе одного во что бы то ни стало истребить другого...

Отступая шагъ за шагомъ и преслѣдуемые непріятелемъ, наши охотники достигли деревни Санчаоцзы. Тамъ встрѣтили пластуновъ 33-го стрѣлковаго восточно-сибирскаго полка, съ которыми соединились и продолжали отступленіе до деревни Банъяпуза, гдѣ расположился полковникъ Лешъ со своимъ арьергардомъ.

Онъ занялъ крѣпкую позицію и приготовился дать хороший отпоръ назойливому противнику.

Отрядъ генерала Самсонова въ бояхъ подъ Шахэ.

(На лѣвомъ флангѣ).

20 октября 1904 г.

Медленное наступленіе дивизіи генерала Самсонова съ 22-го по 24-е сентября. Передовыя кавалерійскія части съ ранняго утра до темноты проявляютъ усиленную дѣятельность.

Тамъ снимаютъ постъ, тамъ тѣснятъ заставу, не рѣдко выбѣгающую въ беспорядкѣ и паническомъ страхѣ изъ деревни.

Безпорядочные выстрѣлы съ одной стороны и лихое преслѣдованіе съ другой продолжаются до

25 числа, пока есауль Памфиловъ не достигъ съ своими двумя сотнями весьма важного опорного пункта японцевъ, а именно деревни Егоу. Здѣсь онъ завязалъ съ гарнизономъ упорный бой, но, не имѣя въ распоряженіи пѣхоты, далъ знать генералу Самсонову о необходимости немедленной поддержки.

Дѣлаю маленькое отступленіе, чтобы дать характеристику ротмистра Памфилова и другихъ сподвижниковъ доблестнаго начальника кавалерійскаго отряда.

Памфиловъ — не молодой есауль. Природный казакъ, онъ былъ сподвижникомъ покойнаго генерала М. Д. Скобелева еще въ турецкую кампанію. Нашъ бѣлый генераль отличалъ Памфилова изъ толпы кавалерійскихъ офицеровъ и самыя опасныя и трудныя порученія отдавалъ ему, вполнѣ довѣряя боевымъ качествамъ этого офицера. Въ результатѣ, Памфиловъ былъ четыре раза «тяжело» раненъ съ «проломомъ черепа», порчей колѣна и два раза въ грудь навылетъ.

Разумѣется, послѣ такихъ прелестей герою, о которомъ мало кто зналъ, ничего не оставалось, какъ уйти на покой.

Но война на Дальнемъ Востокѣ и его разбудила, и долго дремавшій Илья Муромецъ вновь появился въ дебряхъ Манжуріи, и чудный генераль Самсоновъ также сумѣлъ оцѣнить его боевыея качества. Получивъ отъ Памфилова просьбу о поддержкѣ, онъ немедленно выслалъ ему на помощь 5-й сибирскій казачій полкъ, направившійся къ деревнѣ Егоу на рысяхъ, подъ командой войскового старшины Путинцева.

Путинцевъ представляетъ собою чрезвычайно интересный типъ сподвижника генерала Самсонова. Это типичный «Тарасъ Бульба», немного приземистъ, съ полнотой, переходящей въ тучность, съ огромными запорожскими усющими,

глубоко впавшими небольшими глазками, съ на-
висшими надъ ними густыми, почти сросшимися
бровями. Вы невольно отличите его изъ толпы,
едва замѣтите его мясистый круглый носъ, выю-
щіеся на вискахъ и подстриженные съ скобку
 волосы. Невзирая на полноту, очень подвижень,—
другого движенія, кромѣ «впередъ», не признаетъ.

5-й казачій полкъ подъ командой Путин-
цева съ необыкновенною быстротою прилетаетъ
къ позиціи, занятой Памфиловымъ, и послѣ не-
продолжительного боя, эти два лихихъ коман-
дира вышибаютъ противника изъ дерев. Егоу,
которую немедленно занимаютъ.

Вслѣдъ за Путинцевымъ, ведеть главныя силы
самъ генераль Самсоновъ. Движеніе производится
по широкой площадкѣ широкимъ фронтомъ.

Площадь заключена въ черную раму горъ съ
мрачными скалистыми вершинами. По долинѣ
разбросаны рѣдкія деревушки.

Непріятельскіе посты и заставы послѣдоват-
ельно выбиваются изъ горныхъ вершинъ и се-
леній, позади коихъ отступаетъ къ Бенсиху ди-
визіи арміи Куроки.

Около полудня наши передовыя конныя части
завладѣли окопами и позиціей на горѣ съ ку-
мирней, откуда открывается дорога въ долину,
ведущую на Гумынскій перевалъ.

Въ этотъ же день заняли долину, и конный
отрядъ съ двумя игрушечными орудійками Заамур-
ского округа пограничной стражи, подъ командой
Малюшицкаго, предпринимаетъ боевую рекогно-
сировку съ цѣлью подготовленія атаки высотъ,
занятыхъ непріятелемъ. Туда направили отдѣльную
часть вмѣстѣ съ охотничьей комадой штабсъ-ка-
питана Войта, который ночью устраиваетъ заставу
у подножья перевала, снявъ предварительно вра-
жескіе посты и взявъ нѣсколько человѣкъ въ

плѣнь; далѣе, подъ покровомъ темноты, онъ выбываетъ японцевъ изъ окружныхъ деревень и къ разсвѣту успѣваетъ укрѣпиться на сѣверныхъ высотахъ, окружающихъ перевалъ.

Съ первыми брызгами зари, едва солнечные лучи коснулись горныхъ утесовъ, открывается огонь по всей линіи, — тотъ бѣшеный огонь, о которомъ говорятъ, что цѣлые площади поливаются дождемъ пуль и снарядовъ.

Противникъ находится на превосходной позиціи, на гребняхъ перевала и параллельныхъ кряжахъ, занятыхъ гвардейской резервной дивизіей и значительнымъ количествомъ горныхъ пушекъ. За боемъ, разгорающимся съ каждой минутой, наблюдаетъ генералъ Самсоновъ, избравшій для руководства одну изъ возвышеностей, съ которой великолѣпно видны всѣ движенія.

Вотъ, на какой-то сопкѣ замѣчается ослабленіе огня. Генералъ прекрасно понимаетъ причину и спѣшить устраниТЬ ее: командиру 8-го сибирскаго казачьяго полка приказывается усилить ослабѣвшую позицію двумя сотнями. Вскорѣ вслѣдъ за приказаніемъ замѣчается, какъ на ладони, движеніе этихъ двухъ сотенъ казаковъ. Они крупной рысью направляются къ подножью сопки, останавливаются, спѣшиваются и, пользуясь кустарникомъ, бѣгутъ къ вершинѣ сопки.

Командующій полкомъ Панковъ, съ адъютантомъ хорунжимъ Шостаковскимъ и конвоемъ изъ одиннадцати казаковъ, также спускается и скакетъ черезъ деревню къ сопкѣ, чтобы лично распорядиться дѣйствіями авангарда. Надъ деревнею съ гребней сопокъ, занятыхъ противникомъ, летятъ сотни и тысячи снарядовъ, каждый съ свойственнымъ ему «напѣвомъ», наводящимъ смертельный страхъ на непривычнаго человѣка. Шрапнели разрываются буквально надъ головами. Вотъ падаетъ раненый пулей въ бедро Шоста-

ковскій, за нимъ изъ группы скачущихъ сваливаются съ коней еще семь казаковъ, три лошади вдругъ какъ-то особенно присѣдаютъ, подавшись корпусомъ впередъ, и надаютъ какъ подкошенныя...

Являются санитары, словно изъ-подъ земли вынырнувшіе, и быстро уносятъ раненыхъ на перевязочный пунктъ; расположившійся позади деревни. Но и Красный Крестъ не щадятъ непріятельские снаряды горной батареи. Они систематически закидываютъ всю площадь, не пропуская даже отдельныхъ всадниковъ.

Сильно страдаетъ перевязочный пунктъ, нѣсколько разъ мѣняющій мѣста, но пули и снаряды ложатся тамъ, куда приносятъ раненыхъ и гдѣ героямъ подается первая медицинская помощь... Съ истиннымъ самоотверженiemъ, среди лопающихся шрапнелей и бризантокъ, подъ «проливнымъ» дождемъ пуль, работаютъ хирурги, молодые врачи,—изъ Петербурга Венгауптъ, и изъ Москвы—Арцимовичъ. Они находятся въ сфере ближайшаго огня, но исполняютъ высокій долгъ самоотверженно и съ героизмомъ, стоящимъ выше всякой похвалы.

Генералъ Самсоновъ замѣчаетъ бездѣйствіе игрушечныхъ пушекъ пограничной стражи и посылаетъ своего любимаго ординарца, вольно-определеннуюЩагося Арцишевскаго, справиться о причинѣ молчанія полубатареи, но онъ не успѣваетъ доскакатъ до мѣста расположенія пограничной полубатареи, какъ послѣдняя открываетъ огонь, приводящій первоначально въ недоумѣніе, а потомъ и ужасъ не менѣе храбраго непріятеля. То, что продѣливали эти двѣ игрушечные пушечки Малюшицкаго, не поддается описанію. Это была не стрѣльба, а картина. Съ поразительной быстротой вылетали изъ крошечныхъ черныхъ отверстій маленькие снаряды и, какъ-бы

по заказу, направлялись прямо къ непріятельскимъ позиціямъ, разрывались въ самыхъ рядахъ японцевъ, и одна за другою, рядышкомъ, словно мѣрили линейкой.

Среди непріятельскихъ стрѣлковъ тотчасъ замѣчалось волненіе, и черныя фигуры ихъ подымались и убѣгали назадъ за сонку или гребень ея.

Разумѣется, японскія горныя батареи замѣтили пораженіе въ своихъ рядахъ, происходящее отъ мѣткаго огня русскихъ пушекъ, но отыскать ихъ, чтобы обезвредить своими страшными гудящими бризантками не могли: такъ ловко и умѣло скрывалъ Малюшицкій свои «игрушечные орудія». Съ наблюдательнаго пункта замѣтно было, какъ японцы постепенно очищали одну позицію за другою.

Весь день 25 сентября, сраженіе развивалось не по часамъ, а по минутамъ. Отъ разсвѣта до полудня перевѣсь казался на сторонѣ японцевъ. Они проявляли особенную энергию и быстроту въ передвиженіяхъ, въ обстрѣлѣ нашихъ позицій.

Вотъ непріятельская пѣхота выдвинулась и занимаетъ два гребня, господствующихъ надъ занятymi нами холмами. Оттуда великолѣпный обстрѣлъ, и они направляютъ массу огня на расположенные лѣвѣе деревни охотничьи команды.

Послѣднимъ трудно становится отъ свинцового дождя. Пули поминутно вырываютъ изъ цѣни молодцовъ охотниковъ; ихъ уносятъ на перевязочный пунктъ за деревню. Нѣкоторыхъ догоняютъ новыя пули, увеличиваются страданія героеvъ «лишними» ранами или избавляютъ страдальцевъ отъ тяжкихъ мукъ, переселяя въ лучшій міръ.

Командующий полубатареей Малюшицкій зорко слѣдитъ за дѣйствіями непріятеля. Онъ замѣчаетъ положеніе охотниковъ и, ловко перемѣшивъ по-

зицю, замаскировавъ свои орудія гаоляновыми щитками, начинаетъ обстрѣлъ гребня, занятаго японской пѣхотой.

Но что это за стрѣльба! Она обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ и приводить ихъ въ неописуемый восторгъ. Все вниманіе начальствующихъ невольно сосредоточивается на этихъ двухъ небольшихъ пушкахъ, снаряды которыхъ ложатся въ непріятельскихъ рядахъ «одинъ къ одному», въ часъ выбиваются изъ занятой позиціи. Генералъ Самсоновъ, восхищенный мѣткой стрѣльбой этой полубатареи, посыпаетъ ординарца передать Малюшицкому и его командѣ благодарность.

Она радостью отдается въ сердцахъ чудо-богатырей, и радость эта двойная: выручили товарищей, отбросили противника и его позиція немедленно занята спѣшившимися казаками. Къ охотникамъ перебѣжками движутся на поддержку восточно-сибирскіе стрѣлки.

А бой разгорается все упорнѣе и упорнѣе... Непріятель увеличиваетъ количество горныхъ орудій, надѣясь сломать нашу стойкость и храбрость количествомъ стали, свинца и воючаго лiddита...

Но и мы не дремлемъ. Намъ хорошо знакома тактика японцевъ, и наши подкрѣпленія быстро надвигаются. Вотъ слѣва глухо тарахтитъ полевая батарея, съ сѣвера — другая, и вслѣдъ за нею на горной площади вырисовывается головная часть дивизіи генерала Кондратовича.

Къ сожалѣнію, условія мѣстности не позволяютъ развернуть и влить въ бой пришедшихъ стрѣлковъ, и колоннѣ приходится остановиться вѣсѣ сферы огня, иначе долина, по которой имъ пришлось бы двигаться, стала бы для нихъ долиной смерти! Дорога вѣется по узкой долинѣ, представляющей подобіе коридора, великколѣнно обстрѣливаемаго японскими орудіями.

Вотъ выдвигается наша полевая батарея и Желтая туча.

устраивается за группой деревьевъ, но мѣткій огонь японскихъ батарей немедленно сосредоточивается па нашей, и она терпитъ потери: раненые одинъ за другимъ уносятся и увозятся на перевязочный пунктъ. Опять является поручикъ Малюшицкій съ своими небольшими пушками; онъ скрытно приближается почти къ подножью перевала и, поминутно мѣняя позиціи, развиваетъ огонь поразительно быстрый и энергичный и приводитъ иѣкоторыя непріятельскія горныя батареи къ молчанию.

Заслуга Малюшицкаго въ бою этого дня неопѣнима: онъ не только поражаетъ непріятеля мѣткостью своей стрѣльбы, но отвлекаетъ значительную часть огня японскихъ батарей на себя, чѣмъ даетъ возможность нашей полевой батареѣ воспользоваться уклономъ мѣстности и складками почвы и продвинуться впередъ.

Въ это время японцы съ яростнымъ озлоблениемъ ищутъ увертливыя пушки Малюшицкаго и... не находятъ ихъ: онъ слишкомъ подвижны, легки, умѣло пользуются каждою неровностью и, ежеминутно мѣняя позиціи, бываютъ врага съ безпощаднымъ спокойствиемъ.

На конецъ онъ разстрѣляли всѣ снаряды и на лихомъ карьерѣ выскакиваютъ изъ адскаго огня, изъ-подъ самаго носа противника.

Такъ тянулся бой до глубокой ночи.

Въ этотъ день раненъ мѣдной пулей доблестный начальникъ охотничьей команды, штабсъ-капитанъ Войтъ.

Отвратительная мѣдная пуля пробила легкое и попортила печень героя-богатыря, и отрядъ великодѣйнаго генерала Самсонова несетъ невознаградимую потерю.

Густая тьма окутала горы и узкую долину.

Дивизія генерала Кондратовича смѣщалась съ отрядомъ Самсонова. Расположились на почлегъ,

Генералъ-маіоръ Кондратовичъ.

на тревожный отдыхъ, когда сонъ ежеминутно можетъ быть прерванъ тревогою.

И генералъ Самсоновъ, усталый и измученный тяжкимъ трудомъ за нѣсколько дней безпрерывныхъ боевъ, отправляется въ сопровождениі штаба на ночевку въ деревню, гдѣ располагаются на канѣ въ покинутой китайской фанзѣ послѣ ужина, котораго, конечно, никто не сочтетъ роскошнымъ...

Съ ранняго утра завязывается бой врага съ дивизіей генерала Кондратовича, а отрядъ Самсонова еще съ вечера получилъ приказъ произвести «рейдъ», т. е. отправиться въ тылъ врагу.

Вслѣдъ за извѣстнымъ всей Россіи да и всему миру приказомъ генераль-адъютанта Куропаткина, послѣдовало наступленіе, начало коего относится къ 22 сентября по слѣдующей диспозиції: три сибирскіе корпуса составляли группу восточнаго фронта подъ командой генерала Штакельберга.

Лѣвѣ восточной группы образовали самостоятельный отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренненкампфа.

Въ задачу восточной группы генерала Штакельберга входило — ударить на Беньяпузу, главную укрѣплѣнную позицію противника, составлявшую правый флангъ.

Оперировала въ этой мѣстности армія Куроки.

Наступленіе открылось кавалерійскимъ отрядомъ генерала Самсонова, дѣйствовавшаго по диспозиціи, на лѣвомъ флангѣ. Онъ выдвинулся впередъ къ юго-востоку отъ Хаолюнзая съ 4, 5 и 8 сибирскими стрѣлковыми полками и конно-охотничьей командой 13 сибирскаго стрѣлковаго полка, уже стяжавшей громкую славу подъ командой доблестнаго штабсъ-капитана Войта.

Весь 13 полкъ находится въ крѣпости Портъ-Артуръ. Конноохотничья команда этой части, удалившись отъ осажденій многострадальной

крѣпости въ такъ называемую глубокую развѣдку, вдругъ очутилась отрѣзанной отъ своего полка и примкнула къ отряду нашего славнаго генерала Самсонова, съ которымъ все время и дѣйствуетъ.

Личность начальника охотничьей команды 13 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, цѣтабѣцкаго капитана Войта представляетъ огромный интересъ по своимъ рѣдкимъ боевымъ качествамъ: неутомимая энергія и поразительное спокойствие, которымъ дышитъ вся его оригинальная фигура. Средняго роста, плотный крѣпкій блондинъ, сѣрые, задумчивые глаза, немного суровыя линии лица. Въ битвѣ и въ обыденной жизни совершенно одинаковъ, не обнаруживая ни малѣйшей суетливости подъ дождемъ шрапнелей и бризантокъ. Съ командой, обожающей资料 his own commander, сроднился. Всегда впереди.

Множество произведенныхъ имъ развѣдокъ отличалось точностью свѣдѣній о противникѣ, необыкновенной лихостью, доходившей до дерзости.

Такою же замѣчательной личностью въ передовомъ отрядѣ генерала Самсонова несомнѣнно является и поручикъ Малюшицкій, командовавшій крошечными пушечками пограничной стражи.

Малюшицкій, какъ и Войтъ, средняго роста, тонкій, обростъ лопатообразной бородой; черные усы, неимовѣрныхъ размѣровъ, и густыя черныя брови дѣлаютъ его мрачнымъ и неприступнымъ. Отличается непоколебимымъ и прямолинейнымъ характеромъ. Приказаніе стрѣлять выполнить лишь тогда, если у него имѣется убѣждѣніе, что *всѣ* снаряды попадутъ въ цѣль.

Вслѣдъ за Самсоновымъ идетъ дивизія генерала Кондратовича, съ которымъ наши читатели должны быть знакомы по прежнимъ очеркамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отрядъ генерала Грекова съ

Приморскимъ драгунскимъ полкомъ и седьмымъ казачьимъ сибирскимъ, находящимся подъ командой флиг.-адъют. князя Трубецкого, служившаго до войны въ конногвардейскомъ полку.

Князь Трубецкой прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій съ кавказской бригадой князя Орбеліани, въ полку нахичеванскомъ. Съ этимъ же полкомъ прїѣхалъ и графъ Шуваловъ, вскорѣ получившій отдѣльную конную часть.

Князь Трубецкой непремѣнно привлечетъ ваше вниманіе своимъ видомъ, всегда сохраняющимъ, не взирая на обстановку и погоду, свѣжесть, бодрость и чистоту блестящаго конно-гвардѣца.

О немъ отзываются, какъ о прекрасномъ боевомъ командирѣ, сохраняющемъ въ бою невозмутимое спокойствіе.

Наступательныя дѣйствія отряда генерала Самсонова начинаются 22-го сентября усиленной полевой поѣздкой семи офицеровъ генерального штаба, осматривающихъ непріятельскія позиціи у Беньяпузы.

Это—крѣпкія позиціи, расположенные на грядѣ скалистыхъ, неприступныхъ горныхъ кряжей, поросшихъ на скатахъ мелкою жалкою кустарной порослью. Узкія долины, змѣевидныя ущелья носятъ пустынныи и мрачный характеръ. Полное отсутствие земледѣльческой культуры; деревни рѣдки; на каждомъ шагу натыкаешься на крутые перевалы, вслѣдствіе чего дѣйствія қавалеріи чрезвычайно затрудняются необходимостью спѣшивать людей и перетаскивать орудія.

Чтобы перетащить одну пушку черезъ переваль, приходится пользоваться услугами отъ 60 до 80 человѣкъ. Дорогъ нѣтъ, и саперы наши спѣшино трудятся надъ устройствомъ путей. Картина поситъ крайне дикій, но живописный характеръ. Мѣстами попадаются орѣшникъ и дикая груша, отвратительная на вкусъ. Въ горныхъ

породахъ встречается чистый гранитъ. На вершинахъ конусообразныхъ сопокъ зловѣще выматриваютъ развалины древнихъ кумиренъ, и трещины развалинъ кажутся гримасами чудовищъ, злобно смыюющихся надъ происходящими событиями...

Подножія горъ, по ущельямъ, обвиваются змѣйки ручейковъ и рѣчекъ, быстрыхъ, шумящихъ въ своемъ каменистомъ ложѣ. Чистая, какъ хрусталь, прозрачная вода наливаетъ странную однообразную пѣсню, и звуки этой пѣсни исчезаютъ въ таинственныхъ дебряхъ среди горныхъ массивовъ.

На крутыхъ спускахъ лошади иногда срываются и гибнутъ въ глубокихъ пропастяхъ...

Развѣдка семи офицеровъ генерального штаба выяснила, что такую позицію атакой въ лобъ не возьмешь. Поэтому решено было охватить ее съ трехъ сторонъ широкимъ фронтомъ тремя родами оружія Съ зарею 23-го сентября начинается обходъ японскихъ позицій. Конница генерала Самсонова и Ренненкампфа держитъ направление на югъ, тщательно маскируя свои намѣренія. Маневръ блестяще удался. Врагъ, увидѣвъ себя окруженнымъ съ трехъ сторонъ грозными и непоколебимыми, какъ эти скалистые хребты, русскими войсками, отступилъ почти безъ боя, ограничившись ничтожными перестрѣлками; непріятель отошелъ по направлению къ юго-западу. Конница по пятамъ преслѣдовала японцевъ, паноя потери.

Итакъ, казачья дивизія генерала Самсонова оставляетъ занятыхъ спѣшенными сотнями сопки, на которыхъ взбираются пѣхотные части дивизіи генерала Кондратовича. Размѣщеніе ротъ въ окопахъ происходитъ ночью подъ личнымъ наблюдениемъ доблестнаго подполковника генерального штаба Пекуты, погибшаго на полѣ браніи спустя два дня.

Съ утра, т. е. съ первыми лучами зари, закипасть ожесточенный бой у дивизіи Кондратовича съ японцами, расположеннымыи на Тумынлинскомъ перевалѣ.

Казаки, спустившись съ позицій, размѣщаются въ опустѣвшихъ деревняхъ. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ фанзъ устраивается на ночь и самъ генералъ Самсоновъ со своимъ штабомъ. Но спать почти не приходится: фанза переполнена стонущими ранеными; бѣдныхъ страдальцевъ еще не успѣли увезти, за недостаточностью перевозочныхъ средствъ. Большинство пораненій отъ шрапнельныхъ снарядовъ, поэтому и раны тяжелыя, требующія специального ухода и осторожности при перевозкѣ.

Пока разгорался бой у стрѣлковъ на позиціяхъ, казачья дивизія выстроилась въ полѣ въ ожиданіи новыхъ приказаний главнокомандующаго.

Вскорѣ получилось приказаніе двинуться на помощь 3-му корпусу; предстояло пройти къ деревнѣ Уньююнь по долинѣ, лежавшей у подножья Тумынлинского перевала, въ сфере непріятельского огня. Пространство это и безъ того забрасывалось непріятельскими снарядами, а при движеніи казачьей колонны, разумѣется, противникъ не преминулъ бы воспользоваться хорошею цѣлью.

Но генералъ Самсоновъ освоился съ тактикой японцевъ, и всѣмъ сотнямъ приказано было проскочить опасную долину маленькими группами, по три и четыре всадника, маскируясь всякой складкой мѣстности, кустарникомъ или отдѣльными деревьями.

Глазамъ открылась интересная картина: по узенькой долинѣ, отдѣляющей двухъ борющихся на жизнь и смерть противниковъ, перебѣгали отдѣльные всадники, иные, ведя коней въ по-

воду, шмыгали отъ куста къ кусту, а иные храбро гарцвали по полю, презирай японскіе пули и снаряды.

Но вотъ, пашн молодцы казаки благополучно выбрались изъ «долины смерти» и вытянулись по великолѣпной дорогѣ черезъ перевалъ. Поразительная панорама открывается передъ вашими глазами: кругомъ, словно тысячелѣтніе гиганты, высматриваютъ горы, мрачныя, черныя и молчаливые. Голыя, остроконечныя вершины, кажется, не вѣдаютъ ни времени, ни погоды. По склонамъ ползетъ жалкая, чахлая растительность, все больше мелкій кустарникъ. Дорога змѣей вьется между отвѣсными, словно высѣченными человѣческими руками, гранитными стѣнами. На высокихъ площадкахъ нерѣдко попадаются магометанскія мечети.

Эта мѣстность изобилуетъ магометанами-китайцами. Недавно здѣсь оперировала кавказская бригада, почти сплошь состоящая изъ послѣдователей Ислама, и магометане-китайцы встрѣчали ихъ съ распластанными объятіями, оказывая всевозможныя услуги, давая свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія противника, иногда выручая изъ тяжелаго, почти безвыходнаго положенія.

Къ сожалѣнію, кавказскую бригаду, созданную самой природой для дѣйствія въ горахъ, къ тому же встрѣтившую единовѣрцевъ, перевели на равнину западнаго фронта, а казаковъ, годныхъ для дѣйствій на равнинѣ, отправили въ горы... Но всяко го рода неожиданности, если хотите, вошли въ плоть и кровь нашихъ полководцевъ въ теченіе настоящей войны...

Казаки, подъ начальствомъ доблестнаго генерала Самсонова, двигались на деревню Уньююнь, обходя наши пѣхотныя позиціи, находившіяся на высотахъ, параллельныхъ Тумынлинскому перевалу, простираясь на юго-востокъ и закругляясь

у высотъ Бенсиху. На этихъ сопкахъ расположились части третьаго корпуса, лѣвый флангъ котораго прикрывалъ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія генерала Ренненкампфа. Дивизія приближалась къ деревнѣ, где находился штабъ корпуса съ своимъ командиромъ генераломъ Ивановымъ. Остановились для небольшого отдыха и совѣщанія съ корпуснымъ командиромъ.

Бой шелъ вяло. Слышались залпы, довольно рѣдкие и нерѣшительные, таращѣли ружейные выстрѣлы, словно гдѣ-то недалеко отбивали дробь, по какому-то особому странному инструменту. Генералу Самсонову показали «первыхъ» японскихъ перебѣжчиковъ: это были двое солдатъ, изъ которыхъ одинъ умышленно выбросился изъ окопа, находившагося на высокой сопкѣ. Внизу онъ разбилъ ружье и приблизился къ нашей цѣпи; другой явился раннимъ утромъ, также безоружный, дрожащий отъ холода.

День 27-го сентября прошелъ въ отрядѣ генерала Самсонова безъ боя. Въ теченіе дня наблюдали за ходомъ сраженія съ тыловыхъ возвышеностей. Ожидались результаты чрезвычайно важнаго маневра — обхода праваго фланга противника.

Съ наступленіемъ темноты расположились въ деревнѣ Уньююнь на ночлегъ, здѣсь-же находились генералы Ренненкампфъ и Эккъ (начальникъ одной изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій).

28-го сентября на разсвѣтѣ дивизія генерала Самсонова направилась къ рѣкѣ Тайцзыхе, сопровождаемая громовыми раскатами орудійныхъ залповъ.

Около семи часовъ утра приблизились къ рѣкѣ и начали переправу въ бродъ. Хотя глубина брода не была особенно значительна, но усѣянное мелкой и острой галькой дно, весьма затрудняло переправу. На одномъ берегу оставили такъ называемый заслонъ изъ одного коннаго полка.

Ему указана была позиція на возвышенностяхъ, командующихъ надъ мѣстностью и къ сѣверу, и къ югу. Къ коному заслону присоединился батальонъ славныхъ сибирскихъ стрѣлковъ «семипалатинцевъ»,—всѣ подъ общей командой начальника штаба отряда Самсонова полковника генерального штаба Данилова. На другомъ берегу выставили наблюденія, распространивъ ихъ къ югу и западу на пятнадцать верстъ. Дороги заняли болѣе или менѣе сильными заставами, выдѣливъ изъ нихъ глубокіе разъезды по всѣмъ направленіямъ. Съ главными же силами доблестный начальникъ двинулся вдоль по берегу рѣки, къ конечной цѣли, на позиціи у деревни Бенсиху, въ тылу непріятеля.

Бенсиху—китайское селеніе, расположеннное полукругомъ у незначительного притока р. Тайцыхе. Съ сѣвера, сѣверо-востока, юга и отчасти юго-запада оно окружено высокими горами, представляющими великколѣпную естественную защиту. Гряды конусообразныхъ высокихъ сопокъ, крутыхъ, каменистыхъ и плѣшивыхъ, безъ признака растительности, кажутся гигантскими часовыми, мрачно высматривающими врага, осмѣлившагося нарушить дѣственную тишину этой мѣстности; отлогіе скаты, спускающіеся къ рѣкѣ, покрыты мелкой, жалкой порослью; мѣстами чернѣеть рѣдкій лѣсокъ.

Въ Бенсиху находится японскій «этапъ» со складами и магазинами. Для связи съ другимъ берегомъ японцы выстроили черезъ притокъ, огибающій Бенсиху, pontонный мостъ.

Наши казаки, осторожно, прикрываясь скатами массивовъ, подвигались впередъ и уже вытянулись съ запада расположения непріятельскихъ позицій.

Къ сожалѣнію, голова колонны, по оплощенности забайкальского казака, предоставленного генераломъ Любавинымъ въ распоряженіе Сам-

сонова въ качествѣ проводника, очутилась лицомъ къ лицу съ непріятельскими окопами.

Наши войска, расположенные по склонамъ сопокъ и хорошо замаскированныя, не могли ихъ замѣтить, а хитрый врагъ притаился, пропустилъ головную часть конницы на 300 шаговъ и началъ ее буквально разстрѣливать въ то время, пока начальникъ дивизіи остановился, чтобы прочитать донесенія и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Зашелкали пули по камнямъ, зашлиали по водѣ, засвистѣли надъ головами, но Богъ хранилъ нашихъ героевъ: вражескія пули почти никого не задѣли, ранивъ лишь двѣ лошади въ свитѣ Самсонова.

Начальникъ отряда быстро оріентировался и отвелъ голову колонны въ безопасное мѣсто за горой; туда же былъ доставленъ раненый въ голову начальникъ авангардныхъ сотенъ, войсковой старшина Черниковъ, также попавшій съ своими сотнями подъ огонь непріятельскихъ стрѣлковъ, притаившихся въ окопахъ на высокихъ скалистыхъ утесахъ.

За этой-же горой пристроился летучій отрядъ Краснаго Креста докторовъ Арцимовича и Вангаупта, слѣдовавшихъ всюду за конницей генерала Самсонова. Они открыли перевязочный пунктъ, перевязали Черникова и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ; подошла тутъ-же группа казаковъ; они несли сѣдла, снятые съ убитыхъ лошадей.

Генераль, въ сопровожденіи штаба, поднялся на гору и занялся осмотромъ позиціи.

Съ вершины развертывалась вся впереди лежащая мѣстность. У подножія змѣй извивалась Тайдзыхе; на противоположномъ берегу видѣлись линии непріятельскихъ окоповъ, въ пѣ-

сколько ярусовъ изрѣзавшихъ склоны горныхъ массивовъ, загибавшихъ фронтъ къ сѣверо-востоку, вслѣдствіе чего избранная Самсоновымъ позиція очутилась почти «въ затылкѣ» непріятельского расположения. Все было видно какъ на ладони.

Дивизія спѣшилась.

Въ это время на лѣвомъ берегу появился генералъ Любавинъ со своей бригадой. Генералъ Самсоновъ увеличилъ его силы еще восемью сотнями, приказалъ ему продвинуться пѣсколько лѣвѣ горы, имъ самимъ занятой, расположиться на позиціи и развить бой.

Къ югу выслали для наблюденія разъѣзды, а господствовавшую Столовую гору, возвышавшуюся позади позиціи генерала Самсонова, заняли довольно сильной заставой. Такимъ образомъ, получался превосходный обстрѣлъ непріятельскихъ позицій. Казалось невозможнымъ занять гору нашими орудіями вслѣдствіе крутизны подъема. Но для нашихъ орловъ и невозможное—возможно... На рукахъ втащили пушки на высокую гору. Двѣ сотни казаковъ впряженіе и на канатахъ волокли тяжелыя орудія.

Установивъ ихъ на возвышенности, замаскировали, окопали и полили переднюю площадь возможного паденія вражескихъ снарядовъ водой. Это необходимо, во-первыхъ, чтобы непріятельская шрапнели и бризантки не обнаруживали нашей батареи, во-вторыхъ, въ рыхломъ грунѣ снаряды хуже разрываются.

Укрѣпились на позиціяхъ и открыли огонь.

Появленіе нашего отряда въ тылу непріятеля произвело на него удручающее впечатлѣніе. Съ наблюдательного поста очень хорошо видно было смятеніе, возбужденное нашими первыми выстрелами. Всѣмъ стало ясно, что у японцевъ произошла паника: они зажгли деревню, очевидно

намѣреваясь уничтожить хранившіеся тамъ запасы.

Генералъ Самсоновъ, помѣстившійся на вершинѣ сопки, иѣсколько впереди батареи, зорко наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ въ Бенсиху. Онъ поминутно указывалъ все новыя и новыя цѣли для обстрѣла, и мѣткость нашего огня побудила противника ослабить себя выдѣлениемъ крупной пѣхотной части противъ «Самсоновскихъ орловъ», угнѣздившихся на тыловыхъ высотахъ.

Вонъ вдали, съ цѣпи крутыхъ сопокъ, стали спускаться черныя точки. Спустившись въ долину, они начали быстро выстраиваться и двинулись по двумъ направленіямъ къ понтонному мосту. Генералъ угадалъ намѣреніе хитраго врага; онъ понялъ, что японцы намѣреваются выдвинуть черезъ мостъ сильную пѣхотную часть, чтобы «сдавить» нашъ лѣвый флангъ. Артиллерія была указана цѣль, орудія грохнули, шрапнели полетѣли на мостъ и дорогу, по которой двигались массы противника...

Едва иѣсколько шрапнелей разорвалось надъ головами японской колонны, маленькие, черные солдатики въ смятении шарахнулись назадъ, но офицеры, размахивая шашками, заставляли ихъ вновь и вновь двигаться на насъ. Однако всѣ попытки ни къ чему не привели. Въ этотъ день неудачи преслѣдовали врага. Озлобленные, они остановились на противоположномъ берегу, развернулись и открыли по нашей батареѣ и позиціямъ генерала Зарубаева убийственный огонь.

Вернулся съ перевязочного пункта войсковой старшина Черниковъ и на лошади ухитрился взобраться на гору, по генералъ послалъ ему сказать, что онъ съ своимъ конемъ съ горы представляетъ для непріятеля слишкомъ хорошую цѣль.

Храбрый войсковой старшина, забинтованный, не могъ двигаться пѣшкомъ и троє казаковъ подхватили его на руки, но цѣль все-таки оставалась достаточно замѣтной, и вражескіе снаряды полетѣли къ этой группѣ. Разумѣется, ей ничего не оставалось, какъ уйти въ болѣе безопасное мѣсто. Кстати и ординарецъ генерала Самсонова настоятельно требовалъ, чтобы Черникоеъ не подвергалъ себя напрасно опасности, тѣмъ болѣе, что его присутствіе въ этомъ пункѣ не могло привести существенной пользы.

Между тѣмъ, японскіе снаряды залетали на гору чаще и чаще, но, къ счастію, ложились всѣ значительно лѣвѣе очень хорошо замаскированной батареи и стрѣлковыхъ окоповъ, а наши шрапнели по нѣсколько разъ выбивали японцевъ изъ ихъ окоповъ. Невооруженнымъ глазомъ видны были удирающіе изъ ложементовъ японскіе стрѣлки, малѣйшее движеніе не ускользало отъ нашего наблюденія и мы невольно поражались храбрости непріятельскихъ офицеровъ, размахивавшихъ обнаженными шашками, чтобы остановить убѣгающихъ. Нерѣдко офицеры оставались одни или съ небольшой группой выдающихся смѣльчаковъ. Такъ силенъ и дѣйствителенъ былъ огонь нашей батареи.

Вотъ и наши стрѣлки, подъ прикрытиемъ огня батареи, постепенно продвигались впередъ къ непріятелю. Отдельные группы переходили въ штыки и выбивали враговъ изъ ложементовъ «холоднымъ оружіемъ».

День склонялся къ вечеру. Грохотъ орудій немолчно катился по горамъ и откуда-то издали ему вторило непрерывное эхо. Таращѣли сухіе ружейные выстрѣлы, свистѣли и шипѣли шныряющія по всѣмъ направлѣніямъ пули.

Позади, у подошвы горы, лихорадочно работалъ перевязочный пунктъ, куда приносили ра-

неныхъ. Иные, забинтованные, опять возвращались къ своимъ товарищамъ чудо-богатырямъ.

Небо заволакивало тучами. Сумерки спускались съ высотъ и окутывали низины, словно стремясь темнымъ покровомъ своимъ защитить ихъ отъ свирѣпствующей смерти.

Явился гонецъ отъ генерала Ренненкамфа съ сообщенiemъ, что генералъ намѣревается въ восемь часовъ вечера, когда наступить густая тьма, атаковать вражескія высоты. Это извѣстіе быстрѣе молніи облетѣло ряды и радостной волной охватило «сѣрыхъ героевъ». Наступленіе особенно радостно звучитъ въ сердцахъ русскихъ воиновъ и, сознаюсь, наше войско предпочитаетъ нападеніе защищать, хотя бы и подъ хорошими прикрытиями.

До наступившей темноты генералъ Самсоновъ приказалъ батареѣ разрушить понтонный мостъ японцевъ, чтобы помѣшать имъ ночью явиться у насъ въ тылу. Съ японцами такая предосторожность далеко не лишня.

Грохнуло пѣсколько послѣднихъ залповъ. Ихъ раскаты пронеслись надъ горными массивами, эхо подхватило, и долгими переливами они плавали надъ гребнями, замирая гдѣ-то далеко, далеко...

Характерность этого дневного боя заключается въ томъ, что рѣшительно все великодѣльно было видно, и обѣ борющіяся стороны являлись одновременно и дѣйствующими лицами, и зрителями...

Вотъ нѣсколько снарядовъ, поставленныхъ на ударъ, разорвалось на мосту, еще, еще, и понтоны, въ особенности средніе, на самомъ теченіи стало распластавать и отдѣльные части уносило бурнымъ теченіемъ, что вызвало страшный энтузиазмъ среди нашихъ борцовъ...

Стемнилось, но пальба все еще не унималась.

Перестрѣлка, хотя все болѣе ослабѣвавшая, тянулась до глубокой ночи.

Въ густомъ, зловѣщемъ мракѣ шуршили по кустамъ шальныя пули...

Войска всего отряда въ продолженіе всей ночи не покидали своей позиціи, и лишь батарея была снесена съ горы да высшія начальствующія лица заняли въ пустовавшей деревушкѣ уцѣлѣвшую фанзу, гдѣ залегли спать на канѣ въ повалку, генералъ рядомъ съ своимъ ординарцемъ-корнетомъ или прямо вольноопредѣляющимся.

Конечно, обѣ ужинѣ нечего было и думать; его и некому было готовить и... не изъ чего.. Кромѣ того, при такой близости противника огней разводить не полагается.

Въ фанзѣ и на позиціяхъ всѣ спали тревожнымъ сномъ, знакомымъ лишь на боевыхъ позиціяхъ подъ носомъ врага. Усталый солдатъ, судорожно прижавъ ружье, дремлетъ, но въ его ушахъ не прекращается звонъ боя; пульсъ бьется неровно, малѣйшаго шороха достаточно, чтобы онъ вскочилъ и выставилъ дуло ружья впередъ. А непроглядная тьма наполняется непонятными звуками: то раздается плачевный возгласъ невѣдомойочной птицы, то вырывается откуда-то нѣсколько громкихъ человѣческихъ окриковъ, то вздохъ, протяжный и грустный, какъ бы дополняетъ эту гармонію странныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ.

Протекла тяжелая, тревожная ночь. Еще тьма не разсѣялась, еще сотни дремали въ своихъ рвахъ, и лишь часовые, опираясь на винтовку, напряженно всматривались въ таинственные очертанія горъ, какъ затаращѣли первые нерѣшительные выстрѣлы нетерпѣливаго и злобствующаго непріятеля.

Въ нашихъ окопахъ зашевелились, но на выстрѣлы противника отвѣчали презрительнымъ Желтая туча.

молчаниемъ. Люди оправлялись, осматривали свои сумки и патронташи, слышалась повѣрка. Тихо пѣли молитвы, не торопясь, творили крестное знаменіе. Незамѣтно было ни малѣйшей суеты, никакого волненія.

Сумракъ ночи постепенно разсѣивался. Холодный утренній воздухъ становился прозрачнѣе. На востокѣ показалась бѣлая полоса утренней зари.

— Седьмая и десятая сотня! — послышался крикъ бородатаго урядника.

Двѣ сотни выстроились и стали спускаться съ горы. Черезъ полчаса потащили на толстыхъ канатахъ спущенныея ночью съ позиціи орудія. Началась перестрѣлка, суетливая, быстрая. Видимо, каждая сторона стремилась поразить врага количествомъ выпущенныхъ пуль.

Заговорили и батареи. Загудѣла черная бризантка, заревѣли въ отвѣтъ наши шрапнели, и свѣжій утренній воздухъ наполнился злобнымъ воемъ смерти...

Упорный, жестокій бой возобновился съ четырехъ часовъ утра и разгорался съ страшной силой. Замѣчалось особое напряженіе врага, повидимому, подготовлявшаго намъ неожиданный сюрпризъ. Отрядъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы самостоятельно бороться съ пѣхотными частями, чувствовалась настоятельная потребность въ помоци нашихъ пѣшихъ полковъ, но послѣдняя, какъ нарочно, не являлась.

Получилось непріятное извѣстіе о появленіи въ тылу нашей позиціи сильного отряда изъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ принца Канино.

Въ это-же время наши дивизіи штурмовали Бенсиху, эти непріступныя позиціи на орлиныхъ высотахъ, откуда одна рота можетъ уничтожить нѣсколько батальоновъ.

Чудо-богатыри шли на штурмъ, безстрашно

ползли по почти отвеснымъ скаламъ, срывались и падали, и вновь ползли, и опять падали, и могучее, громкое «ура»! смѣшивалось съ визгами «ia-ia-ia», «банзай»!

Мы должны были оставить мысль взять Бенсиху штурмомъ.

Отрядъ Самсонова геройски держался до пяти часовъ вечера, но приблизилась обходная колонна принца Канино и пошла штурмовать позиціи генерала Любавина.

Пришло приказаніе покинуть лѣвый берегъ Тайцзыхе и отходить къ востоку на присоединеніе къ третьему корпусу.

Оставленіемъ позицій у Бенсиху мѣнялась вся линія фронта.

Японцы даже пытались преслѣдовать насъ по пятамъ, однако, отходившія части останавливались и жестоко били преслѣдующихъ.

Конницѣ генерала Самсонова приходилось и при наступленіи и при отступленіи быть въ непосредственномъ соприкосновеніи съ противникомъ, сдерживать его страстные, такъ сказать, порывы, и передъ очами сдерживающей непріятелемъ конницы открывалась полная картина дрогающаго боя, въ высшей степени характернаго, небывалаго со временъ изобрѣтенія пороха.

Съ одной стороны отходили широкимъ фронтомъ огромныя массы русскихъ войскъ, отходили спокойно, словно на маневрахъ; артиллерія наша, расположившись на равнинѣ, съвериже деревни Уньюнь, перебрасывала свои снаряды чрезъ двойной рядъ узкихъ хребтовъ, съ разстояніемъ почти пяти верстъ. Какъ въ величественной панорамѣ виднѣлись разрывы шрапнелей на линии хребтовъ. Въ действительности нашего огня нельзѧ было сомнѣваться.

Съ другой стороны безрезультатно злобствовалъ врагъ: тысячи снарядовъ, вылетая изъ хреб-

товъ, бѣшено летѣли впередъ, падали, или вѣрнѣе осыпали всѣ уклоны почвы, скаты сопокъ, взрывали тучи земли и камней, долго державшихся въ воздухѣ, по наши батареи оставались неуязвимы, наши колонны подъ прикрытиемъ такого мѣткаго огня отходили стороной восточнѣе деревни Уньюнь, безнаказанно, унося всѣхъ раненыхъ. Иные бризантки залетали въ деревню, разрушали пустующую фанзу, превращали въ груды мусора ея глиняную или каменную ограду.

Пораненія все больше тяжелыя, оть мѣдныхъ пуль, которыми исключительно стрѣляетъ гвардейская резервная дивизія Куроки.

Тутъ же по пути тянутся раненая лошади, иные являются съ перебитыми ногами или оторванными головами. Смертельно раненая животная лежать безъ сѣдель, предусмотрительно унесенныхъ героями.

У нѣкоторыхъ глаза уже застыли, у другихъ еще замѣтно послѣднее трепетаніе, предсмертная судорога.

День лихорадочной боевой жизни быстро догоралъ и смѣнялся темной, холодной ночью. Сумерки переходили въ густую тьму. Замирали послѣдніе выстрѣлы.

Вспыхнуло еще пѣсколько огоньковъ и безслѣдно исчезло въ таинственной мглѣ...

29-го сентября сильно досталось отряду генерала Самсонова. Съ наступленіемъ ночи, части, свободныя оть сторожевого охраненія, спустились съ горъ въ маленькую безыменную деревушку. По фанзамъ размѣстили тяжело раненыхъ, остальные, не исключая и высшихъ начальствующихъ, размѣстились на дворахъ, прикрываясь отъ стужи кто чѣмъ могъ. Холодъ былъ нестерпимый, но разводить костры, разумѣется, не полагалось, чтобы не привлечь вниманіе противника.

Послѣ полуночи, около двухъ часовъ, пришло

приказаниe оставить лѣвый берегъ и, переправившись на правый, держаться въ передней линии, прикрывая отступление пѣхоты. Послѣдняя, въ свою очередь, прикрываясь ночной мглой, оставляла высоты у Бенсиху и широкимъ фронтомъ вытягивалась въ сѣверо-восточномъ направлении.

Бенсиху оставили, чтобы не терять слишкомъ много людей и времени. Неприступныя позиціи непріятеля потребовали-бы серьезной осады. Покинувъ-же высоты и отходя широкимъ фронтомъ, непріятель «сманивался» съ занятыхъ имъ каменистыхъ логовищъ; кромѣ того, обеспечилась безопасность отъ глубокаго обхода прибывшими къ японцамъ резервами.

Безшумно, насколько это возможно для кавалеріи, сняты сторожевые посты, осѣданы кони, впряжены орудія, и отрядъ переправили на правый берегъ.

Моросиль, мелкій дождь. Выль на всевозможные лады порывистый манджурскій вѣтеръ.

Тьма непроглядная, хоть глазъ коли. Приходилось двигаться буквально ощущю, поминутно останавливаясь, чтобы не разорваться: въ десяти шагахъ ничего нельзя было различить. Шли не дорогой, а полемъ, усыпаннымъ острыми камнями.

Первою переправили артиллерію по заранѣе приготовленному мосту, за иею батальонъ семипалатинцевъ, единственную пѣхотную часть, находившуюся въ отрядѣ ген. Любавина; конницѣ предстояло уничтожить мостъ и затѣмъ выполнить немаловажную задачу въ смыслѣ обеспеченія сторожевого охраненія всего праваго побережья р. Тайдзыхе.

Эта задача выпала на долю восьмого сибирскаго казачьяго полка подъ командой полковника Панкова.

Полковникъ Панковъ прибылъ въ концѣ іюля

и сразу зарекомендовалъ себя съ лучшей стороны: оказался храбрымъ, лихимъ кавалеристомъ и его неизмѣнно видѣли впереди. Къ несчастію, какъ-то случалось, что его полкъ всегда попадалъ подъ убийственный огонь противника; ему нерѣдко приходилось нести тяжелыя потери. Однако, самого командира Богъ миловалъ... до 5-го октября. Онъ велъ полкъ на поддержку другимъ частямъ дивизіи лѣвѣ Каптулинскаго перевала. Около деревни, расположенной въ узкомъ ущельи, онъ попалъ подъ непріятельской огонь... Шальная пуля поразила героя въ самомъ началѣ перестрѣлки... Миръ праху честнаго, славнаго, доблестнаго борца.

Оставивъ сторожевую цѣпь, остальные полки двинулись вслѣдъ за артиллерией и пѣшимъ батальономъ, но двигаться пришлось въ такой непроницаемой мглѣ, по отвратительной каменистой почвѣ, что, сдѣлавъ около шести верстъ, истомленный до крайности полкъ вынужденъ былъ остановиться. Рытвины, рвы и рыхлѣвшая отъ моросившаго дождя земля дѣлали движение мучительнымъ; кромѣ того необходимо принять во вниманіе, что и люди, и кони двое сутокъ не принимали никакой пищи, вслѣдствіе отдаленности отъ главныхъ силъ. Утомленіе, голодъ и стужа терпѣли всѣ безъ ропота: генералы и остальные начальствующіе чины подавали примѣръ солдатамъ, нужда переносилась съ истиннымъ героизмомъ, на который способенъ только русскій воинъ.

Двигаясь медленно, шагъ за шагомъ, набрели на какую-то кумирню и остановились.

Часа два провели въ полудремотѣ, чутко прислушиваясь въ царившей кругомъ зловѣщей тьмѣ.

Въ пять часовъ поднялись и двинулись дальше. Разсвѣтало. Сквозь густую пелену бѣловатаго тумана замелькали бивачные огни третьяго кор-

пуса. По мѣрѣ приближенія къ биваку туманъ поднимался и разсѣвался. Развертывалась грандіозная картина бивачной жизни: правильными квадратами расположились роты и батальоны, ружья въ козлы, а сзади тянулись казавшіяся безконечными линіи патронныхъ двуколокъ. Повсюду разведены костры, окруженные группами грѣющихъся и обсушивающихся воиновъ. Дымились ротные кухни. Кое-гдѣ потрошили убитыхъ быковъ. У нѣкоторыхъ костровъ присѣдали на корточкахъ одиночные плѣнныя японцы рядомъ съ нашими солдатами, которые подкармливали ихъ, поили чаемъ и угожали «цигарками - самокрутками». Казалось, что и тѣ, и другие забыли едва заглохшій грохотъ орудій, борьбу на жизнь и смерть, и думали лишь, какъ-бы обогрѣться и обсушиться.

Когда дивизія генерала Самсонова остановилась на линіи бивака, къ генералу подскакалъ ординарецъ командаира третьего корпуса, бывшій адъютантъ кавалергадскаго полка Скоропатскій. Блестящій гвардейскій офицеръ, котораго я привыкъ видѣть на «премьерахъ» нашихъ столичныхъ театровъ, и здѣсь на полѣ битвы мало измѣнился.

Скоропатскій, по порученію командаира третьего корпуса, былъ занятъ эвакуацией раненыхъ и больныхъ, коихъ накопилось на бивакѣ до 2000 человѣкъ. Требовали отъ генерала Самсонова людей и лошадей для тѣхъ, кто лишенъ возможности двигаться собственными силами. Немедленно были наряжены двѣ сотни. Раненыхъ и больныхъ усаживали на коней, а казаки вели ихъ въ поводу.

Дивизія генерала Самсонова отдохнула нѣсколько часовъ и вновь получила серьезную задачу: сдержать напоръ противника по линіи Уньюмюницзы—Сянтиапцы—Бенсиху. Полки дви-

нулись по узкимъ ущельямъ, стѣсненнымъ высокими гранитными стѣнами.

Едва казаки заняли указанную линію, на что потребовалась вся ночь съ тридцатого сентября по первое октября, непріятель выказалъ намѣреніе атаковать наши заставы и открылъ огонь, хотя довольно слабый. Казачи сотни безъ особыго труда отбросили японцевъ.

Однако съ этого дня противникъ выказалъ усиленную дѣятельность по всей линіи, переходя въ энергичное наступленіе, выдвигая сильные передовые отряды съ пулеметами. Появились раненые. Вторично былъ раненъ эсауль 5-го сибирского казачьяго полка Евтинъ, едва оправившійся отъ раны въ голову, полученной лишь въ маѣ.

Сильный напоръ непріятеля заставилъ командаира третьяго корпуса выслать въ передовую линію, на поддержку конницы, 21-й и 24-й восточносибирскіе стрѣлковые полки подъ командой генералъ-маіора Кречинскаго и полторы горныхъ батареи, недавно присланыхъ на театръ военныхъ дѣйствій. Горныя пушки совершенно новыя, такого-же типа, какъ и неиріательская горная артиллерія, отличаются необыкновенной легкостью: ихъ везетъ пара лошадей «гуськомъ», или цугомъ. При подъемѣ на высоты пушки разбираются: станокъ и хоботъ навьючиваются отдельно на особо приспособленныхъ сѣдлахъ. Зарядныхъ ящиковъ при горныхъ орудіяхъ не полагается, а снаряды также укладываются какъ выюки особой системы и везутся на лошадяхъ.

Кромѣ горныхъ орудій, прислали еще игрушечную полубатарею пограничной стражи заамурскаго округа, всегда приносившую существенную пользу.

Выдвинутые пѣхотные полки заняли позицію на высотахъ Кантулинскаго перевала, на которыхъ немедленно окопались.

Конница же действовала нѣсколько впереди, въ чрезвычайно трудной мѣстности, окруженнѣй со всѣхъ сторонъ каменными отрогами, параллельными рядами простирающимися съ сѣвера къ югу.

Перевалы черезъ эти неприступныя скалы—рѣдки; на обходъ кряжа требуется много времени, чтобы продвинуться по трудно проходимой мѣстности верстъ пятнадцать, между тѣмъ какъ по прямой линіи, если бъ явилась возможность переброситься черезъ горные массивы, едва потребовалось бы 45—50 минутъ.

Къ этому необходимо добавить, что обходы во флангъ и тылъ въ такихъ горныхъ дебряхъ вполнѣ возможны, почему приходится расходовать сотни на дальние разъѣзды съ цѣлью охраненія себя отъ всякихъ случайностей.

Насколько эта мѣстность затрудняетъ дѣйствія конницы, можно судить по слѣдующимъ случаямъ: конные разъѣзды нерѣдко запутывались въ лабиринтѣ горъ и ущелій и пропадали на нѣсколько дней.

Поэтому рѣшено было въ этихъ дебряхъ боя не принимать, а заставить непріятеля выйти къ Кантулинскому перевалу.

Бой въ ущельяхъ и долинахъ за Кантулинскимъ переваломъ разгорался. Непріятель, видя передъ собою слабый кавалерійскій отрядъ, напиралъ со всей назойливостью, на которую способны японцы, когда они чувствуютъ себя сильными.

Лабиринты ущелій, похожіе на длинные коридоры, между высокими стѣнами безъ потолковъ, представляютъ значительныя удобства для обходовъ во флангъ и даже въ тылъ. Генералъ Самсоновъ прекрасно понималъ тяжесть своего положенія и осторожно отодвигался на простиравшіеся позади него горные массивы, уже заня-

тые пѣхотными частями и вновь прибывшими горными батареями.

Отодвигались медленно, шагъ за шагомъ, дорого уступая противнику каждый клочекъ земли.

Послѣдній день съ нависшими грозовыми тучами быстро смѣнился темной ночью. Поднялась буря. Вѣтеръ завылъ съ такой яростью, что жутко становилось, а тутъ еще ударила громъ, сверкнула молния и зигзагами прорѣзывала воздухъ по всѣмъ направленіямъ...

Это была величественная картина разбушевавшейся стихіи.

По ущельямъ свистѣль и выль на всевозможные лады вѣтеръ; молніи поминутно, одна за другой, освѣщали своимъ яркимъ свѣтомъ отступающую конницу. Вдругъ носыпалъ градъ, крупный, величиной съ орѣхъ, больно ударялъ по крупамъ лошадей, билъ въ лицо всадниковъ... Переходъ становился мучительнымъ, люди и лошади изнемогали... Градъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, перешелъ въ страшный ливень, превратившій долины и ущелья въ непроходимыя озера и рѣки... Вода неслась съ шумомъ и ропотомъ и влекла за собой все, что попадалось на пути.

Дальнѣйшее движеніе становилось невозможнымъ и небезопаснымъ.

Попалась деревушка, полуразрушенная фанзы которой притаились за уклономъ возвышенности, и генералъ съ штабомъ кое-какъ размѣстились въ развалинахъ китайскихъ жилищъ, остановивъ отрядъ. Размѣстились въ тѣснотѣ, сырости и грязи. Но «на войнѣ какъ на войнѣ», говорятъ французы. Тутъ ничего не подѣлаешь, и всѣ сюрпризы стихійныхъ силъ природы приходится переносить одинаково, какъ солдату, такъ и главнокомандующему...

Къ полуночи гроза прекратилась, небо очисти-

лось отъ грозныхъ тучъ. Сквозь разорвавшіяся облака заблестѣли звѣзды и безучастно холодно взирали на происходившій на землѣ кровавый поединокъ.

Около часу ночи получилось извѣстіе о выяснившемся обходѣ лѣваго фланга сосѣдней долиной. Непріятель былъ близокъ. Дремать не приходилось.

Полкъ всталъ и вмигъ двинулся къ обходу, гдѣ, спѣшившись, занялъ позицію на высотахъ въ ожиданіи противника.

Стало холодно. Намокшую почву сковывалъ морозъ, достигшій къ утру пяти градусовъ по Реомюру. Это, повидимому, дало возможность непріятелю не прекращать наступленія, и онъ, противъ обыкновенія, напиралъ не останавливаясь. Онъ уже былъ близокъ, и снова затрещали ружейные выстрѣлы и грохнули орудія.

Бой возобновился. Но конные полки Самсона постепенно отодвигались къ Кантулинскому перевалу, гдѣ были расположены стрѣлковыя позиціи и горнья батареи, усиленныя еще шестнадцатью полевыми орудіями.

Наступило утро,—ясное, свѣжее, морозное. Все было покрыто инеемъ, дороги обмерзли. Жаркая битва разгоралась у перевала; пришедшую конницу, спѣшивъ, перебросили въ сосѣднюю долину и разсыпали по горнымъ кряжамъ. Такимъ образомъ, образовался тупой уголъ, въ который вливался напирающій противникъ. Это сраженіе и замѣчательно тѣмъ, что конница дралась наравнѣ съ пѣхотой. Бой длился двое сутокъ. Японцы увидѣли, что одолѣть насть имъ не въ мочь, и они остановились.

Въ этихъ горныхъ массивахъ расположились два доблестныхъ храбрыхъ противника почти другъ противъ друга. На этихъ укрѣпленныхъ всевозможного типа и вида окопами высотахъ

долго стояли они лицомъ къ лицу. Близость одного окопа къ другому достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до трехъ шаговъ. Слышны разговоры, команды сосѣдей и перебранка. Иногда наши стрѣлки безъ оружія сходятся съ непріятельскими, разговариваютъ, разумѣется больше мимикой, похлопываютъ другъ друга по плечу; покуривъ, мирно расходятся. Въ одной деревнѣ имѣется хаинный заводъ, куда сходятся за покупкой хмельной браги, необходимой при сырой и холодной обстановкѣ. Встрѣчи всегда дружественны, съ рукопожатіями и обмѣномъ папиросами. Одинъ разъ у единственного колодца, откуда черпали воду и наши и японскіе солдаты, произошла драка между враждующими сторонами,—драка въ рукоиашную, но это былъ «исключительный» случай. Повидимому, попались особо здоровые и драчливые японцы и за это жестоко поплатились. Считаю не лишнимъ добавить, что дрались «кулаками» и перевѣсь, конечно, оказался на нашей сторонѣ. Подѣломъ. Не задирай!

Одна изъ атакъ „Путиловской сопки“.

17-го октября 1904 г.

Бой въ центрѣ разгорѣлся съ разсвѣтомъ. Капонада шла безъ перерыва, безъ передышки. Грохотъ орудій громовыми раскатами разносился по долинамъ, ущельямъ и горамъ. Залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Позади и впереди нашихъ позицій врывались глубоко въ землю бризантные снаряды. Іные лопались съ тѣмъ характернымъ звукомъ, который заставляетъ васъ предполагать, что въ одинъ моментъ лопнули тысячи стеколь. Сначала поднимается громадный столбъ дыма, густой, черный... Бѣда очутиться вблизи него: зловоніе мо-

жетъ задушить васъ... Артиллеристы говорять, что это специфической запахъ лиддита.

Самый слабый запахъ этого газа вызываетъ спазмы въ горлѣ.

Таковъ бризантный снарядъ, называемый еще фугаснымъ.

Странно, что непріятель питаетъ особое пристрастіе къ снаряду шимозе, хотя его боевые качества, разумѣется, съ точки зрѣнія военной, не особенно высоки: радиусъ разрыва невеликъ, пораненія осколками, хотя и опасны, болѣзненны, зато количество пораненій незначительно. Шрапнель много опаснѣе, особенно при удачной группировкѣ огня и стрѣльбѣ по площадямъ *).

По общему отзыву, боевые качества нашей артиллеріи много выше японской. Самый снарядъ нашъ отличается отъ японского и называется «унитарнымъ»; примѣненіемъ его достигается большая скорость въ стрѣльбѣ; непріятельской же—составной, при его употребленіи теряется время на соединеніе «снаряда» съ «зарядомъ». Еслибы японцы не пользовались услугами китайцевъ, подающихъ не только сигналы во время боя, но и снаряды, дѣйствія японской артиллеріи свелись бы къ весьма незначительнымъ результатамъ и наши батареи всегда «заклевали-бы» непріятельскія, такъ по крайней мѣрѣ намъ казалось.

Но вернемся къ битвѣ центра нашего боевого расположения. Рѣчь идетъ о сраженіи съ 3-го на 4-е октября изъ-за обладанія такъ называемой «безыменной» сопкой, или иначе,—сопкой съ однимъ деревомъ, окрещеній послѣ удачного штурма «Путиловской сопкой».

*) Мы, впрочемъ, въ концѣ концовъ поняли важность фугасныхъ снарядовъ. Своими разрывами они даютъ возможность опредѣлить паденіе снаряда, чѣмъ достигается вѣроятная пристрѣлка. Наша артиллериya крайне нуждается въ такихъ снарядахъ.

Вся тяжесть сражения выпала на долю Нейшлотского полка. Роты его упорно и ожесточенно дрались, неся большую потерю.

Ряды уже не просто «сърыхъ героевъ», а львовъ, неустранныхъ, идущихъ впередъ, не обращая внимания на дождь шрапнелей и бризантныхъ чудовищъ, ряды «чудо-богатырей» приближались къ цѣли, не считая убыли товарищей, упорно стремясь лишь впередъ.

Имъ выслали на помощь 36-й восточно-сибирский стрѣлковый полкъ съ приказаниемъ обойти сопку съ праваго фланга и сбить упорствующаго врага во что-бы то ни стало.

Въ 3 часа утра полкъ выступилъ въ походной колоннѣ побатальонно со знаменемъ.

Батальоны двигались по долинѣ, еще недавно покрытой гаоляномъ, чумизой и бобами, а теперь освобожденной отъ растительности.

Вонъ, тамъ, на югѣ-западѣ, полуразрушенная снарядами опустѣвшая деревушка. Полкъ взялъ направление на деревню, хотя это казалось безцѣльнымъ: ни впереди, ни сзади, ни съ боковъ незамѣтно было признаковъ боевой жизни.

Прошелепавъ по черной липкой грязи версты двѣ, полкъ неожиданно развернулся въ боевой порядокъ, разведя свои батальоны «по-ротно», и круто перемѣнилъ направление.

Долину перерѣзывали два-три оврага. Цѣпи стрѣлковъ перебросились черезъ нихъ, перешли вбродъ рѣчку, огибавшую деревню, и вмѣстѣ съ резервомъ скрылись за высокими стѣнами фанзъ.

Противникъ замѣтилъ движение полка, или, вѣрнѣе, ему дали знать китайцы-сигнальщики, и опять открылъ бѣшеный огонь по нашимъ цѣлямъ.

Полкъ остановили. Ему дали оправиться и разрышили снять и оставить въ деревнѣ всѣ лиш-

нія тяжести, венцевые мѣшки, сахарные запасы, словомъ все, что затрудняло движение.

Подъ шрапнельнымъ огнемъ вышли изъ деревушки, перешли вновь рѣчку вбродъ и взяли направление на слѣдующее селеніе, лежащее всего въ 200—250 саж.

Приблизившись безъ потерь къ этому пункту, командующий полкомъ подполковникъ Быковъ остановилъ батальоны.

— Братцы! — громко произнесъ подполковникъ Быковъ, — впереди слава, позади по зорь! Перекреститесь и съ Богомъ впередъ, за славой!

И поднялись заскорузлые, мозолистыя руки; всѣ головы обнажились, солдаты сотворили крестное знаменіе, каждый про себя помолился.

— Полкъ, впередъ! — раздалась команда.

Словно на парадѣ двинулись цѣпи стрѣлковъ. Наблюдая со стороны, казалось, что въ красно-сельскомъ лагерѣ производится образцовое ученье. Цѣпи, пользуясь «складками» мѣстности, отдѣльными деревцами, оставленными снопами гаоляна, перебѣгали раздѣлявшее ихъ съ непріятелемъ пространство.

Широкимъ фронтомъ перекатывались онѣ съ мѣста на мѣсто и понемногу охватывали юго-восточный скатъ сопки съ однимъ деревомъ.

Саженяхъ въ десяти отъ подножья сопки текеть рѣчка. Передъ нею — овраги, поросшіе колючимъ кустарникомъ, за оврагомъ волчьи ямы, очевидно служившія непріятельскимъ секретомъ и дозоромъ. Цѣпи стрѣлковъ быстрой волной перекатились черезъ всѣ естественные и искусственные препятствія.

Лишь когда цѣпи перешли рѣчку, непріятель замѣтилъ и понялъ цѣль нашего маневра.

На сопкѣ поднялась суматоха. Было слишкомъ

близко отъ непріятеля, чтобы не видѣть происходившаго въ его рядахъ смятенія. Вотъ рожокъ японскаго горниста сыгралъ, сбиваясь съ такта, «русскій отбой», суета увеличилась, солдаты въ черныхъ шинеляхъ бѣгали взадъ и впередъ; наконецъ ихъ удалось повернуть фронтомъ къ наступавшимъ цѣпямъ нашихъ, и они открыли безшабашный ружейный огонь, почти не причинявший намъ вреда.

Сибирскимъ стрѣлкамъ приказано было безъ крика, молча ударить въ атаку. Но, воодушевленные своимъ командиромъ, чудо-богатыри не выдержали и неудержимой волной при могучихъ раскатахъ «ура» бросились на сопку къ окопамъ, не давая врагу притти въ себя. Произошла жестокая штыковая схватка. Сѣрые герои, мокшие подъ дождемъ, переносившие ночную стужу безъ костровъ, изголодавшіеся и озлобленные чудо-богатыри не знали пощады, кололи и рубили направо и налево. Вмѣстѣ съ солдатами рубились офицеры. Солдаты перебѣгали изъ окопа въ окопъ и всюду настигали растерявшагося врага. Многіе залѣзли въ блиндажи и попрятались, некоторые бросались въ рвы и притворялись мертвыми, однако, стрѣляли по нашимъ, лишь послѣдніе проходили мимо лежачаго врага, не тронувъ его.

Разумѣется, это еще больше озлобляло стрѣлковъ и они рубили, не зная пощады, находя коварного врага въ блиндированныхъ углубленіяхъ, вездѣ, всюду.

Вотъ рота японцевъ успѣла сбѣжать съ сопки. У ней хватило мужества выстроиться и открыть беспорядочный огонь по покинутой возвышенности, но не надолго. Давъ два-три беспорядочныхъ залпа, она кинулась къ деревнѣ. Но тамъ ее встрѣтили нейшлотцы и пластины 36-го во-

сточно-сибирского стрѣлковаго полка, и вся рота японцевъ легла костьми.

Капитанъ Гржибовскій вель 2-ї баталіонъ въ обходъ сопки съ лѣвой стороны. Онъ натолкнулся на непріятельскій резервъ и разогналъ его штыками. Храбрый капитанъ при штыковомъ ударѣ самъ получилъ три раны: двѣ штыкомъ—зъ ухо и голову и третью пулей—въ грудь на вылетъ.

Разсѣянный резервъ непріятеля пытался окружить сопку и открыть по ней огонь, крича нашимъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ: «не стрѣляй, свои!» Но мы уже привыкли къ японскимъ боевымъ выходкамъ, и зловредный врагъ получилъ возмездіе по заслугамъ.

Бой кончился. По склонамъ сопки, по окопамъ, блиндажамъ валялись груды труповъ. Около рѣчки и за нею впереди лежали въ различныхъ позахъ раненые и тихо стонали.

Началась перевязка... Боевой пылъ стихъ... Звѣрскіе инстинкты улеглись и имъ на смѣну выступило, свойственное русскому, великодушіе и добросердечіе.

Наравнѣ съ нашими перевязывали и раненыхъ японцевъ.

Едва-ли я впаду въ преувеличеніе, если скажу, что врагу, распостертому у ногъ побѣдителя, оказывали преимущество, и нерѣдко раненому врагу подавалась помощь скорѣе, чѣмъ своему.

Вотъ удивительная картинка послѣ боя: нѣсколько раненыхъ японцевъ окружены нашими чудо-богатырями; они успокоились, пришли въ себя и уже являются закоптѣлыми въ пороховомъ дыму «сѣрыми героями».

Одинъ изъ нихъ ласково хлопаетъ по плечу японскаго капрала и суетъ ему «цигарку».

— Ну, ну, не бойся, теперь не трону, — успокаиваетъ онъ врага, котораго за полчаса тому назадъ безпощадно кололъ штыкомъ.

Другой суетъ раненому сухарь, предварительно размочивъ его въ водѣ и посоливъ. Оба грызутъ мокрый сухарь, ласково и довѣрчиво смотря другъ другу въ глаза и улыбаясь.

Вотъ наши потери: подпоручикъ Кошелевъ, командовавшій первымъ батальономъ, раненъ и остался до конца боя въ строю, за невозможностью оставить часть безъ офицера; подпоручикъ 3-го батальона Каминскій, раненый,—также остался въ строю; командиръ роты Волобуевъ раненъ тяжело въ пахъ и правую руку съ поврежденіемъ кости; командиръ роты прапорщикъ (изъ запаса) раненъ въ ногу; къ сожалѣнію, никто не могъ сообщить мнѣ его фамилію; командиръ 6-й роты капитанъ Лундъ раненъ въ обѣ ноги; 7-й роты капитанъ Душкевичъ раненъ въ лопатку на вылетъ; командиръ 9-й роты Ранневъ — также въ лопатку на вылетъ; командиръ 11-й роты шт.-кап. Яковлевъ раненъ шрапнельнымъ осколкомъ въ правую руку и контуженъ въ голову.

Орудія были забраны Нейшлотскимъ и 19-мъ восточно-сибирскимъ стрѣлковыми полками.

Въ числѣ трофеевъ, кромѣ горныхъ орудій и пулеметовъ,—плѣнные, палатки, амуниція, одежда, патроны съ ружьями и снаряды.

О х о т н и к и.

18 октября 1904 г.

Съ манджурской осенью что-то приключилось. Мѣстные метеорологи сулили намъ дивные осеніе дни въ теченіе сентября и октября. Въ дѣйствительности половина сентября погода «мокропогодилась», нерѣдко дождь лилъ по 30—40 ча-

совъ безъ передышки, а октябрь стоитъ такой холодный, какого я не помню въ Петербургѣ.

Холодно въ Харбинѣ, говорять: «за то на югѣ (здѣсь югомъ считается отъ Мукдена) тепло», однако въ Мукденѣ и за нимъ, далѣе, стоять не привычные для мѣстныхъ жителей холодные и сырье дни съ туманными утренниками.

Такая погода стояла 30-го сентября. Небо временами плакало, и его слезы считали «настрѣлянными».

Тѣмъ не менѣе ходъ событий не остановился. Грохотъ орудій смолкалъ передъ вечеромъ на 30—40 минутъ, и канонада возобновлялась съ большей силой. На позиціяхъ о снѣ ночью нечего было и думать, но и въ 15—18 верстахъ въ Мукденѣ грохотъ орудій заставлялъ учащенно биться ваше сердце, и вы невольно бодрствовали, съ тревогой прислушиваясь къ непрерывной пальбѣ.

Когда подпоручикъ Рутковскій съ своими командами охотниковъ и пластуновъ присоединился къ биваку авангарда, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ полковника Леша, первому отдано было приказаніе войти въ связь съ третьимъ корпусомъ, которому предстояло занять выжидательное положеніе.

Полковнику Лешу требовалось держаться ночь и день первого октября на занятыхъ позиціяхъ и «превратиться» нѣкоторымъ образомъ въ аріергардъ, пока наши войска не произведутъ необходимыхъ передвиженій. Такъ, отряду полковника Леша предстояло смынить третью дивизію, девятой дивизіи слѣдовало отодвинуться въ корпусный резервъ для приведенія себя въ порядокъ послѣ тяжкихъ боевъ 26, 27, 28 и 29 сентября; на нее, между прочимъ, возлагалась обязанность по уборкѣ раненыхъ и доставкѣ ихъ въ мукденскіе госпитали и тѣ санитарные поѣзда, которые не имѣли возможности приблизиться

къ позиціямъ вслѣдствіе расположенія ихъ вдали отъ линіи желѣзной дороги.

Такимъ образомъ, авангардъ или теперь арьергардъ полковника Леша остановился лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ холодный осенний вечеръ 30 сентября.

Дождь, сырость, слякоть, грязь и вѣтеръ, холодный, пронизывающій... Казалось, природа вооружилась противъ нашихъ сѣрыхъ героевъ, святыхъ русскихъ молчальниковъ, какъ ихъ называетъ генералъ Драгоміровъ.

Въ такую погоду полковникъ Лешъ ожидалъ столкновенія съ «насѣдавшимъ» непріятелемъ.

Ночь темная, студеная протекла спокойно.

Разводить костровъ не приказано.

Наступило, наконецъ, желанное утро. Сквозь бѣлесоватую полосу тумана легко было различить надвигающіяся цѣпи непріятеля. Онъ наступалъ, обычнымъ порядкомъ: рѣдкія цѣпи съ боковъ, стремящіяся охватить насъ во флангъ, и густая колонна въ лобъ...

Лешъ давно освоился съ тактикой японцевъ. У полковника все готово для встрѣчи непріятеля. Грохнула шрапнель и угодила въ центръ колонны. Произошло замѣшательство... Колоннѣ не дали оправиться и послали цѣлый рядъ шрапнелей, которыхъ буквально смели ее...

Въ то же время наши цѣпи изъ ложементовъ встрѣтили залпами цѣпи японцевъ. Но онѣ ползли впередъ... Однако до штыкового удара не дошло, и цѣпи были сметены до основанія...

Полковникъ Лешъ раскассировалъ непріятеля, да такъ, что весьма немногіе изъ нихъ вернулись обратно, къ своимъ главнымъ силамъ.

Продолживъ дѣйствія лѣваго фланга и центра, остается добавить еще нѣсколько словъ, относящихся къ первому и второму октября. Первое октября, какъ читатель видѣлъ, закончилось пол-

нымъ пораженіемъ насѣдавшихъ на нашъ арьергардъ японцевъ. Второго числа девятую дивизію продвинули къ деревнѣ Фыньдяпу на помощь 4-му сибирскому корпусу, который тѣснили японцы. Въ этотъ день нами взято было восемь пепріятельскихъ полевыхъ орудій и нѣсколько пулеметовъ.

Не могу обойти молчаніемъ одинъ изъ эпизодовъ съ 37-й пѣхотной дивизіей, хорошо знакомой жителямъ нашей сѣверной Пальмиры.

37 дивизія занимала позиціи рядомъ съ другой дивизіей, находившейся подъ командой генерала May. Въ сраженіи 30 сентября 37-я дивизія понесла тяжкія потери, геройски отражая напирающихъ на центръ огромныхъ силъ противника.

Генералъ May, по личнымъ соображеніямъ, перевелъ свою дивизію на другія позиціи, но это въ значительной мѣрѣ ухудшило положеніе 37-й дивизіи; открылись ея фланги и отступление крайне затруднялось.*)

Объ этомъ дано было знать генералу Мищенко, который спѣшилъ свою казачью бригаду и разсыпалъ ее въ цѣль вмѣстѣ съ находившимся въ его распоряженіи 4-мъ восточносибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ. Этотъ маневръ задержалъ противника и вывелъ изъ затруднительного положенія 37-ю дивизію Казачья бригада генерала Мищенко и стрѣлковый полкъ отошли не ранѣе, какъ подобравъ всѣхъ раненыхъ и предавъ землѣ убитыхъ на полѣ браніи воиновъ.

*) Къ сожалѣнію, приходится констатировать фактъ оставленія начальниками отдѣльныхъ частей ввѣренныхъ имъ позицій, чѣмъ немедленно пользовался непріятель и наносилъ намъ чувствителыя потери.

Э п и з о д ъ.

(Къ боямъ на Шахэ).

Пять часовъ вечера. Ласково грѣвшее осенне солнышко стало тускнѣть, яркій свѣтъ его вдругъ, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ причинъ, померкъ, и воздухъ тотчасъ остылъ. Подулъ сырой вѣтеръ. По небу поплыли тѣ облака, которыя въ Манджуріи имѣютъ особый характеръ и даже цвѣтъ—желтовато бурый. Мѣстные жители говорятъ, что это свирѣпый «тайфунъ» машетъ своими гигантскими крыльями. Въ эту пору года онъ всегда приноситъ стужу и дождь или градъ, падающій изъ облаковъ крупными жесткими крупинками, сильно ударяющими по открытому лицу случайнаго путника.

Китаецъ прячется въ свою убогую фанзу, накаляя канъ, плохо согрѣвающій студеное жилище, но и этого плохого убѣжища лишенъ нашъ «сѣрый» герой; онъ съ поразительной стойкостью мерзнетъ на своихъ позиціяхъ, и вы не услышите недовольного звука, а увидите его добро-душно-счастливое лицо, когда ему удастся развести костеръ. Онъ радостно подставляетъ окоченѣвшія руки къ пламени и испытываетъ наслажденіе истиннаго «философа», купаясь въ брызгахъ искръ.

Откуда у него берется это веселье, этотъ неистощимый запасъ юмора, чистаго, здороваго русскаго юмора?

Вотъ захудалый «сѣрый геройчикъ» съ впалыми щеками и впалой грудью, ежась отъ стужи,

насквозь пронизывающей «вѣтромъ подбитую» сѣрую шинель, тѣснится ближе къ желтому пламени костра.

— Помаленьку, землячокъ, — останавливаютъ его два сосѣда сразу,—сиправа и слѣва.—Аль смерзъ?.. Ничего, ничего... «Кикимора» какъ зачиетъ палить, сразу нагрѣеть, ажъ въ потъ вдаришь.

— Что ему «Кикимора», — возражаетъ другой солдатикъ, примостившійся у самаго костра.—Яво и такъ цыганскій потъ прошибаетъ... Ишь, дрожитъ сердечный.

Въ этотъ моментъ откуда то изъ тьмы вынырнула маленькая фигура въ черномъ пальто и фуражкѣ съ желтымъ околышемъ. Ноги его обуты въ туфли и длинные черные чулки, старательно забинтованные чѣмъ то въ родѣ шнура. Человѣчекъ подходитъ къ костру, кривляясь и прыгая съ ноги на ногу. Разгорѣвшееся пламя озаряетъ его желтое лицо, бросаетъ обликъ на коротенькой носикъ. Всѣ невольно оборачиваются къ нему, съ недоумѣniемъ оглядывая неизвестную фигуру въ то время, какъ послѣдний шмыгаетъ глазами, пугливо озираясь по сторонамъ.

— Земляки! — неистово вскрикиваетъ солдатикъ со впалой грудью.—Нешто японецъ!! Ей-Богу, я поша, самая что ни есть настоящая... Эй, ты, косоглазый, откуда те черти принесли?.. — ореть солдатъ во всю глотку...

Въ мигъ вокругъ явившагося японца образовывается группа людей. Всѣ его разсматриваютъ, щупаютъ черную франтоватую шинель, запускаютъ руку въ капюшонъ, торчащий за спину. Нѣкоторые выказываютъ намѣреніе «обревизировать» карманы японца.

— Не троны! — командуетъ взводный унтеръ, исправляющій должность фельдфебеля, убитаго въ

бою въ этотъ день. — Сидоренко, Ахромѣевъ, Киселевъ, въ ружье! Это плѣнныи... Кажется, самъ приволокъ себя къ намъ! Веди его въ штабъ.

Спустя минуту японца ведутъ троє рядовыхъ. Это оказался резервистъ гвардейской дивизіи. Онъ прибѣжалъ къ намъ и просится въ плѣнъ.

На вопросъ: «гдѣ ружье?» онъ отвѣчаетъ, что потерялъ его въ пути. Впрочемъ, утромъ винтовка добровольного плѣнника оказалась внизу подъ сопкой, сломанная. Это уже былъ не первый случай бѣгства къ намъ японцевъ. Въ отрядахъ генераловъ Мищенко и Самсонова нерѣдко являлись японскіе солдаты безъ ружей съ просьбами взять ихъ «въ плѣнъ». Инцидентъ съ появлениемъ плѣнного японца вскорѣ былъ исчерпанъ, людей разсыпали по окопамъ, гдѣ они въ промежуткахъ между канонадою могли и вздрогнуть.

На нѣсколько минутъ все погружается въ сонъ, однако, спустя полчаса, не болѣе, отчаянная канонада возобновляется, люди вскаиваютъ и слышится команда «полкъ въ ружье», «на коней» или «батарея въ передки». Пальба не прекращается до разсвѣта. Въ почной мглѣ яспо видны и огоньки лопающихся снарядовъ, слышишь трескъ и звонъ «бжикой» пули, но самъ противникъ обозначается рѣдко. Иногда видятъ, какъ онъ упорно идетъ въ атаку густой колонной, раздается команда «пальба ротами», послѣ чего грязнуть нѣсколько мѣткихъ залповъ, и видно, какъ въ японской колоннѣ происходитъ замѣшательство, продолжающееся нѣсколько минутъ. Колонна неудержимо стремится назадъ, офицеры суетятся, размахивають саблями, иногда стрѣляютъ въ упоръ и въ результатѣ все-таки бѣгутъ назадъ. Куда только дѣвался пресловутый фанатизмъ, о которомъ я, кстати сказать, собирался писать нѣсколько разъ. Въ японскій фанатизмъ я со-

вершенно не вѣрю. Не разъ приходилось мнѣ бесѣдоватъ съ начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія арміи, также утверждающаго, что японскій фанатизмъ слишкомъ «раздутъ». На допросѣ многіе откровенно сознаются, что они ждутъ не дождутся конца войны, чтобы приняться за домашнія работы, у всѣхъ дома остались жена, дѣти; также ожидающія съ нетерпѣніемъ конца войны.

Какъ-то зашелъ я въ вагонъ, гдѣ вмѣстѣ съ ранеными помѣщались плѣнныя японцы. Удовольствіе, что они вырвались изъ ада шрапнелей и ружейнаго огня, ярко отражается въ ихъ желтыхъ лицахъ, и весь фанатизмъ ихъ объясняется хорошимъ кадромъ офицеровъ, не стѣсняющихъ подгонять, а когда необходимо, и удерживать людей шашками и револьверными выстрѣлами.

Между плѣнными японцами, которыхъ я видѣлъ, двое изловлены вмѣстѣ съ хунхузами. Это изъ кадра японо-хунхузскихъ отрядовъ. Одинъ изъ японцевъ говоритъ по-русски. Онъ мнѣ рассказалъ, что китайцы всѣ на сторонѣ Японіи, что «шефы» хунхузовъ числятся въ спискахъ японскихъ офицеровъ.

— У васъ,—говорить японецъ,—вожди хунхузовъ служить не станутъ, не пожелають. Мы ихъ обеспечили и на время войны, и послѣ нея. Всѣ вожди переѣдутъ въ Японію, гдѣ имъ пожизненно будутъ платить пенсію и каждому дадутъ по четыре жены.

— Почему по четыре жены, а не по пяти?— спрашиваю я.

— Четыре! такое условіе,—отвѣчаетъ японецъ и задумывается.

Я ухожу изъ вагона подъ впечатлѣніемъ, что японскій фанатизмъ — легенда, вымыселъ. Храбрость объясняется желѣзной дисциплиной.

Передъ Путиловской сопкой.

14-го ноября 1904 г.

Послѣ выпавшаго въ послѣднихъ числахъ сентября дождя, къ первому октября погода прояснилась, и скользкая глинистая почва Маньжуріи пообсохла. Дороги вновь сдѣлались проходимыми. Только по небу то и дѣло выплывали облака, соединявшіяся въ грозовыя тучи, и заставляли измученныхъ героевъ съ щемящимъ сердцемъ всматриваться въ горизонтъ.

Было около трехъ часовъ дня, когда 3-му и 4-му батальонамъ Воронежскаго полка, расположеннымъ у деревни Сахепу, приказали покинуть свои окопы и передвинуться на востокъ, для занятія сопки по указанію командированаго лично главнокомандующимъ офицера генерального штаба.

Двигались быстро, чтобы до темноты размѣститься на новой позиціи.

Ночь протекла спокойно, хотя предположеніе, что сонъ въ окопахъ, передъ носомъ врага, можетъ быть спокойнымъ, будетъ нѣсколько рискованнымъ. Я видѣлъ, какъ спать на позиціяхъ, и, сознаюсь, тяжелый кошмаръ дома, пожалуй, дастъ больше отдыха усталому воину. Говорятъ, ко всему можно привыкнуть, и къ боевой обстановкѣ привыкаютъ, и даже на сторожевыхъ постахъ часовой забываетъ и засыпаетъ тяжелымъ непробуднымъ сномъ, но обѣ этомъ легко рассказывать, испытать же всѣ тяготы въ передовой линіи самому—совсѣмъ другое дѣло.

Забрезжило утро, и солнышко выглянуло изъ своего кроваво-красного ложа. Кое-гдѣ горѣло нѣсколько щепокъ, надъ которыми солдатъ приладилъ чайникъ и кипятилъ воду. По разнымъ направленіямъ двигались роты.

— Пятнадцатая рота, въ ружье! — раздалась громкая и отчетливая команда поручика Садовскаго.

Вмигъ рота воронежцевъ разобрала свои ружья и двинулась на гребень большой сопки съ кумирней. Съ противоположной стороны на опушкѣ деревни показалась непріятельская пѣхота съ конными разъездами на флангахъ.

— Шестнадцатая рота подъ командой подпоручика Шнеура въ цѣпь! — слышится приказание начальника боевого участка.

Рота съ быстротой молнии перебѣгаєтъ въ окопъ и открываетъ выдержаные залпы по наступающему противнику. Послѣдній, по привычкѣ, обдаётъ наши цѣпи «пачковымъ» огнемъ, но настолько беспорядочнымъ, что онъ не причиняетъ намъ чувствительныхъ потерь.

Если наблюдать картину боя со стороны, видишь перемѣны, какъ въ панорамѣ: непріятель изъ деревни скрывается въ несмѣтыхъ густыхъ заросляхъ гаоляна. Оттуда съ особымъ свистомъ, напоминающимъ пѣніе птички вылетаютъ пули. Наши роты имъ отвѣчаютъ, и въ то-же время, незамѣтно для врага, маневрируютъ другія части. Вотъ правый флангъ первого корпуса поровнялся съ лѣвымъ флангомъ 15 роты Воронежского полка, а послѣдняя усиленно обстрѣливаетъ залпами движущіяся въ гаолянѣ непріятельскія массы, которые въ свою очередь направили силу своего огня на дивизію первого корпуса.

Бой разгорается. Непріятель въ концѣ концовъ опрокинутъ, но получается неожиданное приказание отступить. 15-я рота воронежцевъ

отходить назадъ подъ прикрытиемъ 16-й роты того-же полка; отступаютъ съ видимымъ неудовольствиемъ.

Одинъ батальонъ за другимъ отходитъ на съ-веръ. Четвертый батальонъ занимаетъ еще свободную въ то время сопку съ однимъ деревомъ, но ему приказано спуститься въ лощину и стать въ резервъ, а его мѣсто немедленно занимаетъ третій батальонъ, который тотчасъ устраивается по ротно на отличныхъ, почти неприступныхъ позиціяхъ. Однако, недолго пришлось этому батальону пользоваться выгодами своего положенія. Вновь получается приказаніе командира 1-го корпуса отступить, и роты покидаютъ свои позиціи.

Въ полдень получается приказаніе отъ генерала-адъютанта Куропаткина немедленно занять покинутую сопку съ однимъ деревомъ.

Подполковникъ Энвальдъ вновь принимаетъ подъ свою команду 3-й и 4-й батальоны и безъ промедленія опять переходитъ въ наступленіе. Продвинувшись впередъ шаговъ на двѣсти, батальоны были осыпаны сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ фронта и обоихъ фланговъ. Появились потери ранеными и убитыми.

Храбрый командиръ 3-го батальона, капитанъ Ульяновъ, былъ раненъ пулей въ лопатку, но не пожелалъ оставить поля браны безъ руководителя. Фельдшеръ ему наскоро перевязалъ рану, и онъ догналъ батальонъ, который размѣстилъ на позиціи и дружными залпами четырехъ ротъ отвѣтилъ на беспорядочные выстрелы непріятеля.

Пятнадцатая рота во главѣ съ своимъ единственнымъ офицеромъ, поручикомъ Садовскимъ, бросилась въ обхватъ лѣваго фланга противника. Впереди, на скатѣ горы, лежала деревня Нангалинъ.

Ее и предстояло обогнуть, чтобы ударить непріятеля по наиболѣе чувствительному мѣсту. 12-я рота двинулась на помощь 15-й правѣ расположенія деревни.

Цѣни двухъ ротъ настойчиво двигались къ намѣченной цѣли, останавливаясь на нѣсколько минутъ, чтобы перевести духъ и послать японцу нѣсколько залповъ. Эти залпы удручающе действуютъ на непріятеля, и два три дружныхъ удара всегда заставляютъ его податься назадъ. Такъ было и въ описываемый бой. Врагъ не выдержалъ дружного натиска 3-го батальона воронежцевъ и бросился къ деревнѣ. Наши роты преслѣдовали его. Люди рвались впередъ и ихъ порывы трудно было сдерживать. Отдѣльные смѣльчаки выныряли изъ цѣпи, настигали японцевъ и били ихъ штыками. Трудно опредѣлить, кто кого перегонялъ въ 15-й ротѣ — нижніе чины своего ротнаго командира Садовскаго или послѣдний своихъ солдатъ.

Настигнутый японецъ напѣлился въ храбраго поручика, но, къ счастью, не попалъ и легъ подъ ударомъ шашки.

Врагъ выбить изъ деревни,бросивъ значительное количество труповъ, рису, оружія и боевыхъ припасовъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшее преслѣдованіе пришлось оставить: истощились патроны, а непріятельскими воспользоваться невозможно, такъ какъ калибръ японскихъ ружей не тотъ, что у насъ.

Кромѣ того, впереди расположенія 15-й роты показалась новая довольно густая непріятельская колонна. Остановка нашихъ цѣпей подействовала на противника, и послѣдній усилилъ противъ насъ огонь, очевидно подготовляя ударъ въ штыки.

Съ каждой минутой сильнѣе чувствовался у насъ недостатокъ въ патронахъ. Уже передовыя

роты подались назадъ и японецъ «напиралъ», чувствуя за собой перевѣсъ. Загудѣли надъ русскими цѣпями и орудійные снаряды, потери стали увеличиваться и дружно шедшіе въ атаку сѣрые герои отодвинулись назадъ къ первой позиціи. Въ это время, подъ густымъ огнемъ противника, прискакала патронная двуколка съ унт.-оф. Трошинскимъ. Послѣдній, не обращая вниманія на лопающіяся непріятельскія шрапнели и дождь пуль, спокойно разгрузилъ патронную двуколку и снова поскакалъ за патронами.

Позади показалась помошь какой то пѣхотной части, и люди снабженные боевыми припасами пріобрелись, вновь отвѣчая на пачечный огонь противника выдержаными залпами, но выдвинувшаяся поддержка не выдержала страшного непріятельского огня и подалась назадъ, чѣмъ обнажила лѣвый флангъ цѣпи. Потери еще усилились, пришлось по неволѣ отходить изъ сферы огня, патроны опять изсякли, а новые не приходили. Тѣмъ не менѣе отступленіе было медленное, въ порядкѣ, словно на ученьи, не взирая на разразившуюся грозу и сильнѣйший дождь, который размягчилъ дороги и затруднялъ движеніе.

Изъ сферы огня пришлось выводить цѣпи по размокшѣй глинистой почвѣ, подъ дождемъ и выстрѣлами.

Но воронежцы пообстрѣлялись и привыкли къ манджурскимъ сюрпризамъ.

Спокойно вышли они изъ сферы непріятельскихъ снарядовъ и остановились на отдыхъ, а также для подсчета убыли и приведенія себя въ надлежащей порядокъ.

Фельдфебеля и унтеръ офицеры выкрикивали фамилии: «Ивановъ! Чупруновъ! Никоновъ! Голяшкинъ! и т. д. Слышались отвѣты: «я!», а иногда на вызваниую фамилію отвѣчало... гробовое молчаніе. Это означало, что нижній чинъ выбылъ изъ

строя «раненымъ, убитымъ или безъ вѣсти пропавшимъ».

Въ то время, когда производилась повѣрка ротъ, къ батальонамъ подъѣхалъ извѣстный уже нашимъ читателямъ подполковникъ генерального штаба Линда, герой битвы у деревни Лизавенъ, награжденный за это дѣло золотымъ оружиемъ съ надписью «за храбрость».

Храбрый подполковникъ привезъ пріятное извѣстие о приближающихся подкрѣпленіяхъ пѣхотныхъ частей и артиллеріи и, кромѣ того, поручилъ подполковнику Энвальду принять начальство надъ боевымъ участкомъ.

Какъ сообщеніе о приближающейся помощи, такъ и самъ вѣстникъ были встрѣчены батальонами съ большимъ воодушевленіемъ.

Воронежцы хорошо были знакомы съ подполковникомъ Линда по прежнимъ боямъ.

Люди отдохнули, оправились. Подвезли патроны; ихъ быстро раздали по ротамъ, скомандовали «въ ружье!» И борцы снова двинулись впередъ, на встрѣчу смерти.

Батальоны двигались, не взирая на скользкую грязную почву, скоро шлепая намокшими сапогами по липкой глине, которая обволакивала ногу толстымъ слоемъ. Однако, въ полчаса достигли прежнихъ окоповъ на сопкѣ и деревушки Нангандзы, не понеся особыхъ потерь.

— Двѣ роты третьяго батальона и три роты четвертаго въ цѣль! — раздалась команда.—Остальные въ резервъ!

Молодцы быстрѣе молніи размѣстились въ окопахъ и открыли залповый огонь по непріятелю, спрятавшемуся на опушкѣ деревни. Залпы 15-й роты заставили храбрыхъ японцевъ закрыться въ свои окопы. Поручикъ Садовскій, не взирая на падавшій градъ непріятельскихъ пуль, стоя командовалъ своей ротой, намѣчая цѣли,

опредѣляя разстояніе и, главное, выдерживая огонь, стремясь, какъ принято выражаться среди военныхъ, увеличить «дѣйствительность».

Вотъ подошелъ къ поручику батальонный командиръ Энвальдъ.

— Поручикъ Садовскій, вы поберегли бы себя! — сказалъ ему заботливый начальникъ.

— Слушаю, господинъ полковникъ, — отвѣтаетъ поручикъ по привычкѣ къ строгому повиновенію, но словно спохватившись, говоритъ батальонному. — И вы не бережете себя!

Затѣмъ командуетъ:

— Рота! — Но не суждено было услышать ротъ любимаго слова команды энергичнаго молодого офицера «пли». «А!» замерло въ воздухѣ, и юный офицеръ всей тяжестью грохнулся на землю. Герой этотъ былъ тяжело раненъ въ бедро отвратительной мѣдной пулей...

У искалѣченного совсѣмъ еще юнаго ротнаго командира Садовскаго хватило силы крикнуть:

— Старшій унтеръ офицеръ Самойловъ, принять командованіе ротою! Братцы! Надѣюсь, будете по прежнему молодцами! Да благословитъ васъ Господь!..

Подошли носилки и ослабѣвшаго отъ потери крови поручика унесли. Его провожали двѣ сотни глазъ, на рѣсницахъ которыхъ нависли слезы... Солдаты любили своего молодого ротнаго, прекраснаго боевого начальника.

Меня всегда интересовалъ вопросъ, «кто обыкновенно является боевымъ, т.-е. храбрымъ и разумнымъ, начальникомъ въ бою», и я всегда получалъ слѣдующій отвѣтъ:

— Хорошій человѣкъ, сердечный, отзывчивый въ жизни всегда беззавѣтно храбръ въ бою и заботливъ о вѣренныхъ его командѣ людяхъ...

Приблизился Вильманстрайцкій полкъ, извѣстный нашимъ петербуржцамъ, какъ нерѣдко зани-

мавшій въ столицѣ караулы въ лѣтнее время, когда гвардія въ лагерѣ. Онъ занялъ свободные окопы и открылъ рѣдкіе, выдержаные залы. Въ это время полковникъ Линда прислалъ сообщеніе объ артиллеріи: она прибыла и заняла позицію; послѣ обстрѣла непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, рекомендовалось перейти въ атаку. Начальникъ участка боевой линіи подполковникъ Энвальдъ, сталъ наскоро писать записку подполковнику Линда, но мѣдная пуля попала ему въ ступню и вывела изъ строя еще одного храбраго и распорядительного начальника.

Команда участкомъ перешла къ одному изъ штабсъ-офицеровъ Вильманstrandского полка; къ сожалѣнію, въ рапортѣ не сказано, къ кому именно. Энвальда унесли... А вслѣдъ за нимъ еще пала жертва мѣлодой подпоручикъ Шнеуръ; за два дня до боя прибывшій изъ училища, и, не взирая на молодость и неопытность, велъ онъ свою роту въ бой, какъ старый опытный вояка и командовалъ своими солдатами съ спокойствіемъ, поражавшимъ бывалыхъ боевыхъ товарищѣй. Результатъ этого боя былъ подготовительный, завершившійся взятиемъ сопки съ однимъ деревомъ.

Н а ч е к у.

(Эпизодъ изъ боевой жизни заамурцевъ).

I.

Великолѣпное осенне утро Чистое лазоревое небо, на которомъ ильветъ еще кусочекъ луны, блѣдной и прозрачной, какъ тонкая папиросная бумага. Кругомъ ни облачка; съ сопки ясно обрисовывается дорога, прорѣзывающая рѣчку Желтая туча.

По сторонамъ ея еще торчить неснятый галянь съ покраснѣвшимъ стеблемъ.

Отчетливо вырисовываются деревни, въ ближайшихъ не трудно различить улицы, даже валики, рвы и ямы полевыхъ укрѣплений.

Вонъ по дорогѣ вытянулся незначительный иѣшій отрядъ, силою не болѣе 160 человѣкъ. Это охотничья команда пограничной стражи.

Она «выдвинута» впередъ,—точнѣе, она врѣзлась въ самое расположение непріятеля и ежеминутно можетъ попасть въ засаду японца.

Въ занятомъ имъ раіонѣ врагъ нашъ не церемонится, ничѣмъ не брезгаетъ и распоряжается, какъ въ завоеванной странѣ. Жителямъ онъ объявляетъ, что за малѣйшую помошь русскимъ, продажу провіанта, доставку свѣдѣній о непріятелѣ, послѣдуетъ жестокое мщеніе.

И дѣйствительно, японецъ мстить даже и въ томъ случаѣ, когда у него является только подозрѣніе на кого-либо изъ деревенскихъ жителей: подозрѣваемые тотчасъ арестовываются и предаются казни «безъ суда и расправы».

Чтобы заставить китайцевъ служить себѣ въ качествѣ шпіоновъ, японцы берутъ въ плѣнъ престарѣлого отца, мать или «бабушку» (бабушка — у китайцевъ означаетъ жену) и отпускаютъ ихъ на волю лишь по исполненіи сыномъ порученія, нерѣдко сопряженного съ опасностью для жизни.

Такимъ образомъ, разумѣется, не особенно трудно добывать дешевыхъ и даже даровыхъ развѣдчиковъ. Это, впрочемъ, старая исторія и читателямъ, вѣроятно, уже знакома.

Итакъ, возвращаюсь къ охотничьей командѣ. Ею предводительствуетъ молодой поручикъ Шелиховъ. Въ его распоряженіи еще два поручика — Лашкевичъ и Клярцевичъ, и одинъ подпоручикъ Рожанскій. Они движутся шагомъ, офицеры впе-

реди. Нѣсколько дозорныхъ углубились въ гаолянъ и исчезли въ его высокихъ заросляхъ.

— Ваше благородіе!—обращается фельдфебель изъ вольноопредѣляющихся Василій Тетерюковъ,—виденъ японскій часовой на сопкѣ.

Всѣ взоры устремились впередъ по ту сторону полей, нѣсколько лѣвѣе деревни Іохетай.

— Эхъ, — кряхтить правофланговый, бравый пограничникъ Трофимъ Семенюкъ.—Взгмуздать-бы его, япошку эфтаго.

— Молчи,—шопотомъ останавливаетъ рядового фельдфебель.

— Да,—задумчиво, про себя говоритъ поручикъ Шелиховъ:—очевидно, это японскій наблюдательный постъ.

— Взгмуздать-бы яво, ваше-бродь, — опять хрипомъ вырывается изъ груди охотника Семенюка, но на него тотчасъ накидывается фельдфебель.

— Тебѣ сказано молчать!—шопотомъ, но съ видимой яростью говоритъ онъ солдату, который уже успѣлъ съежиться, виновато понуривъ голову.

— Семенюкъ правъ, — замѣчаетъ начальникъ охотничьеї команды.—Часового срѣзать не мѣшаетъ.

— Такъ точно, ваше благородіе!—обрадовался Семенюкъ.

— А ты снимешь?

— Коли прикажете, сниму.

— Поручикъ Клярцевичъ! Вы съ двумя взводами, совмѣстно съ поручикомъ Лашкевичемъ, продвиньтесь по гаоляну съ правой стороны сопки. Старайтесь пройти сколько возможно скрытно. Двигайтесь къ Іохетаю черезъ деревню Таумопуза. Это дальше, но безопаснѣе. Поле сплошь покрыто гаоляномъ, чумизой. По чумизѣ людямъ пройти ползкомъ. Слышите, братцы? На брюхѣ

ползти! Змѣй извивайся, но чтобы вѣсъ непріятель до послѣдняго момента не примѣтилъ.

Два молоденькихъ поручика разсыпали каждый свой взводъ и поползли одинъ—въ высокомъ гаолянѣ, другой по чумизному полю, ползкомъ, почти «на брюхѣ», какъ училъ командиръ охотничьей команды.

Подпоручикъ Рожанскій, выпущенный изъ училища лишь полтора года назадъ, обнаруживаетъ нетерпѣніе и готовность наброситься на врага.

Повернули назадъ къ деревнѣ Схоберъ, откуда къ сопкѣ тянулись ровныя грядки галяноваго поля.

Въ деревнѣ Шелиховъ остановилъ старого китайца съ вопросомъ:

— Ипенъ (японцы) ю-мью?

— Ю, капитана! Іохетай—шибка многа ипенъ...

II старый китаецъ костлявой рукой указалъ по направленію къ деревнѣ Іохетай.

— Сколько ипенъ?—допытывается поручикъ.— Не бойся, говори, чена (деньги) дамъ.

— Чена мью,—спокойно отвѣтилъ стариkъ.— Путунда... Не надо чена... Ипенъ кантами!..—при этомъ онъ показалъ рукою на шею, показывая этимъ, что за разговоръ съ русскими японцы ему голову отрубятъ.

Поручикъ двинулъся впередъ, скрывшись въ высокихъ стебляхъ гаоляна, разсыпавъ по сторонамъ дозоры.

— Смотри, братцы, внимательно! Зря не стрѣляй!

Осторожно, шагъ за шагомъ, движется цѣль охотниковъ. Каждый думаетъ свою думку, но никому и въ голову не приходитъ мысль объ опасности, о витающей надъ головой жадной, ненасытной смерти.

Впереди, шаговъ на триста простиралась ровная площадь, увѣнчанная высокой сопкой съ

отлогими скатами. На вершинѣ ясно виденъ часовой, рядомъ съ нимъ стоитъ офицеръ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, въ черной курткѣ и красныхъ штанахъ, китаецъ въ синей курмѣ, нѣсколько поодаль — человѣкъ 12—15 кавалеристовъ. Китаецъ, несомнѣнно, шпіонъ, разговариваетъ съ офицеромъ, размахивая руками и всѣмъ корпусомъ. Онъ, повидимому, что-то доказываетъ японскому офицеру, чѣму, быть можетъ, послѣдний неохотно вѣритъ, судя по равнодушію, съ которымъ онъ выслушиваетъ своего развѣдчика, поминутно поглядывающаго на деревню и лежащей между послѣдней и сопкой гаолянъ.

Поручикъ быстро разсыпалъ цѣнь по самой опушкѣ поля и скомандовалъ залпъ, одинъ, другой и третій... Свалился часовой. Остальные сѣли на лошадей и поскакали, сломя голову, по направленію къ деревнѣ Іохетай.

По дорогѣ свалился пораженный пулей шпіонъ, упало нѣсколько лошадей, а нѣкоторыя поскакали безъ всадниковъ.

II.

Постъ снятъ. На склонахъ сопки лежали убитые, въ томъ числѣ китаецъ. Его обыскали и нашли въ его карманахъ нѣсколько набросковъ мѣстности съ китайскими надписями. На вершинѣ сопки вблизи убитаго часового валялся маленький серебряный комиасъ съ японскими гіероглифами, повидимому принадлежавший офицеру и оброненный имъ въ суматохѣ послѣдняго бѣгства. Валялись нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей. Одни вытянули свои мохнатыя ноги, на которыхъ былъ устремленъ кроткій недо-

умѣвающій взоръ, другія конвульсивно бились въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ.

Сопка была занята нашей охотничьей командой около двухъ часовъ. На ней оставили 14 человѣкъ для наблюденія, а остальные двинулись къ японской заставѣ у деревни Чантанъ.

Опять пошли со всѣми предосторожностями, пробираясь грядами гаоляна. Черезъ узкую извилистую рѣчку Тахэцоза, по каменистому дну которой кротко журчить прозрачная, какъ кристаллъ, вода, переправились въ бродъ, затѣмъ вытянулись по параллельнымъ тропкамъ къ деревнѣ Тауляпуза, вновь нырнули въ гущу гаоляна, осторожно подкрадываясь къ непріятельской заставѣ.

Движеніе по обработанной почвѣ крайне затруднительно: земля мягка и ноги въ ней увязаютъ; кромѣ того, неизвѣстный у насъ на родинѣ злакъ еще болѣе затрудняетъ движеніе. Шли медленно. День догоралъ. Уже было пять часовъ вечера, когда вдругъ изъ густыхъ и высокихъ зарослей раздались частые выстрѣлы... Очевидно, японцы устроили засаду въ гаолянѣ, потому что дозоры миновали мѣсто, откуда японцы открыли огонь.

Вмигъ часть команды была развернута и дала одинъ за другимъ три залпа по направленію стрѣлявшаго противника. Японцы сразу прекратили огонь. Все смолкло, и тишину нарушало шуршаніе стеблей гаоляна, колеблемыхъ разбушевавшимся вѣтромъ.

Зловѣщая тишина, когда и у храбрыхъ и обстрѣленныхъ воиновъ сердечко «екаетъ» отъ предстоящей неизвѣстности! Однако, наши молодцы хорошо освоились съ боевыми качествами своего противника. Сразу подбѣжала къ опушкѣ поля, куда вышла команда, пара дозорныхъ и сообщила, что японцы обходяты галяномъ справа и слѣва...

Стало темнѣть. Около деревни показалась пѣхота и кавалерія. Пришлось отойти, чтобы не быть окруженымъ. Вернулись къ оставленному на сопкѣ посту и сдѣлали маленькой привалъ, оказавшійся не лишнимъ послѣ почти безостановочнаго движенія съ 4 часовъ утра до сумерекъ.

— Заночуемъ здѣсь? — обратился Рожанскій къ начальнику охотничьей команды.

— Попробуй... — отвѣтилъ Шелиховъ.

— Ну, и попробую... — горячился юный офицеръ.

— И въ плѣнъ угодишь, — въ тонъ бросилъ ему Шелиховъ. — Господа, — обратился онъ къ остальнымъ товарищамъ, — намъ отсюда удалиться необходимо, но мы оставимъ японцамъ что-нибудь на память...

Всѣ недоумѣвающе взглянули на своего начальника.

— Вы удивлены? Эхъ, вояки! Понимаете, ночью японцы придутъ къ намъ въ гости... Нѣтъ, пожалуй, часа черезъ три они окружатъ сопку. Если мы уйдемъ, не оставивъ слѣда, они займутъ сопку. Сдѣлаемъ чучела, разставимъ ихъ; японцы нагрянутъ, начнутъ палить, пострѣляютъ и въ штыки на болванки полѣзутъ... Ну, а мы издали, вонъ, хотя бы съ той мѣстности, лежащей по ту сторону рѣчки, и станемъ наблюдать...

— Отлично! Превосходно! — подхватилъ Рожанскій. — Ай да молодчина! Вотъ штуку придумалъ! Ловко, ей-Богу, ловко!

Въ полчаса уладили нѣсколько болванокъ, разставили ихъ на сопку, разложили между ними пару костровъ, зажгли ихъ и отошли уже подъ покровомъ ночи къ деревнѣ Чантапъ, гдѣ и стали на ночлегъ, однако не забывъ о «предпріятіи» съ покинутой сопкой.

Предположенія оправдались. Около 11-ти часовъ японская застава окружила брошенную на-

шими охотниками сопку и подняла пальбу. Пострелявъ съ полчаса и не получая отвѣта, они осторожно стали подбираться къ вершинѣ. Можно себѣ представить разочарованіе враговъ, когда они на сопкѣ нашли, вмѣсто людей, болванчики и догорающіе костры?! На разсвѣтѣ нашъ часовой видѣлъ, какъ они съ злобой швыряли внизъ разставленныя чучела.

Часамъ къ восьми утра они въ количествѣ полуэскадрона подскакали на своихъ австралійскихъ коняхъ къ деревнѣ Чантанъ, очевидно, не подозрѣвая въ ней присутствія русскихъ, но данные по нимъ залпы заставили ихъ повернуть и, сломя голову, направиться на югъ.

Тѣмъ не менѣе, мысль окружить нашу охотничью команду, безпардонно разгуливавшую въ районѣ непріятельского расположенія, не покидала японцевъ. Шнырявшіе повсюду наши дозорные донесли, что противъ охотниковъ движется пѣхота съ кавалеріей. Развѣдка была произведена, свѣдѣнія о противнике собраны; осталось убраться по-добру, по-здравому. Но справа, на горизонтѣ, уже вырисовывались черныя линіи непріятельской пѣхоты, а слѣва дробной рысью двигался по крайней мѣрѣ одинъ эскадронъ кавалеріи. Назадъ уходить, къ деревнѣ Ашнюръ, было рискованно. Китайскій бой, служившій ранѣе у капитана Гоганидзе (офицеръ изъ отряда полковника Мадритова), донесъ, что въ этой деревнѣ находятся 800 хунхузовъ изъ шайки атамановъ Тулиссана и Фуленгоо. Этими разбойниками предводительствуютъ два японскихъ офицера; стало быть оставался одинъ путь отступленія: дерзко, отважно пойти впередъ и перенравиться черезъ рѣку Тахе-цоза, такъ сказать, подъ самымъ носомъ непріятеля.

Охотники двинулись вдоль рѣчки по гаоляну

и переиправились на другой, командуюцій, берегъ ранѣе, чѣмъ японцы ихъ настигли.

Такимъ образомъ, храбрые до дерзости, охотники пограничной стражи увернулись отъ обхода непріятеля, не понеся никакихъ потерь, порядочно подурачивъ противника и лишивъ его нѣсколькихъ десятковъ цѣнныхъ австралійскихъ коней и людей.

III.

Охотничыи команды на войнѣ дѣлаютъ мало-замѣтное, но чрезвычайно важное дѣло. Работа ихъ трудная, полна опасностей и неожиданностей. Необходимо каждую минуту быть «на чеку». упорно преслѣдовать свою цѣль, не забывая и мудрой осторожности.

Возвращаюсь къ дѣйствіямъ охотничьей команды поручика Шелихова съ его славными подвижниками: Клярцевичемъ, Рожанскимъ и Лашкевичемъ. Закончивъ развѣдку, они отошли къ нашимъ заставамъ, гдѣ выждали подкрѣпленія, чтобы продолжать свои «операциі».

Команду усилили пѣшимъ взводомъ и 25 конными пограничниками-заамурцами подъ начальствомъ поручика Попова; предстояла серьезная рекогносцировка деревни Каляма, гдѣ, по свѣдѣніямъ не всегда заслуживающимъ довѣрія шпіоновъ, предполагалось присутствіе значительной части японской пѣхоты, неизвѣстнаго количества кавалеріи при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ, а, главное, до 800 хунхузовъ подъ командой уже знакомыхъ нашимъ читателямъ манжурскихъ фрадіаволо—Тулиссана и Фуленгоо.

Здѣсь кстати будетъ дать объясненіе слова хунъ-хузъ, которое мнѣ сообщилъ драгомантъ-китаецъ. Хунъ—означаетъ борода, хуза—рыжий.

Разбойничій «промыселъ» въ Китаѣ существуетъ тысячелѣтія; быть можетъ, исторія его такъ же стара, какъ и сама Поднебесная имперія. Въ стародавнія времена разбойники этой страны, отправляясь на грабежъ, одѣвали рыхлія бороды и жители, завидѣвъ замаскированныхъ грабителей, въ паническомъ страхѣ кричали «хунъ-хуза! хунъ-хуза!..

Итакъ, поручикъ Шелиховъ, получивъ подкрепленіе, приближается къ деревнѣ Каляма въ 4 часа 30 минутъ утра, когда еще было совершенно темно. Деревня оказалась хорошо укрѣпленной окопами и заставами съ трехъ сторонъ. Правый флангъ прикрывался сплошными грядами высокаго гаоляна. У опушки деревни торчали маленькия горныя орудія.

Охотники разсыпались полукругомъ шагахъ въ 300 отъ непріятеля и открыли огонь залпами. Имъ тотчасъ отвѣтили японскіе стрѣлки и даже горныя пушки, но цѣль была недостаточно ясна, и вражескій огонь не причинялъ нашимъ ни малѣйшаго вреда. Орудійные снаряды перелетали и разрывались далеко позади охотниковъ, а ружейныя пули не особенно беспокоили.

Перестрѣлка продолжалась до самаго утра, когда огонь вдругъ измѣнился: привычное ухо охотника уловило новый звукъ выстрѣла и другой «напѣвъ». Это, очевидно, стрѣляли хунхузы изъ четырехлинейнаго ружья, которымъ японцы вооружили наемныхъ грабителей.

Съ развитіемъ боя обнаружилось обычное стремленіе противника «охватить» фланги. Предусмотрительный начальникъ охотничьей команды «загнуулъ» свой лѣвый флангъ взводомъ подъ командой Рожанского, а для наблюденія за правымъ флангомъ выслалъ конныхъ всадниковъ. Стрѣльба усиливалась съ каждой минутой; ясно стало, что непріятель по крайней мѣрѣ вдесятеро

сильнѣе маленькаго рекогносцировочнаго отряда, но отступать было рано. Требовалась упорная выдержка до полнаго обнаруженія силь непріятеля.

Но лѣвый флангъ стала сдавливать наниравшая японская пѣхота, и пришло извѣстіе, что справа движется эскадронъ кавалеріи, часть коего уже переправляется въ бродъ черезъ рѣку Ляохе.

Съ фронта высыпали хунхузы и, беспорядочно стрѣляя, понемногу, не совсѣмъ смѣло, повели наступленіе.

Задача была исполнена. Силы непріятеля, расположенные въ этой деревнѣ, вблизи Ляохе, вполнѣ выяснились и явилось возможнымъ закончить развѣдку.

Взводы, прикрывая одинъ другого, начали отступать. Обходъ японского эскадрона парализовали двадцать пять всадниковъ Заамурскаго округа пограничной стражи: они спѣшились почти передъ носомъ переправляющихся въ бродъ непріятельскихъ кавалеристовъ и открыли по нимъ залпы. Мѣткость ихъ тотчасъ опредѣлилась: видны были австралійскіе кони безъ всадниковъ. Въ то же время и отступающіе взводы такъ мѣтко стрѣляли, что привели непріятельскую артиллерию къ полному молчанію, очевидно, выбивъ орудійную прислугу.

Такимъ образомъ, небольшая охотничья команда съ нѣсколькими доблестными молодыми офицерами, нерѣдко выдерживаетъ бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ. Будучи сдавлены съ трехъ сторонъ, они ушли, понеся ничтожныя потери: одного убитаго нижняго чина и нѣсколько раненыхъ. Раненый поручикъ Клярцевичъ, а также фельдфебель Савватій Гамелинъ и унтеръ-офицеръ Дмитрій Хмелевскій не остались строя до возвращенія на бивакъ ляо-хинскаго отряда.

Э п и з о д ъ.

23 ноября 1904 г.

Полдень. Новочеркасскій полкъ вмѣстѣ съ первой батареей 43-й артиллерійской бригады стоялъ бивакомъ у деревни Тунсанхо.

Всѣ чувствовали первое напряженіе, какое испытываютъ обыкновенно при ожиданіи неизвѣстнаго будущаго.

Шестой день шло общее наступленіе. Кругомъ не смолкала орудійная пальба, и наши новочеркасцы ждали съ минуты на минуту приказа о выступленіи, чтобы стать грудь съ грудью съ лихимъ врагомъ Руси.

Около полудня прискакалъ ординарецъ и привезъ приказаніе о немедленномъ выступленіи на позицію у Двурогой сонки съ кумирней.

— Полкъ въ ружье! Въ ружье! Въ ружье! — послышалось съ разныхъ сторонъ. Словно по мановенію волшебного жезла, опустѣлъ бивакъ, и полкъ въ колоннѣ, «поротно», вытянулся по дорогѣ, ведущей на югъ къ деревнѣ Тхая-Тунна.

Въ интервалѣ между третьимъ и четвертымъ батальономъ двигалась первая батарея 43-й артиллерійской бригады.

Шли со всѣми предосторожностями. Вскорѣ полкъ перестроился въ боевой порядокъ.

Батальоны развели «по-ротно въ двѣ линіи», а батарея съ прикрытиемъ изъ одной роты Новочеркасского полка, незамѣтно для подстерегающаго врага, укрываясь оврагомъ, приблизилась къ намѣченной позиціи, западнѣе Двурогой сонки и немногого южнѣе китайской деревушки Тапу.

Передки и ящики оставили въ оврагъ вблизи деревни Тхая-Гуна.

Батарея заняла позицію на отрогѣ, направивъ черныя жерла своихъ орудій противъ непріятеля, занимавшаго въ 1,200 шагахъ лѣсистую сопку; въ верстѣ южнѣ Двурогой сопки расположилась японская шести-орудійная батарея.

Наши новочеркасцы, разсыпавъ цѣни, двинулись изъ оврага впередъ, а непріятель открылъ ружейный и орудійный огонь, направивъ его главнымъ образомъ по сопкѣ, нащупывая позицію батареи. Рой пуль, двухлинейныхъ и мѣдныхъ, полетѣлъ въ разныя направленія. Заныли шрапнели, загудѣла бризантка.

То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ раздавался трескъ лопающихся снарядовъ, поднимая столбы пыли, разбрасывая груды камней.

Но Богъ хранилъ батарею, и всѣ страсти непріятельского огня не причиняли ей ни малѣйшаго вреда.

Вражескія шесть орудій, по усвоенной японцами тактикѣ, стояли за великколѣпными прикрытиями, замаскированныя деревьями и кустарникомъ, и лишь молниеносныя вспышки выстрѣловъ указывали на ея мѣстоположеніе.

Батарейный командиръ высмотрѣлъ позицію непріятельскихъ орудій съ вершины Двурогой сопки и, опредѣливъ «угломѣръ» и «уровень», далъ залпъ изъ восьми орудій, послѣ чего пошелъ, такъ называемый, бѣглый огонь. Въ нѣсколько минутъ непріятельская батарея стала слабѣть и вскорѣ совершенно замолкла, «заклеванная» нашими снарядами. Иногда японцы пытались дать по нашей позиціи одинъ—два выстрѣла, но зорко слѣдившій за врагомъ батарейный командръ, едва замѣчалъ вспышки непріятельскихъ орудій, обрушивался на нихъ бѣглымъ огнемъ.

батареи, и пришибленный врагъ прекращалъ со-
стязаніе.

Бой постепенно замиралъ. Наступили сумерки, а вслѣдъ за ними послѣдовала темнота южнаго осенняго вечера.

О приготовленіи ужина никто и не помышлялъ. Въ боевой линіи, въ виду противника, разводить огней не полагается и на позиціи царствуетъ полная тишина, изрѣдка нарушенная тихо переданнымъ приказаніемъ. Часовъ около девяти батареѣ приказано перемѣнить позицію, выдвинуться впередъ на открытое мѣсто западнѣе Двурогой сопки.

Задвигались, какъ тѣни въ Дантовомъ «Аду», поднялась суматоха: орудія, чтобы не произвести шума и не привлечь вниманія враговъ, перекатывали на рукахъ, оставивъ коней и передки въ оврагѣ.

Тихая, темная ночь. Въ темной выси кротко и ясно мерцаютъ звѣзды. Онѣ кажутся равнодушными, холодными зрителями происходящей передъ ними кровавой драмы.

— Ишь ты, сколько ихъ падаетъ!—задумчиво говоритьъ, ни къ кому не обращаясь, бомбардиръ Иванъ Филинъ, одинъ изъ сѣрыхъ молчаливыхъ героевъ. Онъ только-что установилъ на новомъ мѣстѣ «орудію» и, прислонившись къ лафету, любуется звѣзднымъ небомъ. И въ его мозгу рожаются мысли, неопределенные, неясныя, но тѣмъ не менѣе тревожащія его, и въ каждой упавшей звѣздочкѣ онъ видитъ улетающую въ лучшій міръ душу товарища, положившаго «животъ свой за други своя».

Одиннадцать часовъ ночи. Кажется, въ природѣ все заснуло: и Двурогая сопка, и торчащая на ней кумирня, и расположившаяся на сопкѣ цѣпи Новочеркасскаго полка, и темные силуэты пушекъ. Но что это краснѣеть вдали, у деревни Тапу? Днемъ еще враговъ не было въ этомъ се-

леніи, а теперь, въ глухую полночь, оттуда взвился огненный шаръ. Онъ поднялся высоко—высоко и повисъ. Бомбардиръ въ недоумѣніи: привидѣніе это, что-ли, или врагъ высматриваетъ наши позиціи? Онъ вспоминаетъ приказъ «обо всемъ, что замѣчено, безъ промедленія «докладать» батарейному», и стремглавъ кидается къ кучѣ завернувшихся въ бурки офицеровъ; онъ, толкая офицеровъ за локоть, деликатно приговариваетъ: «ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе!» Тревожно дремавшіе офицеры вскаиваютъ.

— Что случилось? А! ты, Иванъ Филинъ? Говори, что-нибудь замѣтилъ? Изъ секрета вернулся?

— Никакъ нѣть! Взгляните, ваше высокоблагородіе, на небѣ шаръ огненный.

Гутъ только всѣ замѣтили шаръ у деревни Тапу. Онъ медленно колыхался въ темной выси и вдругъ сталъ не спѣша спускаться.

— Нда,—произнесъ батарейный командиръ.— Сейчасъ японцы пойдутъ на приступъ. Люди по мѣстамъ!—раздается тихая, но внятная команда.— Зарядить картечью! Зря не стрѣлять, не суетиться. Помни, братцы, выдержка ведеть къ побѣдѣ.

И дѣйствительно, вскорѣ обозначилось наступленіе японцевъ. Видны были темные силуэты движущихся массъ, явственно слышится шорохъ, шопотъ, почти дыханіе непріятеля. Съ Двурогой сопки раздался залпъ, ей отвѣтила трескотня изъ непріятельскихъ ружей. Прошло всего нѣсколько минутъ, и ночь огласилась могучимъ русскимъ «ура», смѣшившимся съ дикими визгами «ia-ia-ia», «банзай». Новочеркасцы ворвались въ деревню, но японцы успѣли сосредоточить за ночь значительные силы и наши роты были отбиты. Имъ пришлось отступить. Это замѣчалось по ослабѣвающему огню нашихъ порѣдѣвшихъ цѣпей, но все-же и подъ натискомъ огромныхъ силъ про-

тивника они отступали, какъ львы, жестоко отплачивая врагу за каждую пядь земли.

А батарея безмолвно стояла на занятой ею ночью позиції. Она не открывала огня, помня строгій наказъ батарейшаго командира.

Рой пуль съ жужжаніемъ и свистомъ пролеталъ надъ головами орудійной прислуги, но никто не шелохнулся. Враговъ было много! Они визжали «банзай» «ia-ia-iай» и лѣзли на сопку, давя другъ друга... По счастливой случайности, они миновали мѣсто расположенія нашей батареи, двигаясь съ восточной стороны, гдѣ шла жестокая, безпощадная работа въ рукопашную. Все еще сливались крики «ура» съ дикими воплями «ia-iай iай», стонами раненыхъ и криками нашихъ офицеровъ: «не сдавай, братцы! Бей врага»... Въ отвѣтъ слышались ругательства японцевъ на нашемъ родномъ языкѣ.

Наступавшія подкрѣпленія непріятельскихъ колоннъ останавливались, кричали по-русски «гура». дѣлая удареніе на «гу». Они, очевидно, стремились обмануть нашихъ, но нѣкоторыя не выдерживали и крикъ «ура заканчивали визгомъ «банзай-iай-iай».

На батареѣ царствовала полная тишина. Офицеры стояли каждый у своего взвода и едва слышнымъ шопотомъ подбадривали солдатъ. А вражескія батальоны проходили мимо нась, не подозрѣвая о присутствіи нашихъ орудій.

Въ четыре часа ночи сопка была наполовину занята японцами, только въ тылу расположенія батарен. Въ пять часовъ ночи сопка стала передходить въ руки противника.

Батарея должна отступить, иначе она неминуемо попала-бы въ руки непріятеля. Къ несчастію, путь отступленія къ передкамъ отрѣзанъ, и роты пѣхотинцевъ съ орудійной прислугой начали откатывать орудія руками къ оврагу. Но японцы услышали шумъ катящихся пушекъ. Не подозрѣвая,

что батарея находится въ такой близости отъ нихъ, всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ — они подняли пальбу въ сторону, или высоко, поверхъ батареи, и наши оставались невредимы.

Достигли оврага и въ него стали спускать орудія. Шальная пуля сразила штабсъ-капитана Радушкевича, ранивъ одного нижняго чина.

Оврагъ оказался непроходимымъ для орудій, и положеніе батареи становилось безвыходнымъ. Начинало свѣтать. Спасеніе батареи было еще возможно, если доставить ея передки, оставленные на первой позиції. Вызвавшійся добровольно фейерверкеръ (артиллерійскій унтеръ-офицеръ) пробирается къ оврагамъ къ мѣсту, где расположены передки, и передаетъ имъ приказаніе двинуться сиѣшно къ орудіямъ.

Передки на полномъ карьерѣ проскакали передъ сопкой, занятой врагами.

Прислуга у передковъ не знала, что батарея ночью перемѣнила позиціи, и летѣла къ прежнему мѣсту, где уже поджидали японцы... Къ счастью, помогла русская удаль,—бомбардиръ побѣжалъ на передокъ и повелъ ихъ къ оврагу. Налету раненъ рядовой, убита пара коней; рѣбятъ постромки и мчатся дальше...

Достигнувъ мѣсторасположенія батареи въ оврагѣ, передки одѣваются по одному на орудіе, подымаются его наверхъ и скачутъ на полномъ карьерѣ по открытому мѣсту къ деревнѣ, за которой залегли наши цѣпи. При слѣдованіи черезъ деревню, командиръ дивизіона останавливается послѣднее орудіе, съ находившимся при немъ поручикомъ Аргамаковымъ, и приказываетъ открыть огонь по сопѣ съ разстояніемъ не болѣе 400 сажень. Послѣ нѣсколькихъ выстреловъ доблестный витязь, поручикъ Аргамаковъ, падаетъ замертво, пораженный пулей въ високъ. Ранены нѣсколько нижнихъ чиновъ.

Командование орудіемъ принимаетъ дивизионный адъютантъ. Онъ стрѣляетъ по непріятелю мѣткимъ огнемъ до послѣдняго снаряда, послѣ чего присоединяется къ остальнымъ, которые уже далеко за деревней, избравъ новую позицію, поражаютъ японцевъ мѣткимъ огнемъ. Батарея спаслась чудомъ, она, можно сказать, выползла изъ пасти чудовища въ тотъ моментъ, когда оно готовилось проглотить ее.

Жизнь въ тылу и на передовыхъ позиціяхъ.

15 декабря 1904 г.

— Затишье! Ничего не будетъ! Не къ чему бѣхать на передовыя позиціи! — слышалъ я со всѣхъ сторонъ.

И дѣйствительно, до Харбина доходили слабые отголоски незначительныхъ перестрѣлокъ, въ большинствѣ случаевъ даже безъ всякихъ потерь. То японцы зададутъ концертъ изъ своихъ орудій: завоюютъ бризантки, загудятъ шрапнели, ухнетъ десятокъ другой залповъ, а потомъ все смолкнетъ, и снова воцарится «миръ» и «тишина».

Иногда наши батареи, замѣтивъ гдѣ-нибудь усилившуюся дѣятельность противника, загрохочутъ, выпустятъ нѣкоторое количество тяжелыхъ и легкихъ снарядовъ, и опять все смолкнетъ, и въ морозномъ воздухѣ повиснетъ зловѣщее таинственное безмолвіе.

Казалось «впереди» дѣлать нечего и стремиться туда не имѣетъ смысла, но и въ Харбинѣ сидѣть надоѣло, впечатлѣнія прежнихъ боевъ, свидѣтельствъ коихъ привело быть, истощились, всѣ свѣдѣнія использованы, откровенно говоря, болѣе

нечѣмъ дѣлиться съ жаждущими новостями съ театра войны читателями, и я рѣшилъ разстаться съ теплой квартирой въ прекрасномъ благоустроенному домѣ, со всѣми удобствами жизни въ тылу дѣйствующей арміи и снова снаряжался въ путь-дорожку, поближе къ грохоту пушекъ.

Кстати представился удобный случай попасть въ наиболѣе интересное въ данный моментъ мѣсто, на крайній лѣвый флангъ, къ знаменитой манджурской водной артеріи—Ляохѣ, куда получилъ приглашеніе отъ коннаго полка, занимающаго на этомъ флангѣ «самую первую линію».

Въ этомъ боевомъ участкѣ мнѣ привелось быть еще въ началѣ юля, когда собственно о военныхъ дѣйствіяхъ тамъ и помину не было.

Я издали (изъ Давані) наблюдалъ лихорадочную дѣятельность японскихъ эмиссаровъ, вербовавшихъ въ свои ряды хунхузскія шайки, но собственно военныхъ операций не было.

Въ настоящее время это видный пунктъ, которому, быть можетъ, суждено сыграть немаловажную роль въ текущую войну.

Итакъ, снарядившись по-зимнему, я отправился на вокзалъ, но тамъ ждало меня горькое разочарованіе: хотя почтовый поѣздъ отправляется въ Мукденъ ежедневно, однако получить мѣсто въ вагонѣ трудинѣ, чѣмъ попасть въ оперу Мариинскаго театра. Оказалось, необходимо предварительно записаться и выждать очередь... Совсѣмъ, какъ у насъ въ Парижѣ, то бишь въ Петербургѣ.

Впрочемъ, эта маленькая канитель мнѣ даже понравилась: я замѣтилъ на вокзалѣ значительную толпу офицеровъ, жаждущихъ «очереди», и рѣшилъ пройти испытаніе, достающееся на долю каждого офицера, стремящагося въ битву съ лихимъ врагомъ.

Пришелъ я къ комендантскому адъютанту и,

прикинувшись «тише воды и ниже травы», попросилъ записать меня въ очередь.

Записали на 11-е, а очередь меня достигла 12-го декабря, въ воскресенье.

— Посадка въ два съ половиною часа,—отчеканилъ молодой, безусый адъютантъ. — Опоздаете, не попадете.

Съ двухъ часовъ назначенаго дня я былъ уже на вокзалѣ, опасаясь «пропустить» очередь. На вокзалѣ стоялъ «дымъ коромысломъ». Новый обширный залъ, отдельанный въ декадентскомъ стилѣ, былъ биткомъ набитъ стремяющимися на югъ.

Всѣ столы, столики, диваны и стулья были заняты. Надъ столами вились змѣйки папироснаго дыма, поднимался паръ горячаго супа, въ воздухѣ пахло щами, сквернымъ масломъ и дешевыми духами.

— Господа офицеры! На посадку! — раздается голосъ комендантскаго адъютанта, и толпа съ лихорадочной быстротой спѣшитъ на дебарка. — деръ, къ ожидающему своихъ пассажировъ «подвижному составу» поѣзда, т. е. къ тремъ десяткамъ воинскихъ теплушекъ, уже нагруженныхъ людьми, идущими на пополненіе убыли въ арміи, въ головѣ которыхъ торчитъ пара порядкомъ износившихся и потертыхъ классныхъ вагоновъ: одинъ тяжелый пульмановскій третьяго класса, другой россійскаго производства, окрашенный въ привычный для настъ цвѣтъ II класса. Началась выкличка. Вызванный пропускался въ вагонъ, который въ нѣсколько минутъ наполнялся значительно выше нормы. Такъ, на вагонѣ значилось: 34 мѣста, а впустили 48.

Осталось еще много «неудовлетворенныхъ», въ томъ числѣ и вашъ иокорный слуга.

Перешли къ пульмановскому вагону III кл., и выкличка возобновилась. Большой вагонъ быстро

наполнялся. Наконецъ я услышалъ и собственную фамилію, разумѣется, обрадовался и поспѣшилъ занять отведенное мѣсто.

Поѣзду предстояло отправиться въ 3 ч. 40 м. Троцулся со станціи въ 4 часа, чѣмъ привель пассажировъ въ невыразимое удивленіе: всѣ такъ привыкли, чтобы поѣздъ отправлялся часовъ на 12 позже назначенаго расписанія, что некоторые, получивъ мѣсто и водрузивъ на него багажъ, покинули вокзалъ и такъ и остались въ Харбинѣ до слѣдующей очереди.

Вагонъ Пульмана III-го класса набить, словно сельди въ бочкѣ. На скамейкѣ помѣстились, правда, по два офицера, въ расчетѣ, что одинъ займетъ нижнюю, другой верхнюю скамейку, но кое-кто ухитрился пробраться въ вагонъ сверхъ комплекта и занялъ мѣсто... между скамейками. Въ пути предстоитъ пробыть около трехъ сутокъ «въ лучшемъ случаѣ», т.-е., когда поѣздъ помчится на всѣхъ парахъ и остановки на станціяхъ и разъѣздахъ не примутъ обычнаго болѣзненнаго характера. Однако, всѣ пассажиры, военные и статскіе, въ большинствѣ случаевъ, прекрасно ознакомились съ желѣзодорожными порядками, и потому не могли не соболѣзновать несчастливцамъ, забравшимся въ поѣздъ «контрабандой», такъ сказать, сверхъ комплекта.

— М-да,—глубокомысленно замѣчалъ офицеръ, получивший мѣсто въ вагонѣ «на законномъ основаніи», — простоять на своихъ собственныхъ пару—другую сутокъ—дѣло нелегкое.

— Чортъ съ ними! — не безъ раздраженія въ голосѣ замѣчаетъ другой, — пускай не лѣзутъ, куда ихъ не просятъ.

Слѣдуетъ минутное молчаніе, послѣ котораго раздражительный офицеръ снова говорить, собственно ни къ кому не обращаясь:

— Лѣзутъ, проклятые, все тысячи зашибать,

грекосы, армянцы... и тому подобная сволочь. Лѣзутъ, какъ стервятники на падаль. Наживу чувствуютъ.

— А у насъ въ отрядѣ былъ удивительный маркитантъ изъ варшавскихъ жидковъ. Вотъ чудакъ! На войну пріѣхалъ деньги зашибать, а оказался, можете себѣ представить, безсеребренникомъ, ей-Богу!

— Чушь! — замѣчаетъ какой-то капитанъ съ усами, изъ которыхъ можно связать канатъ.

— Какое тамъ чушь?! — горячится юный офицеръ. — Ей-Богу, правда. Можете вообразить, за все бралъ нормальные цѣны: за пиво американское—schlitz—85 к., за бутылку Смирновки—1 р. 50 к. и за все вообще недорого. Въ то время, когда другие маркитанты драли за коньякъ 10—15 руб., онъ продавалъ его за 3 р. 50 к. бутылку. Видите ли, во время отступления жидъ потерялъ весь товаръ и понесъ убытки; мы ему предложили пріѣхать съ новымъ товаромъ, повысивъ цѣны, разумѣется, добросовѣстно, по-Божески, ну, тамъ на 20—25 процентовъ. И что же, онъ явился со свѣжими продуктами, которые отпускаль по прежней таѣ. На наше замѣчаніе, что ему разрѣшается поднять цѣны, жидъ отвѣтилъ: «Не надо, я и такъ достаточно зарабатываю!» Можете вообразить, мы всѣ его очень любимъ.

Капитанъ недовѣрчиво ухмыляется, а другой офицеръ предлагаетъ желающимъ заняться аферами въ дѣйствующей арміи. Его планъ очень смѣль и обѣщаетъ обогатить предпринимателя, а главное—все такъ просто до «гениальности»: на театрѣ военныхъ дѣйствій ощущается недостатокъ въ молочныхъ продуктахъ и офицеръ предлагаетъ устроить молочную ферму, потому что корова его знакомыхъ въ Харбинѣ вырабатываетъ не большие, не меньшие, какъ 450 рублей въ мѣсяцъ «чистоганомъ».

— Это какъ-же? По какому расчету?—донастыается недовѣрчивый капитанъ.

— А очень просто: мои знакомые продаютъ молоѣко своей коровы по 45 коп. за бутылку. Корова даетъ тридцать бутылокъ въ день, иначе сказать—вырабатываетъ почти пятиадцать рублей въ сутки, что составитъ 450 рублей въ мѣсяцъ.

— Чушь!—презрительно отвѣчаетъ капитанъ.—Передергиваете, подтасовываете цифры.

— Какъ такъ?

— Очень просто!—Видимо, капитанъ передразниваетъ манеру юнаго офицера говорить.—4 руб. 50 коп. не пять рублей; стало быть за тридцать бутылокъ, если онъ всѣ окажутся проданными, выручать не пятиадцать рублей, а 13 р. 50 коп., и вообще—чушь. Никогда вамъ не продать тридцати бутылокъ.

— Ей-Богу!—пробуетъ увѣритъ юнецъ, по въ его голосѣ уже не звучитъ прежней увѣренности. Пессимистически настроенный капитанъ сбилъ его «съ позиціи».

Въ вагонѣ.

16 декабря 1904 г.

I.

Вагонъ Пульмана III-го класса биткомъ набитъ. Негдѣ, что называется, яблоку упасть.

Не только всѣ скамейки занятыѣ дущими въ армію офицерами, но и въ проходахъ и прямо на полу втиснулись разныя личности, преимущественно кавказскаго и греческаго типа. Слоняется изъ отдѣленія въ отдѣленіе молодой китаецъ, одѣтый, по китайски, франтомъ. Всѣ обращаются

съ нимъ за панибрата, называютъ его почему-то по имени и отчеству «Василій Ивановичъ», и самъ онъ держится довольно непринужденно, чувствуя себя, повидимому, какъ рыба въ водѣ.

Имѣются еще двѣ «пассажирки» опредѣленного типа. Между собою говорятъ по англійски, почему офицерство называетъ ихъ «американками».

Странно, женщинамъ пропускъ на югъ не дается, исключая, разумѣется, имѣющихъ отношенія къ лазаретамъ и госпиталямъ, и для всѣхъ—тайна, какимъ образомъ удалось этимъ погибшимъ, но милымъ созданіямъ «прорваться»...

Наступилъ вечеръ. Въ вагонѣ царилъ полу-свѣтъ, едва мерцавшій отъ желтоватаго пламени единственной стеариновой свѣчки. Накурено и дымъ папиросъ и сигаръ смѣшался съ кислымъ противнымъ запахомъ, которымъ вагонъ пропитался, кажется, насквозь. И мнѣ невольно приходить на память картинки въ нашихъ столичныхъ ночлежкахъ...

— Фу, душно!—вздыхаетъ офицеръ, растянувшись на верхней скамейкѣ.

— О, господа! Словно «на днѣ» Горькаго,—замѣчаетъ другой.

Сравненіе всѣмъ нравится, и потому раздается непринужденный смѣхъ.

— Въ картишки-бы перекинуться...—предлагаетъ кто-то.

— Въ карты-бы недурно,—радостно подхватываетъ офицеръ, лежавшій на верхней скамейкѣ, и тотчасъ сползаетъ внизъ.

Спустя нѣсколько минутъ сооружается нѣчто въ родѣ стола изъ разныхъ корзинъ и чемодановъ и начинается игра, въ которой принимаетъ участіе и китаецъ «Василій Ивановичъ». Послѣднему виачалъ сильно везть. Онъ срываетъ «банкъ за банкомъ», а когда очередь метать досталась ему, онъ равнодушно смотрѣть на груду бумаги.

жекъ, не только у четверившихъ заложенный имъ банкъ, но и увеличившихъ его въ десять разъ.

— Чортъ, чего ты не снимаешься? — ругается офицеръ, которому не «везетъ», ни въ меткѣ, ни въ понтировкѣ.

— А тебѣ какое дѣло? — останавливаетъ его другой офицеръ, питающій надежду «поймать» банкомета на хорошей картѣ.

Грудка бумажекъ растетъ, а китаецъ Василій Ивановичъ спокойно продолжаетъ метать, не обращая вниманія на всѣ восхищанія и совѣты.

— Василій Ивановичъ, снимайся! — нетерпѣливо совѣтуютъ ему посторонніе зрители, обыкновенно образующіеся вокругъ играющихъ.

— Чортъ знаетъ, какъ везетъ этому китайцу! Онъ всѣхъ обираетъ.

И тутъ-же вновь уже съ сердцемъ совѣтуетъ не рисковать и сняться.

Сказывается психологія не игрока, а посторонняго наблюдателя, почему-то проникающагося доброжелательствомъ къ счастливцу въ ущербъ тѣхъ, кому онъ въ обыкновенное время охотнѣе желалъ-бы добра.

— Ничего! — равнодушно говоритъ Василій Ивановичъ. — Пускай иглаютъ. Мнѣ все лавно... солвуть банку, я ставить буду... Лублу иглать... Наша подглядчика выглала у инженера четыреста тысяч лублей...

Китайцы вообще большие охотники до игры въ карты. Даже хунхузы, награбивъ достаточно денегъ, нерѣдко появляются подъ видомъ простыхъ манзъ въ вертепахъ Харбина, съ цѣлью поиграть въ карты. Разумѣется, не обходится безъ ссоръ, разрѣшающихся весьма печально для играющихъ разбойниковъ. Ихъ ловятъ и имъ рубятъ головы.

Игра затягивается. Офицерамъ упорно не везетъ. Разговоры понемногу стихаютъ.

Неиграющие удаляются по своимъ мѣстамъ; пассажиры понемногу погружаются въ сонъ. Желтоватое пламя стеаринового огарка распределяетъ слабый свѣтъ, странно окрашивающей сосредоточенные лица игроковъ.

17-го декабря 1904 г.

II.

Утро. Большинство пассажировъ погружено въ сонъ, что даетъ возможность помыться въ до-нельзя грязной уборной. Поѣздъ «медленно» мчится, оставляя позади себя необозримыя поля, покрытыя легкимъ налетомъ снѣга, напоминающими бѣлое ажурное покрывало, изъ-подъ котораго торчатъ, словно желтое кружево, стебли чумизы. Небо ясное, свѣтло-лазоревое, принимающее по краямъ горизонта бѣлесоватую окраску.

Въ вагонахъ нестерпимо душно и грязно. На откидныхъ столикахъ у оконъ валяются огрызки всякой снѣди: куски колбасы, ломтики хлѣба, стоять и валяются около скамеекъ опорожненные сосуды—пивные и водочные бутылки.

Сверху, снизу и съ боковъ доносятся легкій храпъ и посапываніе.

Поѣздъ медленно ползетъ, скрипя всѣми колесами и кряхтя, какъ разслабленный старецъ. Раздается свистокъ. Подходимъ къ станціи.

Всѣ сорокъ пять вагоновъ вздрагиваютъ, затѣмъ слѣдуетъ толчокъ, протяжный скрипъ, въ родѣ скрежета зубовъ, и поѣздъ останавливается. Выйти на станцію не стоить.

Буфета пѣть, а любоваться печѣмъ. Знакомыя, давнио надоѣвшія картины.

Дѣлаю попытку набрасывать свои замѣтки, но

это не удается: теснота мешаетъ самыи «необходимыи» движениямъ, и я съ грустью и покорностью подчиняюсь неумолимому року или, вѣрище, «обстоятельству мѣста и времени».

Солнечный день величественно плылъ по небесному своду, широко раскидывая свои теплые лучи. Изъ отдушины вагона, что на потолкѣ, за капали мутныя слезинки. Онѣ попадали на лица растянувшихся на полу между скамейками, отчего послѣдніе поневолѣ вскочили, посылая проклятія по адресу администраторовъ многострадальной Манджурской дороги.

Всльдъ за ними стали просыпаться и другіе пассажиры: вчерашніе игроки и зрители.

— О, чортъ возьми! Проклятие! — ругался кто-то. — Все лицо каплями грязной воды залито...

— Не огорчайтесь, другъ мой, — отвѣтилъ молодой офицерикъ, собиравшій принадлежности для мытья. — Вотъ, если-бъ эта вода изъ отдушины испортила вашъ блестящій нарядъ, а то лицо... эка невидаль... Пойдите въ уборную и совершите по восточному обычая утреннее омовеніе...

Китаецъ, оказавшійся приказчикомъ «шибико булсого купезы» Тифонтая, слѣзъ съ верхней скамейки, на которой обыкновенно кладется ручной багажъ...

— Что, Василій Ивановичъ, выспался? — обратился къ нему одинъ изъ вчерашнихъ партнёровъ.

— Холосо! Сибко холосо! — отвѣтилъ Василій Ивановичъ, оправляя свою длинную косу. Его желтое лицо казалось осунувшимся, нѣсколько грустнымъ. Въ узкихъ глазахъ легко было прощать неудовольствие.

— Вы что это носъ повѣсили, Василій Ивановичъ? — спросилъ я его. — Всѣхъ обыграли и еще дуетесь.

— Н-нѣтъ... Я плоиглалъ все... Тупъ-тунъ...

— Врешь, купезо! Потряхни себя хорошенько, окажется, что все наши «чены» (деньги) у тебя въ карманѣ.

— Да въ қалманэ у васъ...

Дѣйствительно, колесо фортуны повернулось, и купеза, или, вѣрнѣе, приказчикъ Тифонтая, проигралъ выигрышъ и, быть можетъ, еще добавилъ малую толику хозяйствскихъ денегъ.

— Скажите, Василій Ивановичъ, правду, какъ теперь китайцы относятся къ русскимъ? — обращаюсь я къ китайцу съ довольно щекотливымъ для него вопросомъ.

— Холосо... — односложно отвѣчаетъ онъ.

— Чортъ, — холосо.. передразниваетъ его бывшій партнеръ. — Ты объясни, какъ и почему? Ну, хотя-бы по вашему, по китайскому разумѣнію, кто побѣдить: русскій или японецъ?

— Конечно, лусскій, — съ убѣжденiemъ отвѣчаетъ Василій Ивановичъ. — Подумавъ немнogo, продолжаетъ: — Плажде мы, плавда, думали: ипенъ осилить лусскихъ, а тепель инэтъ... Не мозно. У лусскихъ шибико много солдатъ: пушка, лужья... полохъ и патлоны...

— Скотъ ты, Василій Ивановичъ! Потомъ японцу скажешь то-же про насъ.

— Инэтъ, зацэмъ? Лусскій шибико много холосій луди. О, шибико холосій. На Инкоу ипенъ убили сына старого китайскаго манза. Ипенъ — злой, шибико злой, убиваетъ всѣхъ китайцевъ, если моя умѣеть говори по лусски. Ну, старый манза взялъ и посель по улицѣ и убивалъ два солдата ипенъ, а булсе не встлицалъ и посель на полиція и убивалъ офицела ипенъ.

— Ну, а потомъ что?

— Ну, а потомъ ипенъ сдѣлалъ кантами бѣдному сталому манзѣ, — закончилъ Василій Ивановичъ, показывая рукою на шею.

Прошли нѣсколько «перегоновъ» съ неболь-

шими остановками, т. е. на разъездахъ не задерживали болѣе 50 минутъ. Стали приближаться къ большой станціи Гундулинъ. Поднявшіеся пассажиры повеселѣли; у каждого свои вожделѣнія: одинъ—въ чаяніи стакана горячаго чая и закуски, другой—въ надеждѣ потешить себя «болѣе существеннымъ». Но въ Манджурии свои понятія о скорости. Помню, одинъ изъ моихъ коллегъ по газетѣ, еще въ Петербургѣ, сѣтовалъ какъ-то на систематическая запаздыванія поѣздовъ, при чемъ онъ закончилъ свою замѣтку патетическимъ замѣчаніемъ по адресу администраціи дороги: «Опозданія нерѣдко превышаютъ пять и десять минутъ». Что-же сказалъ бы онъ, если-бы ему пришлось на разъездѣ, среди необозримыхъ полей, гдѣ кусочка хлѣба не достанешь за обѣщанія «полъ-мира съ миллиономъ въ придачу», выждать девять часовъ, и главное, въ виду большой станціи, до которой дойти-то потребовалось-бы всего два часа времени. Одинъ разъ бѣдные натерпѣвшіеся пассажиры, выстоявъ на разъездѣ съ 9 часовъ утра до 10 вечера, послали управляющему дорогой «коллективную просьбу сжалиться надъ изголодавшимися пассажирами и дотащить ихъ до станціи, гдѣ имѣется буфетъ».

И въ моемъ мозгу невольно возникъ вопросъ: вызывается-ли это необходимостью, неизбѣжною при неподготовленности дороги къ чрезвычайному движению военнаго времени. Долженъ сказать съ убѣжденiemъ, что подобныя задержки исключительно происходятъ вслѣдствіе небрежности агентовъ службы движения. Иной разъ стоишь на разъездѣ 8—10 часовъ и за это время пробѣжить два—три встрѣчныхъ поѣзда. Разумѣется, поѣздъ безусловно могъ-бы пройти и этотъ и нѣсколько другихъ перегоновъ.

Словомъ, я уже писалъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ «Въ тылу» о прелестяхъ движенія по-

ѣздовъ знаменитой Манджурки. Я даже обращался за разъясненіями къ компетентнымъ лицамъ, но изъ этого ничего не выходило: Фома кивалъ на Петра, а Петръ на Фому.

— —

— Василій Ивановичъ,—обращался то одинъ, то другой къ китайцу, — кого твоя больше «лубиши»? Мать или жену?

— Титайска (такъ многіе китайцы произносятъ вмѣсто китайскій или китайца) целовѣка лубить мать булса... Зена моя купи... Чена многаю (денегъ много имѣю) - жена ю, а мать ны мозна купи,—заключаетъ Василій Ивановичъ.

Идутъ разговоры о боевыхъ столкновеніяхъ, о пуляхъ «гуманитарныхъ», т. е. обтянутыхъ никелевой оболочкой, и мѣдныхъ, раны которыхъ крайне опасны.

— Мѣдной пулей нашему вахмистру,—рассказываетъ офицеръ-пограничникъ,—отрѣзalo пол-черепа, словно топоромъ отхватила, проклятая... Она «деформируется», и всякое пораненіе такой пулей калѣчитъ навѣки...

— А что, японцы правда фанатически храбры? — допытывается молодой офицеръ, только что пріѣхавшій изъ Россіи.

— Поневолѣ будешь храбрымъ, — отвѣчаетъ пограничный офицеръ,—если задніе стрѣляютъ въ своихъ-же, едва они дрогнутъ... У нихъ дисциплина желѣзнaya... Я въ иностранныхъ газетахъ прочиталъ, что въ Дальнемъ японцы повѣсили пять человѣкъ за то, что они притворились больными... И все-же мы ихъ взлунимъ, такъ взлунимъ, что небо съ овчинку покажется,—заключаетъ онъ въ утѣшеніе и въ назиданіе еще необстрѣленнымъ воинамъ.

III.

Съ приближениемъ къ югу тонкій сиѣжный покровъ исчезалъ и его замѣнила желтая иѣсколько примерзшая пыль. Изрѣдка попадались замерзшія лужи, кое-гдѣ лежала тонкая почернѣвшая полоска сиѣга. Въ общемъ пейзажъ напоминалъ наши рания весны съ крѣпкими утренними заморозками.

Въ двухъ пассажирскихъ вагонахъ третьяго класса становится тѣсно, душно. Дымъ курящихъ безъ отдыха, истосковавшихся отъ безконечно долгой ъзды пассажировъ застилаетъ глаза. Поль загрязненъ до нельзя и сплошь покрытъ папиросными окурками.

Темой для разговоровъ служатъ исключительно желѣзнодорожные неурядицы. Ругаютъ на чёмъ свѣтъ стоитъ желѣзнодорожную администрацію, на головы бѣдныхъ агентовъ службы движения призываются всѣ проклятія, какія только возможны.

— Чортъ знаетъ,—ругается нетерпѣливый офицерь,— въ троє сутокъ не могутъ протащить насъ 500 верстъ! Пѣшкомъ скорѣе доползешь.

— Напрасно изволите возмущаться, — возражаетъ раненый, возвращающійся на позиціи, — мы въ троє сутокъ добрались до Телина, остается всего 60 верстъ до Мукдена, а поѣдете обратно вы отъ ст. Яомынь до Харбина, т.-е. разстояніе въ 150 верстъ пропутешествуете двое сутокъ. И это еще при благопріятныхъ условіяхъ.

— За то мы пропускаемъ поѣзда съ войсками.

— Ничуть... Эшелоны никаколько не мѣшаютъ движенію. Тамъ все дѣло въ водѣ. Паровозамъ воды и дровъ негдѣ набрать.

— Какъ такъ?

— Очень просто: понастроили колодцы, которые замерзаютъ. Я самъ па станції Удзя сидѣлъ 12 часовъ въ ожиданіи паровоза, который отправился въ Харбинъ за водою и дровами.

Станція Удзя находится въ разстояніи 30 верстъ отъ Харбина.

— И эта причина неустранима?—допытываюсь я у командированного изъ Россіи агента на Восточно-Китайскую желѣзнную дорогу.

— Знаете, здѣсь, въ Манджурии, всѣ причины неустранимы,—съ раздраженiemъ въ голосѣ отвѣчаетъ симпатичный агентъ дороги. — Если я по возвращеніи въ Россію стану рассказывать о порядкахъ на этой дорогѣ, никто мнѣ не повѣритъ, назовутъ «басноплетомъ». Возьмите хотя бы участокъ Яомынь-Харбинъ: на станціяхъ нарыли колодцы, стоимостью до 9 и 10 тысячъ каждый, а подъ бокомъ иѣкоторыхъ станцій, какъ напримѣръ Лошагоу, Цейцзягку имѣются великолѣпныя рѣки, откуда провести трубы на водокачки стоило пустяки... И въ послѣднемъ случаѣ о недостаткѣ въ водѣ не могло бы быть и рѣчи. А вотъ еще объявили преміи за пропускъ наибольшаго количества поѣздовъ черезъ станціи, такъ стали задерживать поѣзда на разѣздахъ. Пассажиры голодаютъ на этихъ стоянкахъ, за то на станціяхъ *поѣзда не задерживаются*. Всѣхъ курьевъ, право, и не перечтешь.

— Скажите, почему такая нужда въ тоplивѣ?

— Чортъ его знаетъ, — уже совсѣмъ раздражается желѣзнодорожный агентъ. — Вѣроятнѣе всего потому, что «лѣто красное пропѣли». Виновата Паулина... Впрочемъ, у высшей желѣзно-дорожной администраціи и запасы дровъ имѣются, и топить сколько хотятъ, а младшая братія, несущая каторжную службу, не имѣетъ полѣна лишияго, чтобы хлѣба испечь.

Признаюсь, еще лѣтомъ я слышалъ угрозы о

возможности дровяного кризиса зимою. Указывали на беспорядочную заготовку, на отдачу подрядовъ ненадежнымъ лицамъ, но какъ то не хотѣлось вѣрить. Очевидно, и здѣсь спекуляція является главной причиной недостатка въ топливѣ, которое имѣеть громадное значеніе, помимо частныхъ нуждъ, для пропускной способности линій.

Пріѣхали мы въ Телинъ. Это настоящій тылъ дѣйствующей арміи. Прежня маленькая станція расширена: къ тѣсной столовой прибавлена еще комната, столь же узкая и непомѣстительная. Первая комната набита проголодавшимися пассажирами, вторая — тыловыми завсегдатаями, около которыхъ увидаются «эти дамы». Охъ, ужъ эти дамы въ тылу арміи! Говорятъ, онѣ необходимы, и японцы даже покупаютъ ихъ для своей арміи.

Поѣздъ стоитъ долго. Пришелъ въ 4 часа безъ малаго, а уйдетъ около 10 часовъ вечера. Въ результатѣ шестьдесятъ верстъ до Мукдена протащимся еще 12—15 часовъ. Для развлечения на маленькихъ станціяхъ Синтайцы и Хунштаемъ открылись чайные буфеты съ холодной закуской. И за то спасибо. Все-таки видна чья-то заботливая рука, но ужъ, конечно, не желѣзнодорожной администраціи.

На передовыхъ позиціяхъ.

(Зимнія картинки).

21-го декабря 1904 г.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ послѣ утомительнаго переѣзда въ вагонѣ 3-го класса изъ Харбина въ Мукденъ (500 верстъ — трое сутокъ и 14 Железя туча

часовъ), я испыталъ истинное удовольствіе, когда сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ пѣсколькими офицерами отиравился на передовыя позиціи въ ляохенской отрядѣ, на крайній правый флангъ.

Не обошлось безъ комического инцидента. Насъ было пять человѣкъ, у каждого имѣлся ручной багажъ: легкая походная постель, сакъ съ провизіей и небольшой чемоданъ для бѣлья, кстати сказать, японского изданія.

Являлась необходимость въ изысканіи средствъ перевозки багажа. Вьючныхъ лошадей или муловъ въ Мукденѣ трудно раздобыть, а китайскіе извозчики-«фудутунки» охотно везутъ не далѣе города, но на позиціи ни за какія деньги Ѹхать не соглашаются. Однако, не оставлять-же вещей, по вопросу, какъ быть, такъ и остался-бы неразрѣшеннымъ, еслибъ не пришелъ на помощь ловкій вѣстовой одпого изъ офицеровъ.

— Такъ что, дозвольте, ваше благородіе, я найму «фудутунки».

— Какъ ты наймешь, если они боятся?

— Такъ что, найму.

— Вали.

Послѣдовательно, спустя нѣсколько минутъ явилась пара фудутунокъ, влекомыхъ маленькими мулами. Возницы-китайцы, повидимому, Ѹхали неохотно, что выражали недовѣрчиво высматривавшіе исподлобья глаза.

Укладывали вещи. Китайцы съ виду равнодушно взирали на работу солдатъ, но когда потребовалось двинуться впередъ подъ охраной отряженныхъ вѣстовыхъ, они загоготали на своеъ языкѣ, сильно размахивая руками. Солдаты толкали муловъ, по послѣдніе словно понимали своихъ хозяевъ и не трогались съ места.

Одинъ китаецъ, надо полагать старшій, обратился ко мнѣ и жалобно-жалобно что-то залопоталъ на своеъ нарѣчіи, смѣнивая подобіе рус-

скихъ словъ съ характерными китайскими звуками:

— Капитана? Досяли (сколько верстъ?) Моя кушь-кушь мую?.. Дося чена (сколько заплатишь?) Твоя ва-ва-ва!..—бормоталъ онъ что-то, чего я понять не могъ.

— Саңга-ли, чортъ, дьяволъ желторожій,—крикнулъ на него одинъ изъ офицеровъ...—Чена много получишь... Тунда твоя?

— Хау, хау!—отвѣтили въ одинъ голосъ оба китайца и быстро замотали головами.

Наконецъ тронулись.

Погода была довольно скверная. Дулъ холодный съверо-западный вѣтеръ при морозѣ градусовъ 12—15. Къ счастью наше направлениѳ было на югъ и ледяной порывистый вѣтеръ дулъ въ спину. Бхали перемѣннымъ аллюромъ—пять минутъ рысью, десять минутъ шагомъ. Проводникъ былъ охранникъ пограничной стражи, типичный усатый хохолъ, который увѣряетъ, что много разъ ъздилъ «у разъѣзды» и дорогу хорошо знаетъ.

По дорогѣ встрѣчались безконечные интendantские обозы, землянки для зимовки резервовъ—обычная картина тыла передовой линіи.

Прокакавъ около десяти верстъ по большой дорогѣ, мы сдѣлали остановку въ густо населенной китайской деревнѣ Нангантунь. Тамъ расположилось интendantство 5-го резервнаго корпуса, и намъ оказалъ гостепріимство офицеръ, завѣдывавшій, кажется, хлѣбопекарнями.

Его помѣщеніе въ довольно просторной фанзѣ было приспособлено для зимняго жилья: установлена желѣзная печка, накаленная до красна, и мы съ удовольствиемъ отогревали свои окоченѣвшіе отъ холода члены. Подали самоваръ, привѣтливо напѣвавшій намъ знакомую пѣсню. Поминутно входили и выходили «кунезы». Кажд-

дый изъ нихъ старался выразить намъ чѣмъ ни-
будь знакъ одобренія, иные подходили къ офи-
церамъ, трогали грязными пальцами погоны, при-
говаривая «хау, капитана, шанго».

Сорока-пяти-минутный отдыхъ въ тенистой фанзѣ
и горячій чай благотворно подѣйствовали на
насъ. Поблагодаривъ любезнаго хозяина за госте-
приимство, мы двинулись далѣе, уклонившись въ
сторону отъ большой дороги. Впереди и позади
насъ тянулись необозримыя поля, кое гдѣ попа-
дались деревни. Мы ихъ обѣзжали околицей,
сидея въ Джанъ-Танъ. Хотѣлось попасть до
вечера. Около четырехъ часовъ лошади стали
выказывать утомленіе. Пришлось уменьшить
аллюръ.

День склонялся къ вечеру. Морозъ крѣпчалъ.
Вѣтеръ, хотя дувшій то въ спину, то въ бокъ,
давалъ себя чувствовать. Усы у всѣхъ заиндѣ-
вѣли, на нихъ нависли толстые ледяныя со-
сульки.

— Когда же наконецъ будетъ Джанъ-Танъ? —
приставали мы къ проводнику.

— Якъ буде Хунхе, — лаконически мрачнымъ
голосомъ отвѣтилъ проводникъ. Но вотъ мы
уже стали кружить по извилистому берегу Хунхе,
а Джанъ-Тана нѣтъ и нѣтъ... Миновали штабъ
отряда генерала Мищенко, расположение частей
генерала Грекова и снова потянулись по изви-
листому берегу Хунхе. Нѣсколько разъ перепра-
влялись то на одинъ, то на другой берегъ. На-
ступили сумерки быстро смѣнившіяся темныемъ
вечеромъ. На ясномъ небѣ зажглись звѣзды, а
мы все щахали, щахали и, казалось, конца не пред-
видѣлось нашему итути...

Стало совсѣмъ темно и небезопасно. Мы уже
давно двигались по району расположенія пере-
довыхъ позицій обѣихъ армій и въ темнотѣ
легко могли-бы попасть къ непріятелю. Всѣми

нами овладѣла неопредѣленная тревога, предчувствие близкой опасности. Стало ясно, что мы заблудимся. Несколько попытокъ расспросить о направлении и близости Джанъ-Тана у встрѣчныхъ китайцевъ не увенчалось успѣхомъ. Они или отвѣчали «путунда» (не понимаю), или указывали совершенно противоположное направление.

Всѣ устали. Лошади съ трудомъ передвигали поги. Хородно. Подъѣхали къ какой то деревнѣ и стали проситься на почлегъ, разсчитывая, что «утро вечера мудренѣе». На вопросъ:

— До ся ли Джанъ-Тана? — китаецъ отвѣтилъ что-то вродѣ 8 ли (восемь ли или четыре версты; ли равна полуверстѣ).

Обстоятельство, что до Джанъ-Тана всего 4 версты пріободрило насъ. Мы захватили съ собой китайца и иоѣхали далѣе. 4 ли мы протащились болѣе часа, и все-таки попали въ какую-то безымянную деревушку, гдѣ находилась драгунская застава Приморского полка.

Въ деревнѣ даже находился китайскій полковникъ, который отвелъ намъ помѣщеніе въ проѣзжей китайской фанзѣ (постояломъ дворѣ), до нельзя грязной и вонючей. Но мы сильно устали, изголодались, утомились и вѣстовые. Фудутуки съ вещами отстали, и мы ночью совсѣмъ потеряли ихъ изъ виду.

Дѣлать нечего. Пришлось располагаться на почлегъ на китайскомъ постояломъ дворѣ.

Мы заночевали въ убогой и ветхой фанзѣ, въ деревушкѣ, разбросанной по берегу рѣки Хунъ-хэ. Грязные стѣны, черный закопченный отъ дыма потолокъ, земляной полъ, пыльный и грязный; по угламъ его разбросана рухляды: стоитъ высокая кувшинообразная, глиняная кадка, валяется колесо сломанной арбы, груда тряпокъ, откуда робко выглядываютъ кролики.

Въ другой половинѣ фанзы спять китайцы:

дjanъ-гойда (хозяинъ двора) и нѣсколько манзъ.

Еще было темно, когда я растолкалъ владѣльца заѣзжаго двора и попросилъ его приготовить «Кай-Суй».

— Кай-суй?.. Шанго, хау, капитана, — ласково бормоталъ манза, слѣзая съ кана и напяливая на голое темнобронзовое тѣло қакую-то ватную хламиду.

Спустя нѣсколько минутъ вскочили и мои спутники, привели осѣдланныхъ коней и мы, расплатившись съ дjanъ-гойдой за ночлегъ и услуги, поѣхали въ Джанъ-Танъ, гдѣ находилась застава пограничной стражи.

Утро было великолѣпное, хотя морозъ достигъ градусовъ 9—10, зато ни малѣйшаго вѣтерка. Чудный зимній воздухъ, освѣжающій и бодрящій, привелъ всѣхъ въ прекрасное расположение духа. Одного не могли забыть — это ошибку проводника, увѣрявшаго насъ въ знаніи мѣстности, благодаря чему мы проплутали до глубокой ночи.

Но вчерашняго утомленія какъ не бывало. Лошади бодро сѣменили ножками.

Отъ деревни, гдѣ мы заночевали, опредѣляли пять-шесть верстъ до Джанъ-Тана. Однако, проскакавъ съ полчаса, цѣли нашей поѣздки все еще не было замѣтно, а между тѣмъ поле ровное, степного характера, и если бы не чахлыя деревья, попадающіяся около фанзъ, казалось бы, что ёдешь по Тамбовской губ.

— Дозорный! Ты опять сбился съ дороги? — крикнулъ одинъ изъ офицеровъ проводнику.

— Такъ тошно... На югъ надо направление брать... — отвѣтилъ проводникъ.

Проѣзжая попутную деревню, мы вновь принялись разсирашивать китайцевъ:

— Джанъ-Тана? до ся ли?

И, такимъ образомъ, кое-какъ добрались до Джанъ-Тана часамъ къ десяти съ половиной.

Въѣзжаемъ въ деревню, бывшую всего лишь мѣсяца полтора тому назадъ въ рукахъ японцевъ. Здѣсь былъ бой. Отсюда охотничья команда Шелихова съ поручикомъ Клярцевичемъ вышибла японскую заставу и гнала ее до Каламы, гдѣ встрѣтила значительныя непріятельскія силы и отошла назадъ.

Глиняная стѣна, окружавшая деревню, мѣстами разрушена. Попадаются разрушенныя фанзы. Въ уцѣлѣвшихъ видны наши пѣши и конные пограничники. Мы проскакали довольно широкую площадку, завернули въ кривую улицу и остановились у одного двора; у калитки стоялъ дневальный при холодномъ оружіи. Здѣсь находился командиръ сотни, и мы приѣхали къ нему.

Чистый дворъ хорошо выметенъ. У коновязей стоять кони и жуютъ скудный кормъ, состоящей изъ чумизной соломы.

Зашли въ фанзу. Оказалось, двѣ квадратныя комната съ низкимъ потолкомъ, но обычные каны устланы чистыми циновками, потолокъ и стѣны оклеены бумагой, а въ китайскія окошечки даже вдѣланы по квадратному кусочку стекла, благодаря чему въ комнатахъ неѣтъ мрака, свойственнаго манджурскимъ жилищамъ.

Имѣются даже слѣды роскоши: хороший крашеный столъ, два деревянныхъ «кресла» китайской работы, шкафчики, высокіе, отъ пола до потолка, со множествомъ шифоньерокъ и мѣдными украшеніями.

Эта деревня была въ полномъ смыслѣ слова— передовая позиція.

По другую сторону рѣчки, въ полутораста ша-

гахъ, не болѣе, расположилась японская застава. Наши часовые днемъ и ночью подстерегаютъ непріятеля, послѣдніе — нась. Стоитъ выйти на берегъ и увидишь черненькаго человѣчка съ ружьемъ и нѣсколько другихъ, одѣтыхъ также въ черное, шныряющихъ по разнымъ направлѣніямъ съ связками гаоляна или мѣшками, очевидно, провіанта или фуража.

Столкновенія каждый день, а больше ночью.

Командиръ сотни принялъ всѣхъ чрезвычайно радушио. Особено его обрадовалъ пріѣздъ назначенаго ему въ помощь офицера. Явился самоваръ, и всѣ не безъ удовольствія принялись за горячій китайскій напитокъ.

— Закусите, господа, а въ часть мы пойдемъ обѣдать къ командиру 55-й роты, штабсъ-ротмистру Артаблевскому, — заявилъ намъ гостепріимный сотенный командиръ.

— Какъ вы спокойны! — не могъ я не выразить своего удивленія. — Можно подумать, что вы живете въ совершенно мирной обстановкѣ.

— Чего-же намъ беспокоиться? — улыбаясь, возразилъ мнѣ поручикъ.

— Помилуйте, непріятель, можно сказать, въ двухъ шагахъ.

— Э, батенька, пустяки. Мы привыкли.

— Ну, а ночью: едва раздается выстрѣлъ, всѣ одѣты и выбѣгаютъ на какой-нибудь заранѣе условленный пунктъ?

Поручикъ отъ души расхохотался, какъ-будто я сказалъ самую несуразную глупость.

— Ничуть не бывало. Спимъ, какъ дома, раздѣваемся и на выстрѣлы не обращаемъ вниманія.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ вѣсть могутъ вырѣзать, какъ барановъ!?

— Ну, это дудки. Напрасно беспоконитесь. Дежурные части на своихъ мѣстахъ.

Въ этой фанзѣ и въ другой, гдѣ мы въ чась

дня обѣдали, жили раненые японскіе офицеры. Фанзы были заняты японской пѣхотой, во дво-рахъ находились коновязи японскаго эскадрона. Все это было для меня ново и полно интереса. Въ такой близости отъ непріятеля я еще никогда не былъ. Лѣтомъ, правда, приходилось видѣть врага и даже съ тревогой и страхомъ озираться вокругъ и прислушиваться къ свисту и бжиканью пуль, но противникъ въ большинствѣ случаевъ находился на «приличной» дистанції, настъ раздѣляли наши войска, отъ которыхъ меня также отдѣляло изрядное разстояніе, и опасаться слѣдовало одной случайности, возможной и на улицахъ нашей столицы, красавицы Сѣверной Пальмиры.

Однако, общее спокойствіе и видимое равнодушіе къ близости противника не могло не вліять и на меня, и я выразилъ желаніе полюбоваться на непріятельскихъ часовыхъ.

— А вотъ мы пойдемъ обѣдать. Фанза Артаблевскаго на самомъ берегу, выйдете за стѣну или станете на стѣну и будете любоваться японцемъ... Онъ вамъ пошлетъ привѣтствіе — двухлинейную пуллю... Онъ всегда дѣлаетъ это, едва завидитъ кого-нибудь на стѣнѣ.

Къ часу мы отправились къ штабсъ-ротмистру Артаблевскому. Его помѣщеніе оказалось болѣе просторнымъ и «меблировка» побогаче: два стола, кажется шесть окрашенныхъ черной краской лакированныхъ креселъ, широкіе черные шкафы, также лакированные, во всю стѣну, отъ пола до потолка. Въ рамы вставлены квадратики стекла. Словомъ, чувствовалась зажиточность «исправныхъ» китайскихъ крестьянъ.

Штабсъ-ротмистръ оказался занятымъ развѣдчиками; онъ выслушивалъ ихъ донесенія. По ихъ словамъ, въ деревняхъ по ту сторону Хунхе со-средоточено до двадцати тысячъ японской пѣ-

хоты съ артиллерией и большимъ количествомъ орудий.

До обѣда, въ ожиданіи конца бесѣды съ развѣдчиками, я вышелъ на стѣну. Сзади меня, подъ крышей фанзы, сидятъ пограничники и зорко смотрятъ вдалъ въ крошечное окошечко, специально для этого приложенное. За глиняной стѣной, шагахъ въ десяти, вѣтается покрытая льдомъ рѣчка. За нею широкая площадь полей; саженяхъ въ ста, не далѣе, деревушка. Невооруженнымъ глазомъ хорошо видны снующіе взадъ и впередъ японскіе солдаты. Одни съ ружьями, другіе съ ношами.

И дѣйствительно, едва я выглянулъ съ поручикомъ Клярцевичемъ за валикъ глинянаго забора, раздался выстрѣль... Между фанзами въ узкой улицѣ стояли арбы, сгружавшія провіантъ и фуражъ. Пулька шлепнулась въ колесо и, «деформировавшись», т. е. сплюшившись, застряла въ деревѣ.

— Это резервная пуля,—замѣтилъ опытный поручикъ.—Не пуля, а шельма: даетъ отвратительныя пораненія.

Кстати, поручикъ въ бою у дер. Калама былъ раненъ и теперь вернулся въ строй принять охотничью команду еще даже не вполнѣ оправившійся. Таково было его собственное стремленіе на передовыя позиціи, и врачи не могли уговорить молодого офицера выждать окончательного выздоровленія. Въ концѣ октября я его видѣлъ на костыляхъ. На мой вопросъ, почему бы не выждать окончательной поправки ноги, онъ отвѣтилъ:

— Чортъ ее знаетъ, когда она поправится!.. Не могу сидѣть дома, когда здѣсь дѣло есть...

Рѣчка Хупхе змѣйкой вѣтается между обширными полями, но не слышно ея робкаго шопота, глазъ не ласкаетъ ея чистая, какъ кристаллъ,

вода. Она скована тонкой ледяной броней, словно скрываетъ отъ жадныхъ глазъ врага спящихъ красавицъ.

Въ излучинахъ этой ледяной ленточки приткнулись деревни, въ которыхъ много сотенъ лѣтъ мирно жили пахари манджуры, обрабатывавшіе свои плодородныя поля лѣтомъ, собиравшіе обильную жатву осенью и весело праздновавшіе свой праздникъ «дракона» зимою.

Какія у этихъ деревень странныя названія! Они кажутся смѣшными, и солдатъ нашъ говоритъ, что это не имена, а «собачьи клички».

По деревнямъ притаились наши и непріятельскія заставы.

Это, такъ сказать, самые передовые посты воюющихъ сторонъ.

Обѣ стороны другъ друга подстерегаютъ. Зазѣвается кто-нибудь, и нѣтъ его.

Надо правду сказать, японецъ, проявлявшій необыкновенную энергию и подвижность лѣтомъ, теперь, зимою, болѣе сонливъ, вялъ и неповоротливъ. Зимняя кампанія, очевидно, ему не по вкусу.

Вѣрность моего вывода подтверждается обра-
зомъ жизни людей на нашихъ заставахъ, въ за-
нятыхъ нами селеніяхъ. И офицеры, и нижніе
чины великолѣпно, чуть-ли не съ комфортомъ
устроились въ китайскихъ фанзахъ. Каны вы-
стланы чистыми плетенками, а офицерскія помѣ-
щенія даже оклеены обоями. У нихъ довольно
много вещей: чемоданы, коврики, узлы, поход-
ныя постели. Спать не раздѣваясь. За утреннимъ
чаемъ, обѣдомъ или ужиномъ ничто не напоми-
наетъ близости врага.

И это поразительное спокойствие кажется стран-
нымъ непривычному пришельцу. Между дерев-
нями шныряютъ конные вѣстовые, даже офи-
церы не рѣдко безъ всякаго конвоя.

— Господа, сегодня произведемъ развѣдку,— заявляетъ начальникъ охотничьей команды замурцевъ, поручикъ Лашкевичъ.— Чортъ, соскучился отъ бездѣлья.

— Кстати, имѣется и распоряженіе изъ штаба. Генералъ Косаговскій приказалъ произвести усиленную развѣдку. Пойдетъ 55-я рота подъ командой штабсъ-ротмистра Артаблевскаго и, пожалуй, взводъ 40-й сотни,— заявляетъ начальникъ заставы.

Извѣстіе о распоряженіи изъ штаба произвести усиленную развѣдку всѣхъ замѣтно оживило. Всѣ какъ-то пріободрились. Началось общее движение. Изъ сосѣднихъ фанзъ выбѣгали солдаты съ ружьями и строились, выводили лошадей; не обходилось, конечно, безъ крѣпкихъ словъ.

Менѣе чѣмъ въ десять минутъ все было готово къ выступленію. Рота выстроилась въ одну линію, командиръ отдавалъ послѣднія распоряженія, охотничья команда съ лихимъ поручикомъ Лашкевичемъ и волонтеромъ Вехтеромъ уже направилась черезъ Хунхе и быстро движется къ д. Манченъ. Вслѣдъ за ними зо человѣкъ отдѣляется отъ роты и также быстро переходитъ черезъ рѣку и беретъ направлѣніе на «Эфіопію» (Вандіону), другіе зо человѣкъ съ десятью всадниками «освѣщаются» мѣстность, т. е. шныряютъ вблизи деревень, стараясь вызвать попрятавшихся въ фанзы японцевъ на опушку селенія, чтобы завязать «оживленный обмѣнъ мнѣній» изъ винтовокъ.

Поле ровно, гладкое, кое-гдѣ покрытое легкимъ снѣжнымъ налетомъ. Съ одного берега на другой смотришь невооруженнымъ глазомъ и видишь все, какъ на ладони.

Раздается пѣсколько выстрѣловъ, сухихъ, отрывочныхъ. Гдѣ-то, вѣроятно позади, пропѣла пуля. По ся звуку знаю, что это японская двухлинейная, хотя здѣсь, на вражескихъ заставахъ, много

хунхузовъ, несущихъ у японцевъ развѣдочную службу и вооруженныхъ четырехлинейными винтовками. Понадаются и японцы-резервисты съ старыми ружьями и мѣдными пулями.

Копные, только что гарцовавшіе вблизи деревни, занятой непріятелемъ, быстро, «наметомъ», скакутъ обратно. Ихъ встрѣчаетъ начальникъ заставы, которому они докладываютъ, что необходимо усилить лѣвый флангъ общей развѣдки. Одна изъ японскихъ заставъ оказалась укрѣпленной окопами, и чтобы выбить изъ нея противника, слѣдуетъ сдѣлать «охватъ» во флангъ.

Съ такой-же быстротой, хотя безъ малѣйшей суеты, словно прекрасно сыгравшіеся актеры, вылетаютъ изъ деревни 45 всадниковъ для охвата. Ими командуетъ молодой вахмистръ Собакинъ, ловкій и расторопный заамурецъ, понаторѣвшій еще въ мирное время въ стычкахъ съ хунхузами.

Не переходя рѣчку, онъ командаeтъ «слѣзай», спѣшиваетъ свой взводъ, который разсыпается въ цѣпь и направляется бѣгомъ на опушку деревни Вандіопа, откуда тарахтять выстрѣлы, беспорядочные, одинъ за другимъ. Но всадники и не замѣчаютъ летящихъ надъ головами пуль,— не отвѣчая на выстрѣлы, быстро движутся къ селенію и уже съ разстояніемъ сотни шаговъ ложатся на обмерзшую землю и даютъ иѣсколько выдержаныхъ залповъ.

Да, это уже не беспорядочные выстрѣлы врага, это хороший дисциплинированный огонь привычныхъ къ боевой обстановкѣ заамурцевъ. Эти люди знаютъ свою силу.

Изъ деревни врагъ выбить буквально въ иѣсколько минутъ, видны скакущіе всадники на слѣдующую деревню Сандяпу, откуда вскорѣ открываетъ огонь другая непріятельская застава, очевидно, разсчитывающая поддержать своихъ.

Это картина развѣдки съ лѣваго фланга. Съ

праваго наступають на деревни Хэсантай и Ядзынау. Взводомъ заамурцевъ командаеутъ вахмистръ Гадомскій. Въ 200 шагахъ отъ окопа у деревни Ядзынау онъ останавливается и открывается огонь залпами.

Ему въ свою очередь отвѣчаютъ перекрестнымъ огнемъ изъ деревень Вандіопа и Ядзынау. Завязывается оживленная перестрѣлка на десять — пятнадцать минутъ, пока взводъ вахмистра не добѣжалъ до окопа и штыками не выгналъ оттуда японцевъ.

Солнце спускается съ своего зенита. Воздухъ охлаждается. Морозъ усиливается. Развѣдка, начавшаяся съ 11 часовъ утра, заканчивается атакой деревни Вандіопа, откуда выбитые японцы бѣгутъ къ слѣдующему селенію Ліутай. Ихъ преслѣдуетъ волонтеръ Вехтеръ, командующій пограничными развѣдчиками (заамурцами).

Уже передъ вечеромъ къ нему подоспѣваетъ помощь. Охотники Орского полка подъ командой поручика Пинягина вливаются въ цѣль развѣдчиковъ заамурцевъ и ввязываются въ общий бой.

Въ 300 шагахъ отъ деревни Ліутехоу останавливаются, оправляются, провѣряютъ наличный составъ, справляются, нѣтъ-ли раненыхъ. Замираютъ послѣдніе выстрѣлы. День догораетъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца прощаются съ грѣшистой землей, злобствующими врагами, а морозъ становится чувствительнѣе и сковываетъ энергию непривыкшихъ къ холодамъ японцевъ.

Развѣдочныя части возвращаются обратно къ своей заставѣ.

Они выяснили силы противника въ испрѣятельскихъ заставахъ, словомъ, исполнили свой долгъ.

Не обошлось безъ потерь. Убитъ мѣдной пулей вахмистръ 55-й роты. Пуля, попавъ въ високъ, «деформировалась» и срѣзала почти пол-

черепа... Жаль героя. Онъ защищалъ и сжигалъ ляоянскій мостъ, онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ до мукденскихъ включительно. Миръ нраху героя, исполнившаго свой долгъ до послѣдняго момента.

Ранено еще 5 нижнихъ чиновъ и офицеръ Д'Андре, опасно, въ животъ...

Вечеромъ собрались въ фанзѣ и горячо обсуждали развѣдку.

Зимнія картинки на передовыхъ позиціяхъ.

8 января 1905 г.

Великолѣпное зимнее утро. Морозный воздухъ не мѣшаетъ лучамъ южнаго солнца испускать свою мягкую, ласковую теплоту. Зима какъ-то не чувствуется и даже не вѣришь, что она существуетъ въ Манжуріи.

Въ прошломъ году снѣжныя метели разгуливали по полямъ, заносили пути, останавливали движение поездовъ, а теперь снѣга очень мало. Кое-гдѣ тонкая бѣлая пелена плотно прилипла къ пыльной, замерзшей землѣ и постепенно смѣшивалась съ этой желтой глинистой пылью.

Правда, рѣчка скована льдомъ, но это плоды ноябряскихъ морозовъ и декабряскихъ почныхъ заморозковъ, достигавшихъ иногда 10—15 градусовъ.

На крышахъ фанзъ селенія Чжанъ-танъ также не замѣтишь снѣга, если не считать засидевшій гаоляновой соломы.

Село, или, вѣрѣ, военная застава изъ сотии

замурцевъ-пограничниковъ, одной пѣхотной роты того же округа, роты, кажется, юхновцевъ, проснулось, и жизнь закипѣла во-всю. Конные солдаты поять лошадей, чистятъ ихъ, сѣдлаютъ. Слышишь русскіе голоса, понукающіе монгольскихъ лошадокъ привычными китайскими односложными звуками:

— И-и! — произносить солдатъ, одѣтый въ короткій полушубокъ и толстые валенки, вѣроятно привезенный изъ Сибири, судя по краснымъ и синимъ каемкамъ, украшающимъ эту неуклюжую обувь.

— Первый и четвертый взводъ, сѣдлать коней! — слышится громкій, властный голосъ вахмистра-пограничника, молодого человѣка съ симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ.

Со стороны новому неопытному наблюдателю покажется, что поднялась суматоха, что люди въ суетѣ не то дѣлаютъ, но, взглядѣвшись внимательнѣе, увидишь каждого у своего опредѣленнаго дѣла, исполняющаго его съ толкомъ и спокойнымъ сознаніемъ своей силы.

— Стало быть, въ набѣгъ, — произносить мрачный пограничникъ, рядовой, затягивая подсѣдельникъ.

Онъ произноситъ фразу ни къ кому не обращаясь, а словно отвѣчаетъ на собственную назойливую мысль.

— Въ набѣгъ, такъ въ набѣгъ, — резонно отвѣчаетъ рядомъ копошившійся товарищъ. — Она меднись точно также въ набѣгъ отправлялись... Оно занятіе веселое, особенно ежели какого япошку изловишь... Кони у нихъ, словъ иѣть, хороши... Люблю я у врага коней отбивать...

— А по затылку не получалъ?

— Што жъ што получалъ... И я спуску не даю...

— Полусотня, смироно! — раздается команда.

Идетъ начальство: молодой начальникъ сотни, штабсъ-ротмистръ П—въ и младшій офицеръ кавказецъ М—зе. Сотенный командиръ дѣловито здоровается съ людьми, съ серьезнымъ лицомъ проходитъ по рядамъ лошадей, внимательнымъ окомъ осматриваетъ животныхъ съ головы до ногъ.

— Вахмистры! У «Барыни» задняя нога болитъ.

Вахмистръ подскакиваетъ, держа развернутую ладонь руки у папахи, и отвѣчаетъ:

— Никакъ нѣть, ваше благородіе. Хитрая, подлѣющая кобыла.. Одно слово баба. Въ нарядъ не хочетъ итти.

— Разсказывай!.. — недовѣрчиво замѣчаетъ сотенный.

Но ловкій вахмистръ, до тонкости изучившій привычки своихъ четвероногихъ, толчкомъ ноги, обутой въ валенку заставляетъ «Барыню» вздрогнуть всѣмъ корпусомъ и стать на всѣ четыре короткія, толстые мохнатыя ноги.

Сотенный командиръ дѣлаетъ распоряженіе.

— Смотри, братцы, не зарваться!.. Оглядывайся по сторонамъ, наблюдай осторожность... На развѣдкѣ требуется выманить непріятеля, заставить его обнаружить свои силы... Понимаешь?..

— Понимаемъ, ваше благородіе!

— Не гоняться за лошадьми, чтобы не было напрасныхъ потерь!..

Послѣдняя фраза звучитъ неувѣренно. Штабсъ-ротмистръ всегда радуется, когда ему приводятъ нѣсколько непріятельскихъ коней сѣрыхъ и бѣлыхъ тонконогихъ австралійцевъ.

Полусотня высыпала изъ-за высокихъ глиняныхъ заборовъ въ узкую кривую деревенскую улицу. Молодой корнетъ, полусотенный командиръ скомандовалъ: «справа по одному» и самъ поскакалъ впередъ, а за нимъ мелкой рысцой понеслись всадники.

Узкій, кривой переулокъ вливается въ широкую, просторную площадь.

Тамъ уже появились повозки, арбы, нагруженные фуражемъ и топливомъ. Далѣе выстроилась рота. Она также отправляется на развѣдку. Конные быстро дѣлятся на двѣ части, одинъ взводъ спускается къ рѣчкѣ съ одной стороны деревни, другой бѣжитъ въ противоположную сторону, а рота медленно вытягивается посерединѣ и въ колониѣ «рядами» также спускается къ рѣкѣ, гдѣ тогдача выстраивается въ боевой порядокъ.

Я наблюдаю изъ-за сноповъ гаоляна, разставленныхъ по стѣнѣ полуразрушенаго забора, но когда взводы перешли рѣку и разсыпались по полю и начинаютъ наступленіе на противоположную деревню, я не выдерживаю и вылѣзаю изъ-за прикрытия и съ замираніемъ сердца слѣжу за открывющейся моимъ глазамъ картиной.

Вправо, въ разстояніи около полуверсты, быстрымъ аллюромъ куда-то скачутъ конные пограничники, прямо движутся уступами пѣхотные взводы. Затарахтѣли выстрѣлы. Ясно, какъ на ладони видно, какъ засуетились въ противоположной деревнѣ японцы. Однако, странно. Мало ихъ. Отдѣльныя черныя фигурки перебѣгаютъ улицу и исчезаютъ за глиняными заборами. А рота претъ, не обращая вниманія на сыплющіяся неизвѣстно откуда пули... Потомъ все объясняется. Небольшая часть японцевъ заняла окопъ впереди деревни и притаилась, а изъ крышъ фанзъ идетъ частая стрѣльба пачками.

Уступы нашей цѣпи бѣгутъ, ложатся, стрѣляютъ, опять вскаиваютъ и опять бѣгутъ, соблюдая очередь: одинъ взводъ бѣжитъ, а другой стрѣляетъ залпами. Японцы въ окопѣ, не дождавшись приближенія нашихъ, поодиночкѣ убѣгаютъ куда-то. Иной споткнется и приникнетъ

къ землѣ. Другой, неестественно покружившись разъ—другой, также падаетъ...

Закипаетъ слабый бой въ деревнѣ. Оттуда слышны отдалыи крики и визги, и наша рота уже впереди деревни. Она выбила маленькую заставу, которая въ беспорядкѣ, даже побросавъ ружья, бѣжитъ къ слѣдующей деревнѣ. Наши преслѣдуютъ, но далѣе ихъ встрѣчаетъ «адскимъ» огнемъ болѣе сильный отрядъ японцевъ, повиновимому, съ пулеметными и другими орудіями.

Вскрѣпъ слышится трещаніе пулемета, летить, свистя, иѣсколько шрапнелей, и нашъ развѣдывательный отрядъ движется обратно, отстрѣливаясь.

Весь бой, или вѣрнѣе стычка, длится часть, полтора, не болѣе, замираютъ послѣдніе звуки выстрѣловъ, и рота вступаетъ обратно въ занимаемую ею деревню, неся двухъ раненыхъ.

Послѣ развѣдки офицеры, какъ ни въ чемъ не бывало, собираются въ фанзѣ-столовой, гдѣ пакрытъ столъ подобиемъ скатерти. Посрединѣ дымятся горячія щи, сваренные вѣстовыми или ротнымъ кашеваромъ изъ китайской капусты.

— А Вехтеръ молодчина!—говоритъ поручикъ, ведшій роту.

Вехтеръ—бывшій охранный офицеръ. Онъ въ отставкѣ. И я и мои товарищи - корреспонденты не разъ обѣдали въ его «гостиницѣ» въ Ляоянѣ, кумирни Ляоэ-Міяо. Это высокій субъектъ съ сѣрымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой порослью. Онъ очень любезенъ и недурно подкармливаетъ офицеровъ, заглядывающихъ въ его ресторанъ. Въ одинъ прекрасный день онъ покидаетъ гостиницу. Намъ сообщаютъ, что Вехтеръ возвращается «въ армию». Я его неожиданно встрѣчу въ концѣ декабря на заставѣ въ Чжанъ-Танѣ и офицеры про него говорятъ, что онъ добровольцемъ слѣдуетъ за ротой въ каждую развѣдку,

отличается поразительнымъ хладнокровiemъ и неустрешимостью.

— Сегодня,—говорить поручикъ, — нась изъ деревни встрѣтили сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, а Вехтеръ претъ впередъ, точно на прогулкѣ... Ей-Богу, молодчина.

Всѣ соглашаются, что Вехтеръ молодчина, и предлагаютъ выпить за его здоровье, а самъ герой бесѣды молчаливо жуетъ жилистое мясо, будто говорятъ не о немъ, а о совершенно постороннихъ предметахъ.

Вскорѣ возвращается и полусотня. Она также привезла раненаго, потеряла товарища на мѣстѣ, зато притащила трофеи: нѣсколько винтовокъ австралийскихъ и коней съ сѣдлами и безъ нихъ.

Н а п а д е н і е .

(Изъ боевой жизни заамурцевъ.).

31-го января 1905 г.

Примелькались эти маленькия кирпичныя строения, окруженныя кокетливыми каменными заборами, словно крѣпостями. Какъ-то странно выглядываютъ многочисленныя бойницы, онѣ какъ-будто манятъ врага, безмолвно приглашая его: «А ну подойди-ка поближе!..

Въ маленькому строеніи круглый годъ живеть небольшая горсточка русскихъ солдатъ. Это посты. Въ немъ всего двѣнадцать человѣкъ для смѣны часовыхъ на линіи дороги. Заброшенные изъ далекой Россіи люди чувствуютъ себя, въ этой крѣпостцѣ, среди необозримыхъ полей Манжуріи, теряющихся за предѣлами таинственной Монголіи, какъ дома.

Солдатъ уже выучился многимъ словамъ мандингурскаго обихода, и, отправляясь на развѣдку въ сторону, онъ обязательно спроситъ встрѣчнаго манзу:

— Эй, дося-ли Фо-кумыня?

И онъ отлично пойметъ манзюка, отвѣчающаго, глотая звуки, «сыли». На вопросительно-недоумѣвающій взглядъ солдата онъ, впрочемъ, покажетъ два или три пальца, для вящшаго вразумленія.

Придетъ оборванный желтокожій на постъ безъ предметовъ торговли, часовой обязательно замѣтить непремѣнному соглядатаю,—не безъ строгости.

— Эй, манза, шима (чего тебѣ)? Ломайла захотѣлъ! Я тебя!

Иногда солдатикъ въ шутку вскинетъ ружье, чтобы попугать китайца, а послѣдній, съежившись, спѣшитъ «удираѣла».

А внутри поста жизнь течетъ «своимъ чередомъ», по опредѣленному руслу.

Одинъ часовой зорко всматривается въ голубую даль съ вышки, другой бредетъ по посту, третій сидитъ около мостика, поминутно озираясь по сторонамъ, пропуская поѣзда съ множествомъ теплушекъ, или, какъ ихъ называютъ въ Россіи, «телячихъ вагоновъ», откуда вырываются на просторъ полей лихія родныя пѣсни и звуки разухабистой гармошки.

Вотъ, съ поста идетъ на смѣну часовому рядовой Шаткусъ. Это типичный литвинъ, маленький, круглолицій, пропорционально сложенный.

Занявши «мостицъ», онъ усаживается, прислонивъ ружье между колѣнями, извлекаетъ маленькую книжечку, молитвенникъ на польскомъ языке, и читаетъ молитвы. Это и развлекаетъ и успокаиваетъ его. Щемящая тоска по милой родинѣ, по роднымъ нивамъ и густымъ лѣсамъ, понемногу проходитъ.

Такъ Шаткусъ вышелъ на часы въ знойный лѣтній день.

Въ этотъ жаркій и душный день онъ испытывалъ какое-то неопределѣленное беспокойство. Тоска щемила сильнѣе обыкновенного, Шаткусъ пытался найти забвеніе въ маленькихъ пестрыхъ строчкахъ молитвенника.

Шаткусъ не замѣтилъ колыханія стеблей гаоляна, какъ не замѣтилъ и ползущаго на животѣ китайца. Послѣдній приблизился къ Шаткусу съ «тыла» и что есть мочи хватилъ его желѣзнымъ брускомъ по головѣ... Шаткусъ, безъ стона, замертво свалился. Манзѣ этого только и нужно было.

Онъ съ жадностью схватилъ ружье, снялъ съ убитаго патронташъ, пошарилъ по карманамъ, сдѣлалъ попытку стащить съ него сапоги, но вдали показалась смѣна, и манза быстрѣе молнией нырнула въ заросли гаоляна.

На посту ударили тревогу. Неожиданно, среди бѣлаго дня, убить часовой Шаткусъ.

Бѣднаго Шаткуса склонили около полотна дороги, поставили на свѣжей могилѣ бѣлый деревянный крестъ, и жизнь на посту вновь потекла по прежнему руслу, и лишь новые часовые, занявъ постъ у мостика зорко взглядывались въ зеленѣющую поверхность гаоляна.

Спустя два дня, въ темную ночь, двое часовыхъ скорѣе почувствовали чѣмъ услышали шорохъ въ гаолянѣ. Они молча переглянулись и стали зорко всматриваться въ темную даль. Шорохъ приближался. Ясно стало, что кто-то подкрадывается съ злымъ намѣреніемъ. Одинъ изъ часовыхъ вскинулъ ружье, и грянулъ выстрелъ. Вслѣдъ за нимъ раздалось еще иѣсколько выстреловъ по линии. Это другіе часовые подняли тревогу.

По гаоляну пробѣжала зыбь, а потомъ видны

были силуэты удирающихъ во всѣ лопатки хунхузовъ. Ясно стало, что гдѣ то, вблизи полотна, въ одной фанзѣ—импани существуютъ хунхузы, охотящіеся на часовыхъ, чтобы грабить оружіе.

На слѣдующій день былъ присланъ поручикъ Кислицынъ съ приказаниемъ произвести дознаніе, а главное изслѣдовать окрестности, обыскать импани вблизи дороги.

Кислицынъ—юный поручикъ, только что прибывшій изъ Россіи. Онъ, собственно, еще и не освоился съ опасной службой заамурца. Онъ взялъ съ поста всего четыре человѣка и отправился въ «экспедицію», какъ онъ въ шутку самъ назвалъ свою миссію.

Верстахъ въ пяти—шести отъ полотна дороги стояла одинокая импани. Она была окружена высокимъ глинянымъ заборомъ, изъ-за котораго едва чернѣли крыши фанзъ.

Не дойдя до импани ста шаговъ, поручика встрѣтили изъ этой степной крѣпости частымъ огнемъ. Завязалась перестрѣлка. Судя по выстрѣламъ, въ импани засѣло много хунхузовъ. Наступающихъ русскихъ было всего пять человѣкъ, въ томъ числѣ офицеръ Кислицынъ. Вскорѣ пуля ударила въ руку офицера и раздробила ее... Кровь полилась ручьемъ... Подбѣжалъ солдатикъ.

— Вы ранены, ваше благородіе? Позвольте я перевязку сдѣлаю.

— Ступай, дѣлай свое дѣло... Насъ мало... Отойти мы не можемъ, иначе всѣхъ насъ перебьютъ... Видишь, въ импани много враговъ...

И, дѣйствительно, какъ-бы въ отвѣтъ изъ импани выбѣжало человѣкъ двадцать пять вооруженныхъ и, стрѣляя, выказали намѣреніе окружить заамурцевъ. Положеніе становилось опаснымъ.

Хунхузамъ не трудно было бы справиться съ четырьмя солдатами.

Поручикъ Кислицынъ догадался снять шапку и, поднявъ ее здоровой рукой кверху, махалью, какъ-бы приказывая идущимъ на помощь обойти импани съ фланга.

Хунхузы повѣрили маневру, прекратили пальбу и скрылись.

Это не остановило поручика. Онъ приблизился съ четырьмя солдатами къ импани и, такъ сказать, взялъ ее приступомъ, т. е. взломалъ ворота и вошелъ во внутренность двора.

Нѣсколько фанзъ, одинѣ побольше, другія поменьше, были разбросаны по широкому двору. Стояли арбы съ запряженными въ нихъ мулами.

Очевидно, тутъ готовились къ выступленію въ походъ. Было тихо. Словно все вымерло. Поручикъ оставилъ часового у воротъ, а съ остальными вошелъ въ фанзу. Тамъ онъ увидѣлъ нѣсколько китайцевъ, будто предававшихся мирнымъ занятіямъ.

— Хунхузъ ю-мью! — спросилъ поручикъ.

— Мьюла, — отвѣтилъ одинъ изъ китайцевъ.

Однако, обыскавъ фанзу, нашли оружіе, наши винтовки, взятые у убитыхъ часовыхъ, и патронташи. Поручикъ вмѣстѣ съ оружіемъ арестовалъ и трехъ китайцевъ, изъ которыхъ одинъ казался особенно подозрительнымъ. Связавъ арестованныхъ и сложивъ забранное оружіе и патроны въ арбу, отправились обратно къ посту.

По дорогѣ китайцы изумлялись, что не видять солдатъ, шедшихъ на помощь четыремъ отважнымъ заамурцамъ, подъ командой офицера забравшимся въ импани, гдѣ было болѣе 30 человѣкъ хунхузовъ.

— Капитана, — говорить въ пути одинъ изъ китайцевъ, обращаясь къ Кислицыну, — ломайла

тебѣ, еслибъ мы знали, что у тебя всего четверо солдатъ.

А кровь изъ раны поручика Кислицына лила ручьемъ. Достигши поста на мосту рѣки Дунь-Ляохэ, онъ потерялъ сознаніе отъ потери крови и отъ перенесенного напряженія.

Я описываю этотъ фактъ, ярко характеризующій отвагу нашихъ заамурцевъ, охраняющихъ полотно дороги. Едва ли кто повѣриТЬ, что четыре солдата и одинъ офицеръ выступили противъ хорошо вооруженной шайки хунхузовъ и не только одолѣли ее, но и отобрали оружіе, арестовавъ главныхъ разбойниковъ, а между тѣмъ это совершенно такъ, какъ я описалъ.

Старшій арестованный прикинулся «купезой», но это оказался типичный «пристанодержатель» и, пожалуй, самъ атаманъ шайки, что онъ на допросѣ, впрочемъ, упорно отрицалъ. Его постигла «законная участъ». Ему отрубили голову. Но сколько такихъ еще гуляетъ по обширнымъ полямъ Манджуріи?

Сяо-цун-зыръ (эпопея „маленькаго“ разбойника).

27 января 1905 г

Я видѣлъ его, Сяо-цун-зыра, подъ креѣкимъ карауломъ въ маленькой свѣтлой комнаткѣ, въ зданіи штаба Заамурскаго округа. Ранѣе я слышалъ о немъ отъ русскихъ и китайцевъ, ведущихъ торговыя дѣла съ Монголіей. Это гроза цѣлой области. Этотъ маленький человѣчекъ съ глазами, горящими, какъ у голоднаго волка ночью, наводилъ страхъ на весь округъ Дунь-Ляохе, Куанченцы, Гуньчжулинъ и далѣе вглубь Монголіи.

У маленькаго разбойника, попавшаго къ намъ въ руки, благодаря неусыпной дѣятельности штаба Заамурскаго округа, имѣется своя исторія и даже цѣлая эпопея.

Сяо-цун-зыръ происходит изъ китайской семьи, исповѣдующей католицизмъ, слѣдовательно христіанской семьи, живущей въ известномъ въ Манджуріи миссіонерскомъ округѣ Тапа-діа-за.

Едва Сяо-цун-зыръ подросъ, его опредѣлили въ миссіонерскую школу, но душа его еще съ дѣтства обнаруживала бурныя наклонности. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ стѣнахъ школы, онъ передрался со всѣми маленькими товарищами, кое-кому переломалъ ребра, а кому вывихнулъ пальцы и бѣжалъ, спасаясь отъ заслуженного наказанія, въ городѣ Бодунѣ, къ дядѣ. Послѣдній принялъ племянника и нѣкоторое время держалъ у себя въ качествѣ свинопаса. Рѣзвость и крайне бурный характеръ мальчугана заставили дядю призадуматься надъ его участіемъ. Къ чему приспособить эту загадочную натурѣ? Какое дать ей направление?

И дядя опредѣлилъ племянника въ ямынь фудутуна помощникомъ палача...

Нѣсколько лѣтъ мальчикъ учинялъ допросы «съ пристрастиемъ» подсудимымъ бодунѣскаго фудутуна, ломалъ имъ кости, давилъ въ колодкахъ, досчитыхъ тискахъ, такъ что только кости хрустѣли, и зарабатывалъ своей жестокой профессіей отъ сорока до пятидесяти дяо въ годъ, т.-е. около двадцати пяти рублей, что составить немногого болѣе двухъ рублей въ мѣсяцъ.

Однако ремесло палача, повидимому, не удовлетворяло бурныхъ потребностей Сяо-цун-зыра, и онъ оставилъ свою должность, когда ему минуло 17 лѣтъ, и поступилъ въ солдаты. Служба его текла довольно счастливо. Энергія и ловкость

молодого солдата были замѣчены и оцѣнены по достоинству: его повысили въ унтеръ-офицеры и вскорѣ даже назначили, исправляющимъ высшую должность съ присвоеніемъ стеклянного шарика 6-й степени. Но спустя нѣкоторое время что-то приключилось съ маленькимъ и ловкимъ китайцемъ, безъ всякоаго образования достигшимъ у китайскихъ властей нѣкотораго успѣха по службѣ. Фудутунъ намѣревался арестовать Сяо-цун-зыра и подвергнуть наказанію, быть можетъ обезглавленію. Это побудило офицера китайской милиціи бѣжать въ Монголію, гдѣ онъ сдѣлался хунхузомъ и вскорѣ, благодаря своей ловкости, жестокости и непреклонной волѣ, попалъ въ атаманы шайки.

Послѣ Тулисана, шайка Сяо-цун-зыра была самая грозная.

Она дѣлала много бѣдъ, грабила безъ пощады, убивая сопротивляющихся, высасывая всѣ соки трудолюбиваго земледѣльческаго населенія.

Но вотъ разыгралась кровавая драма на Дальнемъ Востокѣ. Японцы еще до объявленія войны стремились войти въ дружественные сношенія съ атаманами большихъ шаекъ; нѣкоторые дали обѣщаніе присоединиться къ нимъ, когда наступить время, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и Сяо-цун-зыръ, вступили въ переговоры съ «тифангунами» и «фудутунами» о переходѣ на службу со своими шайками въ милицію цзянь-цзюней.

Сяо-цун-зыръ изъ маленькаго волка, грабившаго манджурское населеніе, превратился въ «шибко болсого» капитана. Еще-бы—онъ разбогатѣлъ грабежомъ, пріобрѣвъ такимъ образомъ возможность заплатить крушину взятку тифангуну изъ Тападъязы, который выхлопоталъ недавнему разбойнику чинъ ротмистра китайской милиціи, опредѣлилъ его со своей шайкой на службу къ мукденскому цзянь-цзюню, а послѣд-

ний, въ свою очередь, подчинилъ его тападъяз-скому тифангуану.

Съ этого момента волкъ манджурскихъ полей, гроза сель и городовъ, превратился въ энергичнаго командира коннаго отряда китайской милиции. Онъ не только прекращаетъ грабежи и разбои, но, наоборотъ, защищаетъ свой округъ отъ хунхузовъ, съ коими ведеть борьбу, которыхъ уничтожаетъ безпощадно; мало того, строго наказываетъ своихъ бывшихъ разбойниковъ за причиненные ими обиды мирнымъ пахарямъ и горожанамъ.

Молодой, всего 25 лѣтъ отъ роду, и энергичный китайскій «капитанъ», изъ бывшихъ пастуховъ, затѣмъ палачей и неумолимыхъ предводителей хунхузовъ, не могъ не обратить на себя вниманія японцевъ. Послѣдніе нѣсколько разъ посыпали къ нему своихъ делегатовъ съ предложениемъ перейти къ нимъ на службу. Ему присыпали и денегъ и обмундировку для его солдатъ-хунхузовъ, но Сяо-цун-зыръ энергично отрицаетъ свое участіе въ качествѣ японскаго наемника, хотя его набѣги на желѣзнодорожную линію съ точностью установлены. Большинство людей его шайки вооружены винтовками и патронами, отнятymi у нашихъ убитыхъ солдатъ.

Городъ Тападъязы находится въ треугольникѣ между станціями Гуньжулинъ-Куанченцы, верстахъ въ сорока отъ желѣзнодорожнаго пути. Это крупная миссіонерская колонія. Тамъ живетъ нѣсколько миссіонеровъ, изъ которыхъ наибольшей известностью пользуется французскій миссіонеръ Фоссеръ.

Въ этомъ районѣ расположился Сяо-цун-зыръ съ своимъ отрядомъ или вѣрище шайкой, и, разумѣется, такая близость хунхузовъ, хотя и стоявшихъ у мукденскаго цзянъ-цзюня, но фактически находящихся подъ вліяніемъ японцевъ, не могла

не беспокоить бодрствующихъ на охранѣ линіи заамурцевъ. Они слишкомъ хорошо знали бывшаго атамана разбойничьей шайки, замаскированнаго павлиньимъ перомъ и шарикомъ 5-го класса.

Въ это же время усилились нападенія на желѣзнодорожную линію, и известный нашимъ читателямъ ротмистръ заамурскаго округа пограничной стражи Линицкій повелъ съ ними энергичную и непрерывную борьбу. Атаманы хунхузовъ прекрасно знали русскаго «капитана», подстерегающаго ихъ буквально на всѣхъ перекресткахъ.

И действительно ротмистръ Линицкій обладаетъ особыми качествами. Я познакомился съ этимъ типичнымъ выходцемъ изъ сердца Малороссіи еще въ сентябрѣ прошлаго года въ Кайюані. Странный офицеръ. Онъ соединяетъ въ своей типичной особѣ кротость голубя съ мудростью или хитростью змеи и смѣлостью льва. Онъ заманилъ Толокадо съ его шайкой, о чёмъ я писалъ еще въ декабрѣ прошлаго года, онъ же велъ борьбу съ Сю-цун-зыромъ и, въ концѣ концовъ, не только уничтожилъ его шайку, но и его самого искусно завелъ въ ловушку, поймалъ и вмѣстѣ съ трофеями: оружиемъ, лошадьми, патронами и выюкомъ, доставилъ въ Харбинъ, въ штабъ заамурскаго округа, гдѣ мнѣ удалось лично любоваться этимъ энергичнѣйшимъ и самымъ ловкимъ изъ манджурскихъ разбойничихъ атамановъ.

Вотъ подробности поимки этого руководителя хунхузскихъ шаекъ. Второго января ротмистръ Линицкій выступилъ съ сотней изъ мѣста своей стоянки на городъ Сю-ченцзы. На пути слѣдованія распускались умышленно ложныя свѣдѣнія о цѣли движенія отряда. Какъ разъ въ это время наши разведчики донесли, что въ Монголіи происходитъ какое-то движеніе, что крупныя шайки въ нѣсколько тысячъ всадниковъ, подъ предво-

дительствомъ японцевъ, движутся изъ Харбашаня на линію желѣзной дороги. Ротмистръ Линицкій воспользовался этими слухами, утверждая на всѣхъ привалахъ, что движется съ своей 16-й сотней на встрѣчу шайкамъ, предводительствуемымъ японцами, въ Харбашань.

На зарѣ третьяго января, подъ покровомъ густого тумана, бѣлыми волнами стлавшагося по полямъ, сотня приблизилась къ деревнѣ Си-дято-вона. Вблизи этой деревни находился постъ китайской милиціи изъ отряда Сяо-цун-зыра. Милиционеры помѣщались въ импани, окруженнай лѣсомъ. Наша сотня подошла къ посту незамѣтно и окружила его. Въ импани оказались люди Сяо-цун-зыра, но его самого не было. Пришлось объяснить милиционерамъ, что ихъ ошибочно сочли хунхузами, и послѣ короткаго привала сотня поскакала дальше, взявъ направление на другое село къ сѣверу, показывая этимъ, что главная цѣль нашего отряда—Харбашань.

Послѣ ночлега въ деревнѣ Ян-да-ченцзы сотня Линицкаго выступила на юго-западъ, гдѣ въ одной изъ попутныхъ деревень предполагался другой постъ Сяо-цун-зыра. На пути выяснилось, что отрядъ обнаруженъ солдатомъ Сяо-цун-зыра, ускакавшимъ, по показанію мѣстныхъ жителей, на постъ; тамъ несомнѣнно и находился капитанъ китайской милиціи, бывшій атаманъ грабителей.

Открыто двигаться на постъ было бесполезно. Сяо-цун-зыръ, конечно, не сталъ бы дожидаться приближенія русскихъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ всей разбойничьей душой и въ то же время боялся пуще огня. Пришлось хитрить, лавируя по полямъ и деревнямъ. На ночлегъ въ одномъ изъ поселковъ явился безоружный солдатъ Сяо-цун-зыра. Онь рассказалъ о своихъ недоразумѣніяхъ съ своимъ атаманомъ, о грозящихъ ему

якобы непріятностяхъ, о желаіи начальника учинить надъ нимъ судъ и расправу, что побудило его бѣжать къ русскимъ.

— Кантами!— говорилъ онъ командиру 16-й сотни, дѣлая движение рукой вокругъ шеи.

Опытный ротмистръ выслушалъ солдата и предложилъ ему остаться при отрядѣ въ качествѣ проводника на Монголію. Вахмистру же своему приказалъ не спускать глазъ съ китайского солдата, но и не препятствовать его намѣренію бѣжать. Дѣйствительно, едва надвинулись сумерки, солдатъ Сяо-цун-зыра исчезъ. Его, впрочемъ, никто и не искалъ.

На разсвѣтѣ 6-го января сотня выступила въ путь и, кружка по селамъ и деревнямъ, къ вечеру, сдѣлавъ переходъ въ семьдесятъ пять верстъ, нагрянула на берлогу манджурского волка Сяо-цун-зыра.

Это было на одномъ изъ постовъ его милиционеровъ. Отставной палачъ, а нынѣ капитанъ китайскихъ войскъ, находился въ импани вмѣстѣ съ своими людьми. Разбойничью крѣпостцу окружили. Заамурцы ураганомъ налетѣли, и Сяо-цун-зыру ничего не осталось какъ сдаться.

И онъ сдался съ оружиемъ и бывшими хунхузами. На допросѣ онъ отрицалъ свою прикосненность къ японской арміи, отрекался отъ набѣговъ на линію желѣзной дороги съ разрушительными намѣреніями, но запирательства ни къ чему не привели. Отношенія китайского капитана Сяо-цун-зыра къ японцамъ, набѣги на дорогу и прочее установили съ несомнѣнною точностью.

Главная привычка Сяо-цун-зыра, безъ которой онъ дня прожить не можетъ—это куреніе опіума. Упорное молчаніе «маленькаго Цунъ-зыра» вынудило лишить его куренія любимаго яда, и въ три дня горящій взоръ волка потухъ, желтое лицо осунулось и въ чертахъ запечатлѣлись слѣды

страданій. Непреклонная воля атамана ех-палача и офицера была сломана. Онъ предложилъ не только разсказать откровенно все, все, безъ утайки, но, если ему даруютъ жизнь, оказать и миллионъ услугъ, неоцѣнимыхъ деньгами и даже его собственной головою.

Какъ поступить начальство съ бывшимъ кровопийцей, я не знаю.

Еще одна подробность. Лишь только капитанъ Сяо-цун-зыръ очутился въ клѣткѣ, хунхузы, съ нимъ враждовавши, ожидали, что выразилъся въ смѣломъ до наглости приближеніи къ полотну дороги, но сотня заамурцевъ нѣсколько дней тому назадъ подкараулила шайку въ нѣсколько сотъ хунхузовъ и всю ее уничтожила.

Этотъ лихой набѣгъ совершила сотня русскихъ людей подъ командой подполковника Троскова вмѣстѣ съ ученикомъ ротмистра Линицкаго, пограничникомъ Павловымъ-Сильванскимъ. Китайцы сами утверждаютъ, что изъ этой шайки едва-ли спаслось болѣе 20 человѣкъ.

Туда имъ и дорога. Собакамъ, вѣрище волкамъ—волчья смерть.

Трагедія на хунхузской свадьбѣ.

Леванчанъ—богатый хунхузъ. Онъ издавна занимается своимъ разбойничимъ ремесломъ и успѣль накопить груды всякаго имущества и даже золота, которыя, говорятъ, хранятся въ надежныхъ мѣстахъ. Леванчану уже 50 лѣтъ, но его желтое лицо кажется совсѣмъ еще молодымъ. У него, какъ у разжившагося разбоемъ китайца, двѣ «бабушки», одна старая, съ прогнившими зубами и

тусклыми очами, отъ злоупотреблениі опіумомъ, и одна молодая, круглицая, съ быстрыми глазками и бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами.

Первую «бабушку» Леванчанъ почиталъ за ея хозяйственность, умѣніе вышивать на всякіе манипуры и, главное, за то, что въ первый годъ ихъ супружеской жизни она подарила ему сына, здороваго мальчугана съ блестящей темно-бронзовой кожей на тѣлѣ.

Этотъ мальчикъ являлся гордостью отца.

— О, изъ него вырастетъ хунхузъ,—съ восторгомъ произносилъ Леванчанъ, играя въ минуты отдыха отъ набѣговъ на бѣдныхъ мирныхъ жителей съ пузатымъ мальчишкой.

По мѣрѣ того, какъ сынъ подрасталъ, отецъ бралъ его въ набѣги, училъ стрѣлять изъ лука, револьвера и ружья. Въ промежутки сельскій бонза посвящалъ мальчика въ тайны буддизма и смыслъ іероглифовъ.

Когда сыну Леванчана минуло восемнадцать лѣтъ, наступила пора женить его, что очень озабочивало старого хунхуза и старую «бабушку» (мать).

— Тяжелые времена, — говорилъ онъ своимъ товарищамъ и сподвижникамъ по разбоямъ. — Русь тѣснитъ и не даетъ грабить мирныхъ жителей. Какой странный народъ эти русы? И что имъ за дѣло до глупыхъ манзюковъ, которыхъ мы стрижемъ и бреемъ, какъ барановъ? На то манзюкъ въ Манджурии, чтобы хунхузъ не дремалъ и грабилъ его, чернорабочаго идіота.

Былъ Леванчанъ и у японцевъ. Обѣщали они ему большое жалованье и всякия милости, но обѣщаніе не держали, отчего шайка возмущалась и уходила грабить жителей сель и городовъ.

А тутъ, какъ на бѣду, подросъ мальчикъ. Ему нужна бабушка. Хунхузы не любятъ холостыхъ Желтая туча.

атамановъ. Старого атамана Леванчана могутъ убить и некому будетъ замѣнить его.

И рѣшилъ старый Леванчанъ женить сына, и пошли его друзья искать по деревнямъ подходящую невѣсту для опытнѣйшаго изъ хунхузовъ.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ станціи Факумынь, въ сѣверо-западу, лежитъ большое село Кудяза, окруженное высокимъ глинянымъ заборомъ, у ногъ котораго распростерты поля. Каждую весну манзы селенія обрабатываютъ свои квадратики, въ теченіе цѣлаго лѣта ухаживаютъ за своими грядками, очищая ихъ отъ сорныхъ травъ и булыжника. Осеню растенія съ полей убираются, и жизнь манзюка обезпечена до слѣдующаго года. Осеню онъ женить своихъ сыновей, осеню просватаютъ дѣвицъ, воскуривая ѿнимамъ передъ богами, кладя имъ земные поклоны и принося жертвы бонзамъ.

Въ Кудязѣ росла красавая дѣвушка, дочь манзы Ли. Ей минуло тринадцать лѣтъ. Она еще, правда, мало подросла, но ея пышный бюстъ и естественный румянецъ на бронзовыхъ щечкахъ, ея быстрые, какъ у газели, и темные, какъ манджурская ночь, глаза привлекали вниманіе всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ ее на чистомъ дворѣ, между рядами фанзъ и хозяйственныхъ пристроекъ.

Всѣ деревенскіе парни, послушные сыны манзюковъ, въ тайнѣ мечтали обѣ обладаніи прекрасной дочерью Ли. Въ тиши ночной, гуляя на просторѣ полей и напѣвая родные мотивы, съ тоской мечталъ о прекрасной манджуркѣ двадцатилѣтній сынъ сосѣда Ли, манзы Чу. Отецъ обѣщалъ сыну высватать красавицу-сосѣдку, но Ли не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ. Послѣдній какъ-то неопределенно мычалъ, глядя вдаль, а когда сосѣдъ приставалъ къ нему, ставя вопросъ ребромъ, онъ просилъ мало-мало обождать.

Между тѣмъ хитраго Ли нерѣдко навѣщалъ

атаманъ шайки Леванчанъ. Онъ всегда прѣзжалъ со своими хунхузами, которымъ предоставлялъ распоряжаться во всѣхъ фанзахъ, кромѣ Ли; у него онъ самъ находилъ пристанище вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, восемнадцатилѣтнимъ Джукомъ.

— Слушай, Ли,—сказалъ въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей атаманъ хунхузовъ.—Мы идемъ разрушить желѣзнную дорогу русскихъ. Завтра къ ночи вернемся, и я пошлю къ тебѣ съатовъ. Понимаешь, мой сынъ долженъ жениться на твоей дочкѣ.

— Хау!—отвѣчалъ манза, поднимая въ знакъ почтенія и согласія толстый палецъ кверху, нѣсколько отогнувъ его назадъ. — Хау! присылай подарки, и дочь моя пойдетъ къ твоему сыну.

Нападеніе на желѣзную дорогу не удалось. Хунхузы были отогнаны «двумя солдатами» заамурцами, изъ коихъ одинъ «разсыпался, въ цѣпь», а другой остался «въ лезервѣ», какъ они сами донесли объ этомъ по начальству.

Хунхузы возвратились въ селеніе Кудяза, и Леванчанъ засваталъ для своего сына красивую дочку манзы Ли. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, женихъ прислалъ невѣстѣ богатые дары, пару носилокъ и музыкантовъ, лично явившись вслѣдъ за ними.

Послѣ поклоновъ родителямъ невѣсты и передъ богами, къ нему вывели манджурку, накрытую покрываломъ изъ красной шелковой фанзы. Невѣста сѣла въ одинъ носилки, женихъ въ другія и, предшествуемые музыкантами, извлекавшими изъ своихъ инструментовъ невозможнодикіе звуки, отправились въ другой конецъ деревни, гдѣ молодой избралъ фанзу для брачной ночи.

Сынъ манзы Чу, съ невыразимой тоской прижимая руки къ груди, бѣжалъ безъ оглядки по большой дорогѣ къ станціи Факумынь. Злоба и ревность душили его. Онъ шепталъ невнятныя слова, вѣроятно призываю проклятия на голову хунхуза, отбившаго у него невѣсту.

Прибѣжалъ на станцію, онъ разыскалъ ротмистра, начальника поста.

— Куда прешь, манза? — остановилъ его вѣсто вой, пораженный блуждающимъ взоромъ пришедшаго китайца.

— Капитана, капитана, — лепеталъ парень, сжимая кулаки. — Моя хочетъ, капитана... хуза ю Кудяза... Минога,шибко минога хуза... Іглабѣ-иглой.

Привели китайца къ ротмистру, командиру 38 сотни заамурскаго округа, Безладнову. Позвали переводчика, и китаецъ сообщилъ о хунхузахъ, пирющихъ въ деревнѣ Кудяза на свадьбѣ сына Леванчана.

Сотня вмигъ выстроилась и на рысяхъ отправилась къ деревнѣ Кудяза. Уже свѣтало, когда высланная впередъ полусотня, подъ командой поручика Чмелева, приблизилась къ деревнѣ. Хунхузы встрѣтили заамурцевъ огнемъ, но послѣдніе ворвались въ деревню и начали работу въ рукопашную. Во время подоспѣла другая полусотня подъ командой поручика Кистовскаго.

Хунхузы, видя себя окружеными, бросились бѣжать. Нѣкоторые даже не успѣвали сѣсть на своихъ коней. Шайка была частью разбита и разсѣяна.

Въ рукахъ заамурцевъ остались въ видѣ трофеевъ хунхузскія лошади, винтовки, патроны и сѣдла. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и самого сына Леванчана, захватили живыми.

У насъ убитъ рядовой Тарасъ Отченашъ и раненъ конь «Ардаганъ».

Когда бой стихъ и въ воздухѣ замерли послѣдніе выстрѣлы, влюбленный сынъ сосѣда Ли пробрался въ фанзу, гдѣ находилась молодая. Юная красавица сидѣла на канѣ и тряслась отъ страха, какъ въ лихорадкѣ.

Отверженный долго любовался своей красавицей, но она словно не замѣчала его. Онъ пробовалъ окликнуть ее, но послѣдняя упорно молчала, трясясь всѣмъ тѣломъ и глядя въ землю.

— Красавица,—съ иѣжностью, возможной для молодого мансы, произнесъ парень, придвигаясь къ молодой манджуркѣ,—я люблю тебя!.. Я люблю тебя больше Нирваны, обѣщаний намъ святымъ Буддой, я обожаю тебя больше всѣхъ благъ нашей страны! Будь моей женой, мы пойдемъ къ русскимъ! О, русски хай! Хорошіе люди русскіе! Они не даютъ насть въ обиду хунхузамъ...

Но красавица молчала. Въ фанзѣ было тихо. Со двора и улицы долеталъ неясный говоръ людей, топотъ и отдѣльные крики, непонятные манзамъ.

— Красавица! Ты молчишь?

Молодой китаецъ приблизился къ китаянкѣ и иѣжно обвилъ ея шею своими руками.

— Не бойся, голубка,—страстно шепталъ онъ, крѣпче и крѣпче прижимая ее къ своей груди.— Мы съ тобой зажив...

На порогѣ фанзы, словно дьяволъ изъ преисподней, выросъ Леванчанъ. Его лицо было перекошено отъ злобы, глаза налиты кровью. Да, казалось, это былъ не человѣкъ, а самъ чортъ въ образѣ человѣка, прицѣлившійся винтовкой въ приникшую другъ къ другу парочку... Грязнулъ выстрѣль, другой, и къ кану тихо склонились, сжавъ другъ друга въ своихъ объятіяхъ, молодой китаецъ съ красавицей манджуркой...

Когда на выстрѣлы въ фанзу явились русскіе

въ сопровождениі толпы мѣстныхъ жителей, тамъ нашли два еще неостывшихъ трупа.

Мукденскія сраженія.

7-го марта 1905 г.

Минуя «пресловутый» набѣгъ на Инькоу, набѣгъ, кстати сказать, прозванный какимъ-то зонтомъ изъ дѣйствующей арміи, «наползомъ» (отъ глагола ползать),—и операциі подъ Сандену, перехожу къ впечатлѣніямъ послѣднихъ боевъ на правомъ флангѣ подъ Мукденомъ. Описываю только-то, что самъ видѣлъ и испыталъ.

Приступить къ описанію происходившихъ передъ моими глазами событий тотчасъ, непосредственно послѣ этихъ событий, я не могъ. Четверо сутокъ я провелъ въ боевой линіи, а пятые сутки находился при отступлении отъ Мукдена къ Телину. Онѣ произвели на меня потрясающее впечатлѣніе... Нервы отъ непривычного напряженія пришли въ такое состояніе, что первые дни послѣ того, какъ мнѣ удалось выбраться изъ линіи огня, меня неотступно преслѣдовали грохотъ орудій, тарахтѣніе пулеметовъ,—отвратительная музыка, способная доставить не мало волненій самому отчаянному любителю «самыхъ сильныхъ ощущеній»,—сухіе звуки пачечнаго огня и гудѣніе бризантки шимозе, отъ звука которой, по пословицѣ, «душа въ пятки уходитъ».

Стоило закрыть глаза, и передъ мною выростали цѣпи, движущіяся и лежащія, съ чуть-чуть приподнятыми головами, или кучки раненыхъ съ усталыми, измученными лицами, въ выраженіи которыхъ можно было прочесть одно тупое равно-

дущіе ко всему, кромѣ болицій раны, паскою перевязанной окровавленной тряпкой.

Въ такомъ состояніи о работѣ нечего было и помышлять...

Являлась, кромѣ того, необходимость въ ориентировкѣ, въ обработкѣ фактовъ, не поддаваясь личнымъ впечатлѣніямъ, перѣдко могущимъ привести къ неправильнымъ выводамъ.

Итакъ, попытаюсь разобраться въ происходившихъ передъ моими очами событияхъ.

Начну съ праваго фланга. На лѣвомъ я лично не участвовалъ вслѣдствіе значительной отдаленности боевой линіи отъ станціи Мукденъ. Боевая обстановка на правомъ флангѣ вдругъ приняла совершенно неожиданный оборотъ. Кажется, 16-го февраля большая колонна противника появилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мукдена къ сѣверо-западу, вблизи, такъ называемой, Синминтинской дороги.

Тамъ находился въ люнетѣ незначительный отрядъ нашей пѣхоты съ нѣсколькими орудіями и пулеметами, которые встрѣтили нежданного гостя съ такимъ «радушіемъ», что маленькие солдатики, одѣтые въ желтаго цвѣта балахоны поверхъ теплыхъ безрукавокъ, шарахнулись, какъ угорѣлые, назадъ,бросившись по направлению Синминтинской дороги.

Очевидно, это была авангардная колонна, обошедшая нашъ правый флангъ у Синминтина, т. е. черезъ нейтральную полосу. Мы уже имѣли свѣдѣнія о занятіи японцами Синминтинской желѣзной дороги, принадлежащей, какъ известно, англійской акціонерной компаніи. Такимъ образомъ, у нашего противника явилась лишняя «база», усиливавшая его какъ для маневрированія, такъ и для подвоза боевыхъ снарядовъ и продовольствія.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ чрезвычайно удачныхъ

для нась боевъ на лѣвомъ флангѣ, въ арміи генерала Линевича, нынѣ главнокомандующаго нашими вооруженными сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ, иначе говоря, на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На фронтѣ арміи генерала Линевича не только отбиваются многочисленныя яростныя атаки японцевъ съ огромнымъ для нихъ урономъ, но, въ концѣ концовъ, дивизіи сибирскихъ стрѣлковъ сами переходятъ въ наступленіе и сгоняютъ непріятеля съ укрепленныхъ позицій.

Положеніе можно было до 20-го февраля считать положительно блестящимъ. Корпусъ генерала Засулича жестоко отомстилъ японцамъ за тюренченскую неудачу, уничтоживъ почти всю гвардію. Говорятъ, былъ моментъ, когда генераль Даниловъ съ его дивизіей оказался окруженымъ. Но доблестный начальникъ не только не отступилъ передъ хитрымъ врагомъ, но бился съ такимъ мужествомъ, что отъ окружавшей его арміи остались жалкія отребья, бѣжавшія въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе и припасы.

Но все это относится къ лѣвому флангу, гдѣ, повторяю, я лично быть не могъ. Съ 19-го февраля слѣдуетъ считать настояще начало боя на правомъ флангѣ. Оба противника сблизились настолько, что въ нѣкоторыхъ участкахъ цѣпи залегли въ разстояніи тысячи или полуторы тысячи шаговъ другъ отъ друга.

Штабъ командающаго второй арміей генерала Каульбарса находился въ деревнѣ Хау-Хо, небольшомъ селеніи изъ двухъ-трехъ десятковъ фанзъ, расположенныхъ у подножія древней башни Тхаваны.

Деревня Хау-Хо построена на возвышенности, съ которой легко наблюдать за происходящимъ на впереди лежащей мѣстности.

У подножія этой возвышенности тянется Син-

минтианская дорога. Вокругъ амфитеатромъ расположился рядъ деревень: Тинзятунь, Люзя-хуань, Ташичао, Чуанваче, Цыихантунь и Юхуантунь—Мадяну, вплоть до полотна желѣзной дороги, откуда начинается фронтъ расположенія третьей арміи, или центра.

Разстояніе боевой линіи отъ станціи — всего 6—7 верстъ.

Въ теченіе дня 19-го февраля (воскресенье) происходитъ маневрированье силь, занимающихъ свои боевые участки. По полю движутся въ различныхъ направленихъ полки и батальоны. Такъ, у маленькой деревушки расположился обозъ, дальше впереди, батальонъ, словно кротъ, роется въ землѣ, устраивая люнетъ, справа громко шумитъ батарея, а еще впереди версты на полторы высоко на небѣ виднѣются дымки: это разрывы шрапнелей.

Отправляюсь въ компаніи нѣсколькихъ корреспондентовъ, изъ среды которыхъ выдѣляется длинная, смѣшная фигура американца мистера Литль, представителя газеты «Чикаго Ньюсъ», въ передовую линію. Къ намъ присоединяется известный петербуржцамъ художникъ Бакмансонъ и фотографъ Булла.

Послѣдній совсѣмъ еще мальчикъ, симпатичный и скромный. Его нерѣдко видятъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ съ аппаратомъ. Храбрый и славный юнецъ производить на всѣхъ отличное впечатлѣніе.

Мы спускаемся съ горы и направляемся къ деревнѣ, лежащей впереди Хау-Хо, въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ. Тамъ стоять обозы и артиллерийские парки. Мы продвигаемся дальше.

Ровное поле, почти безъ складокъ. Справа и слѣва слышатся рѣдкіе выстрѣлы, впереди кошмится кучка людей. Подъѣзжаемъ. Батальонъ сооружаетъ сомкнутое укрѣпленіе, такъ назы-

ваемаго полевого профиля. Булла немедленно пристраивается съ аппаратомъ и, снимаетъ картину, которую слѣдуетъ озаглавить «позиція передъ боемъ».

Сдѣлавъ нѣсколько снимковъ, мы садимся на коней и скакемъ влѣво, откуда доносится неясный грохотъ ружейной перестрѣлки.

Проскакавъ четверть часа, случайно попадаемъ въ боевую линію между залегшими цѣпями нашихъ стрѣлковъ и японской пѣхоты. Разумѣется, это была случайность, которая могла стоить жизни одному или нѣсколькимъ изъ нашей кавалькады. Пули засвистѣли буквально между ногами коней и надъ нашими головами.

Солдаты нашей цѣпи поднимаютъ головы и съ любопытствомъ смотрятъ на насъ, очевидно, не понимая, въ чемъ дѣло. Первый приходитъ въ себя художникъ Бакмансонъ.

— Господа! — нѣсколько дребезжащимъ голосомъ обращается онъ къ намъ. — Куда мы попали? Мы заблудились... Насъ могутъ убить ни за что ни про что!.. Мы не для этого прѣѣхали сюда...

Умные монгольскіе кони, окрещенные нами «манзюками», пофыркиваютъ, шевелять торчащими въ стороны ушами, предупреждая по-своему о грозящей опасности.

Разумѣется, мы вмигъ направили своихъ четырехногихъ въ обратную сторону и сами «пулями» вылетѣли изъ сферы огня. Пробродивъ по позиціямъ, гдѣ бой еще не разгорался, вернулись передъ солнечнымъ закатомъ къ деревнѣ Хау-Хо. Тамъ происходила оживленная дѣятельность. То прѣѣзжали, то отправлялись въ разныя стороны ординарцы. Генераль Каульбарсъ работалъ въ фанзѣ, составляя диспозицію на ночь и слѣдующій день.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія командую-

щій со своимъ штабомъ направился къ башнѣ Тхаваль, гдѣ былъ приготовленъ обсервационный пунктъ изъ мѣшковъ съ зерномъ.

Генералъ взошелъ на верхнюю площадку и принялъся разсматривать впереди лежащую местность въ подзорную трубу.

— Запять генералу Д. воиъ тѣ бугры слѣва— слышу отчетливое распоряжение.

Я стою у обрыва, вблизи извилающеїся въ горы дороги. Мимо меня проходитъ полкъ въ колоннѣ «новзводно». Люди бодро шагаютъ. Офицера отъ рядового трудно отличить. Всѣ одѣты почти одинаково. Панахи обтянуты сѣрыми чехлами, лица въ пыли, но утомленія еще не замѣтно.

Наступаютъ сумерки, быстро смѣняющіяся густой тьмой. Всѣ отправляются на станцію на почлегъ.

Завтра, въ понедѣльникъ, 20-го февраля, грянетъ бой, жестокій, безпощадный бой...

Съ надвинувшейся надъ раіономъ, охваченнымъ пожаромъ войны, темнотой выстрѣлы замерли. Теплый денекъ смѣнился холодной ночью, къ счастью, безъ вѣтра, приносящаго не мало огорченій нашему войску, располагающемуся отдыхать послѣ тяжелаго боевого дня на голой мерзлой землѣ.

Вернувшись на станцію, гдѣ имѣлъ почлегъ, я обрадовался возможности отдохнуть послѣ проведенныхъ часовъ на полѣ сраженія. Однако, сонъ былъ неровный, беспокойный. Мнѣ все чудились выстрѣлы и маневрирующія войска. Еще было темно, когда въ воздухѣ пронеслись раскаты орудійныхъ залповъ. Отъ пальбы стекла задребезжали.

— Начинается!—произнесъ ординарецъ командующаго второй арміей, корнетъ Рыбасовъ, спавший на полу, рядомъ съ моей походной постелью.

Ген.-лейт. Л. Н. Соболевъ

Мы оба вскочили, какъ встрепанные и, не умыаясь, осѣдлали коней и поскакали къ штабу генерала Гернгресса, также расположившемуся въ одной изъ фанзъ деревни Хау-Хо.

Темнымъ силуэтомъ впереди вырисовывалась высокая башня Тхавань, молчаливая свидѣтельница многихъ кровопролитныхъ войнъ. На темномъ фонѣ манджурской ночи она казалась величественнымъ гигантомъ, безстрастнымъ и равнодушнымъ къ грому орудій, кровавой распирѣ, стону раненыхъ и послѣднимъ судорогамъ умирающихъ.

Въ штабѣ 1-го сибирскаго стрѣлковаго корпуса всѣ уже были на ногахъ. Высокая фигура генерала Гернгресса стояла, нагнувшись надъ «двухверсткой», и казалась приникшей къ этимъ чернымъ точкамъ и тонкимъ извилистымъ линіямъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его старшій адъютантъ, капитанъ генерального штаба Давборъ, очень интересный офицеръ, серьезный и работящій, о которомъ всѣ отзывались съ высокой похвалой.

— Изъ этихъ двухъ деревень мы сегодня во что бы то ни стало должны вышибить непріятеля,—произнесъ генералъ.

— Тинзятунь и Чуаиванче?—переспросилъ капитанъ Давборъ.

— Именно. Пошлите кого-нибудь къ полковнику Лешу съ приказаниемъ, что я жду отъ него рѣшительной атаки.

— Къ полковнику Лешу? — словно переспросилъ адъютантъ.—Этотъ самъ великодушно понимаетъ свою задачу. Этому и напоминать не къ чему. Пойди, онъ уже перешелъ въ наступленіе.

— Правѣе расположена бригада полковника Запольского, — задумчиво произноситъ генералъ Гернгрессъ.—Онъ человѣкъ рѣшительный. Вотъ,

еслибы ему удалось загнуть флангъ, могла бы сегодня рѣшиться участь Ташичao.

— Ваше превосходительство! — обращается къ генералу бравый подпоручикъ милиціи Дзюгаевъ, — чаю не прикажете ли?.. Чай готовъ.

Подали мутную, темную жидкость подъ названиемъ чая. Пришли нѣсколько генераловъ: начальникъ штаба 1-го корпуса, начальникъ артиллерии, явились ординарцы и корреспондентъ Табурно въ сопровождениі мистера Литль, котораго здѣсь успѣли перекрестить въ Донъ-Кихота за его неимовѣрно тощее туловище на длинныхъ, тонкихъ ногахъ.

— А, господа кришнаденты! — произнесъ кто-то изъ ординарцевъ и разразился хохотомъ: однако, сочувствуя своей плоской квази-остротѣ ни у кого не встрѣтилъ. Стало почти свѣтло, и всѣ высыпали изъ штабной фанзы на высокую площадку впереди деревни, откуда наблюдали за развивающимся боемъ.

Глазамъ открывается странная панорама, причудливая, величественная и... грозная... страшная. Между станцией и деревнями, гдѣ происходит борьба, тянутся безконечной лентой артиллерийские парки. Это подвозятъ снаряды. Въ падяхъ, прикрывшись за деревнями, стоять обозы, ротные кухни, немного впереди расположены резервы, а на горизонтѣ, высоко въ небѣ виднѣются дымочки разрывающихся шрапнелей. Они кажутся брызгами невидимаго фонтана, или причудливыми букетами, смѣняющими одинъ другой. Да, это представление, которое стоить не мало жизней, издали, съ высоты площадки у башни Хау-Хо, не кажется ни жестокимъ, ни гнуснымъ. Рѣдкая живая картина съ громомъ и молniей — ничего больше. Однако, подойдите поближе къ самой линии огня и отъ этой картины вамъ съ овчинку покажется».

Но вотъ скачеть ординарецъ съ донесенiemъ отъ полковника Леша, и все внимание обращено къ нему, къ вѣстнику радости или печали. Верховой нижний чинъ, подъѣхавъ къ группѣ устремившихся къ нему офицеровъ, передаетъ одному изъ нихъ крошечный конвертикъ. Послѣдний быстро вручается генералу, который, распечатавъ его, внятно читаетъ: «заялъ деревню Чуанвансе, выбивъ непріятеля штыками. Взяли испорченный пулеметъ и оружіе, брошенное бѣжавшимъ противникомъ».

Всѣ облегченно вздыхаютъ, нѣкоторые радостно крестятся, произнося «слава Богу».

Бой разгорается. Залпы орудій доносятся спра-ва, слѣва и съ поля впереди лежащей мѣстности. Количество разрывовъ увеличивается. Дзюгаеву поручается отправиться къ Лешу съ приказаниемъ.

— Корреспондентъ,—обращается ко мнѣ Дзюгаевъ,—если мы боимся, страха если твоя душа ны имѣть, поѣдемъ со мной туда...—И онъ указываетъ рукой на сѣверо-западъ, откуда доносится ружейная трескотня и ритмическое тара-тѣнья пулеметовъ.

Разумѣется, «душа моя страха имѣть», но признаться стыдно, и я принимаю предложеніе храбраго кавказца.

— Въ чемъ дѣло?—подходитъ Табурно.

— Да вотъ, поручикъ предлагаетъ ѻхать къ деревнѣ Людзяхуань, которую сейчасъ будутъ брать штурмомъ.

— Позвольте и мнѣ поѣхать съ вами?—просится Табурно.

Черезъ двѣ-три минуты мы скачемъ по Симинтинской дорогѣ къ деревнѣ Людзяхуань, около которой происходитъ жаркій бой.

Передъ отправленiemъ съ Дзюгаевымъ на участокъ полковника Леша привели нѣсколько плѣнныхъ японцевъ: одинъ фельдфебель съ нѣсколь-

кими обшивками вокругъ рукава изъ зеленоватой тесьмы и желтаго галуна, остальные рядовые. Всѣ маленькаго роста, солдаты кажутся мальчиками-подростками, повидимому изъ новобранцевъ, а фельдфебель значительно старше, обрость черной бороденкой и сѣдѣющими усицами.

Приближаясь къ группѣ штаба генерала Герингосса, онъ что-то шепталъ своимъ солдатамъ; вѣроятно, давалъ инструкціи, какъ держать себя, а главное, что показывать на допросѣ.

Всѣ были изъ арміи Ноги, прибывшиe изъ-подъ Портъ-Артура.

Разумѣется, «япоши» немедленно были окружены любопытными. Кто разматривалъ ихъ одежду, щупая руками матерію, кто выворачивалъ мѣховую кофточку-безрукавку, поверхъ которой напяленъ желтый балахонъ изъ хаки, обязательно съ капюшономъ.

Одинъ изъ плѣнныхъ плюхнулся на землю и тихо застоналъ.

Онъ оказался раненымъ штыкомъ въ грудь. Конвойный стрѣлокъ первого полка, взявший въ плѣнъ всю группу, заявилъ, что онъ его «маленько штыкомъ пхнулъ въ грудь».

— За что? — спросили не безъ оттѣнка жалости и сочувствія къ раненому.

— Извѣстно, за что... — угрюмо отвѣтилъ стрѣлокъ. — Такъ что въ плѣнъ не сдавался, ну, я его и пхнулъ... Они презлюще, только отойди, онь чиасъ, это, сзади норовитъ выстрѣлить изъ винтовки...

Итакъ, познакомившись съ плѣнниками, я поѣхалъ къ деревнѣ Тинзятунь, гдѣ находился полковникъ Лешъ. Путь лежалъ по Синминтин-тийской дорогѣ.

Влѣво отъ дороги, между безымянной деревней и Тинзятунь, происходилъ жаркий бой.

Цѣпи, кажется, первого сибирскаго стрѣлко-

ваго полка, наступали на деревню Лидзяфань. Для наблюдателя корреспондента картина поразительная, величественная, если хотите, не безъ торжественности. На очень близкомъ разстояніи видишь наступающую часть и невольно поражаешься этими людьми, пренебрежительно относящимися къ летающей по всѣмъ направлениямъ смерти. На этотъ разъ я даже не видалъ, чтобы цѣль ложилась, какъ полагается по уставу, и «дѣлала перебѣжки частями».

Это было шествіе впередъ, окружая деревню съ необыкновеннымъ спокойствиемъ. «Ученье, какъ на парадѣ», замѣчаетъ Табурно.

Падаютъ раненые, словно подкошенные, валятся убитые, но цѣль на ходу смыкается и стремительно идетъ впередъ подъ страшную музыку изъ ритмического тарахтѣнья пулеметовъ, ружейной трескотни и разрыва воющей «шимозе» (бизантинъ, фугаснаго дѣйствія снарядъ) и шипящей шрапнели...

У перевязочнаго пункта мы останавливаемся посмотретьъ на раненыхъ и перевязку.

Здѣсь картина мѣняется... Это, такъ сказать, изнанка, оборотная сторона картины. Тутъ видишь разрушительное дѣйствіе смертоносныхъ снарядовъ, слышишь стоны раненыхъ, кровь, увѣчье... ужасъ и всю жестокую гнусность войны...

Вотъ — нѣсколько десятковъ стрѣлковъ, здоровыхъ, молодыхъ и, представьте себѣ, веселыхъ и довольныхъ. Они всѣ легко ранены, просятъ поспѣшить перевязкой, чтобы вернуться въ строй, «взгмуздать япошку». Такъ они выражаются. Повидимому, выраженіе сибирское, и я не совсѣмъ понимаю, что они хотятъ выразить словомъ «взгмуздать», но разспрашивать некогда. Тамъ лежитъ раненый на посылкахъ. Однако, на лицѣ не замѣчается отпечатка страданій, хотя

Ген.-маіоръ В. В. Церпицкій.

онъ не въ состояніи двинуть ногами... Онѣ пе-
ребиты. Въ его глазахъ я вижу анатю отъ утом-
ленія и полное равнодушіе ко всему происход-
ящему.

А вотъ солдатикъ ползетъ на четверенькахъ и
стонетъ жалобно, жалобно, надрывая душу...

Бѣдняга! Осколки бризантки, отличающіеся
кривизной и зубчатостью по краямъ, впились въ
тѣло и причиняютъ сильно болѣзненныя ощу-
щенія.

Перевязка производится иѣсколькими воен-
ными врачами въ фанзѣ, обстрѣливаемой съ
трехъ сторонъ. Угодить въ нее пара бризантокъ,
и отъ фанзы, врачей и раненыхъ останется груда
труповъ...

Тѣмъ не менѣе работа происходитъ спокойно,
безъ малѣйшей суеты. Въ двухъ мѣстахъ стоять
котлы; въ нихъ кипятить воду. Раненые или сами
подходятъ, или ихъ ведутъ подъ руки, или не-
сутъ на рукахъ и носилкахъ.

Изъ перевязочного пункта мы удаляемся съ
тяжелымъ чувствомъ, и стоны страдальцевъ пре-
слѣдуютъ насъ, но чувство самосохраненія и
смертные звуки снарядовъ, поющихъ свои стран-
ные, злобные напѣвы, быстро изглаживаются впе-
чатлѣніе, произведенное картиной перевязочного
пункта.

Дзюгаевъ лихо скакеть, поощряя и насы слѣ-
дователь за нимъ. Шагахъ въ ста отъ деревни, гдѣ
находился полковникъ Лешъ, опасность въ зна-
чительной степени увеличивается. Пули буквально
летаютъ по всѣмъ направленіямъ, и только слы-
шишь ихъ свистъ, особый, кажущійся пѣніемъ
невѣдомой птички. Жужжанья не слышно, стало-
быть, рикошетовъ нѣтъ. Если пуля просвистѣла,
значитъ, она уже далеко впереди.

— Ваше благородіе! — обращается ко мнѣ вѣ-
стовой Гудаевъ, рядовой третьей сотни погра-

ничной стражи, сопровождающей меня по распоряженю командира этой сотни.

— Чего тебѣ?

— Здѣсь болюо опасно... Не равенъ часъ, скотинку прибьетъ...—заботливо замѣчаетъ онъ, поглядывая на коней.

Дѣло въ томъ, что конь у меня, по наряду, казенный, и солдатъ опасается за гибель «казенного имущества». Имѣя въ виду лошадь, числящуюся по списку въ сотнѣ, я нахожу замѣчаніе Гудаева резоннымъ, тѣмъ паче, что и страхъ по немногу охватываетъ меня и, повидимому, умныхъ животныхъ, беспокойно вздрагивающихъ и нервно шевелящихъ ушами.

Высокая насыпь дороги, съ перекинутымъ чрезъ высохшій ручеекъ мостомъ изъ дикаго камия, даетъ возможность укрыться, чѣмъ и спѣшишъ воспользоваться. Мимо настъ то и дѣло носять раненыхъ или ведутъ ихъ подъ руки. Нѣкоторые ковыляютъ, опираясь на ружье.

Проходитъ подъ конвоемъ партія плѣнныхъ. Между ними опять старшій, не то қапралъ, не то фельдфебель. На груди пѣсколько японскихъ орденовъ, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе звѣздообразный крестъ, говорятъ, соответствующій нашему Георгію.

Плѣнныи при встрѣчѣ съ вами берутъ подъ козырекъ. Вообще японскіе плѣнники подкупаютъ своей дисциплинированностью. Даже раненый, видя приближающагося къ нему офицера, пытается приподняться и отдать честь.

Простоявъ немного подъ насыпью, любопытство беретъ верхъ, и я выглядываю на ту сторону дороги. Цѣпи скрылись. По полю видны нѣсколько убитыхъ людей и лошадей... Вдругъ, гудя, пролетаетъ бризантка, и я невольно ныряю подъ насыпью. Ей въ догонку летитъ другая, третья, и много, много другихъ. Оказывается,

ѣдуть двуколки со снарядами. Японцы съ батареи замѣтили движение обоза и пытаются помѣшать ему подойти къ деревнѣ.

Улучивъ моментъ, мы садимся на коней и спѣшимъ выбраться изъ огня. Но это оказывается не легко выполнимой задачей. И наше движение замѣчено, и бризантки гудятъ, пролетая высоко надъ нашими головами. Уфъ, какъ страшно!.. И вѣстовой Гудаевъ замѣчаетъ, что ничего страшнѣе шимпанзе (такъ пограничники прозвали шимозе), не бываетъ...

— Она тебѣ рождество испортить, искалѣчить, а пуля што, пустяки, — съ иренебреженiemъ къ ружейному снаряду говорить Гудаевъ.

Однако, опасность увеличивается, и намъ приходится слѣзать съ коней и двигаться пѣшкомъ, ведя коней въ поводу и укрываясь насыпью дороги.

Мы миновали перевязочный пунктъ, но бризантки все летятъ и летятъ. Насыпь кончилась и приходится щѣхать по открытому мѣсту! По обѣимъ сторонамъ дороги торчатъ ветлы, тополя и осока.

— Остановимся! — предлагаетъ корреспондентъ «Нового Времени», Табурно. — Переждемъ немного. Я знаю тактику японцевъ: они пообстрѣляютъ дорогу и перенесутъ огонь въ другое мѣсто.

Проходитъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ ожиданія, но японцы, повидимому, не намѣреваются искать новой площади для обстрѣла.

— Щемъ, — рѣшительно замѣчаю я, занося ногу въ стремя.

Едва мы сѣли на коней, какъ они сами попе-слись во весь духъ, и въ нѣсколько минутъ бѣшеной скачки умныя животныя вынесли насъ изъ опаснаго мѣста.

Вернулись въ деревню Хау-Хо. Во дворѣ фанзы

штаба командующаго второй арміею собрались ординарцы, начальствующія особы и офицеры генерального штаба. Тутъ пріятно ласкала глазъ дымящаяся походная кухня и огромный самоваръ, что-то и кому-то шумно шептавшій.

Завѣдывающій хозяйствомъ командующаго любезно предложилъ чаю и даже «прикусить» чѣмъ Богъ послалъ, т.-е. разогрѣтымъ консервомъ и такими жесткими галетами, для которыхъ необходимо обладать зубами грызуновъ... Но угощеніе показалось много вкусище обѣда въ первоклассномъ ресторанѣ.

Уже было около трехъ часовъ пополудни. Пальба немногого стихла. Пришло донесеніе о взятіи деревни Лидзяфань, откуда японцы были выбиты штыками.

— Цѣлые груды навалили ихъ,—рассказывалъ Дзюгаевъ, вернувшійся отъ начальника участка, полковника Леша.

Полковникъ Запольскій поминутно присыпалъ требованія снарядовъ, но японскія батареи обстрѣливали путь, не давая паркамъ подойти.

Обыкновенно съ двухъ до четырехъ часовъ огонь противника ослабѣваетъ.

Повидимому, у нихъ истощаются снаряды и они выжидаютъ подвоза, а быть можетъ и отдыхаютъ и подкрепляются пищей. Вообще у насъ скучныя свѣдѣнія о происходящемъ у непріятеля во время боя.

Выбивъ его изъ деревни, всегда находять въ фанзахъ нѣсколько человѣкъ, укрывшихся въ китайскихъ шкафахъ. При обыскѣ у нихъ находятъ различныя вещи, необходимыя въ походѣ: коробочку съ варенымъ рисомъ, нѣрѣдко скисшимъ, какія-то пилюли, говорятъ возбуждающія, у кого имѣется фляга, она обыкновенно наполнена отвратительнымъ хашшемъ, обладающимъ свойствомъ опьянить на нѣсколько дней.

У унтеръ-офицеровъ непремѣнно имѣется компасъ, часы, бинокль и карты мѣстности, говорять, представляюючи точную кошю съ нашихъ картъ.

Въ сумкахъ у каждого солдата множество открытое съ рисунками, иногда фотографіи, вѣроятно женъ или родныхъ, но въ большинствѣ случаевъ особъ женскаго пола.

Передъ вечеромъ канонада усиливается. Замѣчается усиленная лихорадочная дѣятельность. Съ солнечнымъ закатомъ бой догораетъ, замирая вмѣстѣ съ наступившей темнотой.

Чтобы не возвращаться рано утромъ изъ Мукдена, я остаюсь для ночевки при штабѣ генерала Гернгросса.

12-го марта 1905 г.

Канонада стихла. Еще грохнули два орудійныхъ выстрѣла какъ-то нерѣшительно и замерли. Тьма окутала поля и деревни, ложементы, редуты и лунеты, и въ этомъ густомъ сумракѣ, таинственномъ и мрачномъ, чудились отдаленный шорохъ, неясный шопотъ, иногда казалось, чувствуешь у своего носа чье-то прерывистое, злобное дыханіе.

Фанзы наполнились штабными. Писались диспозиціи, т.-е. распоряженія, касающіяся ночного боя и предстоящихъ съ раннимъ утромъ передвиженій. Во дворѣ, тускло освѣщенномъ нѣсколькими фонарями, кое-кто устроился около ящиковъ изъ подъ продуктовъ и вскоро прихлебывалъ горячую мутноватую жидкость, серъезно считая ее чаемъ. Бѣлая галета уже являлась роскошью. Ее замѣнялъ простой чернаго хлѣба сухарь.

Кто-то громко зѣвнулъ, напомнивъ о необходимости отдыха послѣ утомительного боевого дня.

А утомленіе дѣйствительно чувствовалось: все тѣло, руки и ноги ныли неимовѣрно отъ двѣнадцатичасовой Ѣзды верхомъ.

— Послушайте, — обращается ко мнѣ одинъ

изъ самыхъ старательныхъ корреспондентовъ,— поѣдемте ночевать въ окопъ.

— Много разъ испыталъ это удовольствіе,— отвѣчаю я.

— Трусите?

— Не трушу, а рисковать быть пронзеннымъ не стрѣлой амура, а штыкомъ—удовольствіе не изъ особо пріятныхъ.

— Зато ощущеній сколько,—пытается сломать мое упорство настойчивый корреспондентъ, рисуя заманчивую перспективу дѣйствительно сильныхъ ощущеній.—Ну, составьте-же компанію!

— Видно, одному-то страшновато?

— Разумѣется. Все на міру «смерть красна».

Дѣлать нечего. Закутываюсь въ бурку и, отдавъ распоряженіе вѣстовому Гурчеву, отправляюсь вмѣстѣ съ г. Б. ночевать въ окопъ, находящійся за впереди лежащею деревнею, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ штаба.

Двигаемся со всей осторожностью, зорко вглядываясь въ окружающую темноту. Въ обозахъ еще жизнь не замерла. Кашевары очищаются свои кухни отъ остатковъ, обозные хлопочутъ около коновязей, поодаль собаки глажутъ брошенныя кости, рыча при нашемъ приближеніи.

Вблизи окопа нась окликнули обычнымъ окрикомъ: «Стой, кто идетъ?»

— Не ори, дура!—остановилъ кто-то часового.

Это оказался офицеръ, ожидавшій нась, такъ какъ мой спутникъ сговорился съ капитаномъ ранѣе.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа корреспонденты! Просимъ пожаловать. Сегодня ночью ждемъ нападенія. Не хотите-пока закусить чѣмъ Богъ послалъ?

Отъ закуски мы отказались, имѣя въ виду скучность запасовъ, но нашъ офицеръ всегда гостю отдаетъ послѣднее, забывъ о собственной

хронической нуждѣ во всемъ необходимомъ. Намъ подали по стакану, вѣрище, по кружкѣ горячаго чая, по куску консервированаго мяса и сухари. Люди лежали въ окопахъ; нѣкоторые изъ нихъ сладко похрапывали, словно они спали не на мерзлой голой землѣ, а по крайней мѣрѣ на сѣновалѣ въ родной деревнѣ. Нѣкоторые шопоткомъ перебрасываются отдѣльными словами, и я невольно сталъ прислушиваться къ солдатской бесѣдѣ въ глухую ночь, въ глубинѣ рва.

Рѣчь шла не о текущихъ событияхъ и даже не о далекой родинѣ. Мудрено проникнуть психологію солдата, чѣмъ онъ руководствуется въ выборѣ темы для разговора.

Думается, это—взрослый дѣти, разсуждающія такъ, для практики, чтобы не забыть родного языка на чужбинѣ, хотя иныя фразы заставляли меня глубоко задумываться.

— Енъ хитрый,—говорить темная фигура, приткнувшаяся головою къ скату рва.

— На что хитрѣе,—замѣчаетъ его сосѣдъ.

— Словно Лиса наша Патрикѣевна, право.

— И образованность у яво... Виши, пытаютъ плѣннаго, а завтра у него въ сумочкѣ письма всякия, стало быть грамотный, а то еще на рукѣ канпасъ... Чортъ его дери! А посмотришь, тьфу!—обезьяна-обезьянкой.

— А водку пить гораздъ,—не безъ оттѣнка зависти замѣчаетъ другой сосѣдъ...—И откуда онъ добываетъ этого винища проклятаго?

— Извѣстно откуда: чай, у нихъ маркиганты есть.

Въ другомъ мѣстѣ солдатикъ сообщаетъ слышанную будто у офицеровъ новость: «Генералъ Мищенко броненосецъ въ плѣнѣ забралъ»,— но въ это время раздается выстрѣль, вслѣдъ заnimъ другой, третій, цѣлая трескотня, безпорядочная, первная.

Однако, тревога оказывается фальшивой. Часовому почудилось, что впереди непріятель надвигается и напряженные нервы не выдержали. Онъ далъ выстрѣлы, вызвавшіе трескотню.

Все вновь успокоилось, однако, не надолго. Между двумя окопами замѣтили двухъ ползущихъ японцевъ. Одного удалось схватить, а другой успѣлъ удрать, не взирая на выстрѣлы.

Вслѣдъ за этимъ раздался залпъ, очевидно, непріятельскій, но, повидимому, съ не особенно близкаго разстоянія, потому что не слышно было пѣнія пуль надъ головами. Наши не отвѣтили, а притаились, приготовивъ свои ружья. Прошло полчаса томительного ожиданія, еще часъ; наступленіе противника не обнаруживалось.

Около двухъ часовъ мимо нась прошла колонна. Ее послали атаковать селеніе Юхуантунь. Утромъ я узналъ, что колонна пробродила всю ночь и къ утру остановилась въ боевой линіи, усталая и измученная. Всѣ забыли о шрапнеляхъ и шимозахъ, да такъ и заснули, какъ убитые, пока не раздалась команда: «Въ ружье!».

Часовъ около $4\frac{1}{2}$, когда на горизонтѣ обозначилась бѣлая полоска предутренней зари, показались наступающія цѣпи противника. Начался боевой день послѣ безсонной ночи. Я съ товарищемъ, измученные непривычной обстановкой, заснули, но грохотъ орудій и залпы нашихъ изъ окопа разбудили нась. Тутъ я впервые видѣлъ близко наступленіе храбраго непріятеля.

Онъ лѣзъ, какъ ошалѣлый. Съ одной стороны его поражали мѣткіе залпы молодцовъ стрѣлковъ, съ другой стороны надъ самыми головами наступающихъ разрывались шрапнели, посылаемыя съ боковой батареи.

Изъ окна выглядывать на поле, признаюсь, довольно страшно... Жутко становится, хотя наружу сохраняешь полное спокойствіе; такъ, по

крайней мѣрѣ, мнѣ самому казалось. Наблюдать за другими—трудно, думаешь больше о себѣ и о надвигающихся врагахъ.

— Не суетись!—слышу ровный голосъ командующаго окопомъ...—Зря пуль не бросай... Подпусти его близко, шаговъ на двѣсті... Внимательно слушай команду!

Любопытство береть верхъ надъ страхомъ, и я выглядываю изъ окопа... Впереди движется колонна. Кажется, она небольшой силы. Можетъ быть, два батальона. По бокамъ густыя цѣпи. И они не идутъ, а бѣгутъ.

— Рота-а-а... Пли!

Раздается нѣсколько залповъ... Изъ цѣпей нѣкоторые падаютъ, нѣкоторые присѣдаютъ... Колонна шарахнулась назадъ, а цѣпи залегли и открываютъ безпорядочную пальбу... Надъ нашими головами рвутся шрапнели, посылаемыя непріятельскими батареями, очевидно, поддерживающими наступающихъ. Среди противника происходитъ что-то непонятное.

Шарахнувшаяся назадъ колонна вновь сомкнулась и, нагнувъ головы, решительно двигается впередъ.

Нѣсколько залповъ кладутъ рядъ за рядомъ; вижу замѣшательство... Все происходитъ предо мною словно во снѣ...

Непріятель безпорядочно бѣжитъ назадъ; многие, бывши впереди, а теперь очутившиеся сзади, побросали ружья и стремятся обогнать товарищѣй. Ихъ преслѣдуетъ жестокій огонь изъ нашего окопа.

— Эхъ, если-бы у насъ пулеметы были!—съ сожалѣniемъ замѣчаетъ молодой заурядъ-прапорщикъ изъ вольноопредѣляющихся.

Но строгій взглядъ начальника заставляетъ его умолкнуть.

Наконецъ разсвѣло. Атака непріятеля была

отбита. Въ окопѣ какъ-то всѣ повеселѣли. Потери незначительны. Всего трое раненыхъ шрапнельными пулями. Ихъ увезли на перевязочный пунктъ. Свирѣпствующій врагъ, вѣроятно, замѣтилъ движеніе въ окопѣ и снова перенесъ на него огонь, но безсонная ночь до того утомила солдатъ, что большинство забыло о витающей надъ головами смерти и, какъ-то причудливо свернувшись, заснуло богатырскимъ сномъ.

Я вскочилъ на лошадь и въ сопровожденіи вѣстового Гудаева поскакалъ къ деревнѣ Хау-Хо. Тамъ и безопаснѣе, и горячимъ чаемъ побалуютъ люди добрые, и свѣдѣнія о событияхъ за ночь соберешь. Въ деревнѣ также всѣ были на ногахъ. Генераль Гернгросъ читалъ, или, вѣрнѣе, слушалъ донесенія, которыя молодой штабсъ-капитанъ, недавно окончившій академію, читалъ вслухъ, отчетливо отчеканивая каждое слово.

У полковника Леша, узнаю я, большія потери. За три дня жестокой, упорной, беспощадной кровавой битвы убыло больше тысячи «сѣрыхъ героевъ», кажется, 26 офицеровъ, и все же доблестный полковникъ не уступилъ ни одной пяди земли, а наоборотъ, овладѣлъ непріятельскими позиціями.

Правѣ ведеть борьбу полковникъ Запольскій. Днемъ наканунѣ его отрядъ разстрѣлялъ всѣ патроны, артиллерія—всѣ снаряды, но пополнить огнестрѣльные припасы оказалось невозможнымъ. Едва на дорогѣ вытягивались двуколки и парки, ихъ закидывали «шимозами», и они вынуждены были возвращаться, не исполнивъ назначенія. Томительно тяжкій день протекъ для отряда полковника Запольского и лишь ночью удалось пополнить снаряды.

23-го февраля, около 10 часовъ утра, пришло извѣстіе о геройской смерти полковника Запольского. Находясь въ передовой линіи, онъ былъ

убить наповалъ осколкомъ снаряда и нѣсколькими пульми. Миръ праху честнаго героя, борца за Русь святую.

Однако, извѣстіе о гибели героя, начальника отряда, стущевалось въ общей суматохѣ кипучей боевой дѣятельности. Прочитали записку, привезенную ординарцемъ. Кое-кто вздохнулъ, быть можетъ, подумавъ: «Сегодня ты, а завтра я», кое-кто перекрестился набожно, и опять всѣ окунулись въ неотложныя заботы и распоряженія.

Погода стояла теплая, но «день былъ жаркій». Былъ героический день. Это кровавая страничка въ исторіи борьбы двухъ народовъ и славная—въ исторіи русскаго воинства. Вчера три раза переходили изъ рукъ въ руки деревни Тинзятунь и Людзяхуань, сегодня три раза овладѣвали наши герои деревней Юхуантунь и вынуждены были оставить ее подъ напоромъ превосходныхъ силъ непріятеля и его страшнаго огня, о которомъ генералъ Даниловъ говорилъ мнѣ:

— Это смертоносный дождь, отъ котораго никакой зонтикъ не спасеть.

Подскакалъ къ генералу Гернгрессу адъютантъ командующаго 2-й арміей.

— Командующій ждетъ отъ вашего превосходительства рѣшительной атаки деревни Юхуантунь,— произноситъ молодой офицеръ въ погонахъ съ бѣлой каемочкой (кантомъ), держа руку подъ козырекъ.

— Капитанъ Давборъ,— приказываетъ Гернгрессъ,— выдвинуть изъ резерва батальоны Лифляндскаго полка и ударить па деревню.

— Слушаю!

И капитанъ генерального штаба Давборъ летитъ по направленію къ деревнѣ. А Лифляндскій полкъ въ это время безстрашно шелъ «въ штыки» на оспариваемую полуразрушенную деревушку.

Поскакалъ къ этой деревнѣ и пишущій эти строки. На полдорогѣ поле усѣяно обозами и дымящимися ротными кухнями, около которыхъ копошились обозные и кашевары. Въ сторонѣ отъ дороги валялись обглоданные собаками скелеты лошадей. Они производили непріятное, тяжелое впечатлѣніе, но я лечу мимо, стараясь не замѣтить ужасной картины смерти. Вслѣдъ за обозами, подъ горкой, лежитъ дюжина убитыхъ воиновъ. Десять изъ нихъ нижніе чины, двое заурядъ-прапорщики.

Боже, въ какихъ ужасныхъ позахъ застыли трупы этихъ борцовъ! Вонъ заурядъ-прапорщикъ, кажется, Голубевъ, говорятъ—доброволецъ изъ Петербурга, лежитъ, раскинувъ руки и заложивъ одну ногу на другую. Онъ едва прикрытъ сѣрой шинелью, на которой змѣйкой вѣтается георгіевская ленточка. Лицо спокойное, кажется заснувшимъ, если бы не желто-восковой оттѣнокъ. Рядомъ другой прапорщикъ съ пробитой головой и окровавленнымъ лицомъ, это сибирякъ. Его лицо представляетъ сплошное кровавое пятно. Выраженія, разумѣется, не подмѣтить. Затѣмъ рядышкомъ, словно уснувшіе братья, вытянулись десять «сѣрыхъ героевъ»—для шеренгового ученья въ лучшемъ изъ міровъ,—мелькнуло въ моей головѣ.

У кого ликъ не разбить,—выраженіе спокойное, незамѣтно предсмертного ужаса.

Въ двухъ шагахъ группа живыхъ людей копаетъ братскую могилу. Когда ее «изготовятъ», придетъ священнослужитель, совершилъ надъ мучениками литію, послѣ чего ихъ положатъ рядышкомъ въ послѣдній окопъ и надъ нимъ понимется курганъ, который украсится послѣдней наградой—крестомъ деревяннымъ.

Всюду поспѣвающій Булла, милый, живой мальчикъ, направляетъ аппаратъ и спимаетъ картину подъ заглавиемъ «изнашка войны».

Съ тяжелымъ чувствомъ покидаю братскую могилу идвигаюсь къ деревнѣ Юхуантунь. По пути меня встрѣчаютъ шумливыя шимозе. Они падаютъ и разрываются далеко въ полѣ, иная, прошумѣвъ своимъ особымъ урчаньемъ, упадетъ на мягкую почву, и я радуюсь непріятельской неудачѣ. Вотъ я уже въ сферѣ шрапнельного огня. На дорогѣ валяется убитая лошадь. Она грохнулась на моихъ глазахъ, какъ подкошенная.

— Ишь ты,—произноситъ Гудаевъ. — Должно шклянкой въ лобище угодило... (Солдаты называютъ дистанционную трубку шклянкой). Сердешная, и не гадала, что сегодня ея жисти рѣшеніе,— пробуетъ философствовать мой вѣстовой. Онь набожно истово крестится и, вздохнувъ, умолкаетъ.

Жутко. Слышу біеніе своего сердца. Въ вискахъ стучить. Страхъ парализуетъ руки. Уздечка едва держится въ дрожащихъ пальцахъ. Однако, не спрятаться же. И я рѣшительно устремляюсь впередъ и конь мой семенитъ ногами, тревожно вздрагиваетъ и пошевеливаетъ ушами.

Впередъ, впередъ, не оглядываясь. Только оглянись, и вѣсъ охватываетъ неудержимое стремленіе назадъ. Я почти нагналъ цѣпи Лифляндскаго полка и, чтобы унять свое волненіе, считаю количество цѣпей. Ихъ всего шестнадцать. Они слѣдуютъ одна за другой. Какъ красиво!.. Съ трехъ сторонъ ровными рядами врываются роты въ деревню безъ выстрѣла, при громкомъ крикѣ «ура», подъ аккомпаниментъ ритмической трескотни пулеметовъ и оригинальныхъ начечныхъ ударовъ японскихъ ружей.

— Тра-та-та-та! Та!-Та! Та!-Та!

Но «ура» быстро заглушаетъ трескотню!

Въ деревнѣ закипаетъ рукопашная, но я не рѣшаюсь ити въ деревню и остаюсь ожидать около глиняной стѣны.

Слышу крики, взвизгиванія, до моихъ ушей долетаютъ стоны, ругательства и проѣлятія... Загорается одна фанза, другая, третья... Бой продолжается недолго... И Гудаевъ выводитъ меня изъ тяжелаго забытья и зоветъ въ деревню:

— Поглядѣть, ваше благородіе! Наши въ штыки больно охочи драться, а «енъ» не того, не обожаетъ...

— Чего не обожаетъ? — машинально переспрашиваю я.

— Штыка, ваше благородіе... Потому «енъ» маленький, плюгавка... Яво ткни въ морду прикладомъ и плюнь... Все одно, что гадъ, мразь.

Бой затихъ, и у Гудаева развязывается языкъ; онъ говоритъ охотно и много, словно сто лѣтъ живого существа не видалъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ трупы, груды труповъ, ужасные, съ раскроенными черепами, лицами, превращенными въ одинъ сплошной кровоподтекъ... Впервые различаю у мертвцевъ застывшее въ глазахъ выражение ужаса и злобы...

Всюду кровь; не знаю, куда направить все еще нервничающаго коня, и я поворачиваю его назадъ. У опушки деревни встрѣчаю генерала Каульбарса со штабомъ, немного дальше меня нагоняетъ капитанъ Давборъ и есаулъ Гирсъ. Оба также усталые и измученные. Первый спѣшитъ въ Хау-Хо къ Гернгрессу, а второй присоединяется ко мнѣ и шепчетъ:

— Маленький отдыхъ и я воспряну духомъ... Измученъ... Усталъ...

Я самъ измученъ видѣній картиной и думаю лишь объ одномъ: гдѣ-бы свалиться и уснуть на часъ мертвымъ сномъ... Забыть эти ужасы, кровь, трупы, хрипы и ярость разъяренныхъ противниковъ...

Возвращаюсь въ деревню Хау-Хо. Древняя башня въ мрачномъ спокойномъ безразличии ви-

раетъ съ своего естественаго пьедестала на окружающую кровавую картину. Не тревожить ея орудійный грохотъ, не страшатъ рвущіяся вблизи шимозе... Пораненія отъ зубчатыхъ осколковъ этого бризантнаго снаряда не причиняютъ ей болѣзненныхъ ощущеній. И мрачное молчаніе башни кажется мнѣ равнодушіемъ старца, пережившаго вѣка, перенесшаго на своихъ плечахъ ураганы міровыхъ страданій.

Впрочемъ, не до философіи мнѣ. Я усталъ и... и голоденъ. И подъ вліяніемъ настойчивыхъ «запросовъ» желудка забываю о пережитыхъ за день ужасахъ. Нѣсколько другихъ офицеровъ, также изголодавшихся, тоскливо заглядываютъ во дворы фанзъ, гдѣ еще вчера дымилась кухня, распространяя пріятный запахъ яствъ, правда, крайне неприятливыхъ... Какая-нибудь жестяночка съ консервомъ изъ «тушенаго» мяса показалась-бы теперь роскошью, а жесткая, какъ камень, галета—вкуснѣе Филипповскихъ калачей.

Выручилъ случай или, вѣрнѣе, знакомство. Подходитъ одинъ изъ ординарцевъ и предлагаетъ побаловаться чайкомъ съ солдатскими сухарями.

Въ одной изъ фанзъ казакъ не только вскипятилъ воду, кстати сказать, настолько мутную, что въ обыкновенное время едва-ли даже страдающей жаждой рискнулъ-бы ею пользоваться, но гдѣ-то раздобылъ нѣсколько солдатскихъ порцій въ жестяникахъ, которыя были приняты прямо съ восторгомъ.

Ахъ, не даромъ говорить пословица: «голодъ не тетка». Всѣ забыли о страданіяхъ тамъ, въ двухъ верстахъ отъ деревни, и занялись уничтоженіемъ скѣдной, по казавшейся намъ превкусной провизіи.

А справа, слѣва и впереди раздавались выстрѣлы. Желтая туча.

лы, бой не утихалъ, а наоборотъ, чувствовалось, что разгорался.

Утоливъ голодъ, мы снова заняли наблюдательный пунктъ съ возвышенности Хау-Хо. Тамъ сидѣлъ на камнѣ генераль Гернгроссъ и пытливо всматривался въ даль, напряженно прислушиваясь къ грохоту пальбы.

Прискакалъ ординарецъ. Онъ сообщилъ подробности о боѣ у Юхуантунь и рассказалъ эпизодъ съ командующимъ второй арміей.

Вблизи деревни командующій встрѣтилъ раненаго солдатика.

— Ты куда, братецъ, раненъ? — спрашиваетъ генераль нижняго чина.

— Пальца рѣшился (солдаты не рѣдко употребляютъ выраженіе «рѣшился» вмѣсто «лишился»), ваше высокоопревосходительство!

— На перевязочный пунктъ? — допытывается генераль.

— Не могу знать, ваше высоко—ство! Не то возвращаться къ ротѣ, не то итти на пунхту.

— Ступай, ступай, братецъ, ты заслужилъ право на отдыхъ,—говорить командующій и, какъ-бы спохватившись, снова спрашиваетъ:

— Первый разъ раненъ?

— Четвертый, ваше—ство.

И солдатикъ, снявъ шапку, обнаруживаетъ глубокій слѣдъ отъ пулевой раны нѣсколько ниже височной кости, послѣ онъ показываетъ на руку у локтя и на грудь. Всѣ эти пораненія солдатъ получилъ въ бояхъ подъ Ляояномъ и Шахэ.

Командующій слѣзаетъ съ своего коня и, трижды облобызывъ солдата, жалуетъ его знакомъ отличія военнаго ордена (георгіевскимъ крестомъ), послѣ чего растроганный герой рѣшительно направляется къ фронту нашихъ позицій.

Еще позднѣе пріѣзжаетъ офицеръ отъ гене-

рала Церпицкаго и разсказываетъ объ атакѣ какой-то деревни, название которой не помню. Командиръ корпуса, генералъ Церпицкій, лично повелъ въ атаку Бузулукскій полкъ. Безъ выстрѣла подошелъ онъ къ укрѣпленной непріятельской позиції.

Вмигъ японцы были вышиблены изъ огоповъ и отброшены.

Вообще въ теченіе всего дня всѣ на правомъ флангѣ были увѣрены въ перевѣсѣ съ нашей стороны. Мы имѣли нѣсколько положительно блестящихъ успѣховъ; нѣкоторыхъ я лично былъ свидѣтелемъ и могу засвидѣтельствовать, что героизмъ и офицеровъ, и нижнихъ чиновъ привелъ бы въ восторгъ самаго заклятаго пессимиста.

Неоднократно пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ героизма нашихъ чудо-богатырей, какъ и обратныхъ случаевъ, случаевъ паники и бѣгства, но въ послѣднемъ я видѣлъ только обозныхъ и нестроевыхъ.

Въ такомъ случаѣ, какая причина постигшихъ насъ пораженій?—спросите вы.—На это отвѣтятъ будущіе историки настоящей войны, болѣе меня компетентные въ стратегическихъ вопросахъ. Я критиковать не берусь уже потому, что критика вообще легка и пріятна въ особенности для тѣхъ, у кого языкъ подлиннѣе.

Что же касается результата мукденскихъ боевъ, то неудача наша въ значительной степени зависѣла отъ необыкновенно растянутаго фронта и, пожалуй, главнымъ образомъ, отъ свирѣпствовавшаго 24-го февраля «тайфуна».

Этотъ злой буранъ нанесъ на наши позиціи съ юга тучи песку. Въ двухъ шагахъ невозможно было различить и замѣтить что-либо. Разсвирѣпѣвшая стихія ополчилась на нашихъ героеvъ, ослѣпляла имъ глаза въ то время, когда японцы, имѣя вѣтеръ сзади, напирали на нашъ центръ и

двигались на съверъ, намѣреваясь ударить въ тылъ праваго фланга или отрѣзать вторую армію отъ Телина.

Имѣли-ли японцы превосходство въ силахъ?

Быть можетъ имѣли, а возможно, что и не имѣли. Несомнѣнно, что успѣху врага въ значительной степени способствовала прибывшая изъ Портъ-Артура армія Ноги, генерала настойчиваго, энергичнаго, храбраго и подвижнаго. Позволю себѣ замѣтить, что многіе серьезные военные умы, съ коими мнѣ удалось сблизиться на театрѣ военныхъ дѣйствій, искренно сожалѣли объ отсутствіи генерала Самсонова, который сумѣлъ побороть Куроки подъ Янтаемъ, великолѣпно освоившись съ японскою тактикою.

Доблестный генералъ Самсоновъ представляеть собою рѣдкаго по энергіи и подвижности кавалерійскаго генерала. Съ нимъ случилось несчастіе, а генералъ Мищенко, хотя и появлялся на позиціяхъ, но едва передвигалъ раненую ногу.

На хунхузовъ.

(Листки изъ дневника капитана генерального штаба Чеснокова).

I.

Станція Гундъжулинъ... Въ мирное время вы минуете этотъ незначительный пунктъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія. Теперь въ тѣсномъ буфетѣ невзрачнаго вокзала съ утра и далеко за полночь толпится народъ: офицеры, подозрительные штатскіе люди кавказской породы, чиновники съ перевязями Краснаго Креста и безъ нихъ, доктора, сестры милосердія. Царитъ оживленіе,

которому смѣло можетъ позавидовать любой первоклассный вокзалъ.

Въ углу, за столомъ, сидѣть совсѣмъ еще юный капитанъ, одѣтый въ такъ-называемую гимнастерку изъ материіи хакки, желто-песочный цвѣтъ которой такъ гармонируетъ съ его молодымъ безусымъ лицомъ. Передъ офицеромъ стоять китаецъ въ своемъ национальномъ костюмѣ, но въ русскихъ сапогахъ. Онъ вооруженъ почему-то офицерской шашкой и револьверомъ. Нѣсколько нагнувшись, онъ что-то шепчетъ капитану, быстро и хорошо выговаривая русскія слова.

— Булсой, Петла Владиміловичъ. Шибко булсой... Хунхуза очень многа... я былъ близко... Дынемъ плятался въ гаолянѣ, ночью выходилъ...

— Смотри, Чуда-сю, не спутай, не наври, а то, честное офицерское слово, я тебѣ «кантами» (отрублю голову) сдѣлаю и суда не побоюсь!—грозится юный капитанъ, повидимому, стараясь внушить страхъ китайцу-развѣдчику.

— Не влу, Петла Владиміловичъ, ей Богу не влу,—божится Чуда-сю.

— Гдѣ, говоришь, находятся теперь шайки?

— Эта не можна знать, Петла Владиміловичъ.

— Какъ? Что ты говоришь? Ты только что докладывалъ, что самъ ихъ лагерь высмотрѣлъ?

— Такъ точно,—рапортуетъ развѣдчикъ, а глазки его плутовски шмыгаютъ по сторонамъ и словно смѣются надъ молодостью и неопытностью капитана.

— Извѣстно,—вновь начинаетъ развѣдчикъ,—станъ хунхуза никогда нельзѧ холосо звать... Сегодня тамъ, завтра за пятьдесятъ или сто велстъ...

Чуда-сю оглядывается по сторонамъ; словно боится, что его подслушаютъ, потомъ нагибается къ самому уху капитана и шепчетъ едва слышнымъ голосомъ.

— Многа, шибко многа хунхуза пришелъ изъ

монгольскихъ глиницъ... 500 человѣкъ лазглабили голодъ Юшитай...

— Гдѣ городъ Юшитай? — спрашиваетъ капитанъ, перебивая Чуда-сю и въ то-же время расправляя карту, въ которую впиваются глазами. Чуда-сю не только опытный разведчикъ, но до нѣкоторой степени и образованный. Онъ умѣеть читать карту, очень скоро находить на ней городъ Юшитай и указываетъ капитану.

— Здѣся... Тута... — съ торжествомъ произносить онъ, тыкая длиннымъ грязнымъ ногтемъ въ какую-то точку.— Недалеко,—всего 45 велстъ... Выступимъ рано, или на ночь, къ утлу ихъ настигнемъ, если они не ушли, — шепчетъ онъ, и глаза его горятъ, какъ у волка.

— Вѣрно ты знаешь, Чуда-сю, что хунхузы тамъ?—допытывается юный капитанъ. — Помни, если подведешь—кантами.

— Капитана, я давно служу лусскимъ... Сплоси полковникъ Богдановичъ, онъ булсой,шибко булсой капитанъ, его никогда не обманывалъ... Онъ мнѣ вѣлитъ... Хунхуза будутъ еще гладить нѣсколько голодовъ, а потомъ пойдутъ на желѣзную дологу, мосты взлывать...

— Ёдемъ, — вскрикиваетъ капитанъ и направляется къ выходу, а Чуда-сю продолжаетъ нашептывать, шмыгая по сторонамъ своими проворными глазками.

— Хунхуза имѣеть капитана японца, хлаблый,шибко хлаблый... Онъ потомъ съ хунхузами пойдетъ къ японской арміи,—но тутъ Чуда-сю, считая, что достаточно разжегъ юнаго капитана, умолкаетъ.

— Да, ты правъ, Чуда-сю. Если мы ихъ не разобьемъ вдребезги на ставкѣ, они ринутся на дорогу. Черезъ часъ выступаемъ... Я пойду въ казармы. Будь и ты готовъ не позже, какъ черезъ часъ.

— Слышаю!..—отвѣчаетъ по военному развѣдчикъ.—Холосо!..

II.

Было жарко, певыносимо душно, когда капитанъ Чесноковъ подошелъ къ казармѣ.

Отыскавъ горниста, онъ приказалъ ему сыграть тревогу, дежурного по казармѣ послалъ предупредить сотенного командира и вызвать командующаго взводомъ батареи, расположенной въ Гундъжулинѣ.

Горнистъ игралъ сборъ.

— Тра-та-та-та-ти,—рѣзко и медленно разносились по казармѣ и на улицѣ звуки трубача въ то время, какъ заамурцы быстро выбѣгали изъ помѣщений, одѣтые уже по походному, съ патронташами, сумками черезъ плечо и винтовками. Въ нѣсколько минутъ вся сотня выстроилась развернутымъ фронтомъ и словно застыла въ ожиданіи своихъ офицеровъ.

— Должно, дождь будетъ,—произнесъ унтеръ, обращаясь къ старому усатому вахмистру, закаленному въ набѣгахъ на хунхузовъ. Онъ сидѣлъ на своемъ монголѣ, молчаливый и величественный.

— Не растаешь! — лаконически отрѣзалъ вахмистръ, истолковавъ это замѣчаніе, какъ намекъ на неудачно выбранный моментъ для выступленія въ походъ.

Подобныхъ замѣчаній вахмистръ не переносилъ, и если бы онъ считалъ время удобнымъ для выговора, онъ обязательно сказалъ-бы «нерадивому» рѣчь:

«Каждинный солдатъ долженъ живота своего не щадить, долженъ, и голодъ и холодъ переносить безропотно и всякую непогодъ... Служба... Понялъ, образина?»

На небѣ съ поразительной быстротой нависли

грозовые тучи. Сталъ накрапывать дождь, перешедшій черезъ нѣсколько секундъ въ настоящій ливень. Засверкали молніи, сопровождаeмыя ударами грома, солдаты вмигъ развернули короткія непромокаемыя пакидки, надѣли ихъ, и сотня, не взирая на ливень, вытянулась вдоль дороги, имѣя сзади два орудія—маленькия пограничныя пушечки, известныя здѣсь подъ названіемъ «липутиковъ».

Къ счастію, ливень такъ-же быстро прошелъ, какъ и явился. Онъ только смочилъ изсохшую землю, не попортилъ дороги. Отрядъ слѣдовалъ въ глубокомъ молчаніи, сознавая важность цѣли, форсированнымъ маршемъ.

Наступила ночь, темная, какъ всегда на югѣ, непроглядная: въ десяти шагахъ человѣка не различишь. Пришлось отъ «перемѣнного аллюра» отказаться, двигаясь впередъ шагомъ, съ дозорами и патрулями.

На прояснившемся небѣ ярко блестѣли звѣзды. По нимъ ориентировались, чтобы не сбиться съ пути. Проѣхавъ отъ станціи Гундъжулинъ верстъ двадцать пять безъ остановки, замѣтили, что въ непроглядной тьмѣ сбились съ дороги.

— Вахмистръ Вахроменко! — крикнулъ начальникъ отряда.

Вахроменко изучилъ дороги и тропинки, правы и обычаи разбойниковъ Манджуріи.

— Чего изволите, ваше благородіе? — откликнулся Вахроменко.

— Мы сбились съ дороги?

— Такъ точно, сбились.

— Какъ-же ты не замѣтилъ?

— Такъ что, ваше благородіе, тьма египетская. Гдѣ тутъ замѣтишь? Прикажите остановиться, а я тѣмъ временемъ къ фанзѣ, вонъ тамъ, подъѣду и разспрошу.

— Хорошо, ступай. «Стой!» — скомандовалъ начальникъ отряда. — «Оправиться!»

Однако, оправляться не пришлось. Едва вахмистръ исчезъ въ темнотѣ, раздался съ той стороны, куда онъ направился, ружейный залпъ. Вслѣдъ за этимъ подскакалъ вахмистръ и доложилъ, что въ той «импани», что на дорогѣ, заночевала шайка хунхузовъ.

Съ быстротой, свойственной привычнымъ замурцамъ, окружили импани. Началась перестрѣлка, грохнуль выстрѣль изъ фальконета.

По всему видно было, что хунхузы намѣрены защищаться.

На штурмъ начальникъ отряда не рѣшался, не желая нести напрасныя потери, неизбѣжныя въ ночномъ нападеніи на укрѣпленную фанзу. Поэтому онъ вызвалъ одно орудіе и приказалъпустить снарядъ въ импани. Грязнулъ орудійный выстрѣль и произвелъ большой переполохъ среди хунхузовъ. Ружейная трескотня прекратилась, и нѣсколько всадниковъ выскочили изъ импани въ гаолянъ, росшій по обѣимъ сторонамъ дороги. Благодаря темнотѣ, имъ удалось скрыться.

Съ разныхъ сторонъ послышались залпы и фальконетные выстрѣлы.

Это сигнализировали, предупреждая разбросанную по разнымъ деревнямъ шайку о близкой опасности.

III.

Стихли выстрѣлы. Изъ гаоляна слышался протяжный стонъ, изъ деревни доносились отдѣльные крики, лай собакъ; вдали вспыхивали огоньки и тотчасъ потухали.

Начальникъ отряда наскоcо провѣрилъ наличный составъ и, убѣдившись, что раненыхъ и уби-

тыхъ нѣтъ, перекрестился, снялъ фуражку и скомандовалъ:

— Впередъ, мааршъ!..

Отрядъ проскакалъ минутъ пятнадцать, когда послѣдовала команда: «Стой!».

— Чуда-сю! Гдѣ Чуда-сю?

Но Чуда-сю все время держался около капитана.

— Здѣся! — произнесъ онъ шепотомъ почти надъ самымъ ухомъ начальника.

— Гдѣ теперь хунхузы?

— Хунхуза? Хунхуза надо подстелегать, надо шибко мунога ума... Такъ не мозна...

— Какъ не можно? Что ты городишь?

— Такъ точно, Петла Владиміловичъ, не мозна, потому у хунхуза шибко холоса конь, мастакъ, иноходь, бѣжитъ шибко сколо.

Ясно стало юному капитану, что преданный развѣдчикъ не одобряетъ его тактическихъ приемовъ и «съ присущей китайцамъ политичностью» старается дать это понять.

И дѣйствительно, у хунхузовъ особая тактика, съ которой необходимо считаться. Отъ боя съ русскими, особенно съ заамурцами, они почти всегда уклоняются и если принимаютъ «вызовъ», то стремятся обмануть, пострѣлявъ для вида, а потомъ улепетнуть безъ оглядки. Удирать хунхузамъ очень легко. Лошадей не жалѣютъ. Павшаго коня замѣняютъ въ первой встрѣчной деревнѣ, конечно, «безданно», «безпошлино».

Начальникъ отряда былъ полонъ рѣшимости во что бы то ни стало настигнуть шайку хунхузовъ и уничтожить ее.

«Необходимо замѣсти слѣды», — разсуждалъ юный капитанъ самъ съ собою.

— Вахроменко! — крикнулъ онъ. — Возьми переводчика Чуда-сю и отправляйся къ этимъ фанзамъ, скажи китайцамъ, что мы сбились съ пути,

не можемъ найти направлениe на желѣзную дорогу... Понялъ?

— Такъ точно.

Спустя иѣсколько минутъ вернулся вахмистръ съ переводчикомъ. Они приволокли съ собою старого китайца, усадили его на лошадь, и весь отрядъ круто повернуль. Прокакавъ не болѣе двухъ верстъ, отрядъ былъ остановленъ.

— Вахроменко! Волоки сюда китайца! Чуда-сю, ко миѣ!

Привели китайца. Начался допросъ.

— Говори, чортова кукла, гдѣ хунхузы?

— Мы-юла,—пропищалъ манза, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Путунда.

— А, путунда! Я тебѣ покажу «путунда», говори, гдѣ хунхузы? Куда они пошли?

Переводчикъ Чуда-сю, послѣ иѣкоторыхъ переговоровъ съ манзой на родномъ языкѣ, добился отъ него сознанія, что хунхузы были у него, и что, угадавъ нападеніе храбрыхъ русскихъ, они удрали на Юшитай. Китаецъ оправдывался тѣмъ, что невозможно было отказать хунхузамъ въ ночлегѣ, иначе они кантами «сдѣлаютъ».

Населеніе Манджуріи дѣйствительно находится въ неописуемомъ страхѣ передъ азіатскими Фра-Діаволами, которые за малѣйшее подозрѣніе въ сношеніяхъ съ нашими войсками и въ доставленіи имъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія шаекъ выжигаютъ всю деревню, предварительно разграбивъ ее. Китайскія власти откровенно заявляютъ, что онѣ не въ силахъ бороться со своими доморощенными рыцарями индустріи. Въ моихъ скитаніяхъ по дебрямъ этой удивительной страны миѣ не разъ приходилось убѣждаться, что иѣкоторые китайскіе чиновники покровительствуютъ шайкамъ хунхузовъ, скрывая ихъ или предупреждая о предполагаемыхъ нами противъ нихъ экспедиціяхъ.

На ст. «Пограничная» мѣстный полиціймейстеръ мнѣ показывалъ записку мандарина къ одному изъ Фра-Діаволовъ Манджуріи слѣдующаго содерянія: «Русскіе ушли, дѣйствуйте смѣлѣ». Изъ предосторожности гіероглифы писалъ секретарь китайскаго чиновника.

Когда начальникъ отряда узналъ отъ манзы о хунхузахъ, онъ отдалъ его подъ наблюденіе вахмистра и повернулъ на Юшитай.

На востокѣ заалѣла бѣлая полоска, предвѣстница утренней зари. Стало свѣтать. Сотня заамурцевъ двигалась молча, озираясь по сторонамъ. Дозоры зорко всматривались въ гущу гаоляна, небозримыя поля, засѣянныя чумизой и уже колосившейся пшеницей.

Легкій паръ, словно бѣлая пелена, висѣлъ надъ полями. Кругомъ было пустынно и безмолвно. Ничто не указывало на близость хунхузовъ или ихъ дозорныхъ.

Взошло солнце и сразу обдало своимъ горячимъ дыханіемъ обагренную кровью и слезами долину, где все, кажется, располагало къ мирной сельской жизни. Въ Манджуріи въ юль и августѣ почти не бываетъ утренней прохлады. Воздухъ быстро накаляется, и жара становится нестерпимой даже для привычныхъ туземцевъ, которые спасаются отъ палящихъ лучей въ густыхъ заросляхъ полей, почти безъ одежды. Часовъ около 8 вдали показалась стѣна Юшитая.

Городъ, повидимому, находился въ осадномъ положеніи. На толстой глиняной стѣнѣ, обнесенной глубокимъ рвомъ, торчалъ часовой въ остроконечной соломенной шляпѣ; онъ держалъ на лѣвомъ плечѣ ружье, не такъ, какъ европеѣскіе солдаты, а прикладомъ кверху, дуломъ книзу. Жители «предмѣстья» грязные, нищіе, полугоіые манзы говорили, что «хуза» ночью грабилъ городъ и ушелъ на сѣверъ. Разумѣется, китайцамъ никто

не повѣрилъ. На маленькомъ «военномъ» совѣтѣ рѣшено было посѣтить городъ, предварительно вызвалъ туда небольшой головной разъездъ подъ начальствомъ офицера.

IV.

Описывать Юшитай не стоитъ, онъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ китайскихъ городовъ, но теперь произвѣлъ ужасное впечатлѣніе: всюду слѣды грабежа, картина полнаго разгрома, въ магазинахъ выломаны двери и окна, разбросанные товары валяются по улицѣ; прохожие и проѣзжіе топчутъ ихъ. Полуголые мальчуганы подбираютъ все, что еще не потеряло цѣнности, и ташатъ въ помѣщенія лавочонокъ. Желтолицые и косоглазые хозяева-купезы стоятъ у разграбленныхъ магазиновъ и со слезами созерцаютъ свой погромъ.

Изъ разспросовъ жителей выяснилось, что еще 27-го іюля на городъ налетѣлъ ночью атаманъ Тунзеръ со своей шайкой, численностью не менѣе 500 человѣкъ. Храбрая китайская милиція бѣжала въ паническомъ страхѣ, побросавъ оружіе; такимъ образомъ хунхузы очутились въ городѣ полными властелинами и хозяйничали по-своему. Два дня и двѣ ночи грабили разбойники беззащитный городъ. Забравъ все цѣнное, ушли, прихватили «бабушекъ поможе и покрасивѣ», разумѣется, въ китайскомъ вкусѣ. На ханшинномъ заводѣ сообщили, что Тунзеръ тамъ бражничалъ и хвасталъ своей дружбой съ японскими полководцами, называлъ себя полковникомъ японской арміи. По порученію начальниковъ этой арміи, онъ идетъ грабить и другіе города, «симпатизирующіе» русскимъ, затѣмъ ему предстоитъ разрушить желѣзнодорожный путь и соединеніе съ храбрыми японскими полками, где его сдѣлаютъ за все «шибко булсимъ» капитаномъ.

Изъ разсказовъ стало яснымъ, что хунхузы находятся поблизости, что ихъ необходимо настичь во что-бы то ни стало.

Администраціи города капитанъ Чесноковъ заявилъ, что отъ преслѣдованія шайки онъ отказывается, что останется въ городѣ на отдыхъ и раннимъ утромъ слѣдующаго дня выступить въ Гундъжулинъ. Для вящей убѣдительности онъ даже потребовалъ десятокъ арбъ съ фуражемъ, мотивируя это желаніемъ воспользоваться случаемъ купить фуражъ по дешевымъ сельскимъ цѣнамъ.

Населеніе Юштая встрѣтило нашъ отрядъ выраженіями непрітворной радости. Когда они услышали, что «шибко булшой капитана» отказывается отъ преслѣдованія хунхузовъ, на ихъ желтыхъ лицахъ и въ ихъ глазахъ отразились искреннее горе и разочарованіе.

Они наперерывъ старались задобрить русскихъ, предлагая свои фанзы, фуражъ и всякое «угощеніе». Начальникамъ, т. е. офицерамъ, отвели лучшее помѣщеніе, солдатъ размѣстили по фанзамъ.

Хозяева китайцы выказали поразительное, при ихъ скучности, гостепріимство: кто таскалъ орѣхи въ сахарѣ, кто несъ печенье и всевозможные манджурскіе деликатесы въ родѣ морской капусты, плавниковъ акулы и молодого бамбука, употребляемаго китайцами во всѣхъ тонкихъ блюдахъ. Натаскали арбузовъ, дынь, чаю и табаку въ такомъ количествѣ, что всѣ невольно поразились неожиданной щедростью жителей, готовыхъ за «чоху» (чоха равна отъ $1/10$ до $1/16$ копейки) перегрызть другъ другу глотки. У дверей и воротъ толпились любопытные и, завидя русскихъ, добродушно улыбались, кивали головами, поднимая толстый палецъ кверху, и произносили: «хау, шанго, шибко шанго капитана».

Нѣкоторые китайцы, посолиднѣе, изъ среды

«купезовъ», заходили въ помѣщеніе офицеровъ, садились на корточки, закуривали трубки. Послѣ пѣсколькихъ минутъ молчаливаго созерцанія, они, оглядываясь по сторонамъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не подслушали, таинственно шепетывали приблизительно слѣдующее:

— Капитана, шанго, хуза много,шибко много.

Нежеланіе капитана Чеснокова преслѣдовать хунхузовъ они, очевидно, объяснили по-своему, предполагая, что небольшой отрядъ русскихъ боится большой шайки разбойниковъ.

— Капитану не надо бояться,—говорили они,— у капитана «булсой пушка».

Однако, начальникъ отряда твердо стоялъ на своемъ, серьезно увѣряя, что не намѣренъ преслѣдовать разбойниковъ Манджуріи, которыхъ китайцы съ такой тщательностью скрываютъ.

— Сами виноваты,—съ укоромъ говорилъ имъ капитанъ,—зачѣмъ скрываете эту сволочь, отчего заблаговременно не даете знать русскимъ, гдѣ скрываются ваши «хуза»?

Назойливыхъ посѣтителей пришлось выгнать въ концѣ концовъ. Усталось послѣ безсонной ночи брала свое. Хотѣлось хоть немножко отдохнуть и, кромѣ того, необходимо было обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствий.

Передъ вечеромъ внезапно явился храбрый капитанъ китайской милиціи. Узнавъ о прибытии «высокочтимыхъ» гостей, онъ счелъ долгомъ вернуться изъ своего «скромнаго» убѣжища, чтобы оказать честь русскому отряду.

Разумѣется, и онъ совѣтовалъ преслѣдовать хунхузовъ и предлагалъ въ помошь свою милицию, кстати оставшуюся «безоружной».

Какъ ни была велика усталость, пришлось считаться съ китайскими церемоніями и немедленно отдать визитъ храброму начальнику юшитайской

милициі, чѣмъ послѣдній былъ чрезвычайно польщенъ.

Отрядъ, повидимому, принялъ увѣренія начальника о нежеланіи преслѣдовать шайку хунхузовъ за чистую монету. Всѣ улеглись огорченные, что экспедиція не выполнить намѣреніе «уничтожить» шайку разбойниковъ, вѣчно тревожащихъ разбросанныхъ по линіи дороги часовыхъ и крейсирующихъ разъездовъ и патрулей.

V.

Когда начальникъ отряда вернулся отъ храбраго китайского капитана, его встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ фанзы развѣдчикъ Чуда-сю. Съ таинственнымъ видомъ приблизился онъ къ юному начальнику и, приложивъ два пальца къ губамъ, указалъ свободной рукой на фанзы, где спали офицеры и нѣкоторые изъ старшихъ нижнихъ чиновъ сотни, состоявшіе при офицерахъ въ качествѣ вѣстовыхъ и ординарцевъ.

— Капитана! — шопотомъ произнесъ Чуда-сю. — Важныя новости!

— Что такое? — Говори скорѣе.

— Моя видалъ сегодня Туйнзеръ...

— Что ты городишь?! Какой Туйнзеръ...

— Сама атамана хунхузовъ, сама Туйнзеръ...

Какъ тигръ лютый... Какъ шакала бросался по фанзамъ...

— Почему его не схватили?

— Не схватили? — переспросилъ Чуда-сю и устремилъ свои плутовскіе глаза въ ясное, усѣянное звѣздами, небо, словно старался найти тамъ разгадку, почему не схватили смѣлаго атамана.

— Машина твоя, — виѣ себѣ крикнулъ капитанъ («машинка твоя» означаетъ на «русско-манджурскомъ» жаргонѣ: — «Ты мошенникъ. Ты нась продалъ»...)

— Тссъ! капитана! Твоя не говоли гломко (китайцы вмѣсто буквы «р» всегда произносят «л»). Тссъ!.. Твоя не селдись... слушай!.. Пойматъ атаманъ Туинзель шибко тлудно... Ува... тлудно... У атамана здѣсь по всему городу агенты бродятъ и все ему доносятъ. Атаманъ тепелича спокойно уѣхалъ къ шайкѣ. Онъ сама знаеть, что твоя не хотеть его преслѣдоватъ... Завтла, утломъ, когда солнце будеть па небѣ высоко, вся шайка соберется недалеко, верстахъ въ пятнадцати отъ Юшитая... За чефаномъ твоя сотня ихъ настигаетъ... и қантами... всѣмъ, тунъ-тунъ қантами.

Послѣднія слова Чуда-сю произнесъ съ видимымъ удовольствиемъ и отъ полноты чувства показалъ рукою по шеѣ, желая этимъ дать понять, что, настигнувъ неожиданно, во время чефана (обѣда) хунхузовъ, отрядъ пстребить ихъ всѣхъ до одного.

Въ душѣ этого развѣдчика гнѣздилась глубокая ненависть къ хунхузамъ и, какъ говорили, онъ имѣлъ на это важныя основанія: когда онъ жилъ въ Нингутѣ мирнымъ «конходемъ», т. е. работникомъ, хунхузы напали на деревню, гдѣ жила его семья, разграбили все и сожгли, а атаманъ Туинзеръ увелъ его жену.

Семейные начала у китайцевъ свято чтутся, и въ каждомъ простомъ манзѣ вы легко подметите глубокую любовь и преданность своей семьѣ.

Часто видишь китаянку, безобразную, грязную, въ лохмотьяхъ, но голова ея украшена желѣзной «короной» — признакъ, что китаянка (вѣрнѣе — манджурка) замужняя, честная, имѣющая дѣтей.

Попробуйте обидѣть ее, и на васъ набросятся всѣ, вѣчно бродящіе по улицамъ, китайцы. Мужъ относится къ своей уродливой «бабушкѣ» съ невыразимой нѣжностью, и чтобы доставить ей Желтая туча.

грошевую роскошь, пойдетъ на самую тяжелую «конходю» (работу). Но если желтолицая красавица до замужества продана въ вертепъ, презрѣніе будетъ преслѣдоватъ ее до могилы.

Мнѣ передавали, что потеря жены такъ подѣствовала на Чуда-сю, что онъ поклялся въ кумирнѣ отомстить атаману Тунзеру.

— Слушай, Чуда-сю,—сказалъ капитанъ Чесноковъ,—отрядъ разбуди не позже 5 часовъ утра. Понимаешь?

— Понимаемъ.

— Я возьму съ собою 10 конныхъ и вмѣстѣ съ тобою пойду по слѣдамъ шайки. Если мы ихъ настигнемъ, ты поскакешь къ отряду и передашь ему мои распоряженія, я же разставлю дозоры, которые скроются въ гаолянѣ до прихода отряда. Будь остороженъ, веди ихъ такъ, чтобы дозоры хунхузовъ не примѣтили... Понимаешь?

— Понимаемъ. Будьте спокойны. Исполнимъ все, какъ слѣдуетъ...

VI.

Раннимъ утромъ сотня и два орудія тронулись въ путь.

Начальникъ отряда съ десятью испытанными заамурцами и развѣдчикомъ поскакалъ впередъ.

Пройдя десять верстъ, онъ остановился въ деревнѣ поразспросить о хунхузахъ. Китайцы сообщили, что шайка дѣйствительно заночевала, но на зарѣ разъединилась; одна часть человѣкъ въ 300 направилась на сѣверъ грабить гор. Яндаченцы, другая, около 200 всадниковъ, пошла на востокъ, вѣроятно, грабить гор. Сюнченцы.

Это заставило призадуматься начальника отряда. Но Чуда-сю быль тутъ какъ тутъ.

— Капитана! Хузѣ разграбятъ Яндаченцы и Сюнченцы, а потомъ пойдутъ на соединеніе...

Прикажи отряду пойти на перерѣзъ, между этими городами. Мы ихъ тамъ настигнемъ. О, моя хорошо знаетъ уловки хуза...

Вездѣ на пути были слѣды прохожденія шайки хунхузовъ. Озлобленные жители открыто указывали ихъ направление. Пногда отъ страха и на вопросъ:

— Хуза ю? — китайцы качали головами, громко отвѣчая «Мы юла», а потихоньку шептали, оглядываясь по сторонамъ:

— Ю-ю, капитана, — и указывали, по какому пути ушли манджурскіе рыцари индустріи.

Около часа пополудни, проскакавъ бо верстъ, вмѣсто предполагавшихся 15, остановились у маленькой деревни, окруженнай подросшимъ гаоляномъ.

Зная организацію хунхузовъ, капитанъ Чесноковъ приказалъ окружить селеніе, чтобы оставленный тамъ агентъ не предупредилъ шайки о приближеніи опасности.

Мѣстность представляла волнистое пространство, засѣянное ровными, словно разлинованными грядами чумизы, ячменя, пшеницы, гаоляна, бобовъ и всевозможныхъ огородныхъ овощей. Между ними узенькой лентой извивалась рѣчка, известная здѣсь подъ названіемъ Дунь-Ляохе.

Черезъ Дунь-Ляохе переправились вбродъ и расположились у дер. Силутай, выславъ два разъѣзда по шесть человѣкъ съ приказаніемъ никого не выпускать изъ селенія и не пропускать къ нему.

Разъѣзы маленькой иноходью пошли къ слѣдующей деревнѣ, расположенной верстахъ въ двухъ отъ рѣчки, носящей, по картѣ, прозвище Ванцзятунь. Вблизи деревни показались шесть конныхъ всадниковъ. Они открыли огонь по разъѣзду, но послѣдний въ мигъ окружилъ разбойниковъ и изрубилъ ихъ.

Манзы селенія сообщили, что въ сосѣдней деревнѣ, верстахъ въ трехъ, находится часть шайки Тунзера, около 200 всадниковъ, о чмъ немедленно извѣстили начальника отряда.

Капитанъ направилъ на деревню взводъ заамурцевъ подъ командой штабсъ-ротмистра Павлова-Сильванскаго. Ему дано было распоряженіе обойти деревню, ударить на шайку и гнать ее на главныя силы отряда.

У деревни они увидѣли болѣе ста всадниковъ, высыпавшихъ изъ деревенской улицы и полнымъ ходомъ направившихся къ находившемуся шагахъ въ 600 отъ строений кирпичному заводу, откуда открыли учащенный огонь. Нашъ передовой взводъ быстро спѣшился и, обстрѣлявъ заводъ, перешелъ въ наступленіе. Тѣмъ временемъ сталъ приближаться начальникъ отряда съ остальными людьми. Орудія попали на топкое мѣсто и двигались медленно, а конные скакали прямо на заводскія строенія.

Хунхузы открыли по нимъ бѣшеный огонь.

Привычные, обстрѣлянные заамурцы быстрошли въ атаку.

Хунхузы сообразили маневръ штабсъ-ротмистра Павлова-Сильванскаго и бросились къ своимъ конямъ, черезъ мгновеніе они уже скакали къ рѣчкѣ, но ихъ настигъ командиръ сотни ротмистръ Линчицкій, врубился въ орду, и пошла работа въ рукопашную.

VII.

У рѣчки хунхузовъ встрѣтилъ дружный залпъ остальныхъ взводовъ сотни заамурцевъ. Манджурскіе шакалы не выносятъ нашего огня. Они въ паникѣ бросились въ кустарникъ, откуда открыли

безпорядочную пальбу изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей и фальконетовъ.

У пасть пострадали двое нижнихъ чиновъ: одному раздробило кость предплечья, другому часть заряда изъ фальконета угодила въ животъ.

Юный капитанъ Чесноковъ не желалъ нести потери: во избѣжаніе ихъ онъ спѣшилъ команду, она залегла за естественными прикрытиями и открыла огонь пачками.

Павловъ-Сильванскій со своимъ взводомъ, обогнувъ кустарникъ, напалъ на флангъ хунхузовъ. Онъ также спѣшился и открылъ частый огонь.

На поддержку Павлову выслали еще взводъ, а начальникъ отряда вывелъ карьеромъ на позицію подоспѣвшія орудія и даль по спрятавшимся въ кустахъ разбойникамъ два выстрѣла картечью.

Выстрѣлы привели въ ужасъ хунхузовъ. Они, по одиночкѣ выскакивали изъ-за кустовъ и метались изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлые. Заамурцы дружно бросились «въ шашки» и снова пошла работа «въ рукопашную».

Крики «ура» смѣшились съ гортанными всхлипываніями желтолицыхъ разбойниковъ, лязгомъ оружія и звуками одиночныхъ выстрѣловъ. Вотъ ротмистръ Линицкій врѣзился въ сбившихся въ кучу десятокъ хунхузовъ и замахалъ шашкой «направо» и «налѣво».

Этотъ скромный командиръ, котораго всѣ знали за добряка, неспособнаго и мухи обидѣть, рубилъ съ остервенѣніемъ.

Послѣ боя онъ самъ мнѣ говорилъ, краснѣя и конфузясь:

— Никогда я не думалъ, что могу превратиться въ «человѣка-звѣря»... Что дѣлать? Война...

Изъ шайки въ 200 хунхузовъ удалось удрать не болѣе 7 или 9 разбойникамъ. Остальные всѣ были перебиты.

Въ видѣ трофеевъ намъ досталось много коней, прекрасныхъ «мастаковъ-иноходцевъ», оружія и патроновъ. Картина боя обыкновенно представляется въ видѣ сумбура, каши, въ которой ничего не разберешь: стрѣляютъ, колятъ, рубятъ, отдѣльные крики, но въ общемъ, что-то ужасное, гнетущее... Разумѣется, ничего похожаго на парадъ или даже красивое ученье.

Послѣ боя сумбуръ понемногу исчезаетъ, является возможность нѣсколько разобраться въ впечатлѣніяхъ. Артиллеристы разсказываютъ, что послѣ большихъ сраженій они глохнутъ на нѣсколько дней, а голова не въ состояніи мыслить, становится тяжелой, какъ-бы «не своя, а чужая».

Послѣ истребленія хунхузовъ, въ кустахъ и въ гаолянѣ валялись трупы изрубленныхъ и убитыхъ пулями разбойниковъ; одни лежали съ раскрытыми, полными ужаса глазами и словно искали причину своей смерти, другіе лицомъ къ землѣ, зарывшись въ сѣрую пыль; казалось, они обняли землю, стиснули ее своими объятіями и въ этой позѣ на вѣки застыли.

Одинъ раненый, еще не потерявшій способности двигаться, сползаль къ рѣкѣ, очевидно, въ намѣреніи смыть рану или смочить измученное жаждой горло... Валялись убитыя лошади, а иныя, безъ всадниковъ, скакали по полю, и за ними гнались пограничники. Изловивъ коня, они съ торжествомъ тащили его къ сотенному. Наши солдаты, въ огромномъ большинствѣ, всѣ пріобрѣтенные трофеи всегда «волокутъ» прежде всего къ своимъ начальникамъ, и я это отмѣчаю, какъ признакъ существующей между нижними чинами и офицерами сердечной связи и прекрасныхъ человѣческихъ отношеній.

VIII.

Бой съ хунхузами, начавшись въ началѣ второго, кончился въ 4 часа. Но задача не считалась

выполненио. Необходимо было настигнуть другую часть шайки, направившуюся на съверъ.

Нашихъ раненыхъ устроили въ повозкѣ и, давъ имъ прикрытие, приказали слѣдовать съ обозомъ. Главныя-же силы перемѣннымъ аллюромъ поскакали по слѣдамъ другой части хунхузовъ; по свѣдѣніямъ, было ихъ болѣе трехсотъ человѣкъ.

Утомленія отъ недавняго сраженія и форсированного бо-верстнаго перехода въ накаленномъ солнечными лучами воздухѣ какъ не бывало.

Отрядъ двигался съ быстротою не менѣе двѣнадцати верстъ въ часъ. Наконецъ, лошади стали утомляться, люди окончательно вымокли въ собственномъ поту.

Солнце склонилось къ западу.

На горизонтѣ, за гаоляномъ и чумизой вырисовывались башенки со стѣны города Яндаоченцы. Справа отъ дороги стояла импань, окруженная высокой толстой глиняной стѣной. Это была знаменитая импань Джай-ю-тунъ, гнѣзда хунхузовъ.

Но манжурскіе шакалы уже успѣли узнать объ участіи, постигшей ихъ товарищемъ. Всего за полчаса до прихода нашего отряда, они покинули импань, второпяхъ бросивъ обозъ и много лошадей.

При нашемъ приближеніи изъ импани выскочилъ рослый, здоровенный китаецъ въ франтовской курткѣ свѣтло-голубого шелка.

Онъ скорчилъ печальную рожу и залопотталъ на ломанномъ русскомъ языкѣ жалобнымъ голосомъ:

— Капитана!.. Хуза били... грабили (вѣроятно грабили), тли тисца лубъ қарапачи (три тысячи рублей отняли).—Ай-ай-ай, ломайло... капитана!..

— Молчи, ефіопская образина!—крикнулъ подскочившій къ нему вахмистръ. — Знаю я тебя:

такой-же мерзавецъ хунхузъ!.. «ломайла» и «карапачи», — смѣшио передразнивалъ его вышедшій изъ себя Вахроменко.

Но рослый китаецъ слезливо моргалъ глазами, бросался на колѣни и умоляль настигнуть «хуза» и отнять его «тли тисца лубъ». Для большей убѣдительности онъ даже навязывался въ проводники, увѣряя, что хорошо знаетъ, куда ушли «хуза».

Начальникъ отряда былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, желательно было закончить начатое съ такимъ успѣхомъ дѣло до вечера, съ другой—люди да и лошади утомились, а въ голосѣ китайца изъ импани слишкомъ ясно сквозила неискренность...

Однако, рѣшено было не прерывать преслѣдованія.

Въ импани оставили караулъ, а съ остальными людьми пустились въ дальнѣйшую погоню, прихвативъ китайца. Вскорѣ подозрѣнія на китайца оправдались, но привычные въ преслѣдованіи хунхузовъ заамурцы сами напали на слѣдъ удивившей шайки.

Стало темнѣть. Лошади уже съ трудомъ передвигали ноги. Дальнѣйшая скачка становилась невозможной и бесполезной. Оглядѣлись. Въ темнотѣ показались острооконечныя крыши фанзъ. Это была деревня, къ которой и направился отрядъ.

Тамъ схватили «пару» подозрительныхъ китайцевъ и начали допрашивать.

— Хуза-ю? — спрашивалъ начальникъ отряда, пользуясь своимъ убогимъ лексикономъ китайского языка.

— Мы-юла...—пищалъ китаецъ, несомнѣнно преодѣтый хунхузъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ мѣстныхъ жителей выяснилось, что хунхузы только что поки-

иули эту деревню, переодѣвшись манзами, и спрятали свое вооруженіе въ гаолянѣ, гдѣ при обыскѣ нашли характерныя хунхузскія куртки, широкополыя шляпы, отороченные синимъ шелкомъ, и оружіе.

IX.

Обыскавъ всю деревню, занялись осмотромъ брошенного хунхузами обоза. Въ арбахъ было найдено много инструментовъ для порчи желѣзно-дорожного пути и, такъ-называемаго, «подрывного» материала, т.-е. пачки съ пироксилиномъ.

Хозяиномъ импани оказался богатый китаецъ. По всему видно было, что его дворы, фанзы и дворики служатъ постоянными притонами для разбойниковъ.

Начали допрашивать хозяина. Послѣдній пытался отмалчиваться или отвѣчать односложнымъ мычаніемъ:

— Путунда... — и онъ отрицательно кивалъ головой, при этомъ смѣшино выпучивъ глаза.

Тѣмъ не менѣе, для насть было вполнѣ ясно, что этотъ переодѣтый простымъ манзой китаецъ причастенъ къ шайкѣ хунхузовъ. Его отдали подъ строгій караулъ, нарядили разъѣздъ въ развѣдку по окрестнымъ селамъ, а остальные прилегли на отдыхъ, размѣстившись по фанзамъ.

Въ четыре часа утра примчался на вспѣнившейся мокрой лошади взводный и торопливо сталъ будить всѣхъ.

— Въ десяти верстахъ на бивакѣ хунхузы, — торопливо произнесъ онъ.

Команда въ мигъ была готова къ выступленію. Въ 5 часовъ она двинулась впередъ, въ расчетѣ неожиданно напасть на разбойничій станъ, выславъ два небольшихъ разъѣзда въ обходъ.

Начальникъ отряда на рысяхъ пошелъ къ

мѣсту стоянки хунхузовъ. Быстрота движенія дала возможность подойти къ стану версты на двѣ, не будучи замѣченными.

Но ближе къ расположению хунхузовъ стояли ихъ обычные дозоры, которые, завидѣвъ отрядъ русскихъ, начали свою сигнализацию выстрѣлами изъ винтовокъ и фальконетовъ и даже флагами съ крышъ фанзъ ближайшей деревни.

Отрядъ усилилъ аллюръ, но, приблизившись къ мѣсту ночлега, никого уже на немъ не засталъ. Предупрежденные выстрѣлами хунхузы за десять минутъ до прибытія отряда успѣли покинуть стоянку.

Начальникъ съ отрядомъ тотчасъ бросился въ погоню за хунхузами. Вотъ вдали показалась куча всадниковъ, бѣшено скачущихъ вдоль дороги и по полямъ.

Отрядъ почти настигалъ ихъ, но въ 60—70 саженяхъ разстоянія толпа хунхузовъ неожиданно разбивается на двѣ группы и бросается по полямъ вразсыпную.

Наши пытаются прибѣгнуть къ такому же маневру, но поздно. Эти группы въ свою очередь раздвоились, каждая отдельно, а затѣмъ вся толпа хунхузовъ разбилась на маленькие разъезды по 5—7 всадниковъ и исчезла въ высокомъ гаолянѣ.

Послѣ двухчасовой бѣшеной скачки пришлось остановиться. Дальнѣйшее преслѣдованіе становилось безполезнымъ. Утомленные вчерашимъ днемъ кони не были въ состояніи настигнуть разбойниковъ. Пришлось сыграть «сборъ» и послѣ небольшого отдыха вернуться.

Населеніе всюду на обратномъ пути встрѣчало отрядъ съ искренними, неподдельными выраженіями радости. Обицны во главѣ съ старшинами приходили благодарить капитана за уничтоженіе хунхузовъ. На улицахъ деревень и встрѣчныхъ

городовъ отрядъ встрѣчали толпы китайцевъ и кричали:

— Хау! Шанго, капитана! — Ихъ радости, по всемъ видимостямъ, не было границъ.

Токара-Фуне, или судно сокровищъ.

Предо мною лежитъ уродливый рисунокъ: причудливое судно, гонимое волнами безбрежнаго моря, наполнено семью главными богами Японіи.

На первомъ планѣ, въ центрѣ полотна, сидить уродливая фигура съ флагомъ въ десницѣ, изображенныемъ полулуниемъ, а быть можетъ и «полусолнцемъ», если судить по зубчикамъ, вѣнчающимъ флагъ.

Это — богъ славы, осѣняющей десницей своей и скіпетромъ «богиню грации и красоты», имеющую «Бензайтеня».

Подъ бокомъ послѣдней возсѣдаетъ круглолицій Фудо — богъ возмездія или наказанія. Его круглый ликъ, очевидно, олицетворяетъ безпристрастіе, хотя какое пристрастіе можетъ изобразить шаровидное очертаніе, напоминающее луну съ ея пятнами, которой приставили туловище «ваньки-встаньки» съ нашего вербнаго базара.

Далѣе слѣдуетъ Эбизу — богиня плодородія или дневного пропитанія, Футемъ — богъ вѣтровъ и погоды, Дай-Коку — богъ здоровья и Фу-ку-року-Цзынь — богъ счастья и мудрости.

Всѣ эти семь боговъ страны «Восходящаго Солнца» носятъ еще общее название «Сичи-Фуку-Джень», что означаетъ — семь боговъ счастья.

Въ теченіе цѣлаго года каждый изъ нихъ несетъ свои обязанности самостоительно, функционируя, такъ сказать, въ одиночку.

Одинъ разъ въ году они соединяются и со-

вершаютъ прогулку въ «суднѣ сокровищъ». Волны морскія аккомпанируютъ сопровождающей свитѣ, поющей хвалебныя пѣсні, вѣтеръ реветь злые, жестокіе напѣвы, все падаетъ ницъ передъ плававшими на божественномъ кораблѣ властелинами вселенной.

День этотъ—японскій новый годъ.

Сильная и слабая половины Японіи ложатся въ эту ночь въ свои постели со страхомъ и трепетомъ передъ покрытымъ непроницаемой завѣсой грядущимъ.

«Счастье или горе ждетъ меня въ новомъ году»... думаетъ каждая женщина, будь-то гейша изъ чайного домика, принцесса крови или сама супруга мікадо.

«Что ждетъ меня?» — мечтаетъ воинъ, ложась въ эту для него трепетную ночь на свое ложе.— Слава или безславіе?..

Обѣ половины страны Солнца обуреваемы однѣми и тѣми же мыслями, одними и тѣми же желаніями.

И вотъ, проходя мимо чайного домика въ темную новогоднюю ночь и услышавъ дѣтскій наивный лепетъ гейши, поющей свою пѣсню, знайте, ея пѣсня заключаетъ слѣдующія слова:

«Уже проснулась отъ десятаго сновидѣнья
И слышу чудную симфонію.
Волны морскія разносятъ ея дивные звуки
Изъ-подъ катящагося судна по моей чудной странѣ».

Но этого мало, по вѣрованіямъ японцевъ обоего пола, чтобы достать счастья славы. Даже недостаточно положить самое изображеніе Сичи-Фуку-Джень подъ голову, чтобы обеспечить себѣ счастье на весь годъ.

Въ темную новогоднюю ночь выползаютъ изъ всѣхъ дыръ и щелей Японіи злые духи страны, которую необходимо защищать отъ ихъ злокозненныхъ намѣреній.

Эти порождения ада имѣютъ зеленый цвѣтъ, обладаютъ страшными глазами, а волосы, густые и длинные, покрывающіе всю спину до пять, горятъ особымъ зеленымъ пламенемъ.

Разумѣется, необходимо защищаться отъ адскихъ намѣреній духовъ зла. Для этого въ распоряженіи каждой японки имѣется такъ много средствъ, напримѣръ: жареный горохъ, разбросанный вокругъ жилища...

Зеленый чортъ съ козыми рогами и копытами, даже покрывшись тигровой шкурою, не проникнетъ въ жилище. Опъ обожжетъ копыта, обломаетъ рога, а маскирующая его шкура задушить его на-вѣки.

Но и жареный горохъ, разсыпанный заботливой рукой, не спасеть, если трижды не пропѣты слова: «фуку ва-учи о ни ва-сото», означающія: «злой духъ уйди, счастье прилети».

Въ послѣднемъ случаѣ воину непремѣнно приснится соколь, парящій въ поднебесы, а женщина во снѣ увидитъ гору Фудзи-Яма (гора-благодать), или величественное зрѣлище восходящаго Тайсо—солнца.

Видѣній мною рисунокъ, изображающей Токара-Фуне—судно сокровищъ, отпечатанъ былъ въ миллионахъ экземпляровъ и навѣвалъ въ новогоднюю ночь текущаго 1904 года пріятныя сновидѣнія на жительницъ и жителей страны «Восходящаго Солнца».

Полководцы Куроки и Оку видѣли соколовъ, падающихъ у самаго ночного ложа.

Того любовался не только во снѣ, но и на яву соколомъ, парящимъ надъ его головой и падающимъ на борты кораблей, которымъ, быть можетъ, суждено прожить послѣдний годъ.

А красавицы, желанныя, соблазнительныя гейши, что онѣ видѣли во снѣ въ новогоднюю ночь?

Бѣдняжки! Тайсо, его прекрасный лучезарный ликъ, освѣщалъ причудливые хребты, то сурово скалистые, то поросшіе кустарникомъ, ярко зеленымъ, покрытымъ каплями росы, дрожащими на листьяхъ, словно слезы убогихъ вдовицъ и сиротъ, а у подножія этихъ горъ, совсѣмъ не похожихъ своими очертаніями на желанного Фудзи-Яма, простираются зеленѣюшія долины, усыпанныя трупами братьевъ, жениховъ и мужей..

Одной принцессѣ приснилось безбрежное море. Среди клокочущихъ волнъ его она видѣла обломки кораблей и искаженное ужасомъ лицо славнаго Ойамы, стремившагося въ страну вѣтровъ и... смерти...

Вѣщій сонъ, новогодній сонъ жителей и жительницъ страны Восходящаго Солица, сбывается на яву...

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Вместо предисловия	1
Русско-китайская школа въ Харбинѣ	15
Русско-китайский судъ	19
Незамѣтные герои	22
Поимка и арестъ японскихъ шпіоновъ	26
Японскіе офицеры: полковникъ генерального штаба Чонзо Іокока и капитанъ Тейске Іоки, передъ военно-полевымъ судомъ	31
Занавѣсь поднимается	35
Первый актъ кровавой драмы	40
Изъ бесѣдъ съ ранеными	51
Первые волонтеры изъ осажденнаго Портъ-Артура	54
Дѣло сибирскихъ казаковъ	57
Подробности стычки 17 мая	62
Сюянъ	68
Второй ударъ, нанесенный русскому оружію	72
На развѣдкѣ	77
Восточный отрядъ	93
Кумирня въ Ляньданьсанѣ	104
Дѣло подъ Симученомъ	112
Ночное дѣло съ 4-го на 5-е юля	115
На южномъ фронта	119
Въ отрядѣ генерала Засулича	123
Дѣло подполковника Мадритова и генерала Любавина	129
Драконъ просыпается	134
О Ляоянскихъ бояхъ	139
Бѣглый	145
Ляоянскіе бои	155
Изъ впечатлѣній участника	169
Ротмистръ Голландскій и его сотня	164
Отголоски ляоянскихъ сражений	172
Отрядъ генерала Самсонова подъ Ляояномъ	178
На Восточной вѣткѣ Китайской дороги	182
Бои на Шахэ	188
Огрядъ генерала Самсонова въ бояхъ подъ Шахэ	203

Одна изъ атакъ «Путиловской сопки»	236
Охотники	242
Эпизодъ	246
Передъ Путиловской сопкой.	250
На чеку	257
Эпизодъ	268
Жизнь въ тылу и на передовыхъ позиціяхъ	274
Въ вагонѣ	279
На передовыхъ позиціяхъ	289
Зимнія картинки на передовыхъ позиціяхъ	303
Нападеніе	308
Сю-шун-зыръ (эпопея «маленькаго» разбойника)	313
Трагедія на хунхузской свадьбѣ	320
Мукленскія сраженія	326
На хунхузовъ	356
Токара-Фуне, или судно сокровищъ	379

✓ ✓

DS
517
.9
S43
1905
C.1
ROBA

